

HISTORIOGRAPHIES OF
RUS'

RUSSIAN
STUDIES

HU

2021/2

EDITED BY GYULA SZVÁK
COEDITOR: MÁRTA FONT

RussianStudiesHu

Főszerkesztő / Главный редактор / Editor-in-chief: Szvák Gyula

Főszerkesztő-helyettes / Заместитель главново редактора / Deputy Editor-in-chief: Sashalmi Endre

Szerkesztő / Редактор / Editor: Mezei Bálint

Tagok / Члены редакции / Members: Vladimir Boldin, Farkas Ádám, Gyóni Gábor, György László

Kiadó / Издатель / Publisher

Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért

Felelős kiadó / Ответственный издатель / Published by

Az Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért elnöke

1088 Budapest, Múzeum krt. 6–8.

Kapcsolat / Контакты / Contact

centre@russianstudies.hu

Website: <https://www.russianstudies.hu>

ISSN 2677-1640 RussianStudiesHu (print)

ISSN 2677-0660 <https://www.russianstudies.hu> (online)

© Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért, 2021

All rights reserved

Szerkesztőbizottság

Venyiamin Alekszejev akadémikus (Jekatyerinburg) • Jevgenyij Anyiszimov
professzor (Szentpétervár) • Chester S. L. Dunning professor emeritus (College Station,
Texas A & M University) • Font Márta professzor (Pécs) • Wendy Z. Goldman “Paul Mellon”
Professzor (Pittsburgh) • Andrej Golovnyov OTA levelező tag (Szentpétervár)
Claudio S. Ingerfom professzor (Buenos Aires) • Andrej Jurganov professzor (Moszkva)
Krausz Tamás professor emeritus, elnök (Budapest) • Andrej Medusevskij professzor (Moszkva)
Peter Pastor professor emeritus (New Jersey) • Maureen Perrie professor emeritus (Birmingham)
Dmitrij Regyin professzor (Jekatyerinburg) • Lorina Repina OTA levelező tag (Moszkva)
Sashalmi Endre professzor (Pécs) • Ludwig Steindorff professzor (Kiel)
Szilárd Léna professor emeritus (Sassari) • Szvák Gyula professor emeritus (Budapest)
Igor Tyumencev professzor (Volgográd)

Редакционная коллегия

Академик РАН Вениамин Васильевич Алексеев (Екатеринбург) • Профессор Евгений
Викторович Анисимов (Санкт-Петербург) • Заслуженный профессор Венди З. Голдман
(Питтсбург) • Член-корреспондент РАН Андрей Владимирович Головнёв (Санкт-Петербург)
Профессор-эмерит Честер С. Л. Даннинг (Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M)
Профессор Клаудио С. Ингерфлом (Буэнос Айрес) • Председатель редколлегии, профессор-
эмерит Тамаш Краус (Будапешт) • Профессор Андрей Николаевич Медушевский (Москва)
Профессор-эмерит Петер Пастор (Нью-Джерси) • Профессор-эмерит Морин Перри (Бирмингем)
Профессор Дмитрий Алексеевич Редин (Екатеринбург) • Член-корреспондент РАН Лорина
Петровна Репина (Москва) • Профессор-эмерит Дюла Свак (Будапешт) • Профессор-эмерит
Лена Силард (Сассари) • Профессор Игорь Олегович Тюменцев (Волгоград) • Профессор Марта
Фонт (Печ) • Профессор Эндре Шашхалми (Печ) • Профессор Людвиг Штайндорфф (Кил)
Профессор Андрей Львович Юрганов (Москва)

Editorial board

Member of RAS Veniamin Alekseev (Yekaterinburg) • Professor Evgenii Anisimov
(Saint Petersburg) • Professor Emeritus Chester S. L. Dunning (College Station, Texas A & M
University) • Professor Márta Font (Pécs) • Paul Mellon Distinguished Professor Wendy Z.
Goldman (Pittsburgh) • Corresponding Member of RAS Andrei Golovnev (Saint Petersburg)
Professor Claudio S. Ingerfom (Buenos Aires) • Head of the editorial board,
Professor Emeritus Tamás Krausz (Budapest) • Professor Andrei Medushevsky (Moscow)
Professor Emeritus Peter Pastor (New Jersey) • Professor Emeritus Maureen Perrie (Birmingham)
• Professor Dmitrii Redin (Yekaterinburg) • Corresponding Member of RAS Lorina Repina
(Moscow) • Professor Endre Sashalmi (Pécs) • Professor Ludwig Steindorff (Kiel) • Professor
Emeritus Léna Szilárd (Sassari) • Professor Emeritus Gyula Szvák (Budapest) Professor Igor
Tyumentsev (Volgograd) • Professor Andrei Yurganov (Moscow)

Tartalom / Содержание / Contents

A Ruzs historiográfiái / Историографии Древней Руси /
Historiographies of Rus'

- 11 Christian Raffensperger**
UK and North American Rusiana, 2000–2020
- 33 Pierre Gonneau**
French and French-Speaking Contributions
to the Historiography of Rus (862–1462)
- 45 Norbert Kersken**
Research by German-Speaking Researchers on the History
of the Principalities of Rus' up to the End of the 15th Century
- 71 Adrian Jusupović**
Medieval Rus' in Polish Research of the Last Twenty Years
- 89 Vladimir Ia. Petrukhin**
Начало Русского государства и летописания
в российских работах 2000–2020-х гг.
The Beginning of the Russian State and Chronicles
in the Russian Works of the 2000–2020s
- 117 Dmitrii A. Borovkov**
Проблемы источниковедения памятников древнерусской
письменности и историографии социально-политического развития
Руси XI–XII вв. в российской исторической науке 2000–2020 гг.
Problems of Source Study of the Old Russian Writing Monuments
and Historiography of the Socio-Political Development of Russia
in the XI–XII Centuries in the Russian Historical Science 2000–2020
- 135 Vitalii V. Politov**
Современная российская историография эпохи татаро-
монгольского завоевания Руси (2000–2020)
Modern Russian Historiography of the Era of the Tatar-Mongol
Conquest of Russia (2000–2020)

- 153** **Vadim Aristov**
Древняя Русь в украинской историографии (2000–2020):
контексты и достижения
Old Rus' in Ukrainian Historiography (2000–2020):
Contexts and Achievements
- 181** **Stanislav Kelembet**
«Древнерусское наследие» соседей: Южная Русь под властью
Литвы, Польши и Венгрии в 1340–1430-х гг. Современная украинская
историография (2001–2021 гг.)
The 'Legacy of Old Russia' in her Neighbours' Heritage:
Southern Rus' under the Rule of Lithuania, Poland and Hungary
in the 1340–1430s. Contemporary Ukrainian Historiography (2001–2021)
- 207** **János Makai**
Средневековая Русь в современной венгерской историографии
(2000–2020 гг.)
Hungarian Historiography of Medieval Rus' (2000–2020)

Opuscula Prima

- 229** **Csaba Gál**
„A szoknyás bombázó ezred”
A Vörös Hadsereg Légierjének női ezrede a második világháború idején.
Az 588. éjszakai könnyűbombázó ezred története
'The Bomber Regiment in Skirts'
Female Regiment of the Red Army Air Force during World War II.
The Story of the 588th Night Bomber Regiment

Vendégrovat / Гостевая страница / Guest Page

- 253** **Zsolt Tóth, Adrienn Novotni**
Demographic Reasons for High Birth Rates in Vienna in March 1946

LECTORI SALUTEM!

A *RussianStudiesHu* évi két számmal megjelenő, az év folyamán állandóan bővülő peer reviewed történeti ruszisztikai tudományos folyóirat, amely a saját honlapján kívül az Eötvös Loránd Tudományegyetem (edit.elte.hu), a Central and Eastern European Online Library (CEEOL) felületén (<https://www.ceeol.com/>) és még számos nagy nemzetközi adatbázisban szabadon hozzáférhető. A folyóirat anyagait a Kiadó nyomtatott verzióban is publikálja. Az online és a nyomtatott verzió terjedelmi okokból esetenként eltérhet egymástól.

Publikációkat magyar, orosz vagy angol nyelven fogadunk, feltétel az első megjelenés. Minden szerzőt szívesen látunk, aki a keleti szláv, az oroszországi és a szovjet történelem bármely problémájának (beleértve a magyar és kelet-európai vonatkozásokat) történettudományos vagy más rokondszciplína általi feldolgozását adja, és elfogadja a publikálási szabályainkat. „Vendég-rovatunk” teret biztosít a tág értelemben vett „Russian Studies” képviselői számára is, az *Opuscula Prima* rovat pedig az „Év Oroszdolgozata” országos egyetemi verseny nyerteseinek.

A *RussianStudiesHu* nem részesít előnyben semmilyen történetírói „műfajt”, módszert vagy irányzatot – függetlenül attól, hogy alapítóinak tudományos érdeklődése saját munkásságukban leginkább a historiográfiára összpontosul. Törekvéseinek irányát mindazonáltal a 2021-ben útjára bocsájtott, több számon átívelő „Az oroszországi történelem historiográfiái (2000–2020)” című sorozat jól demonstrálja, amelyben a mai állás szerint öt földrész, 18 országának tudósai vesznek részt, Kínától Brazílián át Belgiumig.

A *RussianStudiesHu*-nak webfelületet biztosító russianstudies.hu oldalt az Eötvös Loránd Tudományegyetem oktatói, az 1990-ben létrehozott Magyar Ruszisztikai Intézet és ELTE Ruszisztikai Központ utódszervezetének tagjai alapították 2019 őszén, a szakmai-intézményi bázist az ELTE Történeti Intézete biztosítja.

A folyóirat szerkesztői üdvözlnek minden kollégát az oldalon – nemcsak olvasói minőségben, de társalkotóként is azzal, hogy publikálási felületet biztosítanak a történeti ruszisztika hazai és külföldi művelői számára. A *RussianStudiesHu* már születése pillanatában túlnőtt megálmodói legmerészebb elképzelésein, munkájához a nemzetközi történeti ruszisztika kiemelkedő képviselői csatlakoztak, s ezzel kilépett nem csupán egy konkrét műhely, de a hazai ruszisztika keretei közül is, és az egyetemes tudomány szolgálatába állt. Ahogy egyik szerzője fogalmazott, ez egy „meeting place of various historiographies”, egy mediátor a nyugati és keleti ruszisztika között.

A russianstudies.hu ruszisztikai műhelyoldal és a *RussianStudiesHu* online periodika üdvözlí Olvasóit!

Szvák Gyula – főszerkesztő

Lectori Salutem!

Онлайн-издание *RussianStudiesHu* – это рецензируемая (peer reviewed) научная онлайн-периодика по исторической русистике, которая кроме своего веб-сайта, находится в свободном доступе в репозитории Университета им. Лоранда Этвёша (edit.elte.hu), а также в ряде крупных международных баз данных. Материалы издания также публикуются Издательством в печатной форме. Электронная и печатная версия статей могут время от времени отличаться в зависимости от объёма.

Публикации принимаются на венгерском, русском и английском языках. К публикации в журнале принимаются научные статьи, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала.

Мы приглашаем к участию всех исследователей, работающих над любыми вопросами восточнославянской, русской и советской истории (включая венгерские и восточноевропейские аспекты) в научно-методологических рамках исторической науки или её вспомогательных дисциплин, принимающих наши правила публикации. В нашем «Гостевом разделе» мы предоставляем место и представителям «Russian Studies» в широком понимании этого термина, а раздел «Opuscula Prima» для лауреатов Всевенгерского университетского конкурса «Лучшая курсовая работа года».

Издание *RussianStudiesHu* не отдаёт предпочтение ни одному из исторических «жанров», методов или направлений, несмотря на то, что научные интересы его основателей сосредоточены прежде всего на историографии. Однако направление его устремлений наглядно демонстрируют работы из серии «Историографии российской истории (2000–2020)», запущенная в 2021 году – с участием ученых из 18 стран пяти континентов, от Китая до Бразилии и Бельгии.

Интернет-ресурс russianstudies.hu, обеспечивающий web-площадку и профессиональную базу для *RussianStudiesHu*, был создан осенью 2019 г. преподавателями Университета имени Лоранда Этвёша, а также членами Венгерского института русистики и Центра русистики Университета Этвёша Лоранда. Профессионально-институциональную базу обеспечивает Институт истории при Университете ELTE.

Журнал уже в момент своего рождения перерос все самые смелые замыслы своих создателей, к его деятельности присоединились выдающиеся представители международной исторической русистики, таким образом, он вышел за рамки отечественной русистики, и стал на службу мировой науке. Словами одного из авторов, это «forum is a meeting place of various historiographies», то есть посредник между западной и восточной русистики.

Интернет-издание russianstudies.hu и онлайн журнал *RussianStudiesHu* приветствует своих читателей!

Дюла Свак – Главный редактор

Lectori Salutem!

RussianStudiesHu is an online peer-reviewed academic periodical on Historical Russistics. It is published in two volumes per year, additions being made to the online content continuously over the course of the given year. Besides being available on its website, issues of the periodical are freely accessible at Eötvös Loránd Tudományegyetem's repository (edit.elte.hu), that of the Central and Eastern European Online Library (CEEOL) (<https://www.ceeol.com/>) as well as in other major international databases. The publisher also makes the periodical's material available in printed form. Online and printed versions of articles may differ occasionally due to space limitations.

Manuscripts are accepted in Hungarian, Russian and English on condition that the article has not been published elsewhere in any language. *RussianStudiesHu* welcomes colleagues with an interest in any topic on Eastern Slavic, Russian, and Soviet History who submit a scientific paper that observes our rules of publication. These fields are understood in a broad sense (including their Hungarian and Eastern European aspects).

Our 'Special Guest column' provides space for representatives of Russian Studies in the widest possible meaning of the term, while 'Opuscula Prima' offers prize-winners in the nationwide competition 'Thesis of the Year in Russian Studies' an opportunity to publish. *RussianStudiesHu* does not prefer any 'genre', method or trend in history writing over another. However, historiography does stand at the centre of its founders' scientific interest, research and publications.

The core nature of this focus is demonstrated clearly by the articles on "Historiographies of Russia's History (2000–2020)", a project launched in 2021, which at present includes scholars from 18 countries, representing all five continents.

The *russianstudies.hu* webpage, which provides web coverage for *RussianStudiesHu*, was established in the autumn of 2019 by employees of Eötvös Loránd University (ELTE), by members of the legal successor to the Hungarian Institute for Russian Studies (founded in 1990) as well as by the ELTE Centre for Russian Studies. Academic and institutional support is provided by ELTE's Institute of History.

The journal's editors welcome everyone to the site, not only as readers but also as co-creators, providing an opportunity for colleagues specializing in Historical Russistics both at home and abroad to publish.

RussianStudiesHu has, from the very moment of its inception, exceeded the wildest dreams of its creators. As renowned scholars of international repute have joined our project, the journal has outgrown the limits not only of a workshop but also the scope of Hungarian Russistics, serving the cause of universal knowledge. As one author has put it: this "forum serves as a meeting place of various historiographies"; it is a bridge between Western and Eastern Russistics.

The creators of the *russianstudies.hu* research website, and its online periodical *RussianStudiesHu* hereby welcome its readers!

A Ruzs historiográfiái
Историографии Древней Руси
Historiographies of Rus'¹

1 “Historiographies of Rus” is the second part of our series, “Historiographies of Russia’s History (862–1801) from 2000 to 2020”. All “national” historiographies have their own specific profile, so it is legitimate for their study and description also to be specific. Presentation of their peculiarities can, in itself, evoke great historiographical interest. (Editor’s note.)

CHRISTIAN RAFFENSPERGER

UK AND NORTH AMERICAN RUSIANA, 2000–2020¹

The twenty-first century has seen a remarkable increase in scholarship dealing with Rus² by scholars from the United States, Canada, and the United Kingdom. This brief historiography details some significant trends in that scholarship including ties with Byzantium, integration with medieval Europe, ecclesiastical and philological issues, and more. In so doing, it attempts to summarize the current state of the field of Russian studies in the Anglophone scholarship of the first two decades of the twenty-first century.

Keywords: Rus', Kievan Russia, Ukraine, medieval Europe, Mongols, Byzantium, historiography

Christian Raffensperger – Kenneth E. Wray Chair in the Humanities, professor and chair of the History Department at Wittenberg University. E-mail: craffensperger@wittenberg.edu. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1906-5245>

1 *Citation:* CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “UK and North American Rusiana, 2000–2020”, *RussianStudiesHu* 3, no 2 (2021): 11–31. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.12

2 The medieval polity was known as Rus' (Русь), with the apostrophe (or prime, in some cases) standing in for the soft sign that does not exist in English. Some scholars, Simon Franklin, for example, choose to leave off the apostrophe to make “Rus” more widely accessible and decrease misunderstandings with the possessive use of the apostrophe.

Richard Hellie once told me a story about how, when he began his graduate training at the University of Chicago in the middle of the twentieth century, he read voraciously to catch up on all that had been published on Rus' and Muscovy. Back then, he could generally read most of what was written each year, as it came out. The point of the story, however, is that half a century later, this would have been impossible for me to do. The volume of scholarly production had increased meteorically in the second half of the twentieth century, and not only had so much already been written, there was also so much being written at the time. This, to say the least, was a disheartening conversation.

Despite that conversation, or perhaps because of it, I have tried to keep track of what was being published and who was publishing on my own topic of Rus', while letting Muscovy and (following graduate school) Soviet history publications largely pass me by. I was pleasantly surprised to find how much work has been done on Rus' in North America and the UK in the last twenty years. The attached bibliography will be, I suspect and hope, of great interest to many scholars. I know that during the process of assembling it, I have been continually surprised to discover what I had not seen and read, as well as happy to know that so many people have produced scholarship on Rus' and are continuing to do so as we move farther into the twenty-first century. The historiography essay which precedes the bibliography will be relatively short but will deal with some of the trends in the scholarship on Rus' in the last twenty years. It will, hopefully, provide the reader a minimal guide to what is in the bibliography, as well as (perhaps) suggesting research trends for the future.

UK

It is easiest to start with the UK Rusiana of the last twenty years as, despite the august Oxbridge traditions of work on medieval Rus', this is a slightly smaller grouping of scholars, and thus scholarship, than that in North America. The excellent scholarly output of the listed UK scholars is largely unified by one phenomenon and that is the focus on the relationship between Byzantium (the medieval Roman Empire) and Rus'. Perhaps because of the ongoing influence of Dimitri Obolensky, who taught both Simon Franklin and Jonathan Shepard (two of the main contributors to this list), and these scholars' own students such as Monica White, the field of Russian studies in England has largely been one that continues the theme

of the Byzantine Commonwealth. This is most clearly seen in the work of Jonathan Shepard, who has continued to act as a surrogate for Obolensky and his idea. He has published multiple articles on the commonwealth idea, updating and revising it, as well as a whole series of Byzantine-focused books and articles (such as the acclaimed *Cambridge History of Byzantium*) which are not included here. Monica White, a student of Simon Franklin's, has also continued this "Byzantium and Rus'" focus in her own work – notably in her monograph *Military Saints in Byzantium and Rus, 900-1200*. This work begins in Byzantium with the increasing relevance of the cults of military saints for the Macedonian dynasty and then transfers those ideas to the kingdom of Rus'. Shepard and White combine for an edited volume reinforcing the famed "route from the Varangians to the Greeks" in *Byzantium and the Viking World*. While Simon Franklin has largely moved into Russian history, at the beginning of the period under review he published his collected works on Rus' as *Byzantium – Rus – Russia: Studies in the Translation of Christian Culture*. This volume has some of his greatest hits from the twentieth century, and it is useful to have them all collected here in one place. Here too, though, we can also see the clear link to Byzantium, demonstrated by the other UK scholars of Rus'.

NORTH AMERICA

In North America there are several strands of scholarship upon which we might focus, though I will expand only upon two main ones. The first has to do with material culture and a focus upon archaeology and artifacts, while the second engages Rus' with the wider medieval world. While there is certainly some overlap in these fields, they will be presented separately, though with some noting of connections. Notice will also be paid to the work being done in other areas, even if those themes are not discussed at greater length.

Thomas Noonan, who died early in this century, was a prolific scholar working largely on coins and material found in eastern Europe which connected it to the Islamic world. Though he has only two single-authored articles in this bibliography, it is more than appropriate to begin with him, as not only was his work incredibly influential, his focus was also continued by his students. Additionally, there are a good many articles included in this bibliography from the volumes of *Festschriften* published in his honor. Noonan's work, as noted briefly, connected Rus' with the Islamic world

of Central Asia, the Caucasus, and the Middle East by demonstrating the flow of dirhams and other coins through Rus', the influence of such trade in setting up towns and trading centers, and the subsequent reach of that trade all the way to Scandinavia. His work helped to flesh out the theories of much earlier Slavists on why the Varangians first began exploring in eastern Europe. His archaeological work was continued by two of his students, who are themselves well represented in this bibliography. The first is Roman Kovalev, who is a practicing archaeologist and edits a journal which allows him both ample material and a place to publish it. Kovalev has continued Noonan's work with dirhams and other coins to expand our understanding of what was going on in the trading networks in eastern Europe. Though coins are his main focus, including Russian ones, he has also written about tally sticks, furs, and other topics in his endeavor to spread more knowledge of the archaeological history of Rus' into North American scholarship. Another student of Noonan's is Heidi Sherman, who has moved away from coins and published a great deal on Novgorod, emporia, and specifically on flax and flax production. Her work fills a lacuna in Anglophone scholarship on such work in regard to Rus' even while it fits in with a large and growing movement to discuss textiles and textile workers (traditionally women) in medieval Europe as a whole. Beyond her scholarly publications, dealt with in the bibliography, Sherman has also done enormous work in hands-on experimental archaeology, including the construction and maintenance of a Viking longhouse. This is an underappreciated scholarly endeavor and one that will have a lasting impact both for her students and also for the public face of medieval history and especially Scandinavian and Russian medieval history. In this same vein, we cannot leave out the archaeological work of Renata Holod and her team, inclusive of art historian Warren Woodfin, who have been excavating and analyzing a kurgan on the steppe north of the Black Sea for some years. There are multiple publications in this bibliography about their efforts, as well as the importance of their findings for studies of Rus' in the larger world.

The second theme to focus on in North American Rusiana in the past two decades is the increasing trend of scholarly works demonstrating connections between Rus' and the rest of medieval Europe. My own work is a large part of that, laying a foundation with *Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World*, which challenged the traditional place of Rus' as part of the Byzantine Commonwealth and instead demonstrated the manifold ties Rus' had with the rest of medieval Europe. Those ties were examined in more detail in subsequent articles and monographs, including a focus on

dynastic marriages with *Ties of Kinship: Genealogy and Dynastic Marriage in Kyivan Rus'*. With that volume, I was also able to branch out into digital humanities and showcase the multiple ways that such marital information can be accessed, sorted, and searched for (genealogy.obdurodon.org). A follow-on project included a mapping component as part of the Harvard Ukrainian Research Institute's MAPA project, which makes a visual depiction of the marriages available (gis.huri.harvard.edu/rusgen). Though my own work helped to lay the foundation for the most recent attempt at joining Rus' to the rest of medieval Europe, it is not at all the only work being done in that area. Yulia Mikhailova has taken her in-depth knowledge of sources such as the Galician-Volhynian chronicle (demonstrated in multiple articles) and has applied textual and linguistic analysis to a comparison between Rus' and Normandy in her monograph – *Property, Power, and Authority in Rus and Latin Europe, ca. 1000-1236*. In this volume, Mikhailova challenges the idea that Rus' and the medieval West were utterly different places by examining, among other topics, words for towns and castles, what they meant, and why they were so named. She has also looked at “feudo-vassalic” relations and political structures in Latin and Old East Slavic. Her ability to work with primary sources in a variety of languages is key to the acceptance of her ideas by both medievalists (who tend to focus on western Europe) and those working on Rus'. Similarly, Donald Ostrowski has written a recent monograph re-examining Francis Thomson's idea of an “intellectual silence” in Rus', by comparing intellectual activities in Rus', Byzantium, and western Europe. This volume, *Europe, Byzantium, and the “Intellectual Silence” of Rus' Culture*, represents a different way of tying Rus' into the larger medieval European world, via a set of comparative examples that allows scholars to engage with the familiar (western Europe or Byzantium, for example) alongside the unfamiliar (Rus'). Natalia Zajac is another in this group of scholars which is challenging the narrative that Rus' was not part of medieval Europe. In the case of Zajac, she brings a unique focus on material culture into the picture and has published multiple articles on the objects that represented physical ties between Rusians and others, largely women. Such an examination, much like that of Sherman above, helps to tie Russian studies into larger scholarly discourses where Russian studies tends to lag behind the theoretical developments of other fields. Some of Zajac's most noteworthy publications come in collected volumes alongside scholars focused on England, France, and Iberia – thereby solidifying the place of Rus' within Europe.

These two themes do not, in any way, cover the entirety of the publications that are included in this bibliography, instead they merely represent two

larger trends of thought representative of a group of scholars. There are similar such trends that could be noted, if at lesser length.

Within the bibliography one will see that there is a group of North American scholars who are engaging with Russian scholars by publishing in Russian. Fjodor Uspenskij and I have had multiple conversations about this topic and he has lamented to me the reality that North Americans working on Rus' tend to publish in English, and Russians working on Rus' tend to publish in Russian. In this bibliography, you will see that not only are Roman Kovalev and Yulia Mikhailova (already mentioned above) bucking that trend and publishing in Russian, but so are scholars like Gail Lenhoff and, her former student, Sean Griffin.

Not publishing directly in Russian, but deeply engaged in Russian scholarship is Donald Ostrowski, whose textual analyses of the *Povest' vremennykh let* began with his publication of the collation and paradosis of the text, and have continued in the pages of *Ruthenica* and *Palaeoslavica*. Andriy Danylenko has also engaged in analysis of texts and their meanings, especially relating to Greek and Islamic sources. One can also include in this section the debates over the historicity of the *Igor' Tale*, which have produced numerous publications.

At the end of the period under discussion is the advent of the Mongols in Rus' and there are, understandably, a great deal of works that deal with the Mongols in this bibliographic collection. Charles Halperin, who wrote the Muscovite version of this bibliographic entry, is (of course) a frequent author on all topics related to the Mongols. But so is Donald Ostrowski (mentioned earlier) who published his seminal *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304-1589* during this period. Joining them in writing about the Mongols are a variety of other scholars including Gail Lenhoff, Janet Martin, Ann Kleimola and Larry Langer, all of whom have tackled different subjects related to the presence of the Mongols both within Rus' and within Russian historiography.

CONCLUDING THOUGHTS

As noted throughout, this narrative summary is in no way intended to provide complete coverage of the bibliographic materials appended. There are many different ways to analyze these 200+ publications. But one of the major takeaways that I would like to offer is that there have been 200+

publications on Rus' in the last twenty years – an impressive number! Those of us working in this field often talk about feeling alone, or lonely, while Muscovite and Soviet historians have more publishing opportunities within Russian studies, and western European medievalists and Byzantinists have their own conferences and followings. But this bibliography should stand as a testament to the work that has been done and make us feel that we are not alone, that there are more of us out there working. It should also, though, serve as a warning not to let up on our scholarly production. The humanities are being challenged in North America and the UK, and Rus' is marginal enough without adding to that. Those of us who work on Rus' need to keep working and publishing; and I would suggest tying Rus' into other fields (archaeology, textiles, women's history, medieval Europe, intellectual history, etc.) as a way to demonstrate its continuing relevance, so that in 2040, we will have another 200+ articles to write about and celebrate.

Bibliography of UK and North American Rusiana, 2000–2020

UK

SERGEI BOGATYREV, "Memory and Politics in the Chronicle Lists of Princes, 12th–15th Centuries," *Canadian-American Slavic Studies* 53, no. 4 (2019): 449–488.

ALEX FELDMAN, "The First Christian Rus' Generation: Contextualizing the Black Sea Events of 1016, 1024 and 1043", *Rossica Antiqua* 16 (2019): 3–25.

ALEX FELDMAN, "Bullion, Barter and Borders in the Rus' Coinless Period, 11–14th c.," *Midlands Historical Review*, vol. 2 (2018): 1–12.

ALEX FELDMAN, "How and Why Vladimir Besieged Byzantine Chersōn: an Inquiry into the Latest Research on the Chronology of the Conversion of Vladimir, 987–989 CE", *Byzantinoslavica* 73 (2015): 145–170.

SIMON FRANKLIN, *Byzantium – Rus – Russia: Studies in the Translation of Christian Culture* (Aldershot: Ashgate, 2002)

SIMON FRANKLIN, *Writing, Society and Culture in Early Rus, 950–1300* (Cambridge University Press, 2002)

SIMON FRANKLIN, "A Polyphony of Rules and Categories: the Case of Early Rus", in *Legalism: Rules and Categories*, ed. PAUL DRESCH, JUDITH SCHEELE (Oxford: Oxford University Press, 2015), 177–203.

SIMON FRANKLIN, "On Meanings, Functions and Paradigms of Law in Early Rus", *Russian History/Histoire Russe* 34, no.–4 (2007): 63–81.

JONATHAN SHEPARD, *Emergent Elites and Byzantium in the Balkans and East-Central Europe* (Farnham and Burlington: Ashgate, 2011).

JONATHAN SHEPARD, "Rus'" in *Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus', c. 900–1200*, ed. NORA BEREND (Cambridge: Cambridge University Press, 2007): 369–416.

JONATHAN SHEPARD, "Byzantine Emissions, Not Missions, to Rus, and the Problems of "False" Christians", in *Русь в IX-X вв.: общество, государство, культура* [Rus in the 9th–12th Centuries: Society, State, Culture], ed. N. A. MAKAROV, A. E. LEONTIEV (Moscow, 2014), 234–42.

JONATHAN SHEPARD, "Byzantium's Overlapping Circles", in *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies, London, 21–16 August 2006, I: Plenary Papers*, ed. E. JEFFREYS (Ashgate, 2006), 15–55.

JONATHAN SHEPARD, "The Byzantine Commonwealth, 1000–1550", in *The Cambridge History of Christianity, Volume 5 - Eastern Christianity*, ed. MICHAEL ANGOLD (Cambridge: Cambridge University Press 2006), 3–52.

JONATHAN SHEPARD, "Closer Encounters with the Byzantine world: the Rus at the Straits of Kerch", in *Pre-Modern Russia and its World: Essays in Honor of Thomas S. Noonan*, ed. KATHRYN L. REYERSON, THEOFANIS G. STAVROU, JAMES D. TRACY (2006), 15–77.

JONATHAN SHEPARD, "The Coming of Christianity to Rus: Authorized and Unauthorized Version", in *Conversion to Christianity from Late Antiquity to the Modern Age: Considering the Process in Europe, Asia and the Americas*, ed. C. B. KENDALL, O. NICHOLSON, W. D. PHILLIPS JR., M. RAGNOW (Minneapolis: Center for Early Modern History, 2009), 185–222.

JONATHAN SHEPARD, "From the Bosphorus to the British Isles: the Way from the Greeks to the Varangians", in *Drevnejshie gosudarstva vostochnoi Evropy* (2009), 15–42.

JONATHAN SHEPARD, "Mingling with Northern Barbarians: Advantages and Perils", in *The Steppe Lands and the World Beyond Them. Studies in Honor of Victor Spinei on his 70th Birthday*, ed. F. CURTA, B.-P. MALEON (Iasi: 2013), 219–34.

ALEXANDRA VUKOVICH, "The Yardsticks by Which We Measure Rus", *Russian History / Histoire Russe* 46, no. 2–3 (2019): 213–224.

ALEXANDRA VUKOVICH, "The Gift Economy of the Princes of Rus", *Ruthenica* XV (2019): 74–91.

ALEXANDRA VUKOVICH, "Enthronement in Early Rus: Between Byzantium and Scandinavia", *Viking and Medieval Scandinavia* 14 (2018): 175–196.

ALEXANDRA VUKOVICH, "Le Prince et son épée dans le Rous' du Nord à la suite de l'exil byzantin de Vsévolod lourevich", in *Byzance et ses voisins* ed. ÉLISABETH YOTA (Bern: Peter Lang, 2017), ch. 4.

ALEXANDRA VUKOVICH, "The Enthronement Rituals of the Princes of Vladimir-Suzdal in the 12th and 13th centuries", *FORUM University of Edinburgh Journal of Culture & the Arts* 17 (2013): 1–15.

EMILY WARD, "Anne of Kiev (c.1024–c.1075) and a Reassessment of Maternal Power in the Minority Kingship of Philip I of France", *Historical Research* 89 (2016): 435–53.

MONICA WHITE, "Late Byzantine Views of Rus: A Reassessment", *Byzantinoslavica* 76 (2018): 84–99.

MONICA WHITE, "Relics and the Princely Clan in Rus," in *Byzantium and the Viking World*, ed. MONICA WHITE, JONATHAN SHEPARD, FEDIR ANDROSHCHUK (Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2016), 391–408.

MONICA WHITE, JONATHAN SHEPARD, FEDIR ANDROSHCHUK (eds.), *Byzantium and the Viking World* (Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2016)

MONICA WHITE, "The 'Grave Covering' of St Demetrios between Byzantium and Rus", *Književna istorija (Literary History)* XLVI (152) (2014): 9–28.

MONICA WHITE, *Military Saints in Byzantium and Rus, 900–1200* (Cambridge: Cambridge University Press, 2013)

MONICA WHITE, “Veneration of St. Constantine in Pre-Mongol Rus”, in *Sveti car Konstantin i hrišćanstvo. Tom II: Međunarodni naučni skup povodom 1700. godišnjice Milanskog edikta, 31. maj-2. jun 2013*, ed. D. Bojović (Centar za crkvene studije, 2013), 351–362.

MONICA WHITE, “Byzantine Saints in Rus and the Cult of Boris and Gleb”, in *Saints and their Lives on the Periphery: Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe*, ed. HAKI ANTONSSON, ILДАР GARIPZANOV (Brepols, 2010), 95–114.

MONICA WHITE, “Byzantine Visual Propaganda and the Inverted Heart Motif”, *Byzantion* 76 (2006): 330–363.

MONICA WHITE, “A Byzantine Tradition Transformed: Military Saints under the House of Suzdal”, *Russian Review* 63, no. 3 (2004): 493–513.

North America

Archaeology and Artifacts

FLORIN CURTA, *Bibliography of the History and Archaeology of Eastern Europe in the Middle Ages* (Leiden/Boston: Brill, 2019)

INÉS GARCÍA DE LA PUENTA, “Archaeological Finds of Camels in Pre-Mongol Rus’: A Reassessment”, in *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*, ed. BRIAN J. BOECK, RUSSELL E. MARTIN, DANIEL ROWLAND, (Bloomington, IN.: Slavica, 2012), 53–60.

DAVID GOLDFRANK, “Visualizing and Illustrating Early Rus Housing”, in *Picturing Russia: Explorations in Visual Culture*, ed. VALERIE KIVELSON, JOAN NEUBERGER (New Haven: Yale University Press, 2008), 17–20, Plates 3.1–2.

RENATA HOLOD (with HALENKO, O., RASSAMAKIN, YU., WOODFIN, W. T.), “A Cuman Chief’s Trophy from Chunhul Barrow: Reuse, Ritual Functions, and Symbolism, Part I”, *Arkheolohiia* 3 (2016): 28–47.

RENATA HOLOD (with HALENKO, O., RASSAMAKIN, YU., WOODFIN, W. T.), “A Cuman Chief’s Trophy from Chunhul Barrow: Reuse, Ritual Functions, and Symbolism, Part II”, *Arkheolohiia* 4 (2016): 42–71.

RENATA HOLOD (with JORDAN PICKETT, JOHN SCHRECK, YURIY RASSAMAKIN, OLEKSANDR HALENKO, WARREN T. WOODFIN), “Architectural Energetics of Tumuli Construction on the Medieval Eurasian Steppe: the Case of the Chungul Kurgan”, *Journal of Archaeological Science* 75 (2016): 101–114.

RENATA HOLOD, YURI RASSAMAKIN, “Imported and Native Remedies for a Wounded Prince: Grave Goods from the Chungul Kurgan in the northern Black Sea Steppe of the Thirteenth Century”, *Mechanisms of Cross-Cultural Encounter of Byzantium and Its Neighbors*, ed. ALICIA WALKER, HEATHER GROSSMAN *Medieval Encounters* 18 (2012), 339–381.

ROMAN K. KOVALEV, “The Role of Khazaria and Volga Bulğāria in Trade Relations Between the Near East and European Russia During the Tenth Through the Early Eleventh Centuries (The Numismatic Evidence)”, *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 18 (2011): 43–155.

ROMAN K. KOVALEV, (with TH.S. NOONAN) “The 1846 Obolenskii Hoard: A New Early Ninth-Century Viking-Age Dirham Hoard from Glukhovo in Moscow Province/Неизвестный клад начала IX в. Из имения М.А. Оболенского Дмитровского уезда Московской губернии”, *Археологические вести* 7 (2000): 206–217. (English and Russian texts).

ROMAN K. KOVALEV, (with TH.S. NOONAN) “The Dirham Output of the Spanish Umayyad Emirate, ca. 756–ca. 929”, in *Homenagem A Mário Gomes Marques*, ed. M. CASTRO HIPÓLITO et al (Sintra, 2000), 253–260.

ROMAN K. KOVALEV, (with Th.S. NOONAN), "What Can Archaeology Tell Us About How Debts Were Documented and Collected in Kievan Rus'?", *Russian History/Histoire Russe* 27, no. 2 (2000): 119–154.

ROMAN K. KOVALEV, "Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения" ("Novgorodian Wooden Tallies: General Observations"), *Российская археология* 1 (2002): 38–50.

ROMAN K. KOVALEV, "The Infrastructure of the Northern Part of the 'Fur Road' between the Middle Volga and the East During the Middle Ages", *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 11 (2000-2001): 25–64.

ROMAN K. KOVALEV, "Mint Output in Tenth-Century Bukhārā: A Case Study of Dirham Production and Monetary Circulation in Northern Europe," *Russian History/Histoire Russe* 28: 1-4 [Festschrift for Th.S. Noonan, Vol. I, ed. by R.K. KOVALEV, H.M. SHERMAN] (2001): 245–271.

ROMAN K. KOVALEV, "Клад дирхемов 913/14 г. Из дер. Пальцево Тверской губ." ("The 913/14 Dirham Hoard From Pal'tsevo in Tver' Province"), in *Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции* (Санкт-Петербург, ноябрь 26-29, 2002 г.) (Санкт-Петербург, 2002), 160–164.

ROMAN K. KOVALEV, (with Th.S. NOONAN), "Клад 873/74 г. из Любыни: Войны и захоронения кладов в эпоху Рюрика" (The 873/74 Hoard from Liubyni: Warfare and Hoarding During the Age of Riurik), in *Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции* (Санкт-Петербург, ноябрь 26–29, 2002 г.) (Санкт-Петербург, 2002), 152–156.

ROMAN K. KOVALEV, "Dirham Mint Output of Sāmānid Samarqand and its Connection to the Beginnings of Trade with Northern Europe (10th century)", *Histoire et Mesure [Monnaie et espace]* 17, no. 3-4 (2002): 197–216.

ROMAN K. KOVALEV, "Бирки-сорочки: упаковка меховых шкурок в средневековом Новгороде" ("40s-Tallies: Packaging Pelts in Medieval Novgorod"), *Новгородский исторический сборник*, том 9 (2003): 36–56.

ROMAN K. KOVALEV, "Деревянные долговые бирки-сорочки XI-XII вв. из Новгородской коллекции" ("Wooden Credit 40s-Tallies of the XI-XII Centuries from Medieval Novgorod"), *Новгородский исторический сборник*, том 9 (Санкт-Петербург, 2003): 28–35.

ROMAN K. KOVALEV, "Ганзейская ('дюжинная') счетная бирка с Готского раскопа средневекового Новгорода" ("The Hansa ('Dozen') Accounting Tally from the Gothic Dig of Medieval Novgorod"), in *От Древней Руси к России нового времени: сборник статей к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич* (Москва, 2003), 276–279.

ROMAN K. KOVALEV, "К вопросу о происхождении сорочка: по материалам берестяных грамот" ("On the Question of the Origins of the Sorochok: Based on the Materials of the Birch-Barks"), in *Берестяные грамоты: 50 лет изучения: Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.* (Москва, 2003), 57–72.

ROMAN K. KOVALEV, "The Mint of al-Shāsh: The Vehicle For the Origins and Continuation of Trade Relations Between Viking-Age Northern Europe and Sāmānid Central Asia", *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 12 (2002–2003): 47–79.

ROMAN K. KOVALEV, (with Th.S. NOONAN), "A Large Early Viking-age Dirham Hoard Found in 2000 in Kozel'sk, Kaluga ob./Большой клад дирхемов начала эпохи викингов

найденный в 2000 г. Козельске, Калужской обл.», *Археологические вести* 10 (2003): 149–163. (English and Russian texts).

ROMAN K. KOVALEV, (with TH.S. NOONAN) “The ‘Furry Forties’: Packaging Pelts in Medieval Northern Europe,” in *States, Societies, Cultures: East and West [Essays in Honor of Jaroslav Pelenski]* (New York, 2004), 653–682.

ROMAN K. KOVALEV, “Accounting, Tag, and Credit Tallies”, *Wood Use in Medieval Novgorod*, ed. M. BRISBANE, J. HATHER (Oxford, 2007), 189–202.

ROMAN K. KOVALEV, “Деревянная счетная бирка-сорочек 2-й половины XI в из Старой Руссы” (“Wooden Accounting Tally-Sorochok of the First Half of the XI Century from Staraja Russa”), in *Хорошие дни... Памяти Александра Степановича Хорошева* (Великий Новгород – Санкт-Петербург, 2009), 314–318.

ROMAN K. KOVALEV, “The Role of Khazaria and Volga Bulġaria in Trade Relations Between the Near East and European Russia During the Tenth Through the Early Eleventh Centuries (The Numismatic Evidence)”, *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 18 (2011): 43–155.

ROMAN K. KOVALEV, “Grand Princess Olga of Rus’ Shows the Bird: Her ‘Christian Falcon’ Emblem”, *Russian History / Histoire Russe* 39, no. 4 (2012): 460–517.

ROMAN K. KOVALEV, “Were there Direct Contacts Between Volga Bulġaria and Sweden in the Second Half of the Tenth Century? The Numismatic Evidence”, *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 20 (2013): 67–102.

JANET MARTIN, “Coins, Commerce, and the Conceptualization of Kievan Rus’”, in *Pre-Modern Russia and its World: Essays in Honor of Thomas S. Noonan*, ed. KATHRYN RYERSON, THEOFANIS G. STAVROS, JAMES D. TRACY (Wiesbaden: Harrassowitz, 2006), 161–172.

THOMAS S. NOONAN, “Coins, Trade and the Origins of Ninth-Century Rus’ Towns,” in *XII. Internationaler Numismatischer Kongress, Berlin 1997: Akten-Proceedings-Actes, II*, ed. B. KLUGE, B. WEISSER (Berlin, 2000), 934–942.

THOMAS S. NOONAN, “The Impact of the Islamic Trade upon Urbanization in the Rus’ Lands: The Tenth and Early Eleventh Centuries”, in *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*, ed. M. KAZANSKI et al. [=Réalités byzantines 7], (Paris, 2000), 379–393.

HEIDI SHERMAN, “Staking the Novgorodian Frontier: Ladoga’s Twelfth-Century Churches as Landscape Markers”, in *Societies in Medieval Europe East of the Elbe: Interactions between Environmental Settings and Cultural Transformations, Papers in Mediaeval Studies* 23, ed. SUNHILD KLEINGÄRTNER, TIMOTHY P. NEWFIELD, SÉBASTIEN ROSSIGNOL, DONAT WEHNER (Toronto, 2013), 291–315.

HEIDI SHERMAN, “Staraja Ladoga i teoriia emporiev”, in *Staroladozhskii sbornik Vyp. 9*, ed. ADRIAN SELIN (2012), 36–50.

HEIDI SHERMAN, “The Flax and Linen of Medieval Novgorod”, in *Textiles and the Medieval Economy: Production, Trade, and Consumption of Textiles, 8th–16th Centuries* (Oxbow Books, 2014), 104–112.

HEIDI SHERMAN, “The Tooth Blades of Medieval Novgorod”, in *Aspects of the Design, Production and Use of Textiles and Clothing from the Bronze Age to the Early Modern Era*, ed. KARIN GRÖNER, FRANCES PRITCHARD, NESAT XII, (Budapest: Archaeolingua, 2015), 289–294.

HEIDI SHERMAN, “From Flax to Linen in the Medieval Rus Lands”, in *Medieval Clothing and Textiles* 4 (Boydell & Brewer, Spring 2008), 1–20.

HEIDI SHERMAN, "Grand Princess Olga: Vengeance and Sainthood in Kievan Rus", *World History Connected* 7, no. 1 (February 2010)

W. T. WOODFIN, Y. RASSAMAKIN, R. HOLOD, "Foreign Vesture and Nomadic Identity on the Black Sea Littoral in the Early Thirteenth Century: Costume from the Chungul Kurgan", *Ars Orientalis* 38 (2010): 155–186

Rus' and the Wider World

FRANCIS BUTLER, "A Woman of Words: Olga's Pagan Period in Comparative Context", *Slavic Review* 64 (2004): 771–793.

FRANCIS BUTLER, "Wenceslas: The Saint and His Name in Kievan Rus", *Slavic and East European Journal* 48 (2004): 63–78.

INÉS GARCÍA DE LA PUENTA, "The Revenge of the Princess: Some Considerations about Heroines in the PVL and in other Indo-European Literatures", *Medieval Slavonic Studies* (2009): 193–202.

YULIA MIKHAILOVA, *Property, Power, and Authority in Rus and Latin Europe, ca. 1000–1236* (Leeds: ARC Humanities Press / Amsterdam University Press, 2018)

YULIA MIKHAILOVA, "Reimagining Medieval History: Against the Last Bastion of the West-Centric Master Narrative", *Russian History / Histoire Russe* 42 (2015): 188–203.

DONALD OSTROWSKI, *Europe, Byzantium, and the "Intellectual Silence" of Rus' Culture* (Leeds: ARC Humanities Press / Amsterdam University Press, 2018)

DONALD OSTROWSKI, "The Return of the Rhos: Patria, Chacanus, and the Annales Bertiniani s.a. 839", *Canadian-American Slavic Studies* 52 (2018): 290–311.

OLENKA PEVNY (ed.), *Perceptions of Byzantium and Its Neighbors (843–1261)* (New Haven: Yale University Press, 2000).

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, "Visualizing Prosopography Through Digital Humanities – The Case for Rus'", *Medieval Prosopography* 34 (2019): 207–219.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, *Conflict, Bargaining, and Kinship Networks in Medieval Eastern Europe* (New York and London: Lexington Books, 2018)

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, "Reimagining Europe: An Outsider Looks at the Medieval East-West Divide", in *Medieval Networks in East Central Europe: Commerce, Contacts, Communication*, ed. BALÁZS NAGY, FELICITAS SCHMIEDER, ANDRÁS VADAS (New York: Routledge, 2018), 9–24.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, "The Optics of Byzantine Blinding in Medieval Eastern Europe", in *Radical Traditionalism: The Influence of Walter Kaegi in Late Antique, Byzantine, and Medieval Studies*, ed. CHRISTIAN RAFFENSPERGER, DAVID OLSTER (New York and London: Lexington Books, 2018), 115–135.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, *The Kingdom of Rus* (Kalamazoo, Mich.: ARC Humanities Press, 2017)

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, DONALD OSTROWSKI (eds.), *Portraits of Medieval Eastern Europe, 900–1400* (New York: Routledge, 2017)

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, VALENTINA PICHUGINA (eds.), *Twenty Years of the Midwest Medieval Slavic Workshop at the University of Chicago in Russian History / Histoire Russe* 44, no. 2–3 (2017)

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, "Volodimer the Bold", *Russian History/Histoire Russe* 44, no. 2–3 (2017): 398–410.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Identity in Flux: Finding Boris Kolomanovich in the Interstices of Medieval European History”, *The Medieval Globe* 2, no. 1 (2016): 15–39.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Iziaslav Iaroslavich’s Excellent Adventure: Constructing Kinship to Gain and Regain Power in Eleventh-Century Europe”, *Medieval Prosopography* 30 (2015): 1–30.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Reimagining Europe: Discussing Rus’ in a Wider Context”, “Forum on Reimagining Europe: Kievan Rus’ in the Medieval World” in *Russian History* 42, no. 2 (2015): 204–216.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “The Place of Rus’ in Medieval Europe”, *History Compass* 12, no. 11 (2014): 853–865.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Mia syntome istoria tou kratous ton Ros [A Brief History of the Kingdom of Rus’]”, in *Mesaionikos slavikos kosmos*, ed. P. SOPHOULIS, A. PAPAGEORGIOU (Athens: Herodotus, 2014), 213–248.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, *Ties of Kinship: Genealogy and Dynastic Marriage in Kyivan Rus’* (Cambridge: Mass.: Harvard Ukrainian Research Institute Publications, 2016). The parallel digital humanities component may be viewed at <http://genealogy.obdurodon.org/> (Accessed June 9, 2021), as well as at <https://gis.huri.harvard.edu/> (Accessed June 9, 2021) (mapping project of Harvard Ukrainian Research Institute in collaboration with the Harvard Center for Geographical Analysis).

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “The Missing Rusian Women: The Case of Evpraksia Vsevolodovna”, in *Putting Together the Fragments: Writing Medieval Women’s Lives*, ed. AMY LIVINGSTONE, CHARLOTTE NEWMAN GOLDY (New York: Palgrave, 2012), 69–84.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, *Reimagining Europe: Kievan Rus’ in the Medieval World, 988–1146* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012)

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Mapping History: Using Technology to Showcase Medieval Familial Interconnectivity” with DAVID J. BIRNBAUM. Festschrift in Honor of Orysia Karapinka, *Russian History/Histoire Russe* 37, no. 4 (2010): 305–321.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Dynastic Marriage in Action: How Two Rusian Princesses Changed Scandinavia”, in *Imenoslov: Istoriiia iazyka. Istoriiia kul’tury*, ed. F. B. USPENSKII (Moscow: Aleteja, 2010), 193–205.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Shared (Hi)Stories: Vladimir of Rus’ and Harald Fairhair of Norway”, *Russian Review* 68, no. 4 (2009): 569–82.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Rurik and the First Rurikids,” with NORMAN W. INGHAM, *The American Genealogist* 82, no. 1 (2007): 1–13 (part 1); no. 2 (2007): 111–19 (part 2).

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Rusian Economic and Marital Policy: An Initial Analysis of Correlations.” Festschrift in Honor of Richard Hellie, *Russian History/Histoire Russe* 34, no. 1–4 (2007): 149–159.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Rusian Influence on European Onomastic Traditions”, in *Imenoslov: Istoricheskaia semantika imeni*, ed. F. B. USPENSKII (Moscow: Indrik, 2007), 116–134.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Revisiting the Idea of the Byzantine Commonwealth”, *Byzantinische Forschungen* 28 (2004): 159–174.

CHRISTIAN RAFFENSPERGER, “Evpraksia Vsevolodovna between East and West”, *Russian History/Histoire Russe* 30, no. 1–2 (2003): 23–34.

ROBERT ROMANCHUK, “‘Intellectual Silence’ and Intellectual Endeavor in Medieval Slavia Orthodoxa”, *Russian History / Histoire Russe* 46, no. 2–3 (2019): 193–212.

TALIA ZAJAC, "Marriage Impediments in Canon Law and Practice: Consanguinity Regulations and the Case of Orthodox-Catholic Inter-marriage in Kyivan Rus, ca. 1000–1250", in *Proceedings of the Fourteenth International Congress of Medieval Canon Law, Toronto, 5–11 August 2012*, eds. JOSEPH GOERING, STEPHAN DUSIL, ANDREAS THIER, *Monumenta Iuris Canonici Series C: Subsidia*, vol. 15 (Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 2016), 711–729.

TALIA ZAJAC, "Gloriosa Regina or 'Alien Queen'? Some Reconsiderations on Anna Yaroslavna's Queenship (r. 1050–1075)", *Royal Studies Journal* 3, no. 1 (2016): 28–70.

TALIA ZAJAC, "The Social-Political Roles of the Princess in Kyivan Rus', ca. 945–1240", in *A Companion to Global Queenship*, ed. ELENA WOODACRE (Leeds: ARC Humanities Press / Amsterdam University Press): 125–146.

TALIA ZAJAC, "Remembrance and Erasure of Objects Belonging to Rus' Princesses in Medieval Western Sources: The Cases of Anastasia Iaroslavna's 'Saber of Charlemagne' and Anna Iaroslavna's Red Gem", in *Moving Women, Moving Objects (400–1500)*, ed. TRACY CHAPMAN HAMILTON, MARIAH PROCTOR-TIFFANY (Leiden; Boston: Brill, 2019), 33–58.

TALIA ZAJAC, "Regina Binomia: Re-Examining the Evidence for Re-Baptism and Renaming of Latin Christian Brides in Pre-Mongol Rus'", *Byzantinoslavica: Revue internationale des études byzantines* 77, no. 1–2 (2019): 264–290. [Published in April 2020]

North American Scholars Publishing in Russian

MARTIN DIMNIK, "Новгородские князья (970–1136 гг.)" [The Novgorodian Princes (970–1136)], *Rossica Antiqua* (2011): 3–41.

SEAN GRIFFIN, "«Аки деньница предъ слн «цмь»: литургический образ княгини Ольги в Повести временных лет", *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, no. 79 (2020): 95–107.

SEAN GRIFFIN, "Евхаристический подтекст мученичества князей Бориса и Глеба", *Вестник Санкт-Петербургского Университета. История* том 65, no. 1. (2020): 5–18.

SEAN GRIFFIN, "Византийская литургия и создание Повести временных лет", *Ruthenica* 15 (2019): 7–44.

ROMAN K. KOVALEV – See his many Russian-language works included in the Archaeology section above.

GAIL LENHOFF, *Князь Феодор Черный в русской истории и культуре. Исследование и тексты* (Москва-Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2019)

YULIA MIKHAILOVA, "O nekotorykh napravleniiakh v sovremennoi zapadnoi medievistike i ikh znachimosti dlia izucheniia Drevnei Rusi", in *Srednevekoviaia Rus* 12, ed. A. A. GORSKI et al. (Moscow: Indrik, 2016), 63–94.

DAVID PRESTEL, "Plody provideniia: iazycheskaia i sviashchennaia istoriia v Povesti vremennykh let", (The Fruits of Providence: Pagans and Sacred History in the Povest' vremennykh let), *Rossica Antiqua* 4, no. 12 (2011): 24–43

ROBERT ROMANCHUK, "Avtor ili chitatel'? Bibleiskaia tsitata i bibliograficheskaia ssylka v tekstakh Drevnei Rusi (XI i XV veka)", *Slavianovedenie*, no. 2 (2003): 51–59.

Textual Analysis

FRANCIS BUTLER, "The 'Legend of Gorislava' (not 'Rogned' or 'Rogenda'): An Edition, Commentary, and Translation", in *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*, ed. BRIAN J. BOECK, RUSSELL E. MARTIN, DANIEL ROWLAND, (Bloomington, Ind.: Slavica, 2012), 335–352.

- FRANCIS BUTLER, "Edward Keenan, Vladimir Dal', and the Slovo o polku Igoreve", *Russian History/Histoire Russe* 33, no. 2–4 (2006) (=Festschrift for Norman W. Ingham): 217–233.
- FRANCIS BUTLER, "The Autumn Saint George's Day (Iur'ev Den'), the Date of the Codex Assemanianus, and the Dedication of Iaroslav's Kievan Church of St. George in the East Slavic Tradition", *Palaeoslavica* 12, no. 2 (2005): 37–47.
- ANDRIY DANYLENKO, "The name Rus'. In Search of a New Dimension", *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 52, no. 1 (2004): 1–32.
- ANDRIY DANYLENKO, "Nurmane, Varjagi and Other Peoples in the Cosmography of the Primary Chronicle", *Byzantinoslavica* 62 (2004): 1–34.
- ANDRIY DANYLENKO, "The Names of the Dnieper Rapids in Constantine Porphyrogenitus Revisited", *Die Welt der Slaven* 46, no. 1 (2001): 43–62.
- CHARLES J. HALPERIN, "Authentic? Not authentic? Not authentic, again! Edward L. Keenan, Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale", *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 54, no. 4 (2006): 556–571.
- DANIELA S. HRISTOVA, "Major Textual Boundary of Linguistic Usage in the Galician-Volhynian Chronicle", *Russian History / Histoire Russe* 33, no. 2–4 (2006): 313–332.
- EDWARD L. KEENAN, *Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale* (Cambridge, Mass.: Harvard Ukrainian Research Institute, 2003)
- DONALD OSTROWSKI, "Methodological Traps, Pitfalls, and Fallacies in the Study of Intellectual Silence", *Russian History / Histoire Russe* 46, no. 2–3 (2019): 225–237.
- DONALD OSTROWSKI, "'Dressing a Wolf in Sheep's Clothing': Toward Understanding the Composition of the Life of Alexander Nevskii", *Russian History* 40 (2013): 41–67.
- DONALD OSTROWSKI, "The Application of Biblical Exegesis to the Study of the Rus' Chronicles", in *Medieval Slavonic Studies: New Perspectives for Research/Études slaves médiévales. Nouvelles perspectives de recherche*, ed. JUAN ANTONIO LVAREZ-PEDROSA, SUSANA TORRES PRIETO (= *Collection historique de l'Institut d'études slaves*, vol. 43, 2009), 169–191.
- DONALD OSTROWSKI, "Identifying Psalmic Quotations in the *Povest' vremennykh let*", in *Culture and Identity in Eastern Christian History: Papers of the First Biennial Conference of the Association for the Study of Eastern Christian History and Culture*, ed. RUSSELL E. MARTIN, JENNIFER D. SPOCK with the assistance of M. A. JOHNSON, vol. 1 of "Eastern Christian Studies," *Ohio Slavic Papers*, 9 (2009), 217–250.
- DONALD OSTROWSKI, "Redating the *Life of Alexander Nevskii*", in *Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey*, ed. CHESTER DUNNING, RUSSELL E. MARTIN, DANIEL ROWLAND (Bloomington, IN: Slavica, 2008), 23–39.
- DONALD OSTROWSKI, "The Načalnyj Svod Theory and the *Povest' vremennykh let* Redux", *Ruthenica* 6 (2007): 316–321.
- DONALD OSTROWSKI, "The Title of the *Povest' vremennykh let* Redux", *Ruthenica* 6 (2007): 316–321.
- DONALD OSTROWSKI, "Striving for Perfection: Transcription of the Laurentian Copy of the *Povest' vremennykh let*", *Russian Linguistics* 30 (2006): 437–51.
- DONALD OSTROWSKI, "The Account of Volodimir's Conversion in the *Povest' vremennykh let*: A Chiasmus of Stories", *Harvard Ukrainian Studies* 28 (2006): 567–580.
- DONALD OSTROWSKI, "Scribal Practices and Copying Probabilities in the Transmission of the Text of the *Povest' vremennykh let*", *Palaeoslavica* 13, no. 2 (2005): 48–77.

DONALD OSTROWSKI, "Introduction", in *The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis*, compiled and ed. DONALD OSTROWSKI, 1: xvii-lxxiii. Harvard Library of Early Ukrainian Literature, 10, pt. 1. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003)

JAMES L. RICE, "The Therapeutic Method of Moses the Hungarian: A Semantic Nicety", *Russian History / Histoire Russe* 33, no. 2-4 (2006): 173-178.

Rus' and the Mongols

DAVID GOLDFRANK, "Muscovy and the Mongols: What's What and What's Maybe", *Kritika*, NS, 1.2 (Spring 2000): 259-68.

CHARLES J. HALPERIN, "The Place of Rus in the Golden Horde", *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 14 (2005): 21-30; (co-author with ANN KLEIMOLA)

CHARLES J. HALPERIN, "'No One Knew Who They Were': Rus' Interaction with the Mongols", in *The Steppe Lands and the World Beyond Them. A Collection in Honor of Victor Spinei On His 70th Birthday*, ed. FLORIN CURTA, BOGDAN-PETRU MALEON (Iasi: Editura universitatii "Alexander Ioan Cruz", 2013), 377-87.

CHARLES J. HALPERIN, "Paradigms of the Image of the Mongols in Medieval Russia", in *The Early Mongols: Language, Culture and History. Tümen tümen nasulatugai. Studies in Honor of Igor de Rachewiltz on the Occasion of His 80th Birthday*, ed. VOLKER RABATZII, ALESSANDRA POZZI, PETER W. GEIER, JOHN R. KRUEGER (Indiana University Uralic and Altaic Series vol. 173; Bloomington, IN: 2009), 53-62.

CHARLES J. HALPERIN, *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia* (Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2009 [Corrected Edition]).

CHARLES J. HALPERIN, "The Image of the Mongols (Tatars) as Kipchaks (Polovtsy) in Russian Sources, Thirteenth-Sixteenth Centuries", *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 21 (2014-2015): *Festschrift for Thomas Allsen*: 137-146.

CHARLES J. HALPERIN, "A Tatar Interpretation of the Battle of Kulikovo Field, 1380: Rustam Nabiev", *Nationalities Papers* 44, no. 1 (2016): 4-19.

CHARLES J. HALPERIN, "Rewriting History: The Nikon Chronicle on Rus' and the Horde", *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 17 (2010): 11-26.

CHARLES J. HALPERIN, "Rus' Sources on the History of the Juchid ulus and its Successor States", *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 17 (2010): 27-34.

LAWRENCE LANGER, "Slavery in the Appanage Era: Rus' and the Mongols", in *Eurasian Slavery, Ransom and Abolition in World History, 1200-1860*, ed. CHRISTOPH WITZENRATH (Surrey, England and Burlington, Vermont: Ashgate, 2015), 145-69.

LAWRENCE LANGER, "War and Peace: Rus' and the Mongols in the 13th and 14th Centuries", in *Everyday Life in Russian History, Quotidian Studies in Honor of Daniel Kaiser*, ed. G. MARKER, J. NEUBERGER, M. POE, S. RUPP (Bloomington, IN: Slavica, 2010), 187-201.

LAWRENCE LANGER, "The 'Strangeness' of Rus' in the Mongol Empire: Problems of Comparative History", *Russian History / Histoire Russe* 28, no. 1-4 (2001): 273-294.

GAIL LENHOFF, "Rus'-Tatar Princely Marriages in the Horde: The Literary Sources", *Russian History / Histoire Russe* 42, no. 1 (2015): 16-31.

GAIL LENHOFF, (with JANET MARTIN) "Smolensk After the Mongol Invasions: A Reconstruction", *Die Welt der Slaven* LIX (2014): 111-136.

JANET MARTIN, "North-eastern Russia and the Golden Horde (1246-1359)", in *The Cambridge History of Russia*, vol. 1: *From Early Rus' to 1689*, ed. MAUREEN PERRIE (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), 158-187.

DONALD OSTROWSKI, “The Mongols and Rus’: Eight Paradigms”, in *A Companion to Russian History*, ed. ABBOTT GLEASON (Oxford: Wiley-Blackwell, 2009), 66–86.

DONALD OSTROWSKI, “The Tatar Campaign of 1252”, *Palaeoslavica* 17, no. 2 (2009): 46–64.

DONALD OSTROWSKI, *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).

Other Works

(There are a host of ways to organize this bibliographic material, and I have separated out only a few.)

BRIAN J. BOECK, “A Tale of Two Stones: Comparing Contested Epigraphic Artifacts from Kensington Minnesota and Kievan Rus’”, *Russian History / Histoire Russe* 32, no. 3–4 (2005): 297–312.

ELENA N. BOECK, “Believing is Seeing: Princess Spotting in St. Sophia of Kiev”, in *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*, ed. BRIAN J. BOECK, RUSSELL E. MARTIN, DANIEL ROWLAND (Bloomington, in: Slavica, 2012), 167–180.

ELENA N. BOECK, “Simulating the Hippodrome: The Performance of Power in Kiev’s St. Sophia”, *Art Bulletin* 91 (2009): 283–301.

FRANCIS BUTLER, *Enlightener of Rus’: Images of Vladimir Sviatoslavich across the Centuries*, (Bloomington IN: Slavica, 2002).

FRANCIS BUTLER, “The House of Rogvolod”, in *Imenoslov: Istoricheskaia semantika imeni*, vol. 2, (Moscow: Indrik, 2007), 189–204.

MARTIN DIMNIK, “Igor’s Defeat at the Kayala (1185): The Chronicle Evidence”, *Mediaeval Studies* 63 (2001): 245–282.

MARTIN DIMNIK, “The Kuna and the Currency of Kievan Rus’”, in *Proceedings of the 3rd International Numismatic Congress in Croatia*, 11–14 October, 2001, Pula, Croatia (Pula, 2002), 105–14.

MARTIN DIMNIK, *The Dynasty of Chernigov, 1146–1246* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003)

MARTIN DIMNIK, “Was Oleg Svyatoslavich the First Prince of Novgorod Severskiy?”, in *Druzhynni starozhytnosti Tsentral’no-Skhidnoi Ievropy VIII-XI st.* (Chernihiv: 2003), 26–32.

MARTIN DIMNIK, “The Princesses of Chernigov (1054-1246)”, *Mediaeval Studies* 65 (2003): 163–212.

MARTIN DIMNIK, “The Title Grand Prince in Kievan Rus’”, *Mediaeval Studies* 66 (2004): 253–312.

MARTIN DIMNIK, “Kievan Rus, the Bulgars and the Southern Slavs, c. 1020–c. 1200”, in *The New Cambridge Medieval History, Vol. IV, c. 1024–c. 1198, Pt. II*, ed. D. LUSCOMBE, J. RILEY-SMITH (Cambridge: Cambridge University Press, 2004), 254–276.

MARTIN DIMNIK, “Who was the Elder Svyatoslavich, Oleg (d. 1115) or David (d. 1123)?”, *Zberezhenia istoriko-kulturnykh nadban Sivershchyny* (2005): 24–35.

MARTIN DIMNIK, “Sviatosha – The First Prince-Monk in Kievan Rus’”, in *Love of Learning and Devotion to God in Orthodox Monasteries = Ljubav prema obrazovanju i vera u Boga u pravoslavnim manastirima; Selected Proceedings; zbornik izabranih radova*. I. (Raska, Serbia: 2006), 258–265.

MARTIN DIMNIK, “Dynastic Burials in Kiev before 1240”, *Ruthenica*, no. 7 (2008): 71–104.

MARTIN DIMNIK, “Mstislav Mstislavich ‘The Bold’ (d. 1228): A Unique Prince of Kievan Rus’”, *Mediaeval Studies* 70 (2008): 67–113.

- MARTIN DIMNIK, "Oleg Svyatoslavich Submits to Vladimir Monomakh on Three Counts", *Sivershchyna v istorii Ukrainy* 6 (2013): 91–95.
- MARTIN DIMNIK, "The Daughters and Sons of Prince Mikhail Vsevolodovich of Chernigov (1179–1246)", *Sivershchyna v istorii Ukrainy*, Vypusk 5 (2012): 107–111.
- MARTIN DIMNIK, "Ryurik Rostislavich (d. 1208?): The Unsung Champion of the Rostislavichi", *Ruthenica* VIII (2009): 31–65.
- MARTIN DIMNIK, "The Demise of Igor's Sons (1206–1211)", *Sivershchyna v istorii Ukrainy: Zbirnyk naukovykh prats'* 3 (2010): 102–111.
- MARTIN DIMNIK, *Power Politics in Kievan Rus': Vladimir Monomakh and His Dynasty, 1054–1246* (Toronto: Pontifical Institute for Medieval Studies, 2016)
- MARTIN DIMNIK, "The Nature of Princely Rule in Novgorod from 970 to 1136", *Mediaeval Studies* 72 (2010): 125–159.
- MARTIN DIMNIK, "Two Exceptional Saints of Kievan Rus'," *Bogoslovni vestnik* 71, no. 4 (2011): 543–552.
- TOM DYKSTRA, "Metropolitan Ilarion of Kiev's Use of Scripture in Defense of Russian Autocephaly", *St. Vladimir's Theological Quarterly* 44, no. 3–4 (2000): 223–262.
- MICHAEL S. FLIER, "Envisioning the Ruler in Medieval Rus': The Iconography of Intercession and Architecture", in *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*, ed. BRIAN J. BOECK, RUSSELL E. MARTIN, DANIEL ROWLAND, (Bloomington, IN: Slavica, 2012): 181–192.
- INÉS GARCÍA DE LA PUENTA, "Gleb of Minsk's Widow: Neglected Evidence on the Rule of a Woman in Rus'ian History?", *Russian History / Histoire Russe* 39 (2012): 347–378.
- INÉS GARCÍA DE LA PUENTA, "What Route Does the 'Povest' vremennykh let' Really Describe?", *The Russian Review* 69, no. 3 (2010): 373–387.
- DAVID GOLDFRANK, "Appreciating *The Growth of Law in Medieval Russia*", in *Everyday Life in Russian History: Quotidian Studies in Honor of Daniel Kaiser*, ed. GARY MARKER, et al., (Bloomington, IN: Slavica, 2010), 377–90.
- SEAN GRIFFIN, *The Liturgical Past in Byzantium and Early Rus* (Cambridge: Cambridge University Press, 2019)
- SEAN GRIFFIN, "Le baptême d'Ol'ga dans le Récit des temps passés ou le palimpseste liturgique", in *Ecrire et réécrire l'histoire russe, d'Ivan Terrible à V.O Kliuchevskii*, ed. PIERRE GONNEAU (Paris: Institut d'études slaves, 2013), 159–168.
- CHARLES J. HALPERIN, ANN KLEIMOLA, "Visual Evidence of the Cult of St. Vladimir", *Die Welt Der Slaven* 51, no. 2 (2006): 253–274.
- CHARLES J. HALPERIN, "Rus', Russia and National Identity", *Canadian Slavonic Papers* 48, no. 1–2 (2006): 157–166, 173–174.
- CHARLES J. HALPERIN, "National Identity in Premodern Rus' [Serhii Plokhly, *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*]", *Russian History*, 37, no. 3 (2010): 275–294.
- WALTER K. HANAK, *The Nature and the Image of Princely Power in Kievan Rus', 980–1054* (Leiden: Brill, 2013)
- WALTER K. HANAK, "Vladimir I: The New Solomon", in *Byzantinorossica 3: Istoki i posledstviia: Vizantiiskoe nasledie na Rusi. Sbornik statei k 70-letiiu chlenakorrespondenta RAN I. P. Medvedeva* (2005), 102–15.
- RICHARD HELLIE, "Alexander Nevskii's April 5, 1242 Battle on the Ice", *Russian History / Histoire Russe* 33, no. 2–4 (2006): 283–288.

- PRISCILLA HUNT, "The Interpretation of the Last Judgement in a Novgorod Wisdom Icon", *Byzantino-Slavica* 65 (2007): 275–325.
- PRISCILLA HUNT, "Andrei Rublev's Old Testament Trinity Icon: Problems of Meaning, Intertextuality, and Transmission", *Symposion: A Journal of Russian (Religious) Thought*, no. 7-12 (2002-2007): 15–46.
- PRISCILLA HUNT, "Andrei Rublev's Old Testament Trinity Icon in Cultural Context", in *The Trinity-Sergius Lavra in Russian History and Culture: Readings in Russian Religious Culture*, ed. DEACON VLADIMIR TSURIKOV, vol. 3 (Jordanville, NY: Holy Trinity Seminary Press, 2006), 99–122.
- PRISCILLA HUNT, "The Novgorod Sophia Icon and the 'Problem of Old Russian Culture': Between Sophiology and Orthodoxy", *Symposion: A Journal of Russian Thought*, 4–5 (2000): 1–41.
- ANN KLEIMOLA, "Ni pes ni vyzhlets ni gonchaia sobaka: Images of Dogs in Rus'", in *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*, ed. BRIAN J. BOECK, RUSSELL E. MARTIN, DANIEL ROWLAND, (Bloomington, IN: Slavica, 2012), 427–442.
- LAWRENCE LANGER, "For Want of Coin: Some Remarks on the Mongol Tribute and the Problem of the Circulation of Silver", in *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*, ed. BRIAN J. BOECK, RUSSELL E. MARTIN, DANIEL ROWLAND, (Bloomington, IN: Slavica, 2012), 85–102.
- LAWRENCE LANGER, *Historical Dictionary of Medieval Russia* (Lanham, Maryland; London: Scarecrow Press/Division Rowman & Littlefield, 2002)
- ARNOLD A. LELIS, "The View from the Northwest: The Chronicle of Novgorod as the Mirror of Local Experience of Rus' History, 1016–1333", *Russian History / Histoire Russe* 32, no. 3–4 (2005): 389–400.
- GAIL LENHOFF (with JANET MARTIN), "Marfa Boretskaia, Posadnitsa of Novgorod: A Reconsideration of Her Legend and Her Life", *Slavic Review* 59 (2000): 343–368.
- GEORGE P. MAJESKA, "Patriarch Photius and the Conversion of Rus'", *Russian History / Histoire Russe* 32, no. 3–4 (2005): 413–418.
- JANET MARTIN, *A History of Medieval Russia, 988–1584* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007 [2nd edition])
- JANET MARTIN, "Russian Agrarian Economy, 1200–1500", in *Europe in the Middle Ages: Patterns of Economic Growth and Crisis*, ed. HARILAOS KITSIKOPOULOS (New York and London: Routledge, 2011), 292–329.
- JANET MARTIN, "The First East Slavic State", in *A Companion to Russian History*, ed. ABBOTT GLEASON (Oxford: Wiley-Blackwell, 2009), 34–50.
- JANET MARTIN, "Calculating Seniority and the Contests for the Succession in Kievan Rus'", *Russian History* 33, no. 2–4 (2006): 267–281.
- YULIA MIKHAILOVA, "'He Sighed from His Heart and Began to Gather Soldiers': Emotions in Russian Political Narratives", *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana* 20 (2016): 17–29.
- YULIA MIKHAILOVA, "'Christians and Pagans' in the Chronicles of Pre-Mongolian Rus: Beyond the Dichotomy of 'Good Us' and 'Bad Them'", in *Geschichte der Slavia Asiatica: Quellenkundliche Probleme*, ed. CHRISTIAN LÜBKE, ILMIRA MIFTAKHOVA, WOLFRAM VON SCHELIHA (Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2013), 22–51.
- YULIA MIKHAILOVA (WITH DAVID PRESTEL), "Cross Kissing: Keeping One's Word in Twelfth-Century Rus'", *Slavic Review* 70 (2011): 1–22.

GREGORY A. MYERS, *Kievan Russia's Musical Enigma: A Historical, Liturgical and Musical-Paleographical Exploration of Kondakarnoie Pienie* (Sofia: Institute of Cyrillo-Methodian Studies, Bulgarian Academy of Sciences, 2008)

DONALD OSTROWSKI, "Was There a Riurikid Dynasty in Early Rus'?", *Canadian-American Slavic Studies* 52, no. 1 (2018): 30–49.

DONALD OSTROWSKI, "The 'Enclosed People' of the Revelation of Pseudo-Methodoios of Patara in the Povest' vremennykh let", in *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace G. Lunt*, ed. MICHAEL S. FLIER, DAVID J. BIRNBAUM, CYNTHIA M. VAKARELIYSKA (Bloomington, IN: 2014), 215–242.

DONALD OSTROWSKI, "Systems of Succession in Rus' and Steppe Societies", *Ruthenica* 11 (2012): 29–58.

DONALD OSTROWSKI, "Pagan Past and Christian Identity in the *Primary Chronicle*", in *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)*, ed. ILDAR H. GARIPZANOV (Turnhout: Brepols, 2011), 229–253.

DONALD OSTROWSKI, "An Ideal Prince for the Times: Alexander Nevskii in Rus' Literature", *Palaeoslavica* 16, no. 2 (2008): 259–271.

DONALD OSTROWSKI, "Where was Riurik's First Seat according to the *Povest' vremennykh let*?", *Drevniaia Rus': Voprosy Medievistiki* 3, no. 33 (2008): 47–48.

DONALD OSTROWSKI, "The Galician-Volhynian Chronicle, the *Life of Alexander Nevskii* and the Thirteenth-Century Military Tale", *Palaeoslavica* 15 (2007): 307–324.

DONALD OSTROWSKI, "Alexander Nevskii's 'Battle on the Ice': The Creation of a Legend", *Russian History* 33, no. 2–4 (2006): 289–312. (=Festschrift for Norman W. Ingham)

DONALD OSTROWSKI, "Military Mobilization by the Muscovite Grand Princes (1313–1533)", in *The Military and Society in Russia, 1450–1917*, ed. ERIC LOHR, MARSHALL POE (Leiden: Brill, 2002), 19–40.

MICHAEL C. PAUL, "Episcopal Election in Novgorod (Russia), 1156–1478", *Church History* 72, no. 2 (2003): 251–275.

OLENKA PEVNY, "Dethroning the Prince: Princely Benefaction and Female Patronage in Medieval Kyiv", *Harvard Ukrainian Studies* 29, no. 1–4 (2007): 61–108.

SERHII PLOKHY, *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006)

DAVID PRESTEL, "Kievan Rus' Theology: Yes, No, and It Depends", *Russian History / Histoire Russe* 46, no. 2–3 (2019): 177–192.

DAVID PRESTEL, "Holy Folly: Explorations of Humility in the Kievan Caves Monastery", *Russian History / Histoire Russe* 44 (2017): 371–392.

DAVID PRESTEL, "Divine Providence and the Taking of Cherson: Vladimir's Acceptance of Christianity", *The Tapestry of Russian Christianity, in the series Eastern Christian Studies, Vol. 2 Ohio Slavic Papers, Vol. 10* (Columbus, OH: The Ohio State University, 2016): 1–21.

DAVID PRESTEL (WITH YULIA MIKHAILOVA), "Cross Kissing: Keeping One's Word in Twelfth-Century Rus'", *Slavic Review* 70 (2011): 1–22.

DAVID PRESTEL, "The Kievan Caves Monastery: What do Monks Have to Do with the World?", *Russian History / Histoire Russe* 33, no. 2–4 (2006): 199–216.

DAVID PRESTEL, "Ascent to the Cave: Kirill of Turov and Kievan Monasticism", in *Kirill of Turov: Bishop, Preacher, Hymnographer*. *Slavica Bergensia* 2, ed. INGUNN LUNDE (Norway: University of Bergen, 2000), 9–32.

PETER A. ROLLAND, “Liturgy, Literary Etiquette and Characterization in the *Skazanie i strast’ i pokhvala sviatiuiu mycheniku Borisa i Gleba*”, *Russian History / Histoire Russe* 33, no. 2–4 (2006): 163–172.

ROBERT ROMANCHUK, “Writing, Reading, and Rhetoric: ‘Lettered Education’ in Kyivan Rus” in MYKHAILO HRUSHEVSKY, *History of Ukraine-Rus’*, vol. 3: *To the Year 1340* (Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press: 2016): 511–524.

ROBERT ROMANCHUK, “Efrosin of Kirillov and an Interpolated Princely Genealogy in the *Zadonshchina*”, *Russian History / Histoire Russe* 33, no. 2–4 (2006): 353–364.

ROBERT ROMANCHUK, *Byzantine Hermeneutics and Pedagogy in the Russian North: Monks and Masters at the Kirillo-Belozerskii Monastery, 1397–1501* (Toronto: University of Toronto Press, 2007)

GEORGE G. WEICKHARDT, “The Canon Law of Rus’, 1100–1551”, *Russian History / Histoire Russe* 28, no. 1–4 (2001): 411–446.

PIERRE GONNEAU

**FRENCH AND FRENCH-SPEAKING CONTRIBUTIONS
TO THE HISTORIOGRAPHY OF RUS (862–1462)¹**

There is no special chair on Rus' in France. In history faculties, most of the Russia specialists work on the 19th-century Russian Empire, Soviet and post-Soviet Russia. Thus, French and French-speaking research on the Historiography of Rus' is often associated with research on modern Russia or Byzantine studies. The main topics are source editions and critical approaches to sources; the Tatar yoke; Church and religion; the arts and culture of medieval Rus.

Keywords: Kievan Rus'; Russian Church; Mongols and Russia; Tatar Yoke; Russian icons; Archeology of Russia; Crimea; Russian medieval art; Russian medieval architecture; Princess Olga; De cerimoniis

Pierre Gonneau – professor at Sorbonne Université and directeur d'études at École Pratique des Hautes Études (Paris). E-mail: pierre.gonneau@orange.fr

1 Citation: PIERRE GONNEAU, "French And French-Speaking Contributions To The Historiography Of Rus' (862–1462)", *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 33–44. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.13

There is no special chair on Rus' in France. In history faculties, most of the Russia specialists work on the 19th-century Russian Empire, Soviet and post-Soviet Russia. Thus, French and French-speaking research on the historiography of Rus' is often associated with research on modern Russia or Byzantine studies.

École Pratique des Hautes Études (EPHE) has a chair in Russian history and linguistics which has been held by André Vaillant (1932–1966), Jacques Lépissier (1967–1971) and Vladimir Vodoff (1972–2001) and is currently held by Pierre Gonneau. A prosopographic dictionary of EPHE gives detailed information on its teachers from the foundation of the School in 1868 to the present day. <https://prosopo.ephe.psl.eu/> Although it has courses in modern history, EPHE's main focus is on prehistoric, antique and medieval studies. The *Livret-annuaire* of EPHE's Section des Sciences historiques et philologiques is now available online. It gives yearly reports of every directeur d'études for years 2008 on <https://journals.openedition.org/ashp/> For archives (1872–2007) <https://www.persee.fr/collection/ephe>

The main topics of French research on Rus' are source editions and critical approaches to sources; the Tatar yoke; Church and religion; the arts and culture of medieval Rus.

SOURCE EDITIONS, TRANSLATIONS AND LINGUISTICS

An exhaustive bibliography of western-language translations of Old Russian and Muscovite sources was compiled in 1998 and partially updated in 2016. A long-awaited French translation of the *Tale of the Bygone Years* (the first since 1884!) was published by Jean-Pierre Arrignon. Michel Mervaud, a specialist on 18th-century Russia, has edited and translated Gottlieb Bayer's seminal essay (in Latin) on the origins of Russia, written at the beginning of the famous scientific quarrel setting "Normanists" against anti-Normanists. Although the author maintains a well-balanced position, he has often been vilified as the first Normanist. Much work has been devoted by French Byzantinists to a new edition and complete study of the *De cerimoniis*, the precious Byzantine treaty written ca. 959 under the supervision of Constantine VII Porphyrogenitus. This treaty includes the tale of the reception of Olga, *archontissa* of the Rhôs, in Constantinople, which was an important step towards the baptism of Rus' in 988 by prince Vladimir, grandson of Olga. The date of this visit (in 946 or 957) is still a matter of discussion (among others between M. Featherstone and C. Zuckerman).

At EPHE, a new experimental platform called Multipal is being developed to help students and young researchers in mastering paleography and the editing of medieval sources. Four Old-Russian documents are available on this site.

The series *Monumenta Palaeographica Medii Aevi*, aims to publish samples of every type of written document known in medieval Europe. Volumes on Latin, Greek and Jewish documents have already been issued. The first volume of the new *Series Rossica* is in the making. It will publish the oldest Old-Russian charters kept in the archive of the municipality of Riga, from the year 1191/1192 to 1341. Photographs of each document, transcriptions with French translations, historical, diplomatic, and paleographic comments are provided, taking into account all the historiography of the question in Russia and the Soviet Union, in Baltic countries and in the West.

ARRIGNON Jean-Pierre, *Chronique de Nestor (Récit des temps passés): naissance des mondes russe*, Toulouse: Anacharsis, 2008, 284 p.

BAYER Gottlieb, *Les Origines de la Russie de Gottlieb Bayer (1741)*, ed. Isabelle JOUTEUR, Michel MERVAUD, Toulouse: CRIMS-LLA, 2004, 153 p. (Specimina slavica tolosana 9)

BERELOWITCH André, CAZACU Matei, GONNEAU Pierre, *Histoire des Slaves orientaux des origines à 1689: bibliographie des sources traduites en langues occidentales*, sous la direction de Vladimir VODOFF, Paris: CNRS; Institut d'Études Slaves, 1998, 256 p. (Collection historique de l'Institut d'études slaves 39). Online revised edition January 2016 http://eurorbem.paris-sorbonne.fr/IMG/pdf/histoire_des_slaves_orientaux.pdf

BREUILLARD Jean, VIELLARD Stéphane, *Histoire de la langue russe des origines au XVIIIe siècle*, Paris: Institut d'études slaves, 2015, 318 p. (Collection de manuels publiés par l'Institut d'études slaves XV).

CONSTANTINE PORPHYROGENITUS, *Le livre des cérémonies = Liber de cerimoniis*, ed. Gilbert DAGRON, Bernard FLUSIN, with René BONDOUX, Denis FEISSEL, Michel STAVROU, Constantin ZUCKERMAN, Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et civilisations de Byzance, 2020, 5 parts in 6 volumes (Corpus fontium historiae byzantinae 52)

DESCHLER, Jean-Paul, *Manuel du slavon liturgique*, 2nd revised and augmented edition. T.1 *Grammaire*. T.2, *Dictionnaire slavon-français*, Paris: Institut d'études slaves, 2018–2019, 2 vol., 126 and 247 p. (Collection de manuels publiés par l'Institut d'études slaves IX)

FEATHERSTONE Michael, "De Cerimoniis: The Revival of Antiquity in the Great Palace and the 'Macedonian Renaissance'", in: *The Byzantine Court:*

Source of Power and Culture, ed. Nevra NECIPOGLU, Ayla ÖDEKAN, Engin AKYÜREK [2nd International Sevgi Gonül Byzantine Studies Symposium, Istanbul 21-23 June 2010], Istanbul: Koç University Press, 2013, 137-142.

FEATHERSTONE Michael J. “Déchiffrement et étude des fragments des palimpsestes de Vatopedi (Athos) et de Stamboul du *Livre des Cérémonies* (*De Cerimoniis*) (Xe s.)”, en collaboration avec Jana GRUSKOVA (Bratislava) et O. KRESTEN (Vienne) dans le cadre du projet «Vienna Palimpsests» du Fonds autrichien pour la science (FWF): <https://www.oeaw.ac.at/en/byzantine-research/language-text-and-script/book-culture-palaeography-and-palimpsests/greek-palimpsests/project-fwf-p-24523/> (Accessed June 10, 2021)

FEATHERSTONE Michael, “Olga’s Visit to Constantinople in *De Cerimoniis*”, *Revue des études byzantines*, 61 (2003), 241-251

FEUILLET Jack, *Linguistique comparée des langues slaves*, Paris: Institut d’études slaves, 2018, 726 p. (Collection de manuels de l’Institut d’études slaves 16)

LE FEUVRE Claire, “Deux exemples d’interférences linguistiques dans les textes novgorodiens anciens : l’église et le maître”, *Revue des études slaves*, t.74.2-3, 2002, 431-440.

LE FEUVRE Claire, “Le développement de la phrase nominale dans les écorces de bouleau de Novgorod : copule, auxiliaire et marque personnelle”, *Revue des études slaves*, t.75.3-4, 2004, 381-401.

LE FEUVRE Claire, “Le futur périphrastique dans les écorces de bouleau de Novgorod”, in *Construire le temps: études offertes à Jean-Paul Sémon*, Paris, 2008, 381-394 (Travaux publiés par l’Institut d’études slaves 55).

LE FEUVRE Claire, “Sur la flexion des thèmes en -a- en vieux novgorodien”, *Revue des études slaves*, t.78.1, 2007, 7-17.

Multipal: tutoriels de Paléographie. Online platform for young paleographers. Online edition of 4 Old-Russian charters from the Riga City Archives (13th-14th C.) by P. GONNEAU, A. IVANOV, Victor SMIRNOV, <http://multipal.fr/fr> (Accessed June 10, 2021)

Les Plus anciennes chartes russes. Le fonds des Archives municipales de Riga, XII-XIV s. = Древнейшие русские грамоты : Фонды архивов рижского магистрата, XII--IV вв., ed. P. GONNEAU, Aleksandrs IVANOV, Anatolijs KUZNECOVS, Turnhout: Brepols, 2021 [to be published]

ZUCKERMAN Constantin, “Le Voyage d’Olga et la première ambassade espagnole à Constantinople en 946”, *Travaux et mémoires / Collège de France*, 13 (2000), 647-672.

Archaeology

Michel Kazanski and Constantin Zuckerman have devoted great attention to the archaeology of the Goths and Slavs at the time of the Great Migrations and to the study of material culture in Rus' and Crimea. Caen, one of the historical capitals of Normandy and a major research center in archaeology, celebrated the millennium of 911 with a Franco-Russian exhibition commemorating the "other Normandy". As we know from the *Tale of the Bygone Years*, in 911, while Normandy was given as a duchy to Rollo, a Northman, by Charles the Simple, king of Francia, Oleg, Varangian prince of Kiev, signed a treaty with Byzantium, thus consolidating permanent commercial relations that opened the way to the conversion of Rus' to Orthodoxy in 988.

Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient, ed. Michel KAZANSKI, Anne NERCESSIAN, Constantin ZUCKERMAN, Paris: P. Lethielleux, 2000, 440 p. (Réalités byzantines 7)

GONNEAU Pierre, Novgorod: histoire et archéologie d'une république russe médiévale (970-1478), Paris: CNRS éditions, 2021, 246 p. (L'Esprit des lieux)

La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar, ed. Constantin ZUCKERMAN, Paris: Association des amis du Centre d'histoire et de civilisation de Byzance, 2006, 230 p. (Collège de France. Monographies 25).

KAZANSKI Michel, «Большие «готские пряжки» с изображением креста у населения Юго-Западного Крыма (второая половина VI - первая половина VII вв.): о происхождении убора», in: Александр Евгеньевич МУСИН, Ольга Алексеевна ЩЕГЛОВА (éd.), В камне и в бронзе, Санкт-Петербург: Институт Истории Материальной Культуры РАН, 2017, 221–226.

KAZANSKI Michel, "Les Fibules germaniques danubiennes dans le contexte slave (VIe siècle)", *Arheologia Moldovei* 36, 2013 (2014), 105–118.

KAZANSKI Michel, "The Middle Dnieper area in the seventh century: an archaeological survey", *Travaux et Mémoires / Collège de France* 17, 2013, 769–864.

KAZANSKI Michel, « О появлении остроготов и гепидов в Крыму и на Тамани в VI веке », in: Николай Александрович АЛЕКСЕЕНКО (ed.), *Миры Византии ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*. Том. 2, Симферополь: Институт Археологии Крыма РАН, 2019, 15–34.

KAZANSKI Michel, « Погребения и «поминальники» воинских предводителей пост-гуннского времени в понтийских степях ». In: Anita KOROM (ed.), *Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszte-*

letère. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet, Budapesti Történeti Múzeum, 2018, 393–408.

KAZANSKI Michel, *Les Slaves: les origines (1er–VIIe siècle après J.-C.)*, Paris: Errance, 1999, 159 p. (Collection des Hespérides).

KAZANSKI Michel, “Tombes des élites steppiques de l’époque post-hunnique dans la région pontique”, *Přehled výzkumů* 58.1, 2017, 65–84.

Russie Viking, vers une autre Normandie ? Novgorod et la Russie du Nord, des migrations scandinaves à la fin du Moyen-âge (VIIIe – XVe s.), [Exhibition, Caen, Musée de Normandie, 24 June-31 October 2011], ed. Sandrine BERTHELOT, Aleksandr Evgen’evič MUSIN, Caen, 2011, 191 p.

Kievan Rus’ And Its Foreign Relations

Presses universitaires de France has recently completed the publication of a 3-volume comprehensive history of Russia in the spirit of the *Longman History of Russia*, giving an up-to-date picture of the state of research. *Des Rhôs à la Russie* was published in 2012 and translated into Russian. Each of the three volumes gives an international bibliography, a chronological study of the facts and thematic chapters on the main problems debated between historians. Constantin Zuckerman covers the field of early Kievan Rus’ culture in its relations with the Byzantine empire. Crimea is one of their points of contact. The date of the princess Olga’s famous trip to Constantinople (946 or 957) is still disputed, as his article and the one written by Michael Featherstone show. Vladimir Vodoff’s annual reports on his seminar on Old Russian history and philology have been assembled in *Autour du Moyen-âge russe*. Florent Mouchard has published a study on the Smolensk land that describes its political, economic and cultural roles in Kievan Rus’. This is less a “regional study”, than a different focus, in the spirit of Father Martin Dimnik’s two books, *The Dynasty of Chernigov* (Toronto, 1994 and New-York-Cambridge, 2003). Marie Favereau has recently established herself as the new specialist on the Golden Horde, especially studying the period of its supposed decline.

ARRIGNON Jean-Pierre, *La Russie médiévale*, Paris: Les Belles Lettres, 2003, 2e éd., 2010, 241 p. (Guide Belle Lettres des civilisations 11)

Collectanea Borisoglebica = Борисо-Глебский сборник. Вып. 1, ed. Constantin ZUCKERMAN, Paris: ACHCbyz, 2009, 363 p. (Occasional Monographs by the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies II)

Études slaves médiévales : nouvelles perspectives de recherche = *Medieval Slavonic Studies : New Perspectives for Research* = ed. Juan Antonio

ALVAREZ-PEDROSA NÚÑEZ, Susana TORRES-PRIETO, Paris: Institut d'études slaves, 2009, 231 p. (Collection historique de l'Institut d'études slaves XLIII)

FAVEREAU Marie, *La Horde d'or et le sultanat mamelouk: naissance d'une alliance*, Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2018, 176 p. (CAI 34).

FAVEREAU Marie, *La Horde d'or de 1377 à 1502: aux sources d'un siècle « sans histoire »*, sous la direction de Ludvik KALUS, Thèse Université Paris-Sorbonne, 2004.

FAVEREAU Marie, *La Horde d'Or: les héritiers de Gengis Khan*, photographies de Jacques RAYMOND, Lascelle: Editions de la Flandonnière, 2014.

"The Golden Horde and the Islamisation of the Eurasian Steppes = La Horde d'Or et l'islamisation des steppes eurasiatiques", sous la direction de Marie FAVEREAU, *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée* 143, 2018.

GONNEAU Pierre, LAVROV Aleksandr, *Des Rhôs à la Russie: histoire de l'Europe orientale 730-1689*, Paris, 2012 (Nouvelle Cléo). Russian translation: *От Росов до России, история Восточной Европы, 730–1689*, СПб.: Евразия, 2017, 815 p.

GONNEAU Pierre, "L'Influence tatare sur l'État et la société russes", *Revue des études slaves*, LXXII, 2000, 569–577.

GONNEAU Pierre, "La Rus' de Kiev, une société féodale? (860–1240): les théories en présence", *Journal des savants*, 1999.1, 167–225.

GONNEAU Pierre, SORLIN Irène, VODOFF Vladimir, "Propositions pour une terminologie en langue française du passé des Slaves orientaux", *Russia Mediaevalis*, IX.1, 1998, 5–12.

Kiev – Cherson – Constantinople: Ukrainian Papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001), ed. Alexander AIBABIN, Hlib IVAKIN, Kiev; Simferopol; Paris: ACHCbyz, 2007, 261 p. (Occasional Monographs 1)

MOUCHARD, Florent, *La Maison de Smolensk: une dynastie princière du Moyen-âge russe, 1125–1404*, Paris, Institut d'études slaves, 2015, 306 p. (*Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves* 131).

MOUCHARD Florent, "Les Révoltés invisibles: le prince Davyd Rostislavich face aux troubles civils de Smolensk (1180–1197)", *Revue des études slaves*, LXXXIII.4, 2012, 1107–1118.

Novgorod, ou la Russie oubliée: une république commerçante (XIIe–XVe siècles), ed. Philippe FRISON, Olga SEVASTYANOVA, Paris: Le Ver à Soie, Virginie Symaniec éditrice, 2015, 461 p.

VODOFF, Vladimir, *Autour du Moyen Âge russe: trente années de recherche*, Paris: Institut d'études slaves, 2003, 165 p. (*Cultures et sociétés de l'Est* 38)

ZUCKERMAN Constantin, « 1108 лет русского присутствия в Латакии », in *Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages* = Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто (Москва 17-20 апреля 2018 г.), Moscou, 2018, 328–332

ZUCKERMAN Constantin, « Английский след в ранней летописи, или летописец шутит », in *У истоков источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко*, 2019, 457–482.

ZUCKERMAN Constantin, “The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus”, *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, 22, 2017, 311–336.

ZUCKERMAN Constantin, « Из ранней истории Литовской митрополии », in *Беларускае падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў* Зборнік навуковых артыкулаў II міжнароднай навуковай канферэнцыі, (да 20-годдзя археалагічных і этнаграфічных экспедыцый ПДУ) (Полацк, 17 – 18 красавіка 2014 г.), ч.2, Наваполацк : ПДУ, 2018, с. 145–152.

ZUCKERMAN Constantin, « О Правде Русской », *Ruthenica* XII (2014), 108–156.

ZUCKERMAN Constantin, *Перестройка древнейшей русской истории*, in *У истоков русской государственности: историко-археологический сборник*, St. Petersburg 2007, 343–351.

ZUCKERMAN Constantin, « Закат византийской власти в Крыму: полемический отклик », in *XI Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и Полис (Севастополь – Балаклава 3–7 июня 2019 г.)*. Материалы научной конференции, Симферополь, 2019, p. 237–244 [completes “The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus”]

Religion, the Russian Church, Culture and the Arts

The bulk of French research on Rus' addresses the questions of religion, culture, and the arts (most often religious culture and the arts). A major exhibition of Russian medieval and early modern art was held at the Louvre museum in Paris in 2010. For the first time in Western Europe, and even in Russia, it collected together 400 masterpieces from the major museums of Russia, and also some very famous pieces held in the West: the St-Bertin Annals, with the

first mention of the Rhos (s.a. 839); the Hebrew document sent from Kiev to the Cairo Genizah (ca. 930 AD); the so-called Gertrude Psalter (10th and 11th c.), once possession of the wife of Prince Iziaslav of Kiev, kept now in Cividale; and the Reims Gospel (11th and 14th c.), supposed to have been brought to France by Anna Iaroslavna. The catalogue of this exhibition is a kind of anthology of Russian arts before Peter the Great. M. Featherstone, V. Geronimi, O. Medvedkova, and V. Traimond made other important contributions. P. Gonneau studied the interaction between texts and images in Russian medieval tradition, mostly in the field of hagiography and historiography (the chronicles). É. Teiro wrote a major study of the development of the Russian metropolitan see. It is completed by K. Vetochnikov's at present unpublished dissertation on the diplomatics of the Russian Church.

ARRIGNON Jean-Pierre, *Russie*, "Culture Guides" collection, Paris: PUF, 2008

CONGOURDEAU Marie-Hélène, "L'empereur et le patriarche dans l'empire byzantin", *Istina* L, 2005/1, 8–21

Dictionnaire de la philosophie russe, dir. Mikhaïl MASLINE, Françoise LESOURD, Lausanne: L'Age d'homme, 2010

FEATHERSTONE Michael, « Византийские иконы как маркеры культуры », in *Современные проблемы изучения истории Церкви*. Сборник докладов международной конференции. МГУ им. Ломоносова, Moscou : MGU, 2014, 351–364.

FEATHERSTONE Michael, "Icons and Cultural Identity", in *L'aniconisme dans l'art religieux byzantin. Actes du colloque de Genève, 1-4 octobre 2009*, éd. Matteo CAMPAGNOLO, Paul MAGDALINO, Marielle MARTINIANI-REBER, André-Louis REY, Genève: La Pomme d'or; Musée d'art et d'histoire de Genève, 2015, 105–113.

GARZANITI Marcello, "Le Livre du Pèlerin d'Antoine de Novgorod: Constantinople dans le premier témoignage d'un récit de voyage russe", in *Pèlerinages en Eurasie et au-delà*, éd. Kathy ROUSSELET, Toulouse, 2013 (Slavica Occitania 36)

GERONIMI Valérie, "L'Évangélaire slavon de Reims : mythes, (re) découverte historique et perspectives", *Revue des études slaves* LXXXIX.1–2, 2018, 133–142.

GONNEAU Pierre, *À l'aube de la Russie moscovite: Serge de Radonège et André Roublev: légendes et images (XIVe-XVIIe siècles)*, Paris: Institut d'études slaves, 2008, 367 p. (*Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves* 114)

GONNEAU Pierre "Andrej Rublev e la sua epoca. Il pittore e la pittura nella Moscovia del tardo Medioevo", in *Andrej Rublev e l'icona Russa russa*:

atti dell' XIII Convegno ecumenico internazionale di spiritualità ortodossa. Sezione russa, ed. A. Mainardi, Bose, Qiqajon, 2006, 29–59.

GONNEAU Pierre, “Le Christianisme orthodoxe en Russie: bibliographie sélective”, *Revue des études slaves*, LXXIV, 2002–2003, 193–220.

GONNEAU Pierre, “Des Églises slaves florissantes” et “Nouveaux visages du monde orthodoxe”, in *Histoire générale du christianisme. T.1 Des origines au XVe siècle*, Paris, PUF, 2010, 1142–1170 and 1230–1276.

GONNEAU Pierre, “L'Ideale della santità monastica e la dinastia moscovita (1389-1537) : il principe di fronte alla morte”, in *Forme della santità russa: atti dell' VIII Convegno ecumenico internazionale di spiritualità ortodossa. Sezione russa*, ed. Adalberto MAINARDI, Bose, Qiqajon, 2002, 83–139. French version: “L'idéal de sainteté monastique et la dynastie moscovite: 1389–1547”, in *Проблема святых и святости в истории России: Материалы XX международного семинара исторических исследований « От Рима к Третьему Риму » : Проблема святых и святости в контексте истории и права = Il problema dei santi e della santità nella storia della Russia : Atti del XX Seminario internazionale di studi storici “Da Roma alla Terza Roma” : Santi e santità nella storia e nel diritto*, Moscow, 2006, 143–173.

GONNEAU Pierre, “L'intelligentsia et la vieille Russie”, *La Revue russe*, 30 (2008), 45–58.

GONNEAU Pierre, “L'Invention des reliques de Serge de Radonež et le développement de son culte”, in *Liturgia e agiografia tra Roma e Costantinopoli: Atti del I e II Seminario di Studio Roma – Grottaferrata 2000–2001*, Ed. Krasimir STANTCHEV, Stefano PARENTI, Grottaferrata: Monastero esarchico, 2007, 227–258 (*Analekta Kruptoferrês* 5).

GONNEAU Pierre, “Ironie et jeux de mots dans les textes narratifs vieux-russes”, in *Nel mondo degli Slavi: incontri e dialoghi tra culture: studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff*, a cura di Maria DI SALVO, Giovanna MORACCI, Giovanna SIEDINA, Firenze: Firenze University Press, 2008, t. 1, 255–265 (*Biblioteca di studi slavistici* 8).

GONNEAU Pierre, “Les Princes de Moscou face à la mort: modèle monastique et sainteté lignagère (1263–1598)”, *Cahiers du monde russe*, 46.1-2, 2005, 193–210.

GONNEAU Pierre, “Récits des origines et fondation des dynasties slaves à travers les premières chroniques polonaise, russe et tchèque”, *Livret-Annuaire de l'Ecole pratique des Hautes Etudes*, année 2008–2009, Paris, 2010, xxi–xlix.

GONNEAU Pierre, “Saints corps et corps impurs dans la tradition de la Rus' de Kiev (XIe–XIIIe s.)”, in *Il corpo impuro e le sue rappresentazioni nelle*

letterature medievali, ed. Francesco MOSETTI CASARETTO, Roberta CIOCCA, Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2012, 397–433 (*Ricerche Intermedievali* 5).

GONNEAU Pierre, “Le Trépas du prince et la gloire de la dynastie à l'époque de la rivalité entre Tver' et Moscou (1263–1399)”, *Istina*, 40, 2005.2, 115–136.

GONNEAU Pierre, “Le vent dans les textes scripturaires en slavon oriental”, in *Mosty mostite: Studi in onore du Marcello Gazaniti*, curated by Alberto ALBERTI, Maria Chiara FERRO, Francesca ROMOLI, Firenze : Firenze University Press, 2016, 155–165 (*Biblioteca di studi slavistici* 34).

Histoire du christianisme: des origines à nos jours, dir. Jean-Marie MAYEUR, Paris: Desclée de Brouwer, 1990–2000, 14 vol. [chronological series. The Slavic world is treated starting from t.4 *Evêques, moines et empereurs (610–1054)*]

“Liturgie et histoire dans l'Église russe médiévale”, *Revue des études slaves*, LXXVI, 2005, 9–74.

MEDVEDKOVA Olga, *Les icônes en Russie*, Paris: Gallimard, 2010 (Découvertes Gallimard)

MOUCHARD Florent, “Les citations scripturaires dans la Chronique Hypatienne”, *Revue des études slaves*, LXXIV.2-3, 2002–2003, 419–429.

MOUCHARD Florent, “Deux carêmes de Vladimir Monomaque: Quelques réflexions sur les notions de ‘moment opportun’ et de ‘guerre sacrée’ dans la Rus’ (1100–1115)”, in *Construire le temps: Études offertes à Jean-Paul Sémon*, Paris, 2008, 373–378.

MOUCHARD Florent, « Небо как открытая книга: Небесные знамения в домонгольском летописании », *Ruthenica* 14 (2017), 7–25.

ROTY Martine, *Dictionnaire russe-français des termes en usage dans l'Église russe*, 4th edition, Paris, 2010 (Lexiques de l'Institut d'études slaves 4)

ROZDESTVENSKAJA Tatj'ana, GORDIN Aleksandr, ZYKOV Petr, “Les graffiti des pèlerins slaves en France, XIIe–XVIIe siècles”, *Revue des études slaves*, LXXXIX.3, 2018, 281–302.

Sainte Russie: l'art russe des origines à Pierre Le Grand, [Exhibition organized by the Louvre Museum, Paris, March 5–May 24, 2010], sous la direction de Jannic DURAND, Dorota GIOVANONNI, Ioanna RAPTI, Paris : Musée du Louvre ; Somogy, 2010, 743 p.

TEIRO, Elisabeth, *L'Église des premiers saints métropolitains russes*, Paris: Institut d'études slaves, 2009 (*Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves* 119).

TRAIMOND, Vera, *Architecture de la Russie ancienne*, Paris: Hermann, 2003, 2 vol., 234 and 337 p. T.1 X^e–XVe siècles. T.2 XVe–XVIIe siècles.

TRAIMOND, Vera, *La peinture de la Russie ancienne: mosaïques, fresques, icônes, enluminures*, Paris: Bertrand Giovanangeli, 2010, 808 p.

VETOCHNIKOV Konstantinos, *Diplomatique de l'Église russe (988-1448): influences byzantines et développements originaux*. Doctoral thesis. École Pratique des Hautes Études. Paris, 2010.

VODOFF Vladimir, *Autour du mythe de la Sainte Russie: christianisme, pouvoir et société chez les Slaves orientaux (Xe-XVIIe siècles)*, Paris: Institut d'études slaves, 2003, 286 p. (Cultures et sociétés de l'est 37)

NORBERT KERSKEN

**RESEARCH BY GERMAN-SPEAKING RESEARCHERS
ON THE HISTORY OF THE PRINCIPALITIES OF RUS' UP TO
THE END OF THE 15TH CENTURY¹**

The following overview aims to provide a guide to German-language research on the history of Rus' and its principalities up to the rise of Moscow at the end of the 15th century. It includes a structured overview of the relevant publications with comments, thereby allowing readers to gain an idea of the leading research questions and interests. An attempt has been made not only to include publications in German by researchers from German-speaking countries (Germany, Austria, Switzerland), but also those in other languages; in addition, publications by other authors in German – with the exception of works by Russian scholars – have also been included.

Keywords: Germany, Austria, Switzerland, Rus', historiography

Norbert Kersken – Dr. Dr. h. c., former academic staff member of the Herder Institute for Historical Research on East Central Europe, Marburg. E-mail: norbert.kersken@herder-institut.de. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9427-0535>

1 *Citation:* NORBERT KERSKEN, "Research by German-Speaking Researchers on the History of the Principalities of Rus' up to the End of the 15th Century", *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 45–69. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.19

I CHRONOLOGICAL REPRESENTATIONS

First of all, there are publications that deal with the history of the Rus' principalities within the framework of chronological representations. These refer to different rule formations: to the history of Russia, Ukraine and Belarus. As concerns the context of Russian history, the two most recent comprehensive accounts of Russian history in German are the updated version of *Russische Geschichte [Russian History]*, which Günther Stökl first published in 1961, now available in an expanded edition (Alexander / Stökl 2009) and Manfred Hildermeier's account, which, although it only goes back to 1917, strikes a different note in some respects, placing more emphasis, for example, on the consideration of social and everyday history (Hildermeier 2013). In both works, the period up to the end of the 15th century accounts for about one fifth of the entire text. A brief orientation on ancient Russian history can also be found in a handbook for university teaching (Kusber 2009). Kerstin Jobst (Jobst 2015; the much shorter Lüdemann 2006) and Andreas Kappeler (Kappeler 2017; Kappeler 2021) have undertaken an in-depth reflection on the classification of the oldest East Slavic rule formation in the Russian and Ukrainian tradition formation. The historiography of Belarus refers to the history of Kyivan Rus' and the Principality of Polotsk (Lojka 2001). In the context of an overall history of medieval Eastern Europe, Christian Lübke has also considered Rus' (Lübke 2004, esp. 106–122, 161–178, 299–321, 397–416). Carsten Goehrke pursues a completely different, innovative approach to the presentation of history. In his structural history of Russia, he traces various aspects (space, foreign relations, economy and population, country and city, rule, church and personalities) through the entire history, devoting due attention to Russia's medieval foundations (Goerke 2010). Erich Donnert, a historian specialising in the history of Eastern Europe from Halle, had published a welcome reference work as long ago as 1985, a revised version of which appeared in 2009 with the collaboration of Edgar Hösch (Donnert / Hösch 2009). It offers articles on persons, places, buildings (churches, monasteries), artistic works and terms relating to older Russian history up to the end of the 17th century. A collection of translated source extracts for Russian history from the beginnings to the present offers an unsatisfactorily small selection for the period up to the end of the 15th century (Nolte / Schalhorn / Bonwetsch 2014; the section "Kyivan Rus'" offers 14 text extracts [17–37]). Cornelia Soldat has compiled a welcome set of references to relevant internet resources (Soldat 2011).

II PUBLICATIONS FOCUSING ON THE EXTERNAL RELATIONS OF RUS'

Not surprisingly, a large proportion of the publications in German focus on the history of Russia's international relations. This concerns above all political relations but also economic exchange, if one thinks of the Hanseatic contacts. One research report of German-Slavic relations in the Middle Ages also takes into account German-Russian aspects of these relations (Wünsch 2008, esp. 60f., 112–117). Studies on the history of Russia's international relations essentially cover three different sets of relationships: that of the Holy Roman Empire and Kyivan Rus'; that of Russian relations with Livonia and the Teutonic Order, and that of Hanseatic-Russian relations.

Works on relations between the Holy Roman Empire and Rus' concentrate on the pre-Mongolian period. A distinction can be made between special studies on concrete constellations of relations and general studies. Details of marriage relations between Kyivan and German princes are illuminated by Hartmut Rüb, Christian Lübke and Ludwig Steindorff, while Markus Osterrieder points to monastic (Scottish monasteries, Břevnov, Sázava) and dynastic connections (Piaſt-Rurikid double marriage around 1043) in the 11th century. Christian Lübke places German-Russian relations of the 10th and 11th centuries in the larger context of the Empire's "Ostpolitik" (Lübke 2010; Lübke 2012; Lübke 2013), and Ludwig Steindorff illuminates the Rurikid marriage policy (Steindorff 2018). Hartmut Rüb reconstructs the 1089 marriage between Eupraxia-Adelheid, the daughter of Vsevolod I Jaroslavič, and Emperor Henry IV, which was scandalously ended in 1095 (Rüb 2006). Several Rurikid-Piaſt marriage unions of the mid-12th to the mid-13th century, mainly involving Ruthenian princes, have been discussed by Dariusz Dąbrowski (Dąbrowski 2015). Michael Lindner gives indications of Frederick Barbarossa's "Eastern policy" based on his relations with Byzantium and the involvement of the Halič princes Yaroslav Vladimirovich Osmomysl and his son Vladimir Yaroslavich (Lindner 2001). An overview by Rainer Gömmel outlines the trade relations between the eastern Bavarian Danube region and the Kyiv region, especially those between Regensburg and Kyiv and later, from the 14th century, between Nuremberg and Lviv (Gömmel 2005).

A special part of the international relations directed towards the Rus' principalities were those from Prussia and Livonia.

The Tartu medievalist Anti Selart has worked intensively on Livonian-Russian history. His detailed study of relations in the 13th and first half of

the 14th centuries deserves special attention (Selart 2007); furthermore, he has considered possible plans by the Pope and his legate Balduin of Alna in the mid-1230s with respect to Livonia's Russian neighbours (Selart 2009) and the identity of Constantine of Polotsk mentioned in sources of the Teutonic Order in the 1260s (Selart 2006). Other works by Selart have dealt with the relations of the Livonian branch of the Teutonic Order to Novgorod and Pskov in the 15th century (Selart 2008; Selart 2012).

Norbert Angermann has provided an outline of Livonia's relations with the Rus' principalities, Novgorod, Pskov and Moscow (Angermann 2001a), and has looked at Prussian economic relations with Novgorod, paying attention to Gdańsk trade with Novgorod in the 15th century (Angermann 2001b).

Hanseatic relations with north-western Rus'

Hanseatic relations with north-western Rus' hold particular importance in questions of relationship history. Norbert Angermann has compiled overviews of the state of research on Hanseatic trade with Russia (Angermann 2002; Angermann 2012; also Wernicke 2002), while Birte Schubert has sketched this relationship from a Novgorod perspective (Schubert, B. 2002). Attention has also been paid to Russian trade from the perspective of the entire Hanseatic trade network, based on the four Kontorordnungen in Novgorod, Bergen, London and Bruges; several studies were published in the early 2000s on the activities of these Kontorordnungen from the middle of the 14th century (Jörn 2000; Schubert, E. 2002; Jenks 2005). These were followed by studies on individual aspects of the practice of trade, including questions about the Hanseatic trade routes to the north-western Russian regions (Weczerka 2002), the dangers of trade with regard to raids (Schüssler 2003), trade goods (Harder-Gersdorff 2002) and trade profits (Stark 2002). Further new insights have been gained more recently through approaches focusing on the history of everyday life and communication, the practices of oral communication, the question of the practice of interpreting (Reitemeier 2002; Gąssowska 2019) and on language acquisition (Iwanov 2013). Linguistic peculiarities of the trade contract between the Prince of Smolensk and Gotland and Riga merchants of 1229 have also been dealt with (Schaeken 2001; Schaeken 2003; also Koškin 2009) and further attention paid to the closure of Peterhof in Novgorod in 1494 (Selart 2003).

Byzantium – Rus' Relations

Further research on the history of Russian international relations concerns the relations between Byzantium and Rus'. Within an overview of Byzantine-Slavic relations up to the end of the 12th century, Alexander Avenarius presents the contacts between Byzantium and Rus' from the middle of the 9th century, dealing with various aspects of the adoption of Christian culture; as well as theology, he addresses monasticism, hagiography, chronicle writing, and translation activity (Avenarius 2000, esp. 177–211). Victoria Bulgakova has compiled a detailed, descriptive catalogue of 119 Byzantine lead seals found on the territory of Old Russia (Bulgakova 2004; Bulgakova 2005), and further research has been done on the legal-historical aspects of Russian-Byzantine treaties of the 10th century, providing translated texts of the treaties of 911, 944 and 971 (Malingoudi 2005).

III RESEARCH ON SINGLE TOPICS

In a comprehensive monographic approach combining research on written, archaeological and linguistic (naming) evidence, the beginnings of the formation of the Rus', the involvement of Varangians and Eastern Slavs and the early days of the ruling dynasty of the Rurikids have all been addressed by Gottfried Schramm (Schramm 2002; Schramm 2003; Schramm 2006). He has also discussed recent publications by Andrii Danylenko, I. F. Čerkov, Oleg N. Trubačev, Valentin V. Sedov, Georg Knysh, Håkon Stång, Bohdan Struminski and Aleksandr Nazarenko (Schramm 2006); Andersson / Lübke 2006; and concerning the ethnonym Rus' Andersson 2007). An overview of the scholarly discussion on the role of the Varangians has been provided by Peter Nitsche (Nitsche 2001), while Birgit Scholz has summarised and structured the long historiographical discussion on the beginnings of the oldest East Slavic rule formation in German, Swedish and Russian historiography of the 18th century (Scholz 2000). Dietmar Schorkowitz has given a detailed account of the state of the debate on controversial questions that have shaped the historiographical debate of recent decades: the oldest archaeological cultures and their (ethnic) interpretation; castle rule and early urban settlements; the dispute over Norman and Khazarian influences; and the origin of the Rurikids as re-evaluated by Russian historiography of the Perestroika period (Schorkowitz

2000; russ. version: Šorkovitc 2010). Michael Müller-Wille has summarised discussion about the archaeological finds of Varangian settlements in Rus' and about the historiographical controversy over their interpretation, based on an exhibition in Caen (Müller-Wille 2013). Jens Schneeweiß has extended the view of Viking settlement ventures, testing it in a study comparing Normandy, the lower Elbe region and the Novgorod area (Schneeweiß 2012).

The political history of the Rus' principalities has been re-examined from various points of view. Johan Callmer has sketched the enforcement of Rus' rule in the period from the 6th to the 10th century from a structural-historical perspective and with a view to the potential for violence and conflict (Callmer 2008). Gertrud Pickhan's overview, which examines the conditions for the consolidation of the Moscow principality from the middle of the 13th to the end of the 15th century, is also committed to a structural-historical approach and deals with the space for action and actors, with Rus' as a transit trade area and with questions of cultural transfer (Pickhan 2009). Various points of view concerning the Mongol invasion of Eastern Europe and its significance for the Rus' principalities have been addressed. Paul Worster examined the relations of the Kyivan Rus' with the Polovtsians or the neighbouring Kipchaks living in the southern steppe belt (Worster 2011; for more on this, see Lübke 2009b, esp. 10-12). Hans Hecker has presented an outline of the war history of the Kyivan and Moscow Rus', distinguishing between warlike undertakings among the Rus' principalities and those directed outwards (Hecker 2005b). Questions connected with the Mongol period have been addressed by Ludwig Steindorff, who evaluates the contemporary sources for the Mongol war campaigns, the chronicle of Thomas of Split and the Old Russian chronicles (Laurentius Chronicle, Hypatius Chronicle) (Steindorff 2005a; Russian version: Steindorff 2008), while Hartmut Rüb reporting on the political events of the 13th century, outlines the period of rule by the Mongol Tatars and assesses their significance for Russian history (Rüb 2009). Outlines of the history of individual Rus' principalities have been written for the Principality of Pskov (Pickhan 2015), for the Principality of Polack (Lojka 2001) and the Principality of Ryazan' (Dähne 2007).

Rule in Old Russia

Overarching aspects of rule in Old Russia have been dealt with primarily in two monographs that cover the whole of older Russia. Cornelia Soldat has examined the legitimisation of the rule of the Christian princes of Kyivan and later Moscow Rus' through recourse to biblical models; using

theological and hagiographical texts of the 11th century she shows notions of the sanctification of the people, the dynasty and the land (Soldat 2001). Konstantin Kostjuk's study on the concept of the political elaborates the biblical, Hellenistic and Byzantine elements of political thought for the Middle Ages (Kostjuk 2005). Stefan Plaggenborg shows the reception of biblical ideas in concepts of Old Russian legitimation of rule and ideas of just rule (*pravda*) (Plaggenborg 2018; Plaggenborg 2017).

Another potential starting point for comparative studies of structural elements of rule in the Kyivan Rus' period which has received scholarly attention is the role of the family unit in the self-image of the Rurikid rulers in the 10th and 11th centuries. Christian Lübke based his discussion of this on the rulers' fresco in the Kyivan Saint Sophia Cathedral (Lübke 2009a). On various occasions, approaches using the concept of symbolic communication and ritual research have been applied to Old Russian history. The development of "peace" as an element of communication among princes and townspeople (with special consideration of Novgorod) until the end of the 14th century has been explored by Stefan Rohdewald (Rohdewald 2002). Observations on the rituals employed during the visits of Rus'ish princes to the Mongolian Khan have been presented by Hans Hecker (Hecker 2005a). Claudia Garnier has drawn attention to aspects of honour in the Moscow nobility by examining relations between Ivan III and Novgorod (Garnier 2005; Garnier 2007).

Legal History

A number of publications are devoted to social history in the broader sense. Günter Baranowski has published three versions of *Russkaya Pravda* with section-by-section German translations and comprehensive legal and research-historical commentary (Baranowski 2005). Similarly, he has edited, translated and commented on the so-called 'Pskovskaia Sudnaia gramota', the court document of Pskov, a compilation of Pskov customary law, the core of which probably dates from the mid-13th century (Baranowski 2008). A larger legal-historical context has been provided from the perspective of medieval Nordic law (Strauch 2011): a collection of legal history texts offers 27 legal history documents (some in excerpt) for the period up to 1471 in German translation (Baranowski 2013). From the relevant references in the Old Russian Chronicle and the *Russkaya Pravda*, Günter Baranowski has compiled an overview of the tax system in Rus' from the late 9th to the early 12th century (Baranowski 2000). Programmatic considerations for a history

of trade and trade routes in pre-Mongolian Rus', both by river and by land, have been presented by Raoul Zühlke (Zühlke 2003).

History of Everyday Life

Research into the social history of ancient Rus' has gained significant impetus from the study of the history of everyday life (Alltagsgeschichte). Carsten Goehrke's three-volume history of everyday life in Russia offers important stimuli, new questions and new insights. In the volume devoted to the pre-modern period, three "Zeitbilder" are dedicated to the period up to the 15th century. They deal with village and urban life in the 9th century, in the 12th and early 13th century and in the 15th century, offering in each case a description of a historical scene characteristic of the period: a scene on the edge of the "wild field" in the 9th century; the conquest of Kyiv by the Mongols at the end of 1240; and an Easter night at Lake Onega at the end of the 15th century. Sources for these have been authenticated (Goehrke 2003). Based on the long-observed significance of the Novgorod birch bark scripts for everyday life, Imke Mendoza has speculated about the proportions of orality and writing in the respective communicative situations (17 scripts are used) (Mendoza 2016). Further constellations of everyday life have been addressed with regard to the representation of children and lunatics (Scheidegger 2002), celebrations and festivals (Bieber 2016), eating habits (Maltby / Hamilton-Dyer 2001; Alsleben 2001; Alsleben 2012; Alsleben 2013) as well as the perception of catastrophic threats to everyday life through bad harvests, diseases and epidemics as well as wars (Bieber 2018); another important aspect of everyday life, the danger of fires in cities and protection against them achieved through the gradual transition to stone construction for sacred buildings since the middle of the 14th century, has been presented using the example of Novgorod (Wozniak 2011; Wozniak 2015).

Urban History

Works with an urban history approach have been published for Kyiv, Polotsk, Pskov, Moscow and Novgorod. For Kyiv, grave goods from two graves of the 10th century have been evaluated (Müller-Wille / Kleingärtner 2008) and the attribution of a chest sarcophagus in Saint Sophia Cathedral to Yaroslav the Wise has been corroborated (Jastrzębowska 2002). The focus is on questions of trade history (Selart 2004; Angermann 2007). Julia Prinz-

Aus der Wiesche has given a detailed account of the medieval ecclesiastical history of the principality of Pskov from Christianisation onwards, covering church organisation, theological disputes and the ecclesiastical position between East and West, mediated via Livonian trade (Prinz-Aus der Wiesche 2004).

Novgorod attracts by far the greatest interest when it comes to urban history. Two anthologies published almost simultaneously have addressed Novgorod from different perspectives. While one volume focuses on the city's history in the narrower sense, with contributions almost exclusively by Russian authors (Novgorod 2001), the other volume contains contributions on Hanseatic history (Novgorod 2002). Novgorod has certainly received the most attention from German-speaking Hanseatic studies. Novgorod's long-distance trade has also attracted attention beyond this, for example on the city's position in the early system of long-distance trade across the Baltic Sea (Carnap-Bornheim 2012) and on Novgorod's Baltic trade since the late 14th century, which was realised not only in the Hanseatic context (Schubert, B. 2002). The urban life and constitution of Novgorod has been subject to specific but also general approaches. For example, the important role of Gotland merchants in Novgorod until the end of the 13th century has been investigated (Gašowska 2012); a revealing comparison of urban space, settlement structure and social and occupational topography has been undertaken for Novgorod and Lübeck (Hammel-Kiesow 2002; Stiglbanner 2015). The sense of self and urban self-representation in the 15th century has been demonstrated by the example of Novgorod icons (Gagen / Jančarková 2012). The political system of the city republic of Novgorod has been evaluated against the background of the development of communes in Western Europe and in view of the development of princely power in Rus' after the Mongol invasion, along with the question of alternative possibilities for the development of Russian history (Leffler 2006; Goehrke 2011; Steindorff 2012; Steindorff 2015). Most recently, the history of Novgorod has been dealt with in two monographic works. While Thomas Stiglbanner concentrates on questions of everyday life and inner-city communication, with special attention to the birch bark writings (Stiglbanner 2012), we can thank Carsten Goehrke for an overall account of the medieval "city state". His history of Novgorod is presented in seven chronological sections pursuing a structural and everyday history, and special attention is paid to the development of the city's constitution, economy and trade. In conclusion, the impact of medieval history on the later culture of tradition and remembrance is examined, and Novgorod is contrasted with Moscow in

European urban history. The Novgorod “model”, and the bridging function of Novgorod between West and East is also pointed out (Goehrke 2020).

Church History

A number of works are devoted to church history in the broader sense. Few authors comment on questions of church organisation. The consecration of Kirill II, the first metropolitan of Kyiv after the Mongol invasion of 1240, has received attention (Bak 2012). A critical classification of the work of Stephen, the first bishop of Perm’ at the end of the 14th century, places him and his history of influence within the expansion of the Grand Duchy of Moscow into this area in the late 15th century (Korpela 2001). For the older period, a study of female religious figures in the Russian Church considers Olga of Kyiv, Efrosiniia of Polotsk, Anna of Kašin and Efrosiniia of Moscow (Knechten 2012). There is a coherent account of the beginnings of the practice of ecclesiastical and mortal endowments transmitted from Byzantium (Steindorff 2005b). A general overview of monasteries and monastery founders (Knechten 2019) is complemented, within the context of modernisation concepts, by a study of the reform discussion in Russian monasticism in the 15th century (Hecker 2009). Frank Kämpfer has traced the so-called ‘Pskov Hallelujah’ dispute in the second half of the 15th century, which was based on the *vita* of Evfrosin of Pskov and placed it in the prehistory of the doctrine of the Third Rome (Kämpfer 2010). Observations on Bohemian Church Slavonic text production make it likely that literary relations between the Bohemian monastery of Sázava and Kyiv and Novgorod already existed in the 11th century (Bláhová 2005). With reference to a letter written in 1347 by Bishop Feodor of Tver’, questions of literal and spiritual interpretation of Scripture have been discussed, based around the idea of the earthly paradise (Garzaniti 2005).

Of the publications produced on the visual arts, a systematic account of Russian icon painting by Christoph Schmidt deserves special mention (Schmidt 2009). The pictorial programme of the Romanesque bronze door, which was made for the cathedral in Płock in the middle of the 12th century and probably came to Novgorod a century later, has been studied by Ryszard Knapiński (Knapiński 2013).

Written Sources; Chronicle Writing

Several studies have been done on written sources. Of particular note is a helpful study by Paul Worster, who systematically compiles all East Slavonic chronicles that offer original historical information. The texts are presented in three groups: the chronicles containing the *Povest' vremennykh let*, the *Novgorodskaja I letopis'* and eight other chronicles from the 15th to 17th centuries (Worster 2012). As a source orientation, Wolfram von Scheliha has presented some texts that are important with regard to Rus' relations with the eastern steppe peoples. (Scheliha 2013).

With regard to works on the *Povest' vremennykh let*, the completion of the handbook of the Nestor Chronicle prepared by Ludolf Müller, which includes a German translation of the Chronicle, must take pride of place (Müller 2001). Ludolf Müller's numerous essays, most of which concern the history of ancient Rus', have been published together in Russian translation (Müller 2000). A number of other studies are devoted to individual aspects of the chronicle and the chronicle narratives. In particular, they deal with the cosmographic introduction to the Chronicle (Steindorff 2010; Russian version Steindorff 2014) or the news of the Slovenes' sails in the year 907 (Müller 2009). Furthermore, attention has been given to the acceptance of the Christian faith. In addition to a general orientation (Hecker 2013; Hecker 2015), and an in-depth study of the conversion narrative (Soldat 2013), the sources and time of origin of the speech of the Byzantine philosopher in the chronicle report of 986 (Reinhart 2008) and the sources of Vladimir's so-called 'boy's reading' in the report of 988 (Keipert 2009) have been investigated. Ludolf Müller has finally continued and completed his in-depth studies on the legend of Boris and Gleb (Müller 2004; Müller 2005; Müller 2008a; Müller 2008b). The legend of the Mongolian Khan Batu, who is said to have died in Hungary, was included in various Russian chronicles around 1453/77 and its motifs and development have been reappraised (Trunte 2006).

The antithetical structure of Ilarion's *Slovo o zakone i blagodati* from the mid-11th century has been reconstructed in detail (Soldat 2003). The *vitae* of Savitii and Zosima, who founded the Solovki monastery in the White Sea in the middle of the 14th century, have been interrogated with reference to the image of the North found in them (Steindorff 2010, esp. 19-28; the *vitae* are accessible in translation: Steindorff 2007).

Several works on travelogues have been published. Marcello Garzaniti has devoted himself to the text and transmission history of Abbot Daniil's report on his journey to the Holy Land at the beginning of the 12th century

(Garzaniti 2017). The account of a pilgrimage to Constantinople, the *Kniga palomnik*, undertaken by Antony of Novgorod, who later became Archbishop of Novgorod around 1200, immediately before the Fourth Crusade, has been edited and translated by Anna Jouravel (Jouravel 2019a; furtheron Jouravel 2018; Jouravel 2019b). Mike Burkhardt has referred to the report of an unnamed Russian who was part of the Moscow Metropolitan's delegation to the Council of Ferrara in 1438 (Burkhardt 2003). Finally, the account of the journey of the Burgundian knight Ghillebert de Lannoy through the land of Rus' in the early 15th century was also taken into account (Kappeler 2000). Hans Hecker has traced depictions of the acceptance of the Christian faith subsequent to the account of Povest' (Hecker 2013; Hecker 2015, esp. 41-49).

Memory Politics and Images of the Middle Ages

Various contributions examine the impact of persons and events in the history of medieval Rus' from the perspective of memory politics, such as the depiction of Kyivan Rus' by Western authors in the early modern period (Steindorff 2017). A literary study by Dietger Langer analyses the inclusion of the figure of Vladimir in Russian works of the 18th century (Feofan Prokopovich, Yakov Kniazhnin, Fedor Kliucharev, Mikhail Kheraskov) (Langer 2003). Frithjof Benjamin Schenk's book is broader in scope, distinguishing between several stages and various substantive accentuations undergone by the public image of Alexandr Nevskii from the 13th to the 20th century; he summarises this development of the historical image as the sacralisation, Russification, nationalisation, dethronement, and Sovietisation of Alexandr, which culminates in a pluralisation of memory (Schenk 2004; Schenk 2012). Basic features of the site of remembrance of the Battle of Lake Peipus (Battle on the Ice, 1242) have also been summarised in two smaller essays (Dahlmann 2003; Bieber 2010).

Finally, Kyivan Rus' has also received attention from the perspective of history didactics. Thus, the representation of ancient Rus' in Soviet and post-Soviet children's books has been addressed (Bieber 2012); an examination of recent German school history textbooks revealed that Kyivan Rus' and the East Slavic Middle Ages in general are no longer covered at all (Rüß 2016; Russian version: Rüß 2018).

This overview of German-language publications on Rus' history in the Middle Ages indicates a considerable intensity and diversity of research. First of all, the history of Rus' and its principalities is treated in various

handbooks on Russian and Ukrainian history. The history of German-Russian interconnections finds a methodological application above all in research on Hanseatic trade. Specific questions are pursued in numerous essays in conference proceedings and in journal articles: topics range from political history to urban, economic and social history, but reveal particular interest in questions of church history and in questions of literary tradition. Several important texts have been edited and made accessible in German translations (Müller 2001; Baranowski 2005; Baranowski 2008; Jouravel 2019a). Several monographs on larger thematic complexes of ancient Russian history deserve special mention (Schramm 2002; Goehrke 2003; Goehrke 2010; Goehrke 2020; Baranowski 2013; Plaggenborg 2018). Finally, the dissertations defended at various universities (Hamburg, Potsdam, Mainz, Munich, Vienna, Halle) illustrate the innovative potential of ongoing research (Scholz 2000; Soldat 2001; Bulgakova 2004; Prinz-Aus der Wiesche 2004; Stiglbrunner 2012; Jouravel 2019a).

Bibliography

- Alexander / Stökl 2009 – Alexander, Manfred / Stökl, Günther: *Russische Geschichte*, 7., vollständig überarbeitete und aktualisierte Auflage Stuttgart 2009.
- Alsleben 2001 – Alsleben, Almuth: Angebot und Nachfrage. Frühmittelalterliche Nahrungswirtschaft im Umland von Novgorod. In: *Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Rußlands*. Ed. by Michael Müller-Wille, Neumünster 2001 (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete 1) 359–368.
- Alsleben 2012 – Alsleben, Almuth: The plant economy of northern medieval Russia. In: *The Archaeology of Medieval Novgorod. 4: The Archaeology of Medieval Novgorod in Context: Studies in Centre/Periphery Relations*. Ed. by Mark A. Brisbane / Nikolaj A. Makarov / Evgenij N. Nosov, Oxford 2012, 321–350.
- Alsleben 2013 – Alsleben, Almuth: Mittelalterliche Essgewohnheiten im Wandel - Am Beispiel Novgorods und anderer Städte an der südlichen Ostseeküste. In: „Landschaft, Besiedlung und Siedlung“. Archäologische Studien im nordeuropäischen Kontext. Festschrift für Karl-Heinz Willroth zu seinem 65. Geburtstag. Ed. by Immo Heske / Hans-Jörg Nüsse / Jens Schneeweiss, Neumünster 2013 (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte 33; Schriftenreihe des Heimatkundlichen Arbeitskreises Lüchow-Dannenberg 20) 383–392.
- Andersson / Lübke 2006 – Andersson, Thorsten / Lübke, Christian: Waräger. In: *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Vol. 33, Berlin 2006, 252–258.
- Andersson 2007 – Andersson, Thorsten: Rus' und Wikinger. In: *Arkiv för nordisk filologi* 122 (2007) 5–13.
- Angermann 2001a – Angermann, Norbert: Livländisch-russische Beziehungen im Mittelalter. In: *Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland*. Ed. by Norbert

- Angermann et al., Lüneburg 2001 (Schriften der Baltischen Historischen Kommission 7) 129–144.
- Angermann 2001b – Angermann, Norbert: Preußisch-russische Handelsbeziehungen im späten Mittelalter. In: Preußische Landesgeschichte. Festschrift für Bernhart Jähnig zum 60. Geburtstag. Ed. by Udo Arnold / Mario Glauert / Jürgen Sarnowsky, Marburg 2001 (Einzelschriften der Historischen Kommission für Ost- und Westpreussische Landesforschung 22) 347–354.
- Angermann 2002 – Angermann, Norbert: Der hansische Rußlandhandel. Zur Forschungslage. In: Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Ed. by Norbert Angermann / Klaus Friedland, Köln [et al.] 2002 (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte NF 53) 5–14.
- Angermann 2007 – Angermann, Norbert: Deutsche Handelsverbindungen mit Moskau im 15. und 16. Jahrhundert. In: Hansische Geschichtsblätter 125 (2007) 121–142.
- Angermann 2012 – Angermann, Norbert: Nowgorod und die Hanse. In: Russen und Deutsche. 1000 Jahre Kunst, Geschichte und Kultur, Petersberg 2012, 56–63.
- Avenarius 2000 – Avenarius, Alexander: Die byzantinische Kultur und die Slawen. Zum Problem der Rezeption und Transformation (6. bis 12. Jahrhundert), Wien 2000 (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung 35).
- Bak 2012 – Bak, Volodymyr: Die Weihe Kyrillos II. (1242–1281) zum Metropolitener Rus' in den 40er-Jahren des 13. Jahrhunderts. Ein Ereignis aus den kirchenpolitischen Beziehungen zwischen Halič-Volyn' und dem Byzantinischen Reich. In: Rome, Constantinople and Newly converted Europe. Archeological and Historical Evidence. Ed. by Maciej Salamon et al., Bd. 1, Kraków [et al.] 2012, 311–318.
- Baranowski 2000 – Baranowski, Günter: Zum Abgaben- und Gebührenwesen in der Kiever „Rus'“. In: Staatsfinanzen, Staatsverschuldung, Staatsbankrotte in der europäischen Staaten- und Rechtsgeschichte. Ed. by Gerhard Lingelbach, Köln [et al.] 2000, 1–22.
- Baranowski 2005 – Baranowski, Günter: Die Russkaja Pravda – ein mittelalterliches Rechtsdenkmal, Frankfurt am Main [et al.] 2005 (Rechtshistorische Reihe 321).
- Baranowski 2008 – Baranowski, Günter: Die Gerichtsurkunde von Pskov, Frankfurt, M.; Berlin; Bern; Bruxelles; New York, NY; Oxford; Wien 2008 (Rechtshistorische Reihe 364).
- Baranowski 2013 – Baranowski, Günter: Russische Rechtsgeschichte. Texte und Erläuterungen. Teil 1: Von den Anfängen bis 1612/13, Frankfurt am Main 2013 (Rechtshistorische Reihe 439).
- Bieber 2010 – Bieber, Ursula: Der Deutsche Ritterorden - der ‚Erzfeind der mittelalterlichen Rus‘. In: Intertextuality, Reception, and Performance. Interpretations and Texts of Medieval German Literature. Ed. by Sibylla Anna Bierhals Jefferis, Göppingen 2010 (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 758) 157–170.
- Bieber 2012 – Bieber, Ursula: Die Rezeption mittelalterlicher russischer Historien und Legenden in sowjetischer und postsowjetischer Zeit in Büchern für Kinder und Jugendliche. In: Mittelalter im Kinder- und Jugendbuch. Ed. by Ingrid Bennewitz / Andrea Schindler, Bamberg 2012 (Bamberger interdisziplinäre Mittelalterstudien 5) 369–378.
- Bieber 2016 – Bieber, Ursula: „Ruh dich aus, iß und trink und freu dich des Lebens!“ (Lukas 12,19). Von Feiern, Festen und Gelagen im Alten Russland. In: Welterfahrung und Welterschließung in Mittelalter und Früher Neuzeit. Ed. by Anna Kathrin Bleuler,

- Heidelberg 2016 (Interdisziplinäre Beiträge zu Mittelalter und Früher Neuzeit 5) 179–204.
- Bieber 2018 – Bieber, Ursula: Katastrophen und Seuchen in altrussischen Chroniken. Wahrnehmung und Deutung. In: Krisen, Kriege, Katastrophen. Zum Umgang mit Angst und Bedrohung im Mittelalter. Ed. by Christian Rohr / Ursula Bieber / Katharina Zeppezauer-Wachauer, Heidelberg 2018 (Interdisziplinäre Beiträge zu Mittelalter und Früher Neuzeit 3) 57–76.
- Bláhová 2005 – Bláhová, Emilie: Literarische Beziehungen zwischen dem Sázava-Kloster und der Kiever Rus'. In: Der heilige Prokop, Böhmen und Mitteleuropa. Ed. by Petr Sommer, Praha 2005 (Colloquia mediaevalia Pragensia 4) 237–253.
- Bulgakova 2004 – Bulgakova, Victoria: Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands, Wiesbaden 2004 (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik 6).
- Bulgakova 2005 – Bulgakova, Victoria: Neues zu den Anfängen russisch-byzantinischer Beziehungen aufgrund sigillographischer Zeugnisse. In: Siegel und Siegler. Akten des 8. Internationalen Symposiums für Byzantinische Sigillographie. Ed. by Claudia Ludwig, Frankfurt/M. [et al.] 2005 (Berliner Byzantinische Studien 7), 49–52.
- Burkhardt 2003 – Burkhardt, Mike: Fremde im spätmittelalterlichen Deutschland. Die Reiseberichte eines unbekanntenen Russen, des Kastiliers Pero Tafur und des Venezianers Andrea de' Franceschi im Vergleich. In: Concilium medii aevi 6 (2003) 239–290.
- Burkhardt 2005 – Burkhardt, Mike: Die Ordnungen der vier Hansekontore Bergen, Brügge, London und Novgorod. In: Das Hansische Kontor zu Bergen und die Lübecker Bergenfahrer. Ed. by Antjekathrin Graßmann, Lübeck 2005 (Veröffentlichungen zur Geschichte der Hansestadt Lübeck 41) 58–77.
- Callmer 2008 – Callmer, Johan: Herrschaftsbildung und Machtausübung: Die Anfänge der ar-Rus (Rus') ca. 500-1000 n. Chr. In: Bereit zum Konflikt. Strategien und Medien der Konflikterzeugung und Konfliktbewältigung im Mittelalter. Ed. by Oliver Auge / Felix Paul Biermann / M. Müller / D. Schultze, Stuttgart 2008, 103–130.
- Carnap-Bornheim 2012 – Carnap-Bornheim, Claus von: Zwischen Sliaswig/Schleswig und Nowgorod - Handel als Motor früher Kontakte. In: Russen und Deutsche. 1000 Jahre Kunst, Geschichte und Kultur, Petersberg 2012, 42–49.
- Dąbrowski 2015 – Dąbrowski, Dariusz: Piasten und Rjurikiden vom 11. bis zur Mitte des 13. Jahrhunderts. In: Fernhändler, Dynasten, Kleriker. Die piastische Herrschaft in kontinentalen Beziehungsgeflechten vom 10. bis zum frühen 13. Jahrhundert. Ed. by Dariusz Adamczyk / Norbert Kersken, Wiesbaden 2015 (Quellen und Studien. Deutsches Historisches Institut Warschau 30) 155–191.
- Dahlmann 2003 – Dahlmann, Dittmar: Der russische Sieg über die „teutonischen Ritter“ auf dem Peipussee 1242. In: Schlachtenmythen. Ereignis–Erzählung–Erinnerung. Ed. by Gerd Krumeich / Susanne Brandt, Köln-Wien 2003, 63–75.
- Dähne 2007 – Dähne, Burkart: Staraja Ržazan'. Die Geschichte des Zentrums des Fürstentums Ržazan' bis zum Mongoleneinfall 1237 anhand archäologischer Quellen. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 55 (2007) 321–330.
- Donnert / Hösch 2009 – Donnert, Erich / Hösch, Edgar: Altrussisches Kulturlexikon, 3., völlig neu bearb. Ausg. Stuttgart 2009.
- Filjuškin, Aleksandr I.: Das ethnogenetische Konzept der Bibel und die Auffassungen des altrussischen Chronisten von der Entstehung der Rus'. In: Religionsgeschichtliche

- Studien zum östlichen Europa. Festschrift für Ludwig Steindorff zum 65. Geburtstag. Ed. by Martina Thomsen, Stuttgart 2017 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 85) 87–94.
- Gagen / Jančarková 2012 – Gagen, Sergej / Jančarková, Julie: Stadtgefühle in Byzanz und in Novgorod in der Renaissancezeit. In: *Villes de toute beauté. L'ekphrasis des cites dans les litteratures byzantine et byzantino-slaves*. Ed. by Paolo Odorico, Paris 2012 (Dossiers byzantins 12) 214–229.
- Garnier 2005 – Garnier, Claudia: Rituale der Ehre. Die Inszenierung der Herrschaft im spätmittelalterlichen Moskauer Adel. Nicht-normative Steuerung in dezentralen Systemen. Ed. by Janbernd Oebbecke, Stuttgart 2005 (Nassauer Gespräche 7) 151–174.
- Garnier 2007 – Garnier, Claudia: Die Macht der Zeichen – die Zeichen der Macht. Zur Bedeutung symbolischer Kommunikation in der Politik des Großfürstentums Moskau im ausgehenden 15. und 16. Jahrhundert. In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 55 (2007) 331–356.
- Garzaniti 2005 – Garzaniti, Marcello: Das Bild der Welt und die Suche nach dem irdischen Paradies in der Rus'. In: *Virtuelle Räume. Raumwahrnehmung und Raumvorstellung im Mittelalter*. Ed. by Elisabeth Vavra, Berlin 2005 (Akten des 10. Symposiums des Mediävistenverbandes) 357–372.
- Garzaniti 2017 – Garzaniti, Marcello: Zur Überlieferung des Wallfahrtsberichts des Abtes Daniil in den Großen Lesemenäen. In: *Wiener Slavistisches Jahrbuch NF* 5 (2017) 1–15.
- Gąssowska 2012 – Gąssowska, Maja: Der Heilige Olaf und Holmgard – Novgorod als Grenzraum zwischen Ost und West im 11.–12. Jahrhundert. In: *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archeological and Historical Evidence*. Ed. by Maciej Salamon et al., vol. 1, Kraków [et al.] 2012, 263–274.
- Gąssowska 2019 – Gąssowska, Maja: Tolck – bedeutet Dolmetscher. Anmerkungen zur Frage des Russischlernens im mittelalterlichen Livland und in der Hanse. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iaroslava Mudrogo* 23 (5) (2019) 1–8.
- Goehrke 2003 – Goehrke, Carsten: *Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern*. Bd. 1: Die Vormoderne, Zürich 2003.
- Goehrke 2010 – Goehrke, Carsten: *Russland. Eine Strukturgeschichte*, Paderborn et al.] 2010.
- Goehrke 2011 – Goehrke, Carsten: 1478 – Das Ende einer historischen Alternative für Russland. In: *Schlüsseljahre. Zentrale Konstellationen der mittel- und osteuropäischen Geschichte*. Festschrift für Helmut Altrichter zum 65. Geburtstag. Ed. by Matthias Stadelmann / Lilia Antipov, Stuttgart 2011 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 77) 45–64.
- Goehrke 2020 – Goehrke, Carsten: *Unter dem Schirm der göttlichen Weisheit. Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod*, Zürich 2020.
- Gömmel 2005 – Gömmel, Rainer: Bayerisch-ukrainische Handelsbeziehungen während des Mittelalters. In: *Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte* 68 (2005) 243–254.
- Hammel-Kiesow 2002 – Hammel-Kiesow, Rolf: Novgorod und Lübeck. Siedlungsgefüge zweier Handelsstädte im Vergleich. In: *Novgorod. Markt und Kontor der Hanse*. Ed. by Norbert Angermann / Klaus Friedland, Köln [et al.] 2002 (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte NF 53) 25–68.
- Harder-Gersdorff 2002 – Harder-Gersdorff, Elisabeth: *Hansische Handelsgüter auf dem Großmarkt Novgorod (13.–17. Jahrhundert): Grundstrukturen und Forschungsfragen*.

- In: Novgorod. Markt und Kontor der Hanse. Ed. by Norbert Angermann / Klaus Friedland, Köln [et al.] 2002 (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte NF 53) 133–156.
- Hecker 2005a – Hecker, Hans: Khan und Großfürst. Inszenierung und Ritual der Begegnungen. In: Inszenierung und Ritual in Mittelalter und Renaissance. Ed. by Andrea von Hülsen-Esch, Düsseldorf 2005 (Studia humaniora 40) 153–174.
- Hecker 2005b – Hecker, Hans: Die Kriege der Kiever und der Moskauer Rus'. Skizzen zu einer Typologie. In: Krieg in Mittelalter und Renaissance. Ed. by Hans Hecker, Düsseldorf 2005 (Studia humaniora 39) 65–92.
- Hecker 2009 – Hecker, Hans: Kirchlicher Auftrag und staatliches Interesse. Der Reformstreit zwischen den ‚Machtkirchlichen‘ (Josif von Volokolamsk) und den ‚Uneigennütigen‘ (Nil Sorskij) in der Moskauer Rus'. In: Isti moderni. Erneuerungskonzepte und Erneuerungskonflikte in Mittelalter und Renaissance. Ed. by Christoph Kann, Düsseldorf 2009 (Studia humaniora 43) 259–280.
- Hecker 2013 – Hecker, Hans: Geschichtsschreibung als historische Schöpfung: Die Entstehungsgeschichte Polens und der Rus' in der mittelalterlichen Chronistik. In: Schöpfung. Varianten einer Weltansicht. Ed. by Wilhelm G. Busse, Düsseldorf 2013 (Studia humaniora 46) 61–80.
- Hecker 2015 – Hecker, Hans: Grenzerfahrungen an der Peripherie. Russland und Polen zur Zeit der Christianisierung. In: Grenzerfahrungen. Ed. by Achim Landwehr, Düsseldorf 2015 (Studia humaniora 48) 29–50.
- Hildermeier 2013 – Hildermeier, Manfred: Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution, München 2013.
- Iwanov 2013 – Iwanov, Iwan A.: „Wo schall ich dat spreken up iuwe spracke?“ Von Nutzen und Strapazen einer Sprachreise nach Rußland zur Zeit der Hanse. In: Aus dem Süden des Nordens. Studien zur niedersächsischen Landesgeschichte für Peter Aufgebauer zum 65. Geburtstag. Ed. by Arnd Reitemeier, Bielefeld 2013, 259–270.
- Jastrzębowska 2002 – Jastrzębowska, Elżbieta: Der Sarkophag des Jaroslav in Kiev. In: Akten des Symposiums „Frühchristliche Sarkophage“. Marburg, 30.6. – 4.7.1999. Ed. by Guntram Koch, Mainz 2002 (Sarkophag-Studien 2) 129–136.
- Jenks 2005 – Jenks, Stuart: Die mittelalterlichen Nowgoroder Schraen als digitale Edition. In: Das Gedächtnis der Hansestadt Lübeck. Festschrift für Antjekathrin Graßmann zum 65. Geburtstag. Ed. by Rolf Hammel-Kiesow / Michael Hundt, Lübeck 2005, 393–403.
- Jobst 2015 – Jobst, Kerstin Susanne: Geschichte der Ukraine, 2., aktualisierte Aufl. Stuttgart 2015 (Reclams Universal-Bibliothek 19320) [1st ed. 2010].
- Jörn 2000 – Jörn, Nils: Die Herausbildung der Kontorordnungen in Novgorod, Bergen, London und Brügge im Vergleich, 12.–17. Jahrhundert. In: Prozesse der Normbildung und Normveränderung im mittelalterlichen Europa. Ed. by Doris Ruhe / Karl-Heinz Spieß, Stuttgart 2000, 217–235.
- Jouravel 2018 – Jouravel, Anna: Antonij von Novgorod – schlechter Topograph oder »Reliquienpilger«? Über die Notwendigkeit der neuerlichen Lektüre eines viel-diskutierten Textes. In: Für Seelenheil und Lebensglück. Das byzantinische Pilgerwesen und seine Wurzeln. Ed. by Despoina Ariantzi / Ina Eichner, Mainz 2018 (Byzanz zwischen Orient und Okzident 10) 153–162.
- Jouravel 2019a – Jouravel, Anna: Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar, Wiesbaden 2019 (Imagines medii aevi 47).

- Journal 2019b – Journal, Anna: Von vergesslichen Autoren und verwirrten Lesern. Zur Bedeutung der Textrekonstruktion für die Interpretation der *Kniga palomnik* des Antonij von Novgorod. In: *Byzantinoslavica* 77 (2019) 99–116.
- Kämpfer 2010 – Kämpfer, Frank: Von der Selbstfindung zur Selbstisolierung der russischen Orthodoxie. Zum Halleluja-Streit in Pskov. In: *Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen*. 14. – 17. Jahrhundert. Ed. by Ludwig Steindorff, Wiesbaden 2010 (*Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 76) 321–334.
- Kappeler 2000 – Kappeler, Andreas: *Burgundskij rycar' v Rossii (Zametki ob otchete Gil'bera de Lanno o poezdkach v Novgorod i Pskov v nachale XV v.)*. In: *Istochnikovedenie i kraevedenie v kul'ture Rossii*. *Sbornik k 50-letiju sluzhenija Sigurda Ottovicha Shmidta Istoriko-archivnomu institutu*, Moskva 2000, 50–52.
- Kappeler 2017 – Kappeler, Andreas: *Ungleiche Brüder. Russen und Ukrainer. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart*, München 2017 (C.H. Beck Paperback 6284).
- Kappeler 2020 – Kappeler, Andreas: *Drevnjaja Rus' – rus(s)koe srednevekov'e*. In: *Novoe proshloe/The New Past* 3/2020, 196–205.
- Kappeler 2021 – Kappeler, Andreas: *La Rous de Kiev (IXe-XIIIe siècles)*. In: *Histoire partagée, mémoires divisées. Ukraine, Russie, Pologne*. Ed. by Korine Amacher / Éric Aunoble / Andrii Portnov, Lausanne, Suisse 2021, 23–38.
- Knapiński 2013 – Knapiński, Ryszard: Die romanische Tür von Płock in Welikij Nowgorod in Russland als Glaubensbekenntnis in der Kunst. In: *Anuario de Historia de la Iglesia* 22 (2013) 191–201.
- Knechten 2012 – Knechten, Heinrich Michael: *Starzinnen, Fürstinnen und Törinnen, Kamen* 2012 (*Studien zur russischen Spiritualität* 11).
- Knechten 2019 – Knechten, Heinrich Michael: *Russische Klostergründer. Zur Tausendjahrfeier des Kiever Höhlenklosters, Zweite, erweiterte Auflage Kamen* 2019 (*Studien zur russischen Spiritualität* 12).
- Korpela 2001 – Korpela, Jukka: Stefan von Perm'. Heiliger Täufer im politischen Kontext. In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas N.F.* 49 (2001) 481–499.
- Koškin 2009 – Koškin, Igor' Sergeevich: Reflexe des Mittelniederdeutschen in den alt-russischen Vertragsdokumenten aus Nowgorod. In: *Baltisch-europäische Rechtsgeschichte und Lexikographie*. Ed. by Ulrich Kronauer / Thomas Taterka, Heidelberg 2009 (*Akademiekonferenzen* 3) 127–142.
- Kostjuk 2005 – Kostjuk, Konstantin: Der Begriff des Politischen in der russisch-orthodoxen Tradition. Zum Verhältnis von Kirche, Staat und Gesellschaft in Rußland, Paderborn [u.a.] 2005 (*Politik- und kommunikationswissenschaftliche Veröffentlichungen der Görres-Gesellschaft* 24).
- Kusber 2009 – Kusber, Jan: *Kiever Rus', Teilfürstentümer und Mongolenherrschaft*. In: *Studienhandbuch östliches Europa*. Bd. 2: *Geschichte des Russischen Reiches und der Sowjetunion*. Ed. by Thomas Bohn / Dietmar Neutatz, 2., überarb. und aktualisierte Aufl., Köln 2009, 147–154.
- Langer 2003 – Langer, Dietger: *Vladimir der Heilige. Eine Erinnerungsfigur der russischen Geschichtsdichtung des 18. Jahrhunderts*, Frankfurt am Main [u.a.] 2003 (*Trierer Abhandlungen zur Slavistik* 5).
- Leffler 2006 – Leffler, Roland: *Novgorod – eine europäische Kommune des Mittelalters?*

- In: Städte im östlichen Europa – Zur Problematik von Modernisierung und Raum. Ed. by Carsten Goehrke / Bianka Pietrow-Ennker, Zürich 2006, 33–59.
- Lindner 2001 – Lindner, Michael: Ein regulus Ruthenorum am Hofe Kaiser Friedrich Barbarossas. Das Wiener Dreikönigetreffen des Jahres 1165 und die Ostpolitik des Staufers. In: Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung 50 (2001) 337–369.
- Lojka 2001 – Lojka, Pawel: Der Zerfall der Kiewer Rus und das Fürstentum Polozk (9.-12. Jahrhundert). In: Handbuch der Geschichte Weißrußlands. Ed. by Dietrich Beyrau / Rainer Lindner, Göttingen 2001, 69–79.
- Lübke 2004 – Lübke, Christian: Das östliche Europa, Berlin 2004 (Die Deutschen und das europäische Mittelalter).
- Lübke 2009a – Lübke, Christian: Die Familie als Baustein des Herrschaftsprogramms der Rjurikiden. Zeugnisse familiären Bewußtseins in der Kiever Rus' im 11. Jahrhundert. In: Die Familie in der Gesellschaft des Mittelalters. Ed. by Karl-Heinz Spieß, Ostfildern 2009 (Vorträge und Forschungen 71) 249–273.
- Lübke 2009b – Lübke, Christian: Ostmitteleuropa und die Steppe. Annotationen zu einer ungewöhnlichen Beziehungsgeschichte. In: Behemoth. A Journal on Civilisation 2009, 2, 5–18, bes. 10–12.
- Lübke 2010 – Lübke, Christian: Das Reich von Kiev als Faktor der Beziehungen zwischen Deutschland und Polen (10. - 11. Jahrhundert). In: Mittelalter - eines oder viele? Erstes deutsch-polnisches Mediävistentreffen = Średniowiecze - jedno czy wiele? Pierwsze spotkanie mediewistów polskich i niemieckich, Wrocław, 3–5 VI 2005. Ed. by Sławomir Moździoch / Wojciech Mrozowicz / Stanisław Rosik, Wrocław 2010 (Colloquia 7) 127–139.
- Lübke 2012 – Lübke, Christian: Der Blick nach Osten. Frühe Kontakte und Strategien zwischen Rhein und Dnjepr. In: Russen und Deutsche. 1000 Jahre Kunst, Geschichte und Kultur, Petersberg 2012, 38–41.
- Lübke 2013 – Lübke, Christian: Zwischen Krakau und Rom. Die Kiever Fürsten Izjaslav und Jaropolk in Mitteldeutschland. In: Italien, Mitteldeutschland, Polen. Geschichte und Kultur im europäischen Kontext vom 10. bis zum 18. Jahrhundert. Ed. by Wolfgang Huschner u.a., Leipzig 2013 (Schriften zur sächsischen Geschichte und Volkskunde 42) 121–138.
- Lüdemann 2006 – Lüdemann, Ernst: Ukraine, 3., neu bearb. Aufl. München 2006 (Beck'sche Reihe 860) [1st ed, 1995].
- Malingoudi 2005 – Malingoudi, Jana: Ausführungen zu einigen Rechtsbestimmungen der russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jahrhunderts. In: Byzantinoslavica 63 (2005) 67–102.
- Maltby / Hamilton-Dyer 2001 – Maltby, Mark / Hamilton-Dyer, Sheila: Auch Fleisch und Fisch standen auf dem Speiseplan. Studien an Tierknochen aus Novgorod und seinem Umland. In: Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Rußlands. Ed. by Michael Müller-Wille, Neumünster 2001 (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete 1) 369–380.
- Mendoza 2016 – Mendoza, Imke: Alltagssprache, Alltagswelt. Die russischen Birkenrindentexte zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit. In: Welterfahrung und Welter-schließung in Mittelalter und Früher Neuzeit. Ed. by Anna Kathrin Bleuler, Heidelberg 2016 (Interdisziplinäre Beiträge zu Mittelalter und Früher Neuzeit 5) 117–133.

- Müller 2001 – Handbuch zur Nestorchronik. Ed. by Ludolf Müller. Bd. 4: Die Nestorchronik. Die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116 rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja und ins Dt. übers. von Ludolf Müller, München 2001 (Forum Slavicum 56).
- Müller 2004 – Müller, Ludolf: Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb (5): III. Die Quellen der Chronikerzählung: 1. Die Erzählung über die Geburt Svjatopols von einer griechischen Nonne. In: Zeitschrift für slavische Philologie 63 (2004) 23–50.
- Müller 2005 – Müller, Ludolf: Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb (6): III. Die Quellen der Chronikerzählung: 2. Die Erzählung über die Schlacht bei Ljubeč. In: Zeitschrift für slavische Philologie 64 (2005) 245–278
- Müller 2008a – Müller, Ludolf: Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb (7): III. Die Quellen der Chronikerzählung: 3. Die Namenslisten der Söhne Vladimirs in den Chronikartikeln über die Jahre 980 und 988 und im „Skazanie“ über Boris und Gleb. In: Zeitschrift für slavische Philologie 65 (2006/08) 1–23
- Müller 2008b – Müller, Ludolf: Die Herkunft des Textes der Erzählung über Boris und Gleb im Chronikartikel über das Jahr 6523 (1015). In: Drevnjaja Rus' 3 (33) / 2008, 86–99.
- Müller-Wille / Kleingärtner 2008 – Müller-Wille, Michael / Kleingärtner, Sunhild: Zwei Kammergräber des 10. Jahrhunderts aus der Stadt Izjaslavs und Vladimirs in Kiev. In: Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 59 (2008) 367–386 [repr.: Müller-Wille, Michael: Zwischen Starigard / Oldenburg und Novgorod. Beiträge zur Archäologie west- und ostslawischer Gebiete im frühen Mittelalter, Neumünster 2011 (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete 10) 207–223.
- Müller-Wille 2013 – Müller-Wille, Michael: Russie viking. In: „Landschaft, Besiedlung und Siedlung“. Archäologische Studien im nordeuropäischen Kontext. Festschrift für Karl-Heinz Willroth zu seinem 65. Geburtstag. Ed. by Immo Heske / Hans-Jörg Nüsse / Jens Schneeweiss, Neumünster 2013 (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte 33; Schriftenreihe des Heimatkundlichen Arbeitskreises Lüchow-Dannenberg 20) 369–382.
- Nitsche 2001 – Nitsche, Peter: Die Waräger und die Gründung des ältesten ostslawischen Staates. Eine wissenschaftliche Kontroverse unter politischen Vorzeichen. In: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 52 (2001) 507–520.
- Nolte / Schalhorn / Bonwetsch 2014 – Quellen zur Geschichte Russlands. Ed. by Hans-Heinrich Nolte / Bernhard Schalhorn / Bernd Bonwetsch, Stuttgart 2014; der Abschnitt „Die Kiever Rus'“ bietet 14 Textauszüge (17–37).
- Novgorod 2001 – Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Rußlands. Ed. by Michael Müller-Wille, Neumünster 2001 (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete 1).
- Novgorod 2002 – Novgorod. Markt und Kontor der Hanse. Ed. by Norbert Angermann / Klaus Friedland, Köln [u.a.] 2002 (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte NF 53).
- Osterrieder 2000 – Osterrieder, Markus: Kulturverbindungen zwischen Regensburg und Kiev (10.-13. Jahrhundert) und die Rolle der Iren. In: Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Rußland, der Ukraine und Weißrußland. Ed. by Hermann Beyer-Thoma, Wiesbaden 2000, 57–93.

- Pickhan 2009 – Pickhan, Gertrud: Von der Kiever Rus zum Moskauer Reich: Osteuropa. In: *Die Welt 1250–1500*. Ed. by Thomas Ertl, Wien 2009 (Globalgeschichte – Die Welt 1000 – 2000 2) 113–137.
- Pickhan 2015 – Pickhan, Gertrud: Gospodin Pskov. In: *Novgorod ou la Russie oubliée – Une république commerçante*. Ed. by Frison Philippe / Olga Sevastyanova, Paris 2015, 185–197.
- Plaggenborg 2017 – Plaggenborg, Stefan: Gerechtigkeit und gerechte Herrschaft in Fürstenbelehrungen Altrusslands. In: *Die gute Regierung. Fürstenspiegel von der Antike bis zur Gegenwart*. Ed. by Mariano Delgado / Volker Leppin, Fribourg–Stuttgart 2017 (Studien zur christlichen Religions- und Kulturgeschichte 24) 141–161.
- Plaggenborg 2018 – Plaggenborg, Stefan: *Pravda. Gerechtigkeit, Herrschaft und sakrale Ordnung in Altrussland*, Paderborn 2018; review by Kazakov, Gleb, *H-Soz-Kult*, 17.10.2019, www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-27981.
- Prinz-Aus der Wiesche 2004 – Prinz-Aus der Wiesche, Julia: *Die Russisch-Orthodoxe Kirche im mittelalterlichen Pskov*, Wiesbaden 2004 (Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa 28).
- Reitemeier 2002 – Reitemeier, Arnd: Sprache, Dolmetscher und Sprachpolitik im Rußlandhandel der Hanse während des Mittelalters. In: *Novgorod. Markt und Kontor der Hanse*. Ed. by Norbert Angermann / Klaus Friedland, Köln [u.a.] 2002 (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte NF 53) 157–176.
- Rohdewald 2002 – Rohdewald, Stefan: «i storista mir». Friede als Kommunikationselement in der Rus' (10.-12. Jahrhundert) und im spätmittelalterlichen Novgorod. In: *Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas*. Ed. by Nada Boškovska et al, Köln–Weimar–Wien 2002, 147–172.
- Rüß 2006 – Rüß, Hartmut: Eupraxia - Adelheid. Eine biographische Annäherung. In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 54 (2006) 481–518.
- Rüß 2009 – Rüß, Hartmut: Die altrussischen Fürstentümer unter der Herrschaft der Goldenen Horde. In: „Gebietler über die Völker in den Filzwandzelten“. *Steppenimperien von Attila bis Tschinggis Khan*. Ed. by Johannes Gießauf / Johannes Steiner, Graz 2009, 81–113.
- Rüß 2016 – Rüß, Hartmut: Das Kiever Reich im gymnasialen Geschichtsbuch der BRD seit der Wiedervereinigung. In: *Verflechtungsgeschichten. Konflikt und Kontakt in osteuropäischen Kulturen*. Festschrift für Alfred Sproede. Ed. by Mirja Lecke / Aleksandr Zabirko, Berlin–Münster 2016 (Veröffentlichungen des Slavisch-Baltischen Seminars der Universität Münster 10) 298–311.
- Rüß 2018 – Rüß, Hartmut: Nado li zabyvat' pro Kievskuju Rus' (Nemeckie gimnazicheskie uchebniki istorii konca XX v.). In: *Quaestio Rossica* 6 (2018) 581–595.
- Schaeken 2001 – Schaeken, Jos: Zu ode im altrussischen Handelsvertrag zwischen Smolensk, Riga und Gotland (1229). In: *Zeitschrift für Slavische Philologie* 60 (2001) 1–8.
- Schaeken 2003 – Schaeken, Jos: Zur Spracheinheit im Korpus der Smolensker Urkunden des 13.-14. Jahrhunderts. In: *Rusistika – Slavistika – Lingvistika*. Festschrift für Werner Leffeldt zum 60. Geburtstag. Ed. by Sebastian Kempgen / Ulrich Schweier / Tilman Berger, München 2003 (Die Welt der Slaven. Sammelband 19) 261–272.
- Scheidegger 2002 – Scheidegger, Gabriele: Kommunikation ausserhalb der Norm. Kinder und Irre in altrussischen Quellen. In: *Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas*. Ed. by Nada Boškovska u.a., Köln–Weimar–Wien 2002, 147–172.

- Scheliha 2013 – Scheliha, Wolfram von: Nicht-chronikalische Schriftquellen der Rus' zur Geschichte der Slavia Asiatica im 13. und 14. Jahrhundert. In: Geschichte der Slavia Asiatica. Quellenkundliche Probleme. Ed. by Christian Lübke / Ilmira Miftakhova / Wolfram von Scheliha, Leipzig 2013, 88–147.
- Schenk 2004 – Schenk, Frithjof Benjamin: Aleksandr Nevskij. Heiliger, Fürst, Nationalheld. Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis (1263-2000), Köln [u.a.] 2004 (Beiträge zur Geschichte Osteuropas 36).
- Schenk 2012 – Schenk, Frithjof Benjamin: Alexander Newski. Ein antideutscher Held im russischen kulturellen Gedächtnis? In: Russen und Deutsche. 1000 Jahre Kunst, Geschichte und Kultur, Petersberg 2012, 478–485.
- Schmidt 2009 – Schmidt, Christoph: Gemalt für die Ewigkeit. Geschichte der Ikonen in Russland, Köln–Weimar–Wien 2009.
- Schneeweiß 2012 – Schneeweiß, Jens: Normannen, Dänen, Wikinger, Waräger. Eine vergleichende historisch-archäologische Betrachtung zwischen Normandie, unterer Elbregion und Novgorod zur Wikingerzeit. In: Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters 40 (2012) 99–125.
- Scholz 2000 – Scholz, Birgit: Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie, Wiesbaden 2000 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München. Reihe Forschungen zum Ostseeraum 5).
- Schorkowitz 2000 – Schorkowitz, Dittmar: Die Herkunft der Ostslaven und die Anfänge des Kiever Reiches in der postsowjetischen Revision. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas N.F. 48 (2000) 569–601.
- Schorkowitz 2010 – Šorkovitc, Dittmar [Schorkowitz, Dittmar]: Proischozhdenie vostochnych slavjan i obrazovanie Kievskoj Rusi v pereocenke postsovetskoj istoriografii. In: Rossica antiqua 1/1 (2010) 3–53.
- Schramm 2002 – Schramm, Gottfried: Altrußlands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert, Freiburg im Breisgau 2002 (Rombach Wissenschaften. Reihe Historiae 12).
- Schramm 2003: Rus' und Russland. In: Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. 25, Berlin 2003, 608–622.
- Schramm 2006: Schicksale des Namens Rus' in Mittel- und Nordeuropa. In: Germanoslavica 17 (2006) 1–10.
- Schramm 2007: Viel Lärm um vier Buchstaben. Der Name Rus' als Beispiel für die Rückständigkeit einer historischen Hilfswissenschaft. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 55 (2007) 67–79.
- Schubert, B. 2002 – Schubert, Birte: Der Novgoroder Seehandel und der „freie Weg auf dem Meer“. In: Beiträge zur Geschichte des Ostseeraumes. Ed. by Horst Wernicke, Hamburg 2002 (Greifswalder historische Studien 4) 19–33.
- Schubert, E. 2002 – Schubert, Ernst: Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse. In: Concilium medii aevi 5 (2002) 1–50.
- Schüssler 2003 – Schüssler, Martin K.: Raubüberfälle auf Hansekaufleute in der Nähe von Nowgorod zu Ende des 13. und Anfang des 14. Jahrhunderts. In: Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung 120 (2003) 355–370.

- Selart 2003 – Selart, Anti: Zur Geschichte der Russen im Livland um die Wende des 15. zum 16. Jahrhundert. Der Vorwand zur Schließung des St. Peterhofes in Novgorod im Jahr 1494. In: Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse. Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar. Ed. by Norbert Angermann, Lüneburg 2003 (Schriftenreihe Baltische Seminare 10) 177–210.
- Selart 2004 – Selart, Anti: Der „Dorpatener Zins“ und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter. In: Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag. Ed. by Bernhart Jähnig, Münster 2004, 11–37.
- Selart 2006 – Selart, Anti: Fürst Konstantin von Polock und die Geschichte Livlands im dritten Viertel des 13. Jahrhunderts. In: Forschungen zur baltischen Geschichte 1 (2006) 29–44.
- Selart 2007 – Selart, Anti: Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert, Köln 2007 (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte 21).
- Selart 2008 – Selart, Anti: Der livländische Deutsche Orden und Russland. In: L'Ordine Teutonico tra Mediterraneo e Baltico. Incontri e scontri tra religioni, popoli e culture. Atti del Convegno internazionale di studio Bari-Lecce-Brindisi, 14–16 settembre 2006. Ed. by Hubert Houben, Galatina (Lecce) 2008, 253–287.
- Selart 2009 – Selart, Anti: Balduin von Alna, Dänemark und Russland. Zur politischen Geschichte Livlands in den 1230er Jahren. In: The Reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region. Papers of the XII Visby Symposium held at Gotland University, Visby. Ed. by Jörn Staecker, Visby 2009, 59–74.
- Selart 2012 – Selart, Anti: Ein westfälisch-russischer Krieg 1443-1448? Bemerkungen zum Krieg des livländischen Deutschen Ordens gegen Novgorod. In: Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung 61 (2012) 247–262.
- Soldat 2001 – Soldat, Cornelia: Urbild und Abbild. Untersuchungen zu Herrschaft und Weltbild in Altrußland 11.–16. Jahrhundert, München 2001 (Slavistische Beiträge 402).
- Soldat 2011 – Internet-Ressourcen zur Geschichte Russlands im frühen Mittelalter. In: Neues Osteuropa 3 / 2011, 37-47.
- Soldat 2013 – Soldat, Cornelia: Heidnisches und Christliches in der russischen Chronik – Die Darstellung der Konversion des Großfürsten Vladimir Svjatoslavič in der Povest' vremennych let. In: Kyiv i slov'jans'ki literatury. Zbirnyk. Ed. by Dejan Ajdačić, Belgrad – Kyiv 2013, 57-76.
- Stark 2002 – Stark, Walter: Über marktbezogenen Warenverkehr und Handelsgewinne im hansischen Rußlandhandel. In: Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Ed. by Norbert Angermann / Klaus Friedland, Köln [u.a.] 2002 (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte NF 53) 227–236.
- Steindorff 2005a – Steindorff, Ludwig: Der fremde Krieg. Die Heerzüge der Mongolen 1237-1242 im Spiegel der altrussischen und lateinischen Chronistik. In: Südosteuropa. Von vormoderner Vielfalt und nationalstaatlicher Vereinheitlichung. Festschrift für Edgar Hösch. Ed. by Konrad Clewing / Oliver Jens Schmitt, München 2005 (Südosteuropäische Arbeiten 127) 93–118.
- Steindorff 2005b – Steindorff, Ludwig: Glaubenswelt und Prestige. Stiftungen in der Geschichte Altrußlands. In: Stiftungen in Christentum, Judentum und Islam vor der Moderne. Auf der Suche nach ihren Gemeinsamkeiten und Unterschieden in

- religiösen Grundlagen, praktischen Zwecken und historischen Transformationen. Ed. by Michael Borgolte, Berlin 2005 (Stiftungsgeschichten 4) 159–177.
- Steindorff 2006 – Steindorff, Ludwig: Das Kiewer Reich in Europa um das Jahr 1000. In: Der Hoftag in Quedlinburg 973. Von den historischen Wurzeln zum Neuen Europa. Ed. by Andreas Ranft, Berlin 2006, 73–83.
- Steindorff 2007 – Die Viten der Heiligen Savvatij und Zosima oder Über die Anfänge des Klosters auf Solovki übersetzt aus dem Altrussischen und erläutert von Ludwig Steindorff. online: <https://www.histsem.uni-kiel.de/de/das-institut-1/abteilungen/osteuropaeische-geschichte/materialen/Die%20Viten%20der%20Heiligen%20Savvatij%20und%20Zosima.pdf>.
- Steindorff 2008 – Steindorff, Ludwig: Chuzhaja vojna: Voennye pochody mongolov (1237–1242) v drevnerusskikh i latinskikh letopisjach. In: Drevnjaja Rus' 4 (34)/2008, 18–29.
- Steindorff 2010 – Steindorff, Ludwig: Bilder vom Norden in der Geschichte Altrusslands. In: Norden und Nördlichkeit. Darstellungen vom Eigenen und Fremden. Ed. by Dennis Hormuth / Maïke Schmidt, Frankfurt am Main 2010 (Imaginatio borealis 21) 13–30.
- Steindorff 2012 – Steindorff, Ludwig: Pravit'no li schitat' Novgorod kommunoj? In: Spory o novgorodskom veche. Mezhdisciplinarnyj dialog: Materialy „kruglogo stola“ (Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge, 20 sentiabria 2010 g.). Ed. by Michail Markovich Krom, Sankt-Peterburg 2012, 228–241.
- Steindorff 2015 – Steindorff, Ludwig: La place de Novgorod dans le paysage urbain d'Europe. In: Novgorod ou la Russie oubliée – Une république commerçante. Ed. by Frison Philippe / Olga Sevastyanova, Paris 2015, 351–362.
- Steindorff 2017 – Steindorff, Ludwig: Nasledie Kievskoj Rusi v vosprijatii „zapadnych“ avtorov rannego Novogo vremeni. In: Drevnjaja Rus' posle Drevnej Rusi. Diskurs vostochnoslavjanskogo (ne)edinstva. Ed. by A. V. Doronin, Moskva 2017, 38–48.
- Steindorff 2018 – Steindorff, Ludwig: Die Kiever Rus' und das Reich im 10. und 11. Jahrhundert. In: Das Sakramentar aus Tyniec. Eine Prachthandschrift des 11. Jahrhunderts und die Beziehungen zwischen Köln und Polen in der Zeit Kasimirs des Erneuerers. Hrsg. von Klaus Gereon Beuckers, Wien 2018 (Forschungen zu Kunst, Geschichte und Literatur des Mittelalters 3) 177–189.
- Steindorff 2020 – Steindorff, Ludwig: Caesurae and Bifurcations in the History of the Russian Middle Ages and of Old Russia. In: Novoe proshloe/The New Past 3/2020, 222–229.
- Stiglbrunner 2012 – Stiglbrunner, Thomas: Alltag und Kommunikation in Novgorod. Eine transdisziplinäre Analyse einer mittelalterlichen russischen Stadt, Diss. Wien 2012 [online: <https://othes.univie.ac.at/19079>].
- Stiglbrunner 2015 – Stiglbrunner, Thomas: La topographie de Novgorod. In: Novgorod ou la Russie oubliée – Une république commerçante. Ed. by Frison Philippe / Olga Sevastyanova, Paris 2015, 91–106.
- Strauch 2011 – Strauch, Dieter: Mittelalterliches nordisches Recht bis 1500. Eine Quellenkunde, Berlin [u.a.] 2011 (Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde 73) 669–683.
- Trunte 2006 – Trunte, Nikolaos: Wie König Ladislaus Chan Batu erschlug. Ursprung und Verbreitung eines Legendenzyklus. In: Die Welt der Slaven 51 (2006) 315–356.
- Weczerka 2002 – Weczerka, Hugo: Hansische Handelswege in den nordwestrussischen Raum. In: Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Ed. by Norbert Angermann / Klaus

- Friedland, Köln [u.a.] 2002 (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte NF 53) 15–24.
- Wernicke 2002 – Wernicke, Horst: Novgorod und die Hanse. In: Beiträge zur Geschichte des Ostseeraumes. Ed. by Horst Wernicke, Hamburg 2002 (Greifswalder historische Studien 4) 19–33.
- Worster 2011 – Worster, Paul: Konfrontation, Koexistenz, Kooperation? Die Kiever Rus' und die Steppennomaden am Vorabend der mongolischen Invasion. In: Saeculum 61 (2011) 199–230.
- Worster 2012 – Worster, Paul: Die ostslawischen Chroniken als Quellen zur Geschichte der Kiever Rus'. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas N.F. 60 (2012) 161–203.
- Wozniak 2011 – Wozniak, Thomas: Brände im mittelalterlichen Novgorod. In: Neues Osteuropa – Kölner Forum für Geschichte und Kultur Osteuropas 2/2011, 8–23 [online: <http://neues-osteuropa.de/wp-content/uploads/2011/05>].
- Wozniak 2015 – Wozniak, Thomas: Kirchen und Feuerschutz in Novgorod im Mittelalter. In: Feuernutzung und Brand in Burg, Stadt und Kloster im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit. Ed. by Olaf Wagener, Petersberg 2015 (Studien zur internationalen Architektur- und Kunstgeschichte 129) 234–243.
- Wünsch 2008 – Wünsch, Thomas: Deutsche und Slawen im Mittelalter. Beziehungen zu Tschechen, Polen, Südslawen und Russen, München 2008.
- Zühlke 2003 – Zühlke, Raoul: Der Verkehr in der nordwestlichen Rus' und den angrenzenden Gebieten im 13. Jahrhundert – eine Prospektion. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas N.F. 51 (2003) 323–341.

ADRIAN JUSUPOVIĆ

**MEDIEVAL RUS' IN POLISH RESEARCH
OF THE LAST TWENTY YEARS¹**

This paper analyses the achievements of Polish historiography in the field of medieval Rus' over the last twenty years. It begins with the presentation of studies by Andrzej Poppe done in the 21st century. The bibliography of Polish literature relating to medieval Rus' is divided into the following subsections: church, source studies including editions and translations of historiographic monuments of medieval Rus', genealogy, prosopography and terminology, topomastics and historical geography, foreign policy, cross-sectional and collective works.

Keywords: Bibliography, literature, Rus', Poland, source study, researcher

Adrian Jusupović – Professor IH PAS, the Tadeusz Manteuffel Institute of History, Polish Academy of Sciences. E-mail: ajusupovic@ihpan.edu.pl. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7734-0001>

1 *Citation: ADRIAN JUSUPOVIĆ, “Medieval Rus' in Polish Research of the Last Twenty Years”, *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 71–88. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.20*

In the 1990s, Poland held a very strong position in the field of research into Kievan Rus'. The voices of Polish academics specialising in the topic were widely recognized internationally. The credit for this must be given to such excellent researchers as Professor Andrzej Poppe, Professor Aleksander Gieysztor, Professor Tadeusz Wasilewski, and other, well-known scholars in various locations in the world. After they passed away, studies into Rus' territories became marginalised for many years. This state of affairs can be ascribed, in the first place, to the lack of an academic centre able to conduct coordinated studies of medieval Rus' and its contacts with Poland (there is currently no specialist in medieval Rus' at the University of Warsaw's Faculty of History, which only 25 years ago conducted research into the topic at the highest level). Secondly, there are few people with the required potential and who have established contacts with top researchers and academic centres in Belarus, Ukraine and Russia. Thirdly, in the 1990s we turned away from our eastern neighbour. The opposite tendency can be observed over the last few years, which unfortunately has also resulted in publications of a very amateur nature. Another serious obstacle is the fact that young researchers do not know Russian, let alone the Old Russian/East Slavic language (this language is being gradually eliminated even from the academic syllabus of a discipline such as Slavistics).

Although Byzantine research studies have been conducted in Poland for a long time, Old Russian studies are at an early stage of development. Andrzej Poppe², who can be referred to without any exaggeration as the most recognisable Medieval Rus' specialist worldwide, made an undeniably important contribution to this. Having retired on 30 September 1996, he continued to work part-time teaching students at the Institute of History until 2006. Given that Poppe was still working after 2000, I would like to describe the work he did in the 21st century before I move on to discuss the achievements of the younger generation of researchers. Poppe studied what can be called the auxiliary sciences of history in the widest sense, but his academic efforts were dominated by research on the development of the Church in Rus', research which brought him international recognition. He

2 For more details about Andrzej Poppe's life, see: A. JUSUPOVIĆ, "In Memoriam Professor Andrzej Poppe", *Quaestiones Mediae Aevi Novae* 24 (2019): 429-442.

studied issues of hagiography³, the history of the Church in Rus'⁴, source analysis studies⁵, palaeography⁶, epigraphy/iconography⁷, sphragistics⁸, chronology⁹, Slavic studies, the internal policy of Rus'¹⁰ and genealogy¹¹. In addition to the ones already mentioned, his most important papers include: *Christian Russia in the Making* (Aldeshot–Hampshire–Burlington, VT 2007 [Ashgate Collected Studies], pp. XIV+362) and *Studyt na Rusi. Istoki i načal'naâ istoriâ Kievo-Pečerskogo monastyra* (Kiiv 2011 [Ruthenica.Suppementum 3], pp. 149).

I think a researcher as excellent as Andrzej Poppe is a good starting point for researchers from the younger generation. So let us start our review of the achievements of Polish historians in the field of Rus'. This

- 3 E.g., ANDRZEJ POPPE, "Il Martirio di Boris e Gleb", in *Forme della Santita russa. Atti del VIII Convegno ecumenico internazionale di spiritualita orthodoxa, Bose 21-23 Settembre 2000* (Bose–Milano: Qiqajon, 2002), 47–81; idem, *Sviatyje vencenoscy. Kak voznik kul't Borisa i Gleba*, Rodina 11–12 (2002): 92–97.
- 4 E.g., idem, "Leontii, igumen Patmoskii, kandidat v mitropolity Rusi", *Paleoslavica* 10, no. 2 (Chrysai Pylai: Essays presented to Ihor Ševčenko – Chrysai Pylai, vol. 2.) (2002): 81–90.; Idem, "Kievskii monastyr sv. Nikolaia", *International Journal of Slavistiv and Poetics* 44–45 (2002–2003): 453–462.
- 5 E.g., A. POPPE, "A. A. Shakhmatov i spornyie nachala russkogo letopisaniia, Drevniaia Rus'", *Voprosy medevistiki* 33, no. 3 (2008): 76–85.
- 6 ANDRZEJ POPPE, DANUTA POPPE, "Anna regina. Przyczynek paleograficzny (Palaeographic Monograph)", in "O rzeczach minionych" (*On Past Matters*). *Scripta rerum historicarum Annae Rutkowska-Płachcińska oblata*, (eds.) MARTA MŁYNARSKA-KALETYNOWA, JERZY KRUPPE (Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2006), 239–246 (*Studia i Materiały z Historii Kultury Materialnej* 71); ANDRZEJ POPPE, "The Autograph of Anna of Rus', Queen of France", in *Tentorium Honorum. Essays Presented to Frank E. Sysyn on his Sixtieth Birthday*, (eds.) OLGA A. ANDRIEWSKY, ZENON E. KOHUT, SERHII PLOKHY, LARRY WOLF (Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2010), 400–406. (*Journal of Ukrainian Studies* 33–34).
- 7 E.g., ANDRZEJ POPPE, "Romanskie dveri Sofii Novgorodskoï. Itogi izucheniia", in *Georgii Karlovich Vagner – uchenyi, khudozhnik, chelovek* (Moskva: Rossiiskaia Gosudarstvennaia Biblioteka, 2006), 289–313.
- 8 ANDRZEJ POPPE, "Krushvickaia pečat' Vsevoloda Iaroslavicha", in *Material'na ta duchovna kul'tura pıvdnoï Rusi. Materiali k 100-littiu vid dnia narodzhennia V. J. Dovženka [1909–1969]* (Kiiv–Chernikhv: RusArkh), 226–229 (a new edition of the monograph : *Pieczęć ruska z Kruszwicy (Rus' Seal from Kruszwica)*, *Slavia Antiqua* 26, 1979, 121–126).
- 9 E.g., ANDRZEJ POPPE, "Pochemu venchanie Danila na korolevstvo sostoialos' v Doroguchine?", in *Tezisy mezhdunarodnoï nauchnoï konferencii Litva epokhi Mindaugasa i ee sosedı: istoricheskie i kul'turnye sviazi i paralleli. 11-12 dekabria 2003* (Moskva, 2003), 43–52.
- 10 E.g., ANDRZEJ POPPE, "Gab es eine ottonische Ostpolitik, die Kiewer Rus' im Blickfeld hatte?", in *The Earliest States of Eastern Europe. 2014. Old Rus' and Medieval Europa: The Origin of States*. (ed.) TATJANA JACKSON (Moscow: Dmitriy Pozharsiy University Moscow, 2016), 379–400.
- 11 E.g., ANDRZEJ POPPE, "Gertruda-Olisava, russkaia kniagini. Peresmotr biograficheskikh dannyykh", in *Imenoslov. Istoricheskaia semantika imeni*, vol. 2 (Moskva, 2007), 205–225.

article is divided into subsections mostly corresponding to the auxiliary sciences of history. After such an introduction, the first category should be the Church in Rus', followed by source analysis studies, including historical auxiliary sciences (genealogy, prosopography, palaeography etc.) and finally the problem of foreign policy, cross-sectional and collective works.

THE CHURCH IN RUS'

After Andrzej Poppe most researchers concentrated on the western part of Rus' and the influence of the Catholic Church on Orthodox or monastic issues. We have few books on the beginning of Christianity in Rus'. Andrzej Gil cooperated with Ichor Skochylas (a Ukrainian researcher) to produce three excellent books: the first about the period to 1458¹², the second about the Vologimiro-Berestian Eparchy from the 11th to the 18th century¹³ and the last about religious jurisdiction in the Kievan metropolis from 1458 to 1795¹⁴. There is also a booklet by Artur Kijas about the baptism of Rus'¹⁵. Last year, Marcin Grala published an excellent book about bishops and rulers in the period of Cyprian, Metropolitan of Kiev (c. 1336–1406)¹⁶. Articles in this field address the following issues: Galician-Volhynian Rus' in the union plans of the Latin ("Catholic") church¹⁷, the beginning of Orthodox church organisation in West Rus'¹⁸, the missionary and evangelisation activities of the Latin

12 ANDRZEJ GIL, IHOR SKOCZYLAS, *Przed wielkim podziałem: prawosławna metropolia kijowska do 1458 roku* (Lublin-Lwów: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, Wydział Humanistyczny. Ukraiński Uniwersytet Katolicki, 2013).

13 ANDRZEJ GIL, ICHOR SKOCZYLAS, *Volodimirs'ko-Beresteis'ka Ęparkhĳia XI–XVIII stolit': ĩstorichnĳ narisĳ* (Lviv: L'vivs'koĳ polĳtekhnikĳ, 2013).

14 ANDRZEJ GIL, IHOR SKOCZYLAS, *Koĳcioĳy Wschodnie w paŃstwie Polsko-Litewskim w procesie przemian i adaptacja: Metropolia Kijowska w latach 1458–1795* (Lublin-Lwów: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2014).

15 ARTUR KIJAS, *Chrzest Rusi* (PoznaŃ: Drukarnia i Księgarnia Œwiętego Wojciecha, 2006).

16 MARCIN GRALA, *Biskupi i wadcy Œwieccy Rusi w orbicie politycznych wpĳywów Moskwy doby metropolity Cypriana* (Kraków: Księgarnia Akademicka (Historia, Hereditas, Ecclesia, vol. 9) literature by Grala herein, 2020). DOI: 10.12797/9788381383769

17 MARIAN BENDZA, "Ruĳ Halicko-WłodziŃska w obronie unijnych planów Koĳcioĳa łaciŃskiego", *Rocznik Teologiczny* 46, no. 2 (2004): 149–162.

18 RADOSŁAW LIWOCH, "Przyczynek do badaŃ nad poczĳtkiem Cerkwi na Zachodzie Rusi", *Elpis. Czasopismo teologiczne Katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku* 16 (2014): 169–172. DOI: 10.15290/elpis.2014.16.20

church in Rus' (especially religious orders)¹⁹, the church policy of Vladislaus II of Opole (1326/1332–1401)²⁰, the cult of saints in Byzantine-Rus'ian religious and cultural tradition²¹ and comparative research²². At the end of this subsection of the article, I draw the reader's attention to two excellent researchers of the younger generation: Monika Kamińska (whose studies mostly refer to the borderland but who is also the author of an excellent article about Galician-Volhynian Monasteries)²³ and Zofia Brzozowska (who specialises in the theology of monarchy in Kievan Rus' promoted by Hilarion in his *Sermon on Law and Grace*)²⁴.

-
- 19 PIOTR STEFANIAK, "Klasztory mniszek dominikańskich ruskiej prowincji zakonu", *Nasza Przeszłość* 108 (2007): 305–336; ADAM MĄCZKA, "Pierwsze placówki misyjne franciszkanów na Rusi Czerwonej (XIII i XIV w.)", in *630 rocznica przybycia Franciszkanów do Sanoka. Materiały posesyjne*, (eds.) WIESŁAW BANACH, EWA KASPRZAK (Sanok: Muzeum Historyczne w Sanoku, 2008), 15–22; NORBERT MIKA, "Austria i Ruś w działalności ewangelizacyjnej polskich i węgierskich dominikanów (do 1241 roku)", in *Święty Jacek i dziedzictwo dominikańskie*, (eds.) ERWIN MATEI, ANNA POBÓG-LENARTOWICZ, MARIA ROWIŃSKA-SZCZEPANIAK (Opole: Uniwersytet Opolski, 2008), 75–87; TERESA DUNIN-WĄSOWICZ, "Kilka uwag w sprawie działalności misyjnej cystersów na Rusi w XII-XIII wieku", in *Drogami średniowiecznej Polski. Studia z dziejów osadnictwa i kultury*, (ed.) ANDRZEJ JANECZEK (Warszawa: IAiE PAN, 2011), 353–363; ERNEST SZUM, *Non nobis Domine... Działalność Zakonu Ubogich Rycerzy Chrystusa i Świętyni Salomona na pograniczu mazowieckorusko-jaćwieskim w XIII wieku* (Biała Podlaska: Jednooki Kruk, 2013); BROJER WOJCIECH, "Polska – Ruś w XI–XII wieku. Granica misyjności", in *Granica wschodnia cywilizacji zachodniej w średniowieczu*, (ed.) ZBIGNIEW DALEWSKI (Warszawa: IH PAN, 2014), 297–373; ALEKSANDER K. SITNIK, "Geneza sprowadzenia Zakonu Braci Mniejszych na Ruś Czerwoną (1460)", in *Pięćset pięćdziesiąt lat obecności oo. Bernardynów w Polsce (1453–2003)*, (eds.) WIESŁAW F. MURAWIEC, DAMIAN A. MUSKUS, KALWARIA ZEBRZYDOWSKA (Calvarianum, 2006), 123–166.
- 20 MAGDALENA WINIARSKA-WARZECHA, "Polityka kościelna Władysława Opolczyka na Rusi", in *Władysław Opolczyk jakiego nie znamy. Próba oceny w sześćsetlecie śmierci*, (ed.) ANNA POBÓG-LENARTOWICZ (Opole: Redakcja Wydawnictw WT UO, 2001), 85–89.
- 21 STANISŁAW NABYWANIEC, "Kult świętych w religijnej i kulturowej tradycji bizantyjsko-ruskiej", in *Polska, Słowacja, Europa Środkowa w XIX-XX wieku. Księga jubileuszowa dedykowana profesorowi Ewie Orlof*, (eds.) JAN PISULIŃSKI, ELŻBIETA RĄCZA, KRZYSZTOF ŻARNA (Rzeszów: Uniwersytet Rzeszowski, 2011), 540–549.
- 22 E.g., ANTONI MIRONOWICZ, "Znaczenie chrztu Rusi w ewangelizacji Europy Środkowo-Wschodniej", *Latopisy Akademii Supraskiej* 4 (2013): 7–26.
- 23 MONIKA KAMIŃSKA, "Cechy obronne prawosławnych monasterów ziemi halickiej (do połowy XIV wieku)", in *Polska, Ruś i Węgry: X – XIV w.*, (eds.) DARIUSZ DĄBROWSKI, ADRIAN JUSUPOVIĆ, TERESA MARESZ (Kraków: AVALON, 2018), 257–280 (= *Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi UKW*, t. 5).
- 24 See ZOFIA BRZOZOWSKA, "U początków Świętej Rusi. Koncepcje monarchiczne metropolity kijowskiego Hilariona (XI w.) i ich związek z bizantyńską "teologią polityczną"", *Studia Wschodniostowiańskie* 14 (2014): 29–40. DOI: 10.15290/sw.2014.14.03

SOURCE STUDIES INCLUDING EDITIONS AND TRANSLATIONS OF HISTORIOGRAPHIC MONUMENTS OF MEDIEVAL RUS'

Four people have been active in producing edited publications in recent years: Zofia Brzozowska, Dariusz Dąbrowski, Adrian Jusupović and Krzysztof Pietkiewicz. The Tadeusz Manteuffel Institute of History at the Polish Academy of Sciences has created a critical edition of the Galician-Volhynian chronicle edited by Dariusz Dąbrowski and Adrian Jusupović and published within the framework of the *Monumenta Poloniae Historica* series, SN, vol. 16²⁵, Warsaw-Cracow 2017 (The Polish translation was published by the publishing house AVALON in 2017²⁶). In both volumes (the critical edition and the translation) the reader will find an introduction (about 130 pages) with analyses concerning this monument. In 2019, Adrian Jusupović published a study entitled "The Chronicle of Halych-Volhynia (The Dynastic Chronicle of the Romanovichi)" in a historical collection²⁷. This book fulfils the declaration made in the critical edition of *The Chronicle of Halych-Volhynia* – namely, that his aim was to prepare a deep analysis of the chronological and narrative strategies of this monument.²⁸ At the University of Łódź, Zofia A. Brzozowska and Ivan N. Petrov prepared an excellent edition of the *Novgorod First Chronicle*²⁹. The reader will find there not only the original text and translation (very usefully in PDF

25 *Chronica Galiciano-Voliniana. Chronica Romanoviciana*, ediderunt, praefatione notisque instruxerunt, DARIUSZ DĄBROWSKI, ADRIAN JUSUPOVIĆ, in *Monumenta Poloniae Historica*, SN, vol. XVI (Cracow-Warsaw: Polska Akademia Umiejętności, Instytut Historii im. Tadeusza Manteuffla Polskiej Akademii Nauk, 2017) [open access: https://rcin.org.pl/Content/190072/WA303_223688_I12781-16_Kronika.pdf].

26 *Kronika halicko-wołyńska. Kronika Romanowiczów*, translation, introduction and commentaries by DARIUSZ DĄBROWSKI, ADRIAN JUSUPOVIĆ (Kraków-Warszawa: AVALON, 2017).

27 ADRIAN JUSUPOVIĆ, *Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) w kolekcji historycznej* (Kraków: AVALON, IH PAN, 2019). A more extensive English version will be published by Brill in April 2022. Here, it is worth mentioning Mariusz Bartnicki's article: "The Halych-Volhynian Chronicle as a Source for the History of Central Eastern Europe in the 13th Century", *Quaestiones Mediae Aevi Novae* 13 (2008): 349–368.

28 *Chronica* 2017, XXIII, fn. 65.

29 *Latopis nowogrodzki pierwszy starszej redakcji. Unikатовy zabytek piśmiennictwa staroruskiego i jego polski przekład*, (eds.) IVAN PETROV, ZOFIA A. BRZOZOWSKA (Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2019) (=Series Ceranea, vol. 3).

form), but also, for comparison, the photocopy from the manuscript with edited text as well as a comparison of the old Rus' text with the Polish translation. Such a publication is of enormous assistance to those teaching palaeography. Zofia Brzozowska has also edited (with a translation) *The Word of Wisdom*, a work assigned to Kirill of Turov³⁰ and *Praise of the Grand Princess of Vladimir, Maria*³¹. In 2014 she also published a book about Saint Olga and added a selection of sources to the biography of the princess³². At this point, three excellent Polish translations should also be mentioned: of Hustyn'skiy Letopis³³, *Khozhdenie igumena Danila*³⁴ and The Galician-Volhynian Chronicle³⁵. There has also been a translation of *The Tale of Igor's Campaign*³⁶ which is partially a reprint of August Bielowski's and partially a modern translation (in prose). I mentioned some analyses of historiographic monuments of medieval Rus'. In Polish historiography, besides a paleography textbook³⁷, a synthesis of Rus' literature³⁸ and onomastic

30 ZOFIA BRZOZOWSKA, "Staroruskie słowo o mądrości przypisywane Cyrylowi z Turowa (edycja i przekład)", *Slavia Antiqua. Rocznik poświęcony starożytnościom słowiańskim* 56 (2015): 101-108 [open access: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/sla/article/view/9905/17163>].

31 This monument has not survived, and we have only a reconstruction of the text by Priselkov. See: ZOFIA BRZOZOWSKA, "Pochwała wielkiej księżnej włodzimierskiej Marii. Edycja i przekład nieznanego zabytku literatury staroruskiej", *Slavia Antiqua. Rocznik poświęcony starożytnościom słowiańskim* 54 (2013): 307-320 [open access: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/sla/article/view/12487/12320>].

32 ZOFIA BRZOZOWSKA, *Święta księżna kijowska Olga. Wybór tekstów źródłowych* (Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2014).

33 HENRYK SUSZKO, *Latopis Hustyński. Opracowanie, przekład i komentarze* (Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003) (*Slavica Wratislaviensia* 124).

34 *Ihumena Daniela z ziemi ruskiej pielgrzymka do Ziemi Świętej = "Chożenie" igumena Daniila: relacja z początku XI [i. e. XII] wieku*, trans. KRZYSZTOFA PIETKIEWICZA, (eds.) JOANNA GRZEMBOWSKA, KRZYSZTOF PIETKIEWICZ (Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003).

35 *Kronika Halicko-Wołyńska (z XIII wieku)*, (ed.) EDWARD GORANIN (Oborniki Śląskie: Studio Graphito, 2020).

36 *Słowo o wyprawie Igora*, trans. ANDRZEJ SARWA (Sandomierz: Wydawnictwo Armoryka, 2008).

37 KRZYSZTOF PIETKIEWICZ, *Paleografia ruska* (Warszawa: DiG, 2015).

38 URSZULA WÓJCICKA, *Literatura staroruska z elementami historii i kultury dawnej Rusi* (Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2010).

studies³⁹ and dictionaries or glosses⁴⁰, we can find studies referring to such sources as *The Tale of Bygone Years* (events between 1095–1097)⁴¹, the so-called *Latopis Polocki* reconstructed from the *Russian History* of Vasily Tatishchev (1686–1750)⁴², *Lavryshev Evangelion*⁴³ and the Egbert Psalter (also known as the Gertrude Psalter or Trier Psalter)⁴⁴. We must not forget articles concerning the perception of Rus' in medieval Polish chronicles⁴⁵. There are also interesting studies in the Polish literature

-
- 39 BARBARA PERCZYŃSKA, "Staroruskie i cerkiewno-słowiańskie formy imion w najstarszych ruskich zabytkach hagiograficznych", in *Językoznawstwo historyczne i typologiczne. W 100-lecie urodzin profesora Tadeusza Milewskiego*, (eds.) LESZEK BEDNARCZUK, WOJCIECH SMOCZYŃSKI, MARIA WOJTYŁA-ŚWIERZOWSKA (Kraków: PAU, 2008), 549–559.
- 40 ARLETA SZULC, "Skorynowskie glosy wobec słownictwa staro-cerkiewno-słowiańskiego Psalterza synajskiego i cerkiewno-słowiańskich psalterzy redakcji ruskiej", *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Studia Slavica* 6 (351) (2001): 163–177.
- 41 JAN POWIERSKI, "Analiza przekazów Powieści wriemiennych let z lat 6603-6604 a rekonstrukcja wydarzeń na Rusi od 1095 do wiosny 1097 roku", in *Komturzy, rajcy, żupani*, (ed.) BŁAŻEJ ŚLIWIŃSKI (Mapbork: Muzeum Zamkowe w Malborku, 2005), 223–269. (*Studia z Dziejów Średniowiecza*. Nr 11)
- 42 ADRIAN JUSUPOVIĆ, "Tak zwany „Latopis Połocki” w przekazie Wasilija Tatiščeva. Rola Drohiczyna w kontaktach polsko-ruskich drugiej połowy XII wieku", *Studia Źródłoznawcze* 45 (2007): 15–32.
- 43 RAFAŁ JAWORSKI, "Ewangeliarze ruskie jako księgi wpisów. Próba zarysowania problemu na przykładzie „Ewangeliarza Ławryszewskiego”", in *Polska kancelaria królewska czasów nowożytnych: między władzą a społeczeństwem. Materiały konferencji naukowej, Kraków 14 kwietnia 2004.*, Part. 2, (eds.) WALDEMAR CHORĄŻYCZEWSKI, WOJCIECH KRAWCZUK (Kraków: Towarzystwo Wydawnicze "Historia Iagellonica", 2006), 87–98.
- 44 From the perspective of literary criticism: TERESA MICHAŁOWSKA, *Ego Gertruda. Studium historycznoliterackie* (Warszawa: PWN, 2001). From the perspective of art history: MAŁGORZATA SMORAĞ-RÓŻYCKA, *Bizantyńsko-ruskie miniatury Kodeksu Gertrudy: o kontekstach ideowych i artystycznych sztuki Rusi Kijowskiej XI wieku* (Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003).
- 45 JAKUB SKOMIAŁ, "Polscy kronikarze wieków średnich o Rusi i Rusinach", *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Section G. Ius* 59 (2012): 81–93; MAGADELNA SZYMAŃSKA, "Opinia o Rusi do czasu włączenia do Polski Rusi Halickiej (1387)", w "Kronice" Jana Długosza", *Kuźnia Młodych Historyków* 1 (2004): 41–57.

GENEALOGY, PROSOPOGRAPHY AND TERMINOLOGY.

In Poland we find few researchers working in the genealogy, prosopography and terminology fields. The most internationally recognised researcher is Dariusz Dąbrowski, who has published a great number of articles, three books and one biography (on Daniel Romanovich)⁵¹ He is also the author of a book of a prosopographic nature⁵². A dictionary of Rus'ian and Russian rulers has been published in Piotrków Trybunalski.⁵³ Papers on the Rurikovich dynasty and its relationship with the Piasts have been contributed by Jan Tęgowski⁵⁴, Jan Piotr Sobolewski⁵⁵, Grzegorz Rostkowski⁵⁶ and Ewa Madejczyk⁵⁷.

Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, Institut istorii material'noj kul'tury Rossijskoj akademii nauk, Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2020) (FRÜHZEIT OSTMITTELEUROPA, Band 6, Teil 1) - herein literature.

- 51 For literature and a full bibliography see, DARIUSZ DĄBROWSKI, *Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wotyńskich* (Poznań – Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2002) (= *Biblioteka Genealogiczna*, vol. 6); DARIUSZ DĄBROWSKI, *Genealogia Mścistawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)* (Kraków: AVALON, 2008). (Russian version: DARIUSZ DĄBROWSKI, *Genealogiia Mstislavichei: Pervye pokoleniia (do nachala XIV v.)*, translation and introduction to the Russian edition KONSTANTIN ERUSALIMSKOGO, OKSANA OSTAPCHUK (Saint Petersburg, 2015) (= *Studiorum Slavicorum Orbis*, vol. X); DARIUSZ DĄBROWSKI, *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna* (Cracow: AVALON, 2012) (= *Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi UKW*, vol. I). Here, it is worth highlighting that KRZYSZTOF KWIATKOWSKI has published an article about Daniel Romanovich's coronation (*Przeciw Batu-chanowi czy Mendogowi – okoliczności, wymowa i znaczenie polityczne koronacji Daniela Romanowicza Halickiego na króla Rusi w 1253/1254 roku*, *Klio* 5 (2004): 37–61).
- 52 DARIUSZ DĄBROWSKI, *Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w.* (Kraków: AVALON, 2016) (= *Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi UKW*, vol. IV).
- 53 BOGUSŁAW MUCHA, *Słownik władców ruskich i rosyjskich* (Piotrków Trybunalski: Naukowe Wydaw. Piotrkowskie, 2001).
- 54 JAN TĘGOWSKI, "Kontakty rodzinne dynastów polskich i ruskich w średniowieczu", in *Między sobą. Szkice historyczne polsko-ukraińskie*, (eds.) TERESA HRYNCZEWSKA-HENNEL, NATALIA JAKOVENKO (Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000).
- 55 JAN P. SOBOLEWSKI, "Wasyłko Jaropetkowicz i Izjasław Jarostawowicz, dwaj książęta drohiccy z drugiej połowy XII wieku", in *Inter orientem et occidentem. Studia z dziejów Europy środkowowschodniej ofiarowane Profesorowi Janowi Tyszkiewiczowi w czterdziestolecie pracy naukowej*, (ed.) NAUK. T. WASILEWSKI (Warszawa: DiG, 2002), 77-88.
- 56 GRZEGORZ ROSTKOWSKI, "Czy księżniczka ruska Wsiewłodówna miała być żoną Konstantyna Dukasa?", in *Świat pogranicza*, (eds.) MIROSŁAW NAGIELSKI, ANDRZEJ RACHUBA, SŁAWOMIR GÓRZYŃSKI (Warszawa: DiG, 2003), 67–76.
- 57 EWA MADEJCZYK, "Związki rodzinne Piastów i Rurykowiczów do końca XIII wieku", *Przegląd Humanistyczny* 48, no. 1 (2004): 95–104.

In addition to Dariusz Dąbrowski's aforementioned book about the Rus'ian princely family, we also have two books which concentrate on prosopography. The first is a study by Adrian Jusupović about Galician Volhynian elites (in the introduction the reader also will find a study of terminology referring to 13th-century Rus'ian offices in the Galician and Volhynian lands)⁵⁸, and the second, by Vitaliy Nagirnyy⁵⁹, is about Kievan "officials" (this book is, in many aspects, similar to Uwe Halbach's book⁶⁰). Paweł Żmudzki's book⁶¹ and articles⁶² discuss many aspects of the place of the ruler and warriors in medieval Poland and Rus'. Mariusz Bartnicki has also authored studies referring to prosopography⁶³. In Polish historiography we can also find articles about the participation

-
- 58 ADRIAN JUSUPOVIĆ is also the author of the following article: *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (1205–1269): studium prozopograficzne* (Kraków: Avalon, 2013) (= *Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy*, vol. II) – herein bibliography and literature. See also, ADRIAN JUSUPOVIĆ, "The Hungarian Faction in Galician Rus' in the First Half of the 13th Century", in *Hungary and Hungarians in Central and East European Narrative Sources (10th–17th Centuries)*, (eds.) DÁNIEL BAGI, GÁBOR BARABÁS, MÁRTA FONT, ENDRE SASHALMI (Pécs: University of Pécs, 2019), 61–76; ADRIAN JUSUPOVIĆ, "Basqaqs in Rus': Social Strategy of Power", in *Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural Relations*, (eds.) ALEXANDER V. MAIOROV, ROMAN HAUTALA (Routledge, 2021), 235–248 (with terminology aspects). DOI: 10.4324/9780367809959-16
- 59 VITALIY NAGIRNYIY, *Urzednicy ziemi kijowskiej od drugiej połowy XI do pierwszej połowy XIII wieku: studium prozopograficzne* (Kraków: Towarzystwo Wydawnicze "Historia Iagellonica", 2021). (herein bibliography and literature).
- 60 UWE HALBACH, *Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert: eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der Alten Ruß* (Stuttgart: Franz Steiner Verlag Wiesbaden, 1985). (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa, Bd. 23).
- 61 PAWEŁ ŻMUDZKI, *Władca i wojownicy: narracje o wodzach, drużynie i wojnach w najdawniejszej historiografii Polski i Rusi* (Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2009) (Monografie Fundacji na rzecz Nauki Polskiej. Seria Humanistyczna)
- 62 E.g., PAWEŁ ŻMUDZKI, "Najemnicy na Rusi i w krajach sąsiednich w X–XII w.", *Kwartalnik Historyczny* 111, no. 4 (2004): 5–28; WOJCIECH BROJER, "Polska - Ruś w XI–XII wieku. Granica misyjności", in *Granica wschodnia cywilizacji zachodniej w średniowieczu*, (ed.) ZBIGNIEW DALEWSKI (Warszawa: IH PAN, 2014), 297–373.
- 63 MARIUSZ BARTNICKI, "Elita polityczna księstwa halicko-włodzimierskiego w XIII w.", *Ruthenica* 5 (2006): 106–116; MARIUSZ BARTNICKI, *Władca i poddani w historiografii ruskiej XI–XIII wieku* (Lublin: UMCS, 2015). Bartnicki has also written about the enthronement of Rus' rulers in the 12th century: MARIUSZ BARTNICKI, "Ceremoniał powoływania władców Rusi w XII wieku na przykładzie intronizacji książąt Igora Światostawowicza i Izjastawa Mściławowicza w 1146 roku", *Res Historica* 36 (2013): 73–85.

of Polish and Rus'ian knights in the rule and colonisation of Red Ruthenia⁶⁴ and about conditions of peasant economic activity in this territory⁶⁵. In addition to the book already mentioned by Dariusz Dąbrowski, Adrian Jusupović and Vitaliy Nagirnyy⁶⁶ there is interesting work on terminology. Piotr Boroń mooted a problem to do with the titularity of *kniaz'* (prince), king, tsar and other titles of rulers of Slavs⁶⁷. Finally, I would like to mention an article which treats early Slavonic prosopography and the social structure of power. The preamble to the Rus'ian – Byzantine treaty, which was concluded around 944, contains dozens of anthroponyms – the names of members of the Kyivian elite, their envoys as well as merchants. Several of them can be identified as Slavonic. The author has attempted to answer the question of the identity of these Slavs and their status within the “decision-making collective” of the early Rus'ian state. He has compared the information contained in the treaty with material from other Rus'ian and Byzantine sources. Additionally, the author compared the system of governance in the state of the first Rurikids with the model present among the Yotvingians and other medieval Baltic societies which also came under the influence of the Scandinavians⁶⁸.

64 E.g., ROMAN SĘKOWSKI, “Udział rycerstwa śląskiego w rządach i kolonizacji Rusi Czerwonej przez Władysława Opolczyka – problemy genealogiczne i rozeznanie wstępne”, in *Władysław Opolczyk jakiego nie znamy. Próba oceny w sześćsetlecie śmierci*, (ed.) ANNA POBÓG-LENARTOWICZ (Opole: Redakcja Wydawnictw WT UO, 2001), 115–135; JANUSZ KURTYKA, “Enfeoffment and Clientship in the Late Mediaeval Kingdom of Poland: The Case of Red Ruthenia (Rus’)”, *Quaestiones Mediaevali Aevi Novae* 5 (2000): 267–278; JERZY SPERKA, “Urzednicy Władysława Opolczyka na Rusi (1372–1378)”, in *Spoleczeństwo Polski średniowiecznej. Zbiór studiów*, Vol. 10 (Warszawa: DiG, 2004), 83–102; ROMAN SĘKOWSKI, “Strzełowie z Mionowa i Wierzchu – ich dzieje i działalność na Rusi Czerwonej”, *Ziemia Prudnicka* 4 (2004): 169–174; JERZY SPERKA, “Borschnitzowie na Rusi Czerwonej w XIV–XV wieku”, in *Miasta, ludzie, instytucje, znaki. Księga jubileuszowa ofiarowana profesor Bożenie Wyrozumskiej w 75. rocznicę urodzin*, (ed.) ZENONA PIECH (Kraków: Towarzystwo Naukowe Societas Vistulana, Instytut Historii UJ, 2008), 247–262.

65 PIOTR GUZOWSKI, “Warunki gospodarowania chłopów w Małopolsce i na Rusi Czerwonej w pierwszej połowie XV w. w świetle dokumentów lokacyjnych”, *Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych* 66 (2006): 7–24.

66 See the bibliography in their books.

67 PIOTR BOROŃ, *Kniaziowie, królowie, carowie... Tytuły i nazwy władców słowiańskich we wczesnym średniowieczu* (Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2010).

68 ARKADIUSZ SIWKO, “A Commonwealth of Interest in the Rus'ian – Byzantine Treaty (ca. 944)”, *Studia Ceranea: Journal of the Waldemar Ceran Research Centre for the History and Culture of the Mediterranean Area and South-East Europe* 10 (2021) [to be published in November].

TOPOMASTICS AND HISTORICAL GEOGRAPHY

The main topics studied by Polish researchers relate to the Polish-Rus'ian borderland. There are studies on toponyms and hydronyms of the frontier territories (otherwise described as borderlands)⁶⁹ and identification of toponyms in regions⁷⁰. The problem of the Polish Rus' "borderland/frontier" has been discussed by Polish authors including e.g., Andrzej Janeczek, Janusz Kurtyka, Marcin Wołoszyn, Jerzy Nalepa, Jerzy Rajman and Elżbieta Kowalczyk-Heyman⁷¹. Most of them have focused on the history of settlement. Grzegorz Myśliwski⁷² has written about territorial problems in the Polish-Rus' relationship in the 13th century. It should be stressed that the Polish literature merely raises the problem: in the case of the Polish-Rus' borderland (10th century – 1340) we still do not have any synthesis. Some of the authors concentrate on settlement problems, settling a new and old city⁷³, the development

- 69 JERZY NALEPA, "Pogranicze polsko-ruskie do połowy wieku XIV a archaiczne hydronimy i toponimy. Weryfikacja "weryfikacji"', *Slavia Antiqua* 41 (2000): 27-47; WŁADYSŁAW MAKARSKI, "Rola mikrotoponimii i hydronimii w badaniach osadniczych (na przykładzie materiałów z pogranicza polsko-ruskiego)", in *Mikrotoponimia na pograniczach językowo-kulturowych: Materiały z XVII Konferencji Podlaskiej*, (eds.) MICHAŁ ŁESIÓW, MAREK OLEJNIK (Lublin: UMCS, 2005), 115-124; WŁADYSŁAW MAKARSKI, "Z toponimii pogranicza polsko-ruskiego: Bełwin", in *Język i kultura na pograniczu polsko-ukraińsko-białoruskim*, (ed.) FELIKS CZYZEWSKI (Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2001), 115-127 (Seria Wydawnicza Lubelskiego Konwersatorium "Pogranicze", Vol. 3).
- 70 ANNA CZAPLA, *Nazwy miejscowości historycznej ziemi lwowskiej* (Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II, 2011).
- 71 E.g., ANDRZEJ JANECEK, "Frontiers and Borderlands in Medieval Europe: Introductory Remarks", *Quaestiones Mediaevi Novae* 16 (2011): 5-14; ANDRZEJ JANECEK, "Towns on the Frontier - The Frontier in Towns. Multiethnic Urban Communities in Red Ruthenia in Late Middle Ages", *Quaestiones Mediaevi Novae* 16 (2011): 235-264; HENRYK SAMSONOWICZ, "Granice - bariery czy miejsca spotkań z „innymi?\"", in *Fines testis temporum. Studia ofiarowane Profesor Elżbiecie Kowalczyk-Heyman w pięćdziesięciolecie pracy naukowej*, (eds.) MICHAŁ DZIK, GRZEGORZ ŚNIEŻKO (Rzeszów: Uniwersytet Rzeszowski, 2017), 39-46; JERZY RAJMAN, "'In confinio terrae". Definicje i metodologiczne aspekty badań nad średniowiecznym pograniczem", *Kwartalnik Historyczny* 109, no. 1 (2002), 79-96.
- 72 KAZIMIERZ MYŚLIŃSKI, "Problemy terytorialne w stosunkach między Polską i księstwem halicko-wołyńskim w XIII w.", in *Nihil superfluum esse. Studia z dziejów średniowiecza ofiarowane profesorowi Jadwidze Krzyżaniakowej*, (eds.) JERZY STRZELCZYK, JÓZEF DOBOSZA (Poznań: Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2000), 229-236.
- 73 Andrzej Janeczek has analysed how many times Przemyśl was located. ANDRZEJ JANECEK, "Ile razy Przemyśl lokowano? Z zagadnień formowania gminy miejskiej na Rusi Halickiej w XIII-XIV wieku", in *Inter Orientem et Occidentem. Studia z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej ofiarowane profesorowi Janowi Tyszkiewiczowi w czterdziestolecie pracy naukowej*, (ed.) TADEUSZ WASILEWSKI (Warszawa: DiG, 2002), 103-115.

of Magdeburg rights⁷⁴ and Vlach law⁷⁵ in and on the division of land in Rus⁷⁶ (especially Red Ruthenia)⁷⁷. Janusz Szyszka has written about legal problems in Galician Rus' up to the year 1569⁷⁸. Oleksandr Baran's works are also valuable⁷⁹. He has mooted a problem of the inhabitants of the borough and town centres within the administration system of the Principality of Galicia-Volhynia and their position within the social structure of this state.

In this text I have only hinted at works on archaeology⁸⁰. The reader will find an almost complete bibliography of archaeology in the aforementioned work by Michał Dzik and those edited by Marcin Wołoszyn. Michał Dzik is another excellent researcher. He has produced a book about changes in funeral customs between the Bug and upper Narew river⁸¹. Herein the reader will find a lot of works which moot the problems of borderland, funeral customs, historical geography, migration and settlement in Poland and Rus⁸².

74 ROMAN MOHYTYCZ, "Prawo niemieckie a formowanie dzielnic miast o kształtach regularnych na ziemiach ruskich w XIII–XIV wieku", in *Procesy lokacyjne miast w Europie Środkowo-Wschodniej: Materiały z konferencji międzynarodowej w Łądku Zdroju, 28–29 października 2002 roku*, (eds.) CEZARY BUŚKO, MATEUSZ GOLIŃSKI, BARBARA KRUKIEWICZ (Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 2006), 257–278.

75 GRZEGORZ JAWOR, *Osady prawa wołoskiego i ich mieszkańcy na Rusi Czerwonej w późnym średniowieczu* (Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000).

76 JANUSZ SZYSZKA, "Kształtowanie się podziałów terytorialnych Rusi Czerwonej na przykładzie ziemi lwowskiej", *Średniowiecze Polskie i Powszechnie* 7 (2011): 120–140.

77 ANDRZEJ JANECEK, "New Authority, New Property, New Nobility. The Foundation of Noble Estates in Red Ruthenia During the Fourteenth and Fifteenth Centuries", *Quaestiones Mediaevali Aevi Novae* 7 (2002): 77–125.

78 JANUSZ SZYSZKA, "Problemy ustrojowe i prawne na Rusi Halickiej w granicach Królestwa Polskiego do 1569 roku", *Czasopismo Prawno-Historyczne* 66, no. 1 (2014): 417–437. DOI: 10.14746/cph.2014.46.1.23

79 E.g., OLEKSANDR BARAN, "Mieszkańcy ośrodków grodowo-miejskich Rusi Halicko-Wołyńskiej: problemy prawne, ustrojowe, związki z zarządzeniem terytorialnym", *Res Historica* 36 (2013): 87–101.

80 There are many archaeologists writing about Rus', borderland, settlements, cities etc. E.g., Tomasz Dzieńkowski, Andrzej Buko, Joanna Kalaga and Aneta Gołębiowska-Tobiasz.

81 MICHAŁ DZIK, *Przemiany zwyczajów pogrzebowych w międzyrzeczu Bugu i Górnej Narwi (XI–XV w.)*, vol. I–II (Rzeszów: Fundacja Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego, Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, Muzeum Podlaskie w Białymstoku, 2015).

82 See also: JOANNA KALAGA, *Ciałopalny obrządek pogrzebowy w międzyrzeczu Liwca, Bugu i Krzny we wczesnym średniowieczu* (Warszawa: Instytut Archeologii UW, 2006).; MAREK FLOREK, *Obrządek pogrzebowy w międzyrzeczu Wieprza i Bugu we wczesnym średniowieczu*, in *Pogranicze polsko-ruskie we wczesnym średniowieczu na Lubelszczyźnie*, (ed.) EWA BANASIEWICZ-SZYKUŁA (Lublin: Wojewódzki Urząd Ochrony Zabytków, 2009), 53–72;

FOREIGN POLICY, CROSS-SECTIONAL AND COLLECTIVE WORKS

In the Polish literature we can find studies relating to the early medieval period in Rus' with semantic and terminology analyses⁸³. There is also a huge literature about borderland issues⁸⁴. Aleksander Paroń has written about the Pechenegs, but this topic is closely related to Rus'⁸⁵. Jolanta Kazimierczyk has written about universalism in Rus' culture⁸⁶. In 2018 and 2019, two books on the Polish campaign on Rus' in 1018 were published⁸⁷. Agnieszka Teterych-Puzio has written about two battles (under Mozgawa [1195] and Zawichost [1205])⁸⁸. This book does not contain any Russian or Ukrainian literature. We should not

MICHAŁ DZIK, "Cmentarzyska i migracje. Osadnictwo w północnej części pogranicza polsko-ruskiego w XI–XII wieku w świetle materiałów ze stanowisk sepulkralnych", in *Pogranicza w polskich badaniach mediewistycznych, Materiały V Kongresu Mediewistów Polskich*, vol. 3, (eds.) ANDRZEJ JANECEK, MICHAŁ PARCZEWSKI, MICHAŁ DZIK (Rzeszów: Uniwersytet Rzeszowski, 2019), 79–123.

- 83 LECH LECIEJEWICZ, "O kontaktach Słowian nadbałtyckich z północną Rusią we wczesnym średniowieczu", in *Viae historicae. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Lechowi A. Tyszkiewiczowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, (eds.) MATEUSZ GOLIŃSKI, STANISŁAW ROSIK (Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2001), 208–214; MICHAŁ PARCZEWSKI, *Problem Łędzian a kształtowanie się polsko-ruskiej rubieży etnicznej*, in *Civitas Schinesghe cum pertinentiis*, (ed.) WOJCIECHA CHUDZIAKA (Toruń: UMK, 2003), 151–165.
- 84 A series of studies edited by MARCIN WOŁOSZYŃ have been published relating to the borderland and the place of Cherven towns in historiography: *Frühzeit Ostmitteleuropas*, vol. 1–6. See also, MARIUSZ BARTNICKI, "Problemy polityczne i militarne pogranicza polsko-ruskiego w ostatniej ćwierci XII wieku", in *Na pograniczu kultur, języków i tradycji. Prace ofiarowane Profesorowi Doktorowi Ryszardowi Szczygłowi w sześćdziesiątą rocznicę urodzin*, (eds.) MAREK MĄDZIŃ, ADAM WITUSIŃ (Lublin: UMCS, 2004), 29–39; JANUSZ PISUŁA, "Średniowieczne osadnictwo na pograniczu polsko-ruskim", in *Trzciana. Zarys dziejów wsi*, (eds.) ZOFIA DZIEDZIC, ZBIGNIEW LIS, JANUSZ PISUŁA (Trzciana: Towarzystwo Przyjaciół Trzciany, Urząd Gminy w Świlczy, Gminne Centrum Kultury w Świlczy z siedzibą w Trzcianie, 2007), 55–64.
- 85 ALEKSANDER PAROŃ, *The Pechenegs: Nomads in the Political and Cultural Landscape of Medieval Europe* (Leiden-Boston: Brill, 2021) (herein bibliography of Aleksander Paroń's works). DOI: 10.1163/9789004441095
- 86 JOLANTA KAZIMIERCZYK, *Zrozumieć Rosję: uniwersalizm w kulturze Rusi od IX do XVI wieku* (Kraków: AVALON, 2008).
- 87 ARTUR FORYT, *Wyprawa Chrobrego na Kijów 1018* (Zabrze-Tarnowskie Góry-Połomia: Wydawnictwo INFORTeditions, 2018) (Poła Bitew, nr 54); ROBERT F. BARKOWSKI, *Kijów 1018* (Warszawa: Bellona, 2019). These books have limited substantive value.
- 88 AGNIESZKA TETERYCH-PUZIO, *Dwie bitwy. Mozgawa 13 IX 1195 – Zawichost 19 VI 1205* (Połomia-Zabrze-Tarnowskie Góry: INFORTeditions, 2020).

neglect to mention a small article relating to the Jaroslavs' battle⁸⁹ and the campaigns of the Romanovichi against Poland in 1243-1244⁹⁰ and an excellent work on the history and culture of Novgorod the Great⁹¹. Two books published within a short time of each other refer to the foreign policy of Galician-Volhynian Rus' in the 13th century⁹². There are also some comparative articles about the place of Rus' in the medieval world⁹³ and the presence of Rus' in Europe⁹⁴. We have a huge number of articles on Western Rus' up to the reign of Boleslaw-Yuri II of Masovia⁹⁵

-
- 89 ARTUR BOŻYNIAK, "Bitwa pod Jarosławiem i zjednoczenie Rusi Halicko-Wołyńskiej", *Prace Historyczno-Archiwlane* 14 (2004): 5-14.
- 90 JAN GAWRON, "Najazdy książąt halicko-włodzimierskich na ziemię lubelską w latach 1243-1244 w świetle średniowiecznych źródeł narracyjnych", *Koło Historii. Materiały Koła Naukowego Historyków Studentów Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej* 17 (2015): 53-61.
- 91 ZOFIA BRZOWSKA, *Nowogród Wielki. Historyczno-kulturowy przewodnik po średniowiecznej republice* (Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2019).
- 92 MARIUSZ BARTNICKI, *Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217-1264* (Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005). The work of Witalij Nagirnyj is definitely better than this (*Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)-1264* (Cracow: Polska Akademia Umiejętności, 2011) (= *Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU*, vol. XII).
- 93 E.g., MARCIN WOŁOSZYN, "Europa Środkowo-Wschodnia a cywilizacja bizantyńsko-ruska w X-XIII w. Próba interpretacji źródeł archeologicznych", *Prace Komisji Środkowoeuropejskiej* 14 (2006): 7-48.
- 94 WŁADYSŁAW DUCZKO, *Ruś Wikingów : historia obecności Skandynawów we wczesnośredniowiecznej Europie Wschodniej*, trans. NATALIA KREZMAR (Warszawa: "Trio", 2006); MARCIN WOŁOSZYN, "Ze studiów nad obecnością ruską i skandynawską na ziemiach polskich w X-XII wieku", in *Świat Słowian wczesnego średniowiecza*, (eds.) MAREK DWORACZYK, ANNA B. KOWALSKA, SŁAWOMIR MOŹDZIOCH, MARIAN RĘBKOWSKI (Szczecin-Wrocław: IAiE PAN, 2006), 595-613; ANDRZEJ GRZEGORCZYK, "Obecność warego-ruska na Mazowszu w świetle źródeł archeologicznych", in *Materiały z II Łódzkiej Wiosny Młodych Historyków, 20-22 III 2009*, (eds.) ZOFIA BRZOWSKA, JAROSŁAW PIĄTEK (Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2009); KAROL KOLLINGER, "Lutomierscy Waregowie a stosunki polsko-ruskie i sytuacja Waregów na Rusi w początkach XI wieku", in *Obcy. Funeralia Lednickie Spotkanie 14*, (eds.) WOJCIECH DZIEDUSZYCKI, JACEK WRZESIŃSKI (Poznań: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział, 2012), 321-331; JAN KOŹBIAŁ, *Wokół jednej Europy. Niemcy, Polska, Ruś w perspektywie Europy Środkowo-Wschodniej* (Warszawa: Bel Studio, 2012); JAN TĘGOWSKI, "Ruskie i węgierskie przyczyny upadku władzy Bolesława Szczodrego w Polsce", in *Polska, Ruś i Węgry: X-XIV w.*, (eds.) DARIUSZ DĄBROWSKI, ADRIAN JUSUPOVIĆ, TERESA MARESZ (Kraków: AVALON, 2018), 39-58. (= *Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi UKW*, t. 5); NORBERT MIKA, *Walka o spadek po Babenbergach 1246-1278* (Racibórz: Wydawnictwo i Agencja Informacyjna WAW Grzegorz Wawoczny, 2008).
- 95 JAN TĘGOWSKI, "Okoliczności wstąpienia na tron halicko-wołyński Piasta mazowieckiego Bolesława Trojdenowica (nieznane dokumenty ruskie z XIV wieku)", *Studia Podlaskie* 18 (2010): 313-328. DOI: 10.15290/sp.2009-2010.18.11; ELŻBIETA WÓJCICKA, "Słowo o Bolesławie Jerzym II Trojdenowiczu (1310-1340) – ostatnim Romanowiczu na tronie halicko-włodzimierskim", *Sensus Historiae* 18, no. 1 (2015): 189-199.

(who took over the power of the Principality of Galicia-Volhynia thanks to the support of Wladyslaw the Short) and after his death⁹⁶. There is a small number of collective works (mostly produced after conferences). The most recognised is *Colloquia Russica* (This consists of: Series I, vol. I-X, – for young researchers [mostly students and PhD students]; Series II, vol. I-4) edited by Vitaliy Nagirnyy⁹⁷. Here the reader will find a lot of interesting works not only by researchers from Poland, but also from other countries. I should mention one important joint initiative: the Tadeusz Manteuffel Institute of History, the Polish Academy of Sciences, the Oxford Centre for Byzantine Research with the help of the Polish Young Academy of the Polish Academy of Sciences, the University of Warsaw's Centre for East European Studies and others have established a new series of conferences on 'The Worlds of the Slavs'⁹⁸. (The first conference was held in Warsaw, 30 January – 1 February 2020)⁹⁹. The results of the conference will be published in 2022. The committee organising the conferences consists of a multilingual group of

96 STANISŁAW SZCZUR, "W stronę Rusi Czerwonej", in *Monarchia Piastów*, (ed.) MAREK DERWICH (Warszawa-Wrocław: Horyzont, 2003), 176–179; JACEK FEDUSZKA, "Przyłączenie Rusi Czerwonej do Polski: w XIV wieku (1340–1366). Materiały", *Zamojsko-Wołyńskie Zeszyty Muzealne* 1 (2003): 73–84; DARIUSZ KARCEWSKI, "'Meliorator terre Russiae'. Panowanie Władysława Opolczyka na Rusi (1371–1378)", in *Mikrotoponimia na pograniczach językowo-kulturowych. Materiały z XVII Konferencji Podlaskiej*, (eds.) MICHAŁ ŁESIÓW, MAREK OLEJNIK (Lublin: UMCS, 2005), 261–281; ALEKSANDER ŚWIEŻAWSKI, "Regencja Władysława Opolczyka na Rusi Czerwonej", in *Księżę Władysław Opolczyk fundator klasztoru Paulinów na Jasnej Górze w Częstochowie*, (eds.) MARCELI ANTONIEWICZ, JANUSZ ZBUDNIEWEK (Warszawa: DiG, 2007), 247–290; DARIUSZ KARCEWSKI, "'Meliorator terre Russiae'. Panowanie Władysława Opolczyka na Rusi (1371–1378)", in *Piastowie śląscy w kulturze i europejskich dziejach*, (ed.) ANTONI BARCIAK (Katowice: Societas Scientiis Favendis Silesiae Superioris – Instytut Górnośląski, 2007), 265–272; MARTA ŻUK, "Charakter władzy Władysława Opolczyka na Rusi Halickiej w latach 1372–1378 i 1386–1387. Aspekt numizmatyczno-historiograficzny", *Średniowiecze Polskie i Powszechnie* 4, no. 8 (2012): 139–149.

97 In Polish literature there are a lot of collective works on the history of Rus'. Eg., *Polsko-wschodniosłowiańskie stosunki kulturowe. W dziesiątą rocznicę śmierci profesora Ryszarda Łuźnego*, (eds.) DANUTA PIWOWARSKA, EWA KORPAŁA-KIRSZAK (Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2010); *Dziedzictwo świętego Włodzimierza: zbiór studiów*, (ed.) TADEUSZA STEGNERA (Gdańsk-Sopot: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2016); *Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek*, (eds.) DARIUSZ DĄBROWSKI, ADRIAN JUSUPOVIĆ, TERESA MARESZ (Kraków: Avalon, 2018) (Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, vol. 5); *Polska – Ruś – Ukraina: jedenaście wieków sąsiedztwa*, (eds.) GRZEGORZ GÓRSKI, LESZEK ĆWIKŁA (Toruń: Fundacja Pomerania; Lublin: Katedra Historii Państwa i Prawa Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2002).

98 A series of conferences (currently planned to take place both in Warsaw and in Oxford).

99 Conference program: <https://studium.uw.edu.pl/wp-content/uploads/2020/01/Christian-Russia-in-the-Making.pdf>.

international scholars who are able to keep in touch with researchers in the region covered by the proposed topics but also worldwide¹⁰⁰. The next conference is planned in 2022.

At the end of this subsection, I must warn the reader that when perusing the Polish literature, he may find a strange kind of writing. Some authors are gifted at finding bibliography (actually the bibliography is the only valuable element of the work) but do not have the necessary skills to work with sources¹⁰¹. Their works give the impression of erudition and may even display a graphic determinant of the scientific text, i.e., footnotes (but unfortunately, more often than not, this is as far as it goes).

At the end of this text, I would like to highlight that Zofia Brzozowska, Dariusz Dąbrowski, Michał Dzik, Andrzej Janeczek, Adrian Jusupović, Elżbieta Kowalczykowa-Heyman, Michał Parczewski, Krzysztof Pietkiewicz, Jan Tęgowski and some other researchers have published a lot of works. It is problematic to mention them all in such a short overview of the Polish literature concerning medieval Rus'. I encourage the readers to become acquainted with their work in more detail through academia.edu, ORCID or other internet sources, especially as many of them represent more than a single direction within historical auxiliary sciences and employ excellent methodology.

100 The Organising Committee consists of: Dariusz Dąbrowski (coordinator, Warsaw, Poland), Márta Font (coordinator, Pécs, Hungary), Aleksei Gippius (coordinator, Moscow, Russia), Martin Homza (coordinator, Bratislava, Slovakia), Mirela Ivanova (coordinator, Oxford, United Kingdom), Adrian Jusupović (main coordinator, Warsaw, Poland), Vitaliĭ Mikhalovski (coordinator, Kiev, Ukraine), Aleksander Paroń (coordinator, Wrocław, Poland), Alekseĭ Shchavelev (coordinator, Moscow, Russia), Jonathan Shepard (coordinator, Oxford/Cambridge, United Kingdom), Martin Wihoda (coordinator, Brno, Czech Republic), Aleksandra Vukovich (coordinator, Oxford, United Kingdom).

101 Eg., WITOLD CHRZANOWSKI, *Kronika Słowian, Vol.: 3, Ruś Kijowska w czasach pierwszych Rurykowiczów* (Kraków: Egis, 2009), cop.; KRZYSZTOF BENYSKIEWICZ, *Piastowie i Rurykowice. Polsko-ruskie stosunki polityczne od X do połowy XII wieku* (Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski, 2020) (book printed with a negative peer-review by Dariusz Dąbrowski; Adrian Jusupović is planning to publish a review at the end of 2021 in *Kwartalnik Historyczny*). KAROL KOLLINGER's book (*Polityka wschodnia Bolesława Chrobrego (992–1025)*, (Wrocław: Wydawnictwo Chronicon, 2014) is a little better.

В. Я. ПЕТРУХИН

**НАЧАЛО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ЛЕТОПИСАНИЯ
В РОССИЙСКИХ РАБОТАХ 2000–2020-Х ГГ.¹**

**THE BEGINNING OF THE RUSSIAN STATE AND CHRONICLES
IN THE RUSSIAN WORKS OF THE 2000–2020S**

The Russian historiographical process of 2000–2020 can be considered as consisting of traditional publishing activity and specifically discussions associated with the celebration of the anniversaries of Old Russian statehood (in 2012), Vladimir the Saint (2015 and the previous anniversary of the baptism of Russia) and the millennium of the composition of the first Russian legal code “Russkaya Pravda”.

Keywords: origin of the Russian state, Rus', the Varangian problem, role of retinue/druzhina, beginning of urbanization, "Russkaya Pravda"

Vladimir Petrukhin – DSc in History, researcher at the Institute of the Slavic Studies at the Russian Academy of Sciences, professor at the Higher School of Economics. Moscow, Russia. E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6151-4262>

1 *Citation: V. IA. PETRUKHIN, “Nachalo Russkogo gosudarstva i letopisaniia v rossiiskikh rabotakh 2000–2020-kh gg.” [The Beginning of the Russian State and Chronicles in the Russian Works of the 2000–2020s], RussianStudiesHu 3, no. 2 (2021): 89–115. DOI: 10.38210/RUSTUDHU.2021.3.15*

Российская историография начала XXI в. опирается как на традиции советской историографии (см. обобщающие труды по историографии, изданные в 1970-е гг.), так и на классическую историографию XIX – начала XX вв. – в первую очередь переиздаваемые (с эпохи «оттепели») собрания сочинений С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, которые в постсоветские 1990-е годы были дополнены переизданиями работ А. Е. Преснякова, Н. П. Павлова-Сильванского, П. Н. Милюкова и др., в 2000-е гг. – А. С. Лаппо-Данилевского, М. Ф. Владимирского-Буданова и др. Особым направлением, привлечшим специальное внимание исследователей и издателей в постсоветское время, можно считать «эмигрантскую» историографию, включающую работы Г. В. Вернадского, Е. Ф. Шмурло и др., см. также содержательный обзор Г. В. Вернадского «Русская историография» (Москва: Аграф, 2003)². Доступными стали работы и современных зарубежных исследователей, среди которых специально древнерусской проблематике посвящены труды английских историков С. Франклина и Дж. Шепарда; специальное издание по «американской русистике» содержит работы русистов-медиевистов³.

Соответственно, проблемы источниковедения требовали переиздания и переосмысления дореволюционных работ, связанных с проблемами летописания: традиционно российская историография ориентируется на фундаментальные труды А. А. Шахматова (переизданные с академическими комментариями в 2000-е гг.) и его школы (труды по истории летописания М. Д. Приселкова, А. Е. Преснякова)⁴. Переиздается и Полное собрание русских летопи-

-
- 2 Работы эмигрантского историка продолжают переиздаваться: Г. В. Вернадский, *Древняя Русь* (Москва: Ломоносов, 2017 и др.). Содержательную характеристику состояния отечественной историографии древней Руси до начала 2000-х гг. см. в монографии М. Б. Свердлова: М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в.* (Санкт-Петербург: Академический проект, 2003), 3–39. См. также историографический обзор в кн.: К. А. Соловьев, *Дело власти: отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX – перв. пол. XV вв.)* (Москва: МАКС Пресс, 2001).
 - 3 Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси (Самара: изд-во Самарского университета, 2001). См. также: А. В. Федосов, Кристиан Раффенспергер, *Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков* (Москва: Центрполиграф, 2021).
 - 4 См. краткий содержательный обзор: А. В. Каравашкин, *Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.)* (Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018), 89–119; Т. Л. Вилкул, *Летопись и хронограф: Текстология домонгольского киевского летописания* (Москва: Квадрига, 2019). См. о других школах: В. Г. Вовина-Ле-

сей (ПСРЛ) с включением (в качестве третьего тома, М., 2000) Новгородской первой летописи (НПЛ)⁵. Переиздание в академической серии «Литературные памятники» «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) демонстрирует значимость первого комментированного издания, подготовленного Д. С. Лихачевым в 1950 г. (дополнительные комментарии подготовлены М. Б. Свердловым для издания 1996 г.).

Существенным вкладом в развитие источниковедения остается издание иноязычных источников в специальной серии, поименованной в советский период «Древнейшие источники по истории народов СССР» (инициирована В. Т. Пашуто в 1977 г.); издание («Древнейшие источники по истории Восточной Европы» – в сокращениях) продолжается в отделе истории Восточной Европы института всеобщей истории РАН под редакцией В. Л. Янина и Е. А. Мельниковой. Итоговой стала пятитомная хрестоматия «Древняя Русь в свете зарубежных источников» (ДРЗИ), содержащая переводы фрагментов с комментарием издателей. Наиболее информативным для начальной русской истории является трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей», обстоятельное комментирование которого стало возможным в эпоху перестройки (два издания вышли в 1989 и 1991 гг.)⁶. По инициативе Г. Г. Литаврина готовилось 3-е издание, но кончина выдающегося византиниста (2009) прервала его подготовку⁷.

Спецификой историографического процесса 2000–2020 гг. можно считать традиционную публикационную активность, связанную с

БЕДЕВА, *Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв.* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2011). Продолжается полемика по поводу «татищевских известий», относящихся к древней русской истории: ср. А. П. Толочко, *«История Российская» Василия Татищева: источники и известия* (Москва, Киев: НЛО, 2005); А. В. Горovenko, *Василий Татищев и «древние летописи»: домонгольская Русь глазами первого русского историка* (Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2019).

5 Новое издание было подготовлено М. Б. Клоссов. Интенсивное исследование раннего новгородского летописания продолжается трудами А. А. Гиппиуса, Т. В. Гимона и др.

6 Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев (ред.), Константин Багрянородный. *Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий*. Изд. 2-е (Москва: Наука, 1991)

7 Вступительная статья Г. Г. Литаврина к новому изданию и отредактированный заново текст и перевод помещены на сайте института славяноведения РАН. «Свод византийских свидетельств о Руси» регулярно пополняется исследованиями М. В. Бибикова: М. В. Бибилов, *Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. I–IV*. (Москва: ЯСК, 2004–2020). Иноязычной лексике трактата посвящена монография: С. Р. Тохтасьев, *Язык трактата Константина Багрянородного De administrando Imperio и его иноязычная лексика* (СПб: Наука, 2018).

празднованием юбилеев древнерусской государственности (в 2012 г.)⁸, Владимира Святославича (Святого/Великого)⁹ в 2015 (и предшествующим юбилеем крещения Руси)¹⁰, сложения древнейшего правового кодекса – «Русской правды»¹¹.

Исследовательские поиски историков рубежа тысячелетий, будучи освобождены от подцензурного следования советским – марксистским – установкам на формационный подход, обнаружение классов и прочих основ сложения государственности, естественно продолжали и наработки в этой области предшествующей историографии. Наиболее очевидной тенденцией остается поиск свидетельств политогенеза – формирования государственности, предшествующих летописному рассказу о призвании в Новгород варяжских князей (ПВЛ под 862 г.). В качестве источниковедческого обоснования этого поиска обычно используется установка А. А. Шахматова на позднее и искусственное формирование «варяжской легенды».

Поиски глубинных основ славяно-русской государственности вдохновляются тем очевидным обстоятельством, что государственность не могла быть просто привнесена извне (такой наивный взгляд приписывается «норманской теории»)¹²: восточнославянское

-
- 8 См.: Б. С. Короткевич, Д. А. Мачинский, Т. Б. Сениченкова (редколл.), *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже* (Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 2009); Н. А. Макаров (ред.), *Русь в IX–X вв.: археологическая панорама* (Москва; Вологда: Древности Севера, 2012).
 - 9 Н. А. Макаров, А. В. Назаренко (ред.), *Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура* (Москва: Древности Севера, 2017).
 - 10 Б. Н. Флоря (ред.), *Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия* (Москва: Индрик, 2002).
 - 11 Т. Е. Новицкая (ред.), «*Историческое правоведение*». Вып. 5: *Тысячелетие Правды Русской: история и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права: сб. научных трудов* (Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2017). См.: также: М. Б. Свердлов, *Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX–XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи* (Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2017).
 - 12 Анализ стереотипов «борьбы с реакционной норманской теорией» был предпринят с позиций ленинградской археологической школы Л. С. Клейном: Л. С. Клейн, *Спор о варягах: история противостояния и аргументы сторон* (Санкт-Петербург: Евразия, 2009); ср. схожие подходы в изданной посмертно монографии советского диссидента, готовившейся в годы обучения в Московском гос. университете: А. А. Амальрик, *Норманны и Киевская Русь*, науч. публикация, предисловие и комментарии О. Л. Губарева (Москва: НЛО, 2018). Актуальным остается и анализ становления академической историографии «варяжской руси»: С. В. Соколов, *Концепции проис-*

общество, по крайней мере, ко второй половине IX в., созрело для создания государства. Наивным и архаичным способом демонстрации этой зрелости остается историографический стереотип, восходящий к славянофильским конструкциям XIX в. и средневековым этимологическим опусам, выводящим варягов и начальную русь из славянского мира. Отсутствие фактических данных, обнаруживающих такой ход этногенеза и политогенеза, заставляет обращаться к трудам антинорманистов XIX в. – тиражировать сочинения А.С. Геденова¹³ и др., ссылаться на авторитет М.В. Ломоносова, как историка, чьи конструкции были отвергнуты уже классической наукой XIX в. Е.А. Мельникова назвала эту реанимированную (под руководством возглавлявшего тогда институт Российской истории А.Н. Сахарова) историографическую тенденцию «ренессансом средневековья»¹⁴.

Перспективными представляются поиски социальных трансформаций внутри восточнославянского общества, точнее, тех образований, которые в советской период принято было называть союзами племен, хотя в ПВЛ они именуются «языками», народами (этносамы в византийской традиции, ориентированной на Библию). Эти «языки» явно относятся к таксономически разным общностям – от полян, чья территория ограничивается киевским Поднепровьем, до кривичей, расселенных по окраинам всего восточнославянского мира в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги. Обычно их принято именовать просто «племенами», в соответствии со значением, установившемся в этнографии XIX в.: племя – эндогамное объединение, недаром в ПВЛ эти языки различаются «отеческими обычаями», в том числе брачными¹⁵. Начальное летописание противопо-

хождения варяжской руси в российской историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей раннего нового времени (Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015). Ср. обзор проблемы в книге: В. Я. Петрухин, *Русь христианская и языческая: Историко-археологические очерки* (Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2019), 454–472.

13 Первое изд. – С. А. Геденов, *Варяги и Русь*. (Москва: Русская панорама, 2004), переиздана в 2018. Ср. обращение к донучной традиции – работам Ю.И. Венелина, романтика, боровшегося со «скандинавоманией» в 1830-е гг.: В. В. Фомин (сост.), *Скандинавомания и ее небылицы о русской истории* (Москва: Русская панорама, 2015).

14 Е. А. Мельникова, „Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке“, *Родина*, по. 3 (2009): 56–58 и *Родина*, по. 5 (2009): 55–57. Ср. недавний аналитический обзор: Д. Н. Верхотуров, *Три века спора о варягах. Летопись и варяги* (Москва: «Вече», 2020).

15 ПВЛ, 10.

ставляет эти «языки» «новому народу», крещеной в конце X в. Руси. Основы быта этих «языков» сводились к архаическим родоплеменным традициям¹⁶. Известие ПВЛ о «княжениях» (у полян, древлян, дреговичей, словен и полочан) связано в летописном контексте с книжной конструкцией, утверждающей княжеский статус легендарного Кия, и не содержит информации о социальной структуре «княжений»¹⁷; в советской историографии (В.В. Мавродин и др.) они идентифицировались с племенными союзами, с обращением (начиная с 1980-х гг.) к понятиям западной социальной антропологии распространенным стало обозначение предгосударственных образований термином вождество (*chiefdom*), полития и т.п.¹⁸.

Так или иначе, за информацией о социальной структуре славянского общества в предгосударственный период стали обращаться к внешним источникам. Опыт их формализованного («контент»-) анализа был предложен Е.А. Шинаковым, отмечающим (вслед за востоковедами), что славяне (ас-сакалиба) и «русы» (ар-рус) у восточных авторов относятся к разным общностям¹⁹. Автор осознает сложности этого подхода, особенно в отношении терминологии источников, далеких от формализованных требований «научности». Трудно интерпретировать и лексику восточных источников, относящуюся к понятиям «государство» (мамлакат) и «царь» (малик).

Особое место в опытах реконструкции догосударственных образований у славян занимают «славинии» несмотря на то, что этот «гапакс» был употреблен лишь Константином Багрянородным, который перенес этот термин на Восточную Европу: под «славиниями» греки понимали разные территориальные объединения балканских славян; Г.Г. Литаврин подчеркивал территориальное значение термина, а в качестве восточноевропейского примера славинии приводил «княжение» летописных древлян, восставших против Руси в сер. X в.²⁰ А. А. Горский отождествляет славинии

16 В. Я. Петрухин, *Древняя Русь. Народ. Князь. Религия. Из истории русской культуры*. Т. 1 (Москва: Языки русской культуры, 2000), 314–315.

17 ПВЛ, 10.

18 См.: обзор историографии – Е. А. Шинаков, *Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект* (Москва: Вост. лит. 2009), 24–65.

19 Е. А. Шинаков, *Образование Древнерусского государства*, 69 и сл.

20 Ср. комментарий Г. Г. Литаврина (Текст, перевод и вступительная статья), Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 317–318.

с летописными «племенами» (языками) эпохи расселения славян, отмечая, что у Константина Багрянородного население славиний – пактиоты (данники) росов, но сложение славиний относит к догосударственной эпохе расселения славян во второй половине 1-го тыс. н.э.²¹ Е. А. Шинаков отождествляет славинии Константина Багрянородного с летописными «княжениями», и хотя приведенный выше список этих княжений (племен/языков) никак не совпадает со списком пактиотов у Константина, исследователи ссылаются на возможности его расширения за счет расхожего выражения – «Славяне же их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии».²²

Е. А. Шинаков продолжает сопоставление предложенного им тождества (славинии=княжения) с принятыми им конструктами: славинии и княжения равны у него вождествам. Предгосударственные славинии-княжения-вождества доживают свой век в виде низшего уровня примитивного «двухуровневого государства», переходного к собственно раннегосударственной структуре, формирующейся уже в рамках христианской государственности при Владимире Святославиче. Этой историографической конструкции близки представления М. Б. Свердлова о «потестарном государстве» первой половины X в., в котором сохранялась автономия «племенных княжений»²³. Поиски характерных черт этих предгосударственных образований, которые возводятся к эпохе расселения славян, осложняет не только отсутствие источников, определяющих эти черты – мало информативными оказываются и археологические источники. Для характеристики вождеств-княжений нужны, по меньшей мере, свидетельства наличия вождей (князей). Эти свидетельства считались очевидными в «автохтонистской» историографии середины XX в.: русское государство должно было формироваться в Среднем Поднепровье, вокруг Киева – летописной «матери городов русских», и богатейшие комплексы типа Перещепины с наборами парадной золотой и серебряной полуды, парадного оружия и т.п. приписывались славянским вождям, обогатившимся во время походов славянских племен (на юге Восточной Европы – антов)

21 А. А. Горский, *Русь: от славянского Расселения до Московского царства* (Москва: ЯСК, 2004), 20–35.

22 см.: Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 45, 51.

23 М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь*, 163-181.

эпохи расселения славян (VI–VIII вв.). Несравненно более скромные «клады» – комплексы украшений юга Восточной Европы еще А. А. Спицын в 1928 г. назвал древностями антов, Б. А. Рыбаков в 1953 г. – древностями русов, дав им характеристику «дружинной культуры», несмотря на отсутствие там предметов вооружения. Традицию продолжили А.Т. Смиленко, В. В. Седов (выводивший «русов» в составе этой южной группировки славян с Дуная) и др.²⁴

В полемике, которая развернулась вокруг комплексов, носивших дружинный (комплекс у Вознесенки содержал многочисленные предметы вооружения) и «вождеский» характер, возобладала взвешенная их атрибуция кочевой (болгаро-хазарской) элите²⁵. «Древности антов» также испытывали воздействие культуры Византии, кочевников и германцев (готов), на первом этапе (VI–VII вв.) – авар, на втором – хазар²⁶; синтез разноэтничных импульсов в культуре славян демонстрирует разрушение у них родоплеменной замкнутости. Можно предполагать, что эти клады отражают формирование

-
- 24 В. В. Седов, *Славяне: историко-археологическое исследование* (Москва: ЯСК, 2002), 203–294. Второе изд. книги вышло в 2019 г. Переиздаются и книги Б. А. Рыбакова (в частности, монография «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.» переиздана в 2016; особой популярностью, в том числе у «неоязычников», пользуются многостраничные монографии по язычеству древних славян и древней Руси. Рыбаков был далек в своих реконструкциях от использования грубых фальсификаций в духе «Влесовой книги» и т.п., на которых основываются сочинения неоязычников. См. критику историографического стереотипа «двоеверия» в кн.: ВАЛЕРИ КИВЕЛЬСОН, *Магия отчаяния: моральная экономика колдовства в России XVII века*, пер. с англ. В. ПЕТРОВ (СПб.: Academic Studies Press/ БиблиоРоссика, 2020), 70 и сл.
- 25 А. К. Амброз, «О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации», в А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели (ред.) *Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв.: Советско-венгерский сборник*, (Москва: Наука, 1982), 204–221. Ср. из недавних работ: Б. Тотев, О. Пелевина, «Сокровище из Малой Перещепины и элитарная культура болгар Нижнего Дуная», в *Форум «Идель – Алтай». Серия «Археология евразийских степей»*. Вып. 13 (Казань: Институт истории АН РТ, 2010), 174–179.
- 26 О. А. Щеглова, «Волны распространения вещей из Подунавья: отражение славянской миграции или культурных инфильтраций?», в *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Материалы международной конференции*. Труды ГЭ. Вып. XLVIII. (Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009), 39–65. Ср. А. М. Обломский, «Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э.», в *ДГ 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*, ред. Е. А. Мельникова (Москва: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012), 10–33; М. М. Казанский, «О расселении славян в лесной зоне Восточной Европы: предметы раннесредневекового убора дунайского происхождения (VI–IX вв.)», *АВ*, вып.28 (2020): 258–271. Ср. из обобщающих работ: М. Б. Щукин, *Готский путь* (Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2005). DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-258-271

«престижной экономики», особого отношения к «богатству», значимость которого для «варварских обществ» Европы в процессе «генезиса феодализма» показал А. Я. Гуревич. Импульсы, идущие с юга и Балкан достигали восточноевропейского Севера, в том числе Ладоги, возникновение которой относится к VIII в. Уже в эпоху становления славянской археологии очевидным было отличие славянской культуры от традиций соседей: погребальный обряд был «бедным», лишенным престижных вещей и вооружения (что подчеркивал еще классик славянской археологии Л. Нидерле).²⁷

Обнаружение ожидаемых тенденций с опорой на археологию затруднительно: упомянутое тождество «вождество – княжение – славиния» рассыпается при обращении к контексту источников: славиниями Константин Багрянородный именуется объединения неких лендзанинов и кривитеинов – кривичей. Славинии кривичей уделяется особое внимание, хотя их широкое расселение и локальные различия в культуре приписываемых им (со времен А. А. Спицына) длинных курганов затрудняют интерпретацию кривичей как общности, как некоего предгосударственного образования²⁸.

Единственный летописный «казус», который может характеризовать «славинии» как «княжение» – древляне: во время восстания против русского князя Игоря (в ПВЛ под 945 г.), древляне казнили его и противопоставили ему своего главного (?) князя Мала и других князей, что «распасли суть Деревьску землю». Все это характеризует восточнославянские вождества, которые возглавляет «федеральный князь», ему подчинены «племенные» князья и «старейшины градов» и т. п.²⁹ Сам термин *земля* означает в летописании территориальное (предгосударственное?) образование в отноше-

27 Любор Нидерле, *Славянские древности*, пер. с чешск. Т. Ковалевой, М. Хазанова (Москва: изд-во иностранной литературы, 1956) 208; ср. Н. И. Платонова, «Древнерусская культура и древнерусская элита: проблемы и перспективы исследований», в Н. И. Платонова (ред.) *Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.*, (Санкт-Петербург: Издательский дом «Бранко», 2017), 9–29. Автору приходилось настаивать на этой специфике погребального культа славян и, соответственно, на сомнительности прямолинейных социологических конструкций, выводящих из наличия «богатых» погребения свидетельства формирования социальных классов и т. п.: В. Я. Петрухин, *Русь в IX–X вв.: от призвания варягов до выбора веры*. (Изд. 3-е, испр. и доп., вышло в 2017), 297–299. Ср. А. А. Горский, *Русь от славянского расселения...* 109–111.

28 Ср. А. А. Горский, *Русь от славянского расселения...* 27 и сл.

29 Ср. М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь*, 163 и сл.; Е. А. Шинаков, *Образование Древнерусского государства*, 158–160.

нии архаических этнических общностей (Польская земля полян и т. п.).³⁰

Сюжет древлянского восстания имеет ближайшую параллель в знаменитом летописном рассказе о начале Русской земли – призывании варяжских князей (ПВЛ под 859/962 г.). После рассказа о варяжской дани «на чюди, на словѣнх, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ» говорится об изгнании варягов за море, усобицах («въста родъ на родъ») и решении – «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами». От призванных варягов «прозвася Руская земля». Естественно, обнаруживать в этом рассказе прямые свидетельства формирования государства (земли) из распадающегося родоплеменного строя принято было разве что во времена С. М. Соловьева; В. Т. Пашуто предполагал существование принимающей консолидированное решение межплеменной конфедерации, немислимой при «родовом строе»³¹. Немислимо и соотношение этой конфедерации со «славиниями» (чудь и меря – не славяне). Территориальная характеристика конфедерации – «земля наша велика и обильна» – скорее ассоциируется с библейским представлением об обетованной земле, чем с некими этнополитическими границами.

Так или иначе, затронутые проблемы не могут решаться без выяснения отношений славян (славиний) и других «языков» с летописной русью («росами» Константина Багрянородного), в концепции «двухуровневого государства» переходного периода у Е.А.Шинакова, «потестарного государства» у М. Б. Свердлова, за которым следовало «становление и консолидация раннего государства Русь»³². «Двухуровневое государство», соотнесенное с более распространенным термином «варварское государство», воплощает Россия Константина Багрянородного. И хотя территориальное

30 А. А. Горский, *Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник* (Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2019), 157–158.

31 Модификация текста ПВЛ в Новгородской первой летописи (НПЛ), где призывающие «языки» – словене, кривичи, меря (и чудь) «свою волость имели», вызывает ассоциации с известными в средневековый период и позднее, вслед за И. Я. Фрояновым, «территориально-политическими единицами» (А. А. Горский, *Русское средневековое общество*, 67). Однако этим ассоциациям противоречит последующая летописная фраза – «каждо своимъ родомъ владыаще» (НПЛ. С. 106). «Надродовым» владением – властью в обеих редакциях легенды о призвании наделяются призванные «володеть» князья.

32 Ср. М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь*. С. 182–307; Е. А. Шинаков, *Образование Древнерусского государства*, 173–299.

пространство этой России в отношении со «славиниями» и даже печенегами не вполне ясно, сама концепция «двухуровневого государства» соответствует сложившейся на широком евразийском материале историографической тенденции – выделении «двойных элит», включающих элиту подчиненных этносов, и даже выделение «этносов-элит»³³. Последний концепт очевидно напоминает летописные данные о роли варягов (руси-дружины) и хазар в начальной истории славян, легендах о хазарской дани и призвании варягов.

Построение альтернативной летописи исторической ретроспективы связано с известием Бертинских анналов о народе «рос», помещенном под 839 г., и, стало быть, «опровергающим» летописное известие о появлении Руси с призванными варяжскими князьями под 862 г. Действительно, с византийским посольством император Феофил посылает в Ингельхайм к Людовику Благочестивому неких людей, именующих свой народ «рос», а своего правителя «хаканом». На поверку эти люди оказались свеонами (шведами) и были задержаны Людовиком, врагом викингов³⁴. Интерпретация этих известий укладывалась в традиционную схему «южного» (среднеднепровского) происхождения руси и русской государственности – некоего «Росского каганата» (у В.В. Седова и др.); модифицированная точка зрения, учитывающая скандинавское происхождения людей «рос», помещает «Русский каганат» на севере Восточной Европы (его центром считается не Киев, а Ладога или новгородское Городище), соответственно можно было предлагать «перестройку» летописной истории и т.п.³⁵

При этом игнорировалась и отмеченная еще В.О. Ключевским параллель посольству в Ингельхайм: тогда же (838 г.?), по сообщению Константина Багрянородного, хазарский хакан отправил посольство с просьбой прислать инженеров для строительства крепости Саркел на Дону³⁶. «Люди рос» оказывались частью посольства хазарского, а не «росского» хакана. Намечается возвращение к этому более экономному пониманию источников (не требующего «аль-

33 Н. И. Платонова, *Указ. соч.*, 19–20.

34 См: комментированный перевод: ДРЗИ: Т. IV. Западноевропейские источники, сост., пер. и комм. А. В. Назаренко, 17–21.

35 Константин Цукерман, «Перестройка древнейшей русской истории, у истоков русской государственности», в *У истоков русской государственности*, ред. Е. Н. Носова, А. Е. Мусина (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007), 334–351.

36 Константин Багрянородный, *Указ. соч.*, 52–53, 334, 401.

тернативной истории» Русского каганата): начальная Русь включилась в геополитическую систему противостояния раннесредневековых «империй» – «кочевой империи» хазар, Арабского халифата и Византии; Русь под эгидой хазарского кагана претендовала на дружественные отношения с Византией (Д. Оболенский навал эти отношения империи с «варварами» Византийским содружеством)³⁷.

С критикой сложившихся в советской историографии стереотипов генезиса государства и феодализма в Киевской Руси выступал с 1970-х гг. И.Я. Фроянов. Он настаивал на доклассовом характере складывающихся в домонгольской Руси общественных отношений, которые сводил к формированию на основе «этнополитических» племенных союзов территориально-политических структур – волостей, объединяемых вокруг главного вечевого города с подчиненными ему городскими центрами. Эти структуры он именовал «городами-государствами», сопоставляя их с античными полисами. Поскольку процесс формирования таких структур (в том числе городской сети)³⁸, в отличие от полисов, не прослеживается на основе источников по истории и археологии Восточной Европы, эта историографическая тенденция представляется умозрительной (если не «химической» в терминологии одного из соавторов Фроянова)³⁹.

37 Ср. А. П. Толочко, *Очерки начальной руси* (Киев; Санкт-Петербург: Лаурус, 2015), 111 и сл. См также: В. Я. Петрухин, «Хазарское начало русской истории», в А. М. Бойцов, О. В. Воскобойников (ред.). *Polystoria. Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе*, Изд. 2-е (Москва: Высшая школа экономики, 2021), 43–86.

38 Во многом умозрительной остается и попытка Б. А. Тимошука выстроить схему развития «градообразовательных процессов» от общинных поселений к «феодальным городам» (при особых отношениях с «княжескими крепостями») – Б. А. Тимошук, *Восточные славяне: от общины к городам* (Москва: изд-во Моск. ун-та, 1995).

39 Непредвзятая краткая характеристика обвинений Фроянова в отходе от формационного подхода в советской официозной историографии дана в популярной книге: В. Б. Кобрин, *Кому ты опасен, историк?* (Москва: Московский рабочий, 1992) 180 и сл. Переиздается монография И. Я. Фроянова, «*Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы*» (Санкт-Петербург; Москва: «Златоуст», 1995; Москва: Русский издательский центр, 2021). Один из ближайших сотрудников и соавторов И. Я. Фроянова А. Ю. Дворниченко издал объемистую историографическую монографию, ориентированную на концепцию Фроянова: А. Ю. Дворниченко, *Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства* (Санкт-Петербург; Москва: Евразия, 2014). См. об издержках этой ориентации: В. В. Пузанов, «Химеры в кривом зеркале историографии», *Вестник СПбГУ. История* 62, no. 2 (2017): 418–432. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.216; впрочем, некоторые позиции самого В. В. Пузанова близки установкам Фроянова: см. В. В. Пузанов, *От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы*

Так или иначе, летописная традиция, в том числе легенда о призвании варяжских князей, оказывается в центре дискуссий о формировании государственности. Популярным в историографии остается подход В. О. Ключевского – «Сказание о призвании князей – схематическая притча о происхождении государства»⁴⁰. Проблему участия норманнов в создании государства историк считал второстепенной, по той причине, что основывал свои представления об этом процессе на находках монетного серебра VIII в. в Восточной Европе: стало быть, думал Ключевский, задолго до варягов здесь существовала товаро-денежная экономика с торговыми городами и т.п.⁴¹ (эти идеи «буржуазного» историка были поддержаны советской историографией, ищущей автохтонных экономических основ государственности). По данным нумизматики, обращение монеты началось не ранее рубежа VIII и IX вв.: этот процесс охватывал не только речные коммуникации Восточной Европы, но и Балтики (летописного «Варяжского моря»)⁴². Соккрытие кладов было связано с опасностями транзита, а не с формированием «торговых родов».

Особое значение для понимания исторической ситуации в ее соотношении с летописной традицией имеют данные археологии: очевидные соответствия материалов раскопок и летописных свидетельств, в том числе широкое распространение скандинавских древностей, охватывающее территорию Восточной Европы, в том числе южной Руси (включая Галицкую землю).⁴³ Незавершенность работ на большинстве памятников, относящихся к начальному

политогенеза) (Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2017). См.: также о концепции Фроянова в контексте развития советской историографии: М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь...* 26–27. «Химерным государством» Л. Н. Гумилев именовал принявшую иудаизм Хазарию: даже варяжских князей с их устремлением к неограниченному получению дани он считал агентами еврейской торговой верхушки; см. оценку сочинений «последнего евразийца» в книгах: В. А. Шнирельман, *Хазарский миф: Идеология политического радикализма в России и ее истоки* (Москва; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2010); Л. А. Мосионжник, *Технология исторического мифа* (Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012).

40 В. О. Ключевский, *Указ соч.*, 155.

41 Там же, 140 и сл.

42 См. переиздание классической работы В. Л. Янина 1955 г.: В. Л. Янин, *Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода* (Москва: ЯСК, 2009).

43 См. специальный выпуск каталога: Ф. Андрощук, В. Зоценко, *Скандинавские древности южной Руси* (Paris: Институт археології НАН України, 2012).

периоду развития Руси (IX-X вв.), не позволяет предлагать окончательные выводы о соответствии летописных данных археологическим. Очевидно, что большая часть упомянутых в Начальной летописи (ПВЛ) городов формировались в этот период и их материалы содержали скандинавские древности – систематический обзор материалов был подготовлен Институтом археологии РАН в упомянутой коллективной монографии «Русь в IX–X вв. Археологическая панорама». Издание было приурочено к юбилею российской государственности, по традиции привязанному к летописной дате призвания варягов (862 г.); многочисленные конференции с продолжающейся публикационной активностью были ориентированы на этот юбилей⁴⁴.

Естественно, особое место в историографии занимает проблема «столиц» начальной Руси, городов, где сели призванные князья. Дискутируется соотношение Новгорода и Ладоги, ибо в Ладоге, согласно ипатьевской редакции ПВЛ, обосновался Рюрик, затем перебравшийся в Новгород. В Ладоге ранние городские напластования датируются сер. VIII в., в Новгороде материалы IX в. сосредоточены на Городище – традиционной резиденции новгородских князей. Соответственно, исследователи Ладоги воспринимали ее как «первую столицу Руси»⁴⁵. Возглавлявший новгородскую археологическую экспедицию В. Л. Янин видел в Ладоге временную стоянку призванного Рюрика, с которой он перебрался в Новгород/на Городище.⁴⁶ В те же годы проблемы начальной русской истории обсуждались на заседаниях Отделения исторических и филологических наук РАН⁴⁷,

44 См. публикацию материалов конференции: Сложение русской государственности ... В Институте всеобщей истории РАН – А. О. Чубарьян (пред.), *Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств, Материалы конференции* (Москва: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012); статьи изданы также в ежегоднике ДГ 2014г.; см. также: Т. Н. Джаксон (ред.), *Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств* (Москва: Ин-т всеобщей истории РАН, 2016); издана была энциклопедия: Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин (ред.), *Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия* (Москва: Ладомир, 2014). Выставка в Гос. Историческом музее: Д. В. Журавлев, В. В. Мурашева (сост.) *Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства* (Москва: ГИМ, 2012). В 2012 г. вышло первое издание книги: В. Я. Петрухин, *Русь в IX–X вв.: от призвания варягов до выбора веры*. (Изд. 3-е, испр. и доп., вышло в 2017).

45 А. Н. Кирпичников, В. Д. Сарабьянов, *Старая Ладога — первая столица Руси* (Санкт-Петербург: Славия, 2013), 143–169.

46 В. Л. Янин, «О начале Новгорода», *У истоков русской государственности*, 205–212.

47 Ср. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов, В. Л. Янин, «Начало Руси глазами современной археологии», в *Труды отделения историко-филологических наук РАН* (Москва: «Наука»,

подчеркивалась значимость славянской земледельческой колонизации для становления государственности (Н.А. Макаров).

Проблемы становления «протогородской» сети на Руси обсуждались на парижской конференции в октябре 1997 г. (материалы изданы в 2000):⁴⁸ интенсивная полемика продолжается по всем проблемам процессов урбанизации, включая хронологические соотношения урбанистических центров – Новгород/ Городище, Смоленск/ Гнёздово и т.п. Каждый сезон раскопок привносит в полемику новые аспекты; особенно это касается раскопок в Гнёздове, для X в. – крупнейшем по размерам торгово-ремесленном поселении на пути «из варяг в греки». Богатство материала, в том числе кладов и импортов, позволяет его исследователям предполагать самостоятельную значимость Смоленской земли на основной речной магистрали Руси⁴⁹, вопреки данным Константина Багрянородного, свидетельствовавшего в сер. X в., что Смоленск/Милиниски был данником – пактиотом киевских росов. Со времен А. А. Спицына продолжается дискуссия об отношении Гнёздова к соседнему Смоленску, в котором изучены городские напластования лишь с сер. XI в., а ранние слои изучены фрагментарно⁵⁰. Методы естественных наук позволяют удревнить напластования приднепровской части Гнёздова до последней четверти VIII в.⁵¹ Это открытие интересно с точки зрения урбанизации в раннесредневековой Восточной Европе, так как датируемые сер. VIII в. напластования Ладоги выглядели изолированно, и Ладога включалась в сеть балтийских, а не континентальных «протогородов». Еще более сложной проблемой остается отсутствие погребальных комплексов IX в. в ладожском некро-

2014), 17–36; В. Я. ПЕТРУХИН Призвание варягов: традиция и исторические реалии, там же, 289–299.

48 M. KAZANSKI, A. NERCESSIAN, C. ZUCKERMAN (eds.), *Les centres proto-urbains Russes entre Scandinavie, Byzance et Orient* (Paris: éditions P. Lerthielleux, 2000)

49 Т. А. ПУШКИНА, В. В. МУРАШЕВА, Н. В. ЕНИОСОВА, «Гнёздовский археологический комплекс», в Н. А. МАКАРОВ (ред.). *Русь в IX–X вв. Археологическая панорама*, 242–273.

50 См.: В. Я. ПЕТРУХИН, «К истории давней дискуссии: Смоленск и Гнёздово», в С. Ю. КАИНОВ (ред.). *Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования*. Вып.1, Труды ГИМ, Вып. 210., (Москва: ГИМ, 2018), 462–473.

51 В. В. МУРАШЕВА, А. В. ПАНИН, А. О. ШЕВЦОВ, Н. Н. МАЛЫШЕВА, Э. П. ЗАЗОВСКАЯ, Н. Е. ЗАРЕЦКАЯ, «Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования», *Российская археология* no. 4 (2020): 70–86. DOI: 10.31857/S086960630012627-8

поле⁵² (новгородский раннесредневековый некрополь неизвестен), в Гнёздове и в Киеве.

Отсутствие на Руси погребальных комплексов времен Рюрика и Вещего Олега можно гипотетически объяснить возвращением их дружин «за море»: в единственном источнике (явно вторичном по отношению к ПВЛ, подробно рассказывающей легенду об Олеге) – в Новгородской первой летописи (НПЛ) говорится, что после победоносного похода на Царьград князь отправился за море, но погиб в Ладогe⁵³. Известия, относимые летописью к IX в. (включая дату призвания варягов – 862 г.) носят легендарный характер, датировки условны – реальные даты появляются в связи с открытием договоров руси с греками, в первую очередь – договора Вещего Олега 911 г., что побуждает исследователей «перестраивать» начальную русскую историю⁵⁴, осторожно начинать исследование «реалий» начальной истории с X в. и т.п.⁵⁵ Нарботки предшествующей историографии считаются с этой точки зрения заведомо нерелевантными.

К таким наработкам историографии относится и интерпретация исторического содержания легенды о призвании варягов. Бросающаяся в глаза нелепость летописной конструкции, согласно которой платившие дань варягами «языки» восстали и изгнали их за море, а затем обратились к ним же с призывом на княжение, интерпретировалась с опорой на ПВЛ – обратились не ко всем варягам, а к руси. Ключевский подчеркивал, что это была обычная практика отношений с норманнами – одну группу нанимали для охраны от набегов прочих. В.Т. Пашуто, опираясь на ипатьевскую редакцию ПВЛ, наставил, что князья были приглашены править «по ряду, по

52 «Романтические» взгляды на Ладогу, как первую столицу Руси, приводили к поискам там могилы Рюрика, которую усматривали в единственной камерной гробнице ладожского некрополя с разнообразным инвентарем: ср. В. А. НАЗАРЕНКО, «Могильник в урочище Плакун», в В. В. Сёдов (ред.). *Средневековая Ладога* (Ленинград: Наука, 1985), 156–169. Однако дендродата этой гробницы – 880–900 гг.: К. А. Михайлов, *Элитарный погребальный обряд Древней Руси* (Санкт-Петербург: Издательский дом «Бранко», 2016), 227.

53 В. Я. ПЕТРУХИН, «Вещий Олег и “могила в Ладогe”», в С. В. Белецкий (ред.). *Земля наша велика и обильна: сб. статей посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова* (Санкт-Петербург: Книжная типография, 2019), 302–331. Одна из волховских сопок названа была «Олеговой могилой» в период празднования 1000-летия Руси в 1862 г.

54 К. ЦУКЕРМАН, *Перестройка...* 334–351.

55 Ср. П. С. СТЕФАНОВИЧ, *Бояре...*; А. С. ЩАВЕЛЕВ, *Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы)* (Москва: Аквилон, 2020).

праву» конфедерацией северных племен – данников варягов. Очевидно, что эта гипотеза соотносится с представлением того же Ключевского о летописной «комбинации», призванной придать легитимный характер правлению призванных князей. Однако, трактат Константина Багрянородного демонстрирует специфику даннических отношений «росов» и славян: росы покупали строевой лес, поставляемый им славянами⁵⁶. Этот обмен услугами характерен для «реципрокальных» даннических отношений в архаическом «трибутарном» государстве⁵⁷ и соответствует летописному представлению о договорных отношениях – ряде с призванными князьями и их дружиной (русью)⁵⁸.

Восприятие летописцем известного ему как имя народа – русь как этнонима, сходного с именами свеев, урманов – норвежцев, англов и т. д. в легенде о призвании князей долго сбивало с толку исследователей происхождения этого имени, ибо за «Варяжским морем» не было такого народа. Впрочем, в эпоху становления исторической науки, когда первый русский академик З. Г. Байер обнаружил, что тем же именем (Ruotsi) прибалтийские финны называют Швецию и шведов, можно было понять, что русь – это экзоним, которым называли выходцев из-за моря жители Прибалтики. Дальнейшие этимологические исследования прояснили значение этого названия – оно означало «гребцов»⁵⁹ (*rōþ(e)R – «гребец»), дружину, передвигавшуюся

56 Константин Багрянородный, *Указ. соч.*, 47.

57 Эта терминология, воспринимаемая ныне российскими историками (наряду с понятиями вождество и т.п.), стала внедряться на закате советской историографии: для составления словаря привлечены были коллеги из дружественной Восточной Германии: см. А. И. Першиц, Д. Трайде (ред.), *Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов* (Москва: Наука, 1986).

58 В. Я. Петрухин, «В. Т. Пашуто о древнерусской практике ряда», в *ДГ 2019–2020 годы: Дипломатические практики Античности и Средневековья* (Москва: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2020), 42–50. DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-42-50. Представление о «ряде» с призванными варяжскими князьями с точки зрения исконной новгородской вечевой традиции было развито В. Л. Яниным: В. Л. Янин, *Начало Новгорода*, 208–209.

59 Ср. В. Томсен, «Начало Русского государства», в *Из истории русской культуры*, Т. II, сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский (Москва: ЯСК, 2002), 196–197; Адольф Стендер-Петерсен, *Варангика; историко-филологические исследования*, (Москва: Варфоломеев, 2021), 18, 53 и сл. См.: переиздаваемый классический словарь – М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, пер. и дополнения О. Н. Трубачева. В 4 т. Т. III (Москва: Прогресс, 1986), 522–523.

на гребных судах⁶⁰. Это объясняет «двойственность» значения имени «Рос», относящегося к свеонам, в упомянутом известии Бертинских анналов. Существенно, что прибалтийско-финское название Швеции относится к естественному языку, не имеет книжного характера, который положен в основу постоянно умножающихся кабинетных этимологий, возводящих имя начальной руси к балтийско-славянским или альпийским ругиям, к имени народа-монстра ерос у Псевдо-Захарии (VI в.)⁶¹ и еще более древним индоариям, гидронимам типа Рось, Руса, лексемам типа русло⁶², Пруссия/Поруссия⁶³ и т.д. и т.п.

Между тем, прибалтийско-финское имя руси определено указывает на исторический контекст летописной легенды о призвании, ибо во всех летописных редакциях легенды чудь участвует в призвании князей. Не менее существенно то обстоятельство, что первоначальное значение имени русь не связано было с этнической номенклатурой⁶⁴: имя было дружинным – относилось к тем группам скандинавов,

-
- 60 Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин, «Название “Русь” в этнокультурной истории Древнерусского государства», *ВИ* по. 8 (1989): 24–38. Ср. археологические данные о руси-гребцах: В. В. Мурашева, С. Ю. Каинов, *Викинги. Путь на Восток* (Москва: ГИМ, 2020), 40–55.
- 61 К. А. Максимович, *Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников*, KANIEKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова (Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006), 14–56. См. критику этой и других конструкций - Кулешов В. С. К оценке достоверности этимологий слова Русь, в *Сложение русской государственности*, 441–459.
- 62 Ср. Г. Ловмянский, «Руссы и руги», *ВИ* по. 9 (1971): 43–52; А. В. Назаренко, «Об имени «русь» в немецких источниках IX–XI вв.», *Вопросы языкознания* по. 5 (1980): 46–56; А. А. Горский, *Русь... С.* 43–44; А. Г. Кузьмин, М. Ю. Лачаева, Н. М. Рогожин, *Историография истории России до 1917 год* (Москва: Владос, 2004), 28–40; См. о «манипулировании фактами» в зависимости от принятой гипотезы у А. Г. Кузьмина: В. Б. Кобрин, *Указ. соч.*, 214–215.
- 63 Е. В. Каменецкая, В. Я. Петрухин, «Пруссия и Русь: средневековый миф и новейшая историография», *Славяноведение* по. 5 (2008): 77–83. Продолжают бытовать кабинетные этимологии, интерпретирующие скандинавские имена призванных русских князей Рюрика, Синеуса и Трувора («sine hus» и «thru varing» — «со своим домом и верной дружиной»), попытке отождествлять на основании совпадения имен Рюрика Новгородского и Рорика Фрисландского, Олега Вещего и князя Хлгу Кембриджского документа и т.п.
- 64 Этноним русичи содержит только «Слово о полку Игореве», ср.: Л. В. Милов, «Ruzzi “Баварского географа” и так называемые “русичи”», *Отечественная история* по. 1 (2000): 94–101. Патронимические суффиксы и языческие генеалогии – уникальная черта поэтики «Слова», отмеченная еще Е. В. Аничковым, см: Е. В. Аничков, *Язычество и Древняя Русь* (Москва: Академический проект, 2009), 407–421. Через десятилетия после скандального обсуждения (осуждения) книги А.А. Зимина о позднем

которые использовали в чудской земле гребные суда. Он усваивался, по наблюдению Ключевского, повсюду, где появлялись русские дружинники, став основой для наименования нового народа в христианской Русской земле. Термин «Русская земля» сохранял в древнерусской традиции не только значение страны, но и народа, в том числе войска: эту двойственность значения демонстрирует уже варяжская легенда – в новгородской редакции «от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словет Руская земля»⁶⁵.

Поскольку дружина, способная оперативно передвигаться по речным и другим коммуникациям, была главным гарантом единства формирующегося на этих коммуникациях государства («земли»), это государство именуется дружинным (Е. А. Мельникова)⁶⁶ или трибутарным, ибо бюджет дружины и княжеского двора основывался на регулярно собираемой дани (полюдь).

Начальная летопись свидетельствует, что уже призванные князья, а по смерти Синеуса и Трувора и мужи (старшие дружинники Рюрика) опирались на сеть подвластных им «летописных» городов. Раскопки демонстрируют присутствие дружины в Ладогe, на Верхнем (Ярославском) Поволжье (Тимерёво и др.), Верхнем (Гнёздово), и Среднем Днепре (Киев), Подесенье (Чернигов, Шестовица), где исследованы дружинные курганы (с наборами вооружения и т. п.), что позволило предложить ассоциацию поселений, не упомянутых в летописи, но связанных с курганами, с древнерусскими погостами. Их исследование продолжается, умножается и число денежно-вещевых кладов, свидетельствующих о перераспределении дани на погостах и в городах: их концентрация известна в Ладогe, Гнёздове, Тимерёве и на новгородском Городище/Новгородe⁶⁷. Предполага-

происхождении «Слова» в 1960-х гг. с позиций официальной советской историографии, книга эта увидела свет: А. А. Зимин, *Слово о полку Игореве* (Санкт-Петербург, 2006). Новое лингвистическое обоснование древности «Слова» см. в кн.: А. А. Зализняк, *Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста* (Москва: ЯСК, 2008).

65 НПЛ, 106.

66 Е. А. Мельникова, *Древняя Русь, Всемирная история*. Т. 2, отв. ред. А. О. Чубарьян (Москва: Наука, 2012), 372-397. См. обзор историографии, посвященной дружине в кн. П. С. Стефанович, *Бояре, отроки, дружины...* 45–260 и обсуждение самой монографии – Диалог о книге: П. С. Стефанович. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв., *Российская история*, по 6. (2014): 3–38.

67 См. недавний обзор инструментов перераспределения весового серебра, ориентированных на восточный рынок: М. О. Жуковский, «Средневековые весовые гири с подражаниями арабским надписям», *Поволжская археология* 26, по. 4 (2018): 117–126. DOI: 10.24852/2018.4.26.117.136

лись и тенденции противостояния в этой урбанистической сети «погостов» и вечевых («племенных») городов, подчиненных (как Новгород и Смоленск) в XI в. княжеской власти: погосты гнёздовского типа превратились в сельские поселения.⁶⁸ В этой формирующейся городской сети, контролируемой дружиной, как уже говорилось, невозможно обнаружить никаких следов «городов-государств».

Давно осознанная сложность в понимании древнерусской социальной «терминологии» связана с тем, что большая часть этих «терминов» (род, племя, волость, земля) относится к лексике естественного языка (на язык книжности воздействовала при этом лексика библейских переводов), как и термин дружина: понимание термина зависит от контекста источника⁶⁹. Существенно наблюдение Т.Л. Вилкул о преимущественном употреблении лексемы дружина в летописи (прежде всего – ПВЛ): характерно при этом упоминание дружины в «вечевом» (социальном) контексте отношений горожан (киевлян, новгородцев и др.) с князем⁷⁰. Уже текст варяжской легенды, свидетельствующей, что призванные князья «пояша по собь всю русь»,⁷¹ демонстрирует, что речь идет о дружине – НПЛ заменяет непонятное для XIII в. словосочетание «вся русь» на слова «пояша со собою дружину многу (и предивну)»⁷². Когда летописные тексты содержат спецификацию понятия дружина, выделяя старшую и младшую ее части, категории представителей этих частей – мужей и отроков, то становится очевидным, несмотря на архаическую («родоплеменную») лексику, что речь идет о социальном институте.

68 Ср. давнюю гипотезу: В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина, «К предыстории древнерусского города», *История СССР* по. 4 (1979): 100–112 и обзор последующей историографии: В. Я. Петрухин, К истории давней дискуссии: Смоленск и Гнёздово, 461–472; Н. А. Кренке, И. Н. Ершов, В. А. Раева, «Смоленск и Гнёздово» в *АВ*, вып. 28 (2020): 296–303. DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-296-303

69 Ср.: Т. Л. Вилкул, *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.* (Москва: Квадрига, 2009), 72 и сл.; П. С. Стефанович, *Бояре...* 185 и сл.

70 Т. Л. Вилкул, *Люди и князь...* 74 и сл.

71 ПВЛ, 13.

72 НПЛ, 106. Прямо следуя «схеме» Шахматова, ориентированной на реконструкцию Начального свода, П. С. Стефанович считает редакцию НПЛ первичной, списывая «всю русь» на тенденциозную «идею автора ПВЛ о германо-скандинавском (?) происхождении руси». Противоречащее обстоятельство, что той же тенденции следует уже цитированная НПЛ («от тѣх Варягъ... словоет Руская земля») (НПЛ, 106) во внимание не принимается. Соответственно архаизируются и данные о дружине во Введении к НПЛ, несмотря на то, что само Введение отсылает к событиям 1204 г. – правлению кесарей Александра (Алексея) и Исакия и последующему татаро-монгольскому нашествию (П. С. Стефанович, *Бояре...* 189–194, 325–327).

Наиболее полно эта спецификация продемонстрирована в летописном рассказе о дружинных пирах Владимира Святославича – князь «паки творяше людем своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ в гридьницѣ пирѣ творити и приходити боляром и гридем, и съцьскимъ, и десяцьским, и нарочитымъ мужем»⁷³. В списке дружинников – «своих людей» Владимира представлены все этнокультурные компоненты, присущие древнерусской дружинной культуре: тюркский (?) термин боляре; гридь – специализированный термин скандинавского происхождения, обозначающий именно боевую дружину, «гвардию» – телохранителей князя⁷⁴; сотские, десятские, нарочитые мужи – славянская терминология, имеющая и книжные параллели⁷⁵. Эти книжные топосы, в том числе сочетание «боляре и старцы (градские)» вызывают традиционные для историографии ассоциации с разделением княжеской (дружинной) и «местной», «племенной» знати.⁷⁶ Те же ассоциации вызывают упоминания «нарочитых мужей», тем более, что в связи с событиями в «племенной» глубинке «восстания волхвов» в Поволжье упоминаются «старая чадь» (1024) и «лучшие жены» (1071 г.), а после крещения Руси Владимир Святославич «нача поимати у нарочитые чади дѣти» на «ученье книжное».⁷⁷

П. С. Стефанович предлагает (вслед за чешским историком Ф. Граусом) для обозначения основной вооруженной силы архаического (трибутарного) этапа государственности термин «большая дружина», при том, что терминологического значения за словом «дружина» автор не признает⁷⁸: аналогом термина (с учетом вели-

73 ПВЛ, 56.

74 П. С. Стефанович (Бояре... 342–343) сближает значение слова *гридь* с обозначением домовых слуг (огнищан Русской правды); собирательное *гридь* близко по форме другому скандинавскому заимствованию – русь: архаическое значение гриди с ее «заморским» происхождением сохранила надпись на стене Софии Новгородской, упоминающая «гридьбу в корабле»: ср. Т. В. Рождественская, *Древнерусская эпиграфика X–XV вв.* (Санкт-Петербург: СПбГУ, 1991), 56–57.

75 Т. Л. Вилкул, *Люди и князь*, 89–91 и др.

76 Ср. Е. А. Шинаков, *Образование Древнерусского государства*, 288; П. С. Стефанович, *Бояре...* 216 и сл. Термин «большая дружина» ранее предложил Е. А. Шинаков для обозначения объединяющей ранние фракции (старшую и младшую дружины, дружины родоплеменной знати) «великокняжеской дружины», основы раннего «дружинного государства» эпохи Владимира Святославича и Ярослава (Е. А. Шинаков, *Образование Древнерусского государства*, 286 и сл.).

77 Ср. А. А. Горский, *Русское средневековое общество*. С.371. ПВЛ. С. 53.

78 Замечу, что летописи говорят обычно о «малой дружине» – см. примеры в кн.: Т. Л. Вилкул, *Люди и князь...* 76–79.

чины) может служить разве что упомянутая русь - «дружина многа» в интерпретации НПЛ. Сам термин требует соответствия в некоей «малой дружине» (малых дружинах), которые автор приписывает формирующейся (боярской?) знати. «Большую дружину» из зависимых гридей/отроков содержит правитель – на Руси киевский князь; это относительно многочисленное войско распадается с формированием самостоятельных земель – «политий» во второй половине XII в., распределяется по гарнизонам новых городов. То обстоятельство, что согласно ПВЛ по разным городам садятся уже призванные князья, а сменяют их «мужи» Рюрика, во внимание не принимается, ибо Стефанович ориентируется не на летопись, а на конструкцию Шахматова – т. н. Начальный свод, а «свод» этих данных не содержит.

Общепризнанной проблемой, характерной для социальной лексики раннего средневековья в целом, является ее нетерминологичность, «текучесть»⁷⁹, зависимость от модулирующей книжного или естественного языка. Стремление уловить содержание этих «терминов» приводит к их «терминологическому» анализу – составлению словарей⁸⁰ и энциклопедий⁸¹. Определяющим для понимания того или иного термина оказывается контекст источника, особенно специализированного – правового: для понимания состава дружины таковым давно признана «Древнейшая правда». Неоднократно анализировавшийся текст о вире – «аще будеть русинъ, или гридѣнъ, любо купць любо ябетник, любо мечникъ, аще изъгои будеть, любо словенинъ, то 40 гривень положи за нь»⁸² – исследовался, как правило, без учета структуры текста, с отдельным анализом терминов⁸³. Между тем для древнерусских текстов характерно помещение в начало списка обобщающего термина, каковым здесь является термин русин (ед. число от собирательного русь): ему про-

79 Ср. Т. Л. Вилкул, *Люди и князь*. 15 и сл.; П. С. Стефанович, *Бояре...* 235–247. Вместе с тем остается актуальным изучение социальной лексики: ср. в советской историографии – В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин (ред.), *Древнерусское государство и его международное значение* (Москва: Наука, 1965) и компендиум: А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович, *Древняя Русь: очерки политического и социального строя* (Москва: Индрик, 2008).

80 А. А. Горский, *Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник*.

81 *Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия*.

82 А. А. Зимин, *Правда Русская* (Москва: Древлехранилище, 1999), 358.

83 Ср. П. С. Стефанович, *Бояре...* 341 и сл., 513.

тивопоставлен заключающий список словенин⁸⁴. Стало быть, к руси относятся здесь гридень, купец, и сборщики податей – ябетник и мечник. К корпорации – «большой дружине» (предпочтительнее здесь говорить о дружине «в широком смысле»)⁸⁵ может относиться и изгой – включение в состав дружин разнообразных маргинальных элементов, включая несвободных людей.⁸⁶

Очевиден «обратный» порядок в перечне дружинников князя Всеволода Юрьевича (1177 г.), опиравшегося в борьбе за владимирский стол на Ростов: князь «совокупивъ ростовци и боляре гридьбу и пасынки и всю дружину»⁸⁷. Термин «вся дружина» резюмирует здесь весь перечень, в котором бояре сближаются с гридями; уникальный термин пасынки соответствует в архаической «возрастной» иерархии «детским»⁸⁸. Если *гриди* и *русь* относятся к аутентичной терминологии, то не только «старцы» (и «отроки»), но и «бояре/боляре» обнаруживают книжные истоки⁸⁹. Термин бояре/боляре – предмет непрекращающихся дискуссий как этимологических, так и исторических. Ему посвящена большая часть монографии П.С. Стефановича: автор не принимает традиционного в историографии прямого соотношения бояр с мужами – старшей дружиной, настаивает на «расплывчатом» и не корпоративном характере дружинного феномена, что порождает дискуссию о содержании термина боярин⁹⁰. Дискуссию осложняет неясность самого происхождения слова боярин/болярин – безусловно заимствованного: наиболее очевидны

84 О противопоставлении этих «категорий» в начальном летописании свидетельствует сюжет о наделении руси драгоценными парусами, в отличие от словен в войске Олега (907 г.). Ср. о структуре списка, исследованной Г. С. Лебедевым: Г. С. ЛЕБЕДЕВ, «Комментарий к статье I Русской правды Краткой редакции», в *Генезис и развитие феодализма в России*. Вып. 10, ред. И. Я. Фроянова (Ленинград: изд-во ЛГУ, 1987), 78–84, В. Я. Петрухин, *Русь в IX–X вв.*, 288–295.

85 Такое различие представляется релевантным для российской историографии – ср. различие (А. Н. Насонов) летописной «Русской земли» в широком и узком смысле: все восточнославянские земли и домен киевского князя в Среднем Поднепровье.

86 Ср. Л. Дрэггер, «Дружина», в *Социально-экономические отношения*, 53.

87 ПСРЛ. Т. 1, 380.

88 Ср. А. А. Горский, *Русское средневековое общество*, 243.

89 Ср. Т. Л. Вилкул, *Люди и князь...* 88 и сл. (вслед за С. В. Завадской).

90 Впрочем, Стефанович допускает что «княжие мужи», вроде Свенельда, позднее (в XI в.?) составляют «боярство» (П. С. Стефанович, *Бояре...* С. 534). См. критику непоследовательности конструкций цитируемого автора в кн.: А. А. Горский, *Русское средневековое общество*, 21–29.

его праболгарские (тюркские) истоки – праболг. «*боила*», обозначение представителя элиты.

Исследование заимствованной иноэтничной социальной лексики в славянском мире создает особые хронологические проблемы: к праславянскому периоду относится заимствованный из западно-герм. термин князь⁹¹. К праславянскому («аварскому») может возводиться и заимствование терминов каган и бояр(е/ин)⁹²: но в восточнославянском мире титул каган явно увязывается с Хазарским каганатом и временем проникновения в славянскую Восточную Европу и Хазарию руси в IX в.

Летописные тексты обнаруживают характерную тенденцию – стремление легитимировать род Рюрика, как единственный на Руси княжеский род: судя по разным летописным памятникам, эта тенденция победила в домонгольский период. Договоры руси с греками, в первую очередь – договор Олега 911 г. конкретизируют этот род. В преамбуле договора, после перечисления послов «от рода рускаго» (носящих скандинавские имена), говорится, что они посланы «от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих боярь».⁹³ Традиционная историография усматривала в этом перечне иерархию князей восточноевропейского государства – Русской земли договора; киевскому великому князю подчинялись локальные великие князья и его бояре. В локальных князьях готовы были усматривать князей славянских «племенных союзов» и т. п. П. С. Стефанович предложил другую трактовку этой номенклатуры: скандинавские имена послов не позволяют увязать их со славянской элитой (хотя на служебной роли этих скандинавов у славянской знати постоянно настаивали критики «норманизма»)⁹⁴. Отвергая «киевцентризм»

91 О. Н. Трубачев (ред.), *Этимологический словарь славянских языков*. Вып. 13 (Москва: Наука, 1987), 200–201.

92 О воздействии аварской культуры на праславян говорилось выше. См. препринт безвременно ушедшего специалиста по сравнительному языкознанию: Е. Хелимский, «Тунгусо-маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология», в *Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов, Любляна, 15–21 августа 2003* (Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik, 2003).

93 ПВЛ, 18.

94 Действительно, этническая ситуация внутри русского княжеского рода изменилась в 940-е гг.: сын Игоря и Ольги носил славянское имя Святослав, своего посла со скандинавским именем имели Володислав и некая Передслава (имя – известное позднее в княжеском ономастиконе: см. об именах – А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.* (Москва: Индрик, 2006).

традиционной историографической конструкции (с великим киевским князем), исследователь, однако, не учел, что «киевоцентризм» диктуется не старой историографией «Киевской Руси», а самими источниками – не только «тенденциозной» летописью (включая реконструированный «Начальный свод»), но и Константином Багрянородным, видевшим в Киеве сосредоточение «всех росов», собирающей дань со славян.

Сопоставление данных договоров руси с греками и верифицирующих историческую ситуацию на Руси «извне» сочинений Константина Багрянородного создает немало проблем. Элиту «Росии» Константин именуется просто «архонтами»; П. С. Стефанович считает, что греческий термин переводится в договорах адекватно – обозначает в древнерусском тексте не только князей, но и бояр. Более того, вопреки приведенным данным летописи, автор уравнивает статус русских князей и бояр (коли все они архонты) и определяет численность этой элиты трибутарного государства в 25 чел. Далее, отмечая сложности проведения большого полюдья из Киева (днепровский маршрут от Киева до Смоленска реконструирован Б.А. Рыбаковым), он считает нерелевантным сообщение Константина о том, что архонты «со всеми росами» выходят в полюдье из Киева, и распределяет сбор дани между 25 лидерами элиты, обретающихся в неких локальных центрах, независимых или «полунезависимых» от Киева, но все же «признающих верховную власть киевского князя»⁹⁵. Архонты-князья-бояре, таким образом, практически выводятся «из под руки» такого же архонта – киевского князя, обретают относительную независимость от Киева. Эта конструкция с энтузиазмом была воспринята некоторыми археологами, впечатленными богатством исследуемых ими памятников⁹⁶. Поиск таких волостей не более продуктивен, чем упомянутые поиски восточнославянских городов-государств. Летописные примеры демонстрируют судьбы таких волостей, будь то полянское княжение Аскольда и Дира, древлянское княжение Мала или полоцкое княжение Рогволода: попытка перераспределения дани встречает оперативный отпор

95 П. С. СТЕФАНОВИЧ, *Бояре...* 361–440, 543.

96 Т. А. ПУШКИНА, В. В. МУРАШЕВА, Н. В. ЕНИОСОВА, Гнёздовский археологический комплекс, в Н. А. Макаров (ред.). *Русь в IX–X вв. Археологическая панорама*, 242–273.; замечу, что региональный подход определяет структуру и самой «Панорамы» Руси IX–X вв., представленной цитируемым компендиумом.

из столичных центров (обозначенных и летописью, и Константином Багрянородным) – из Киева или Новгорода.

Не меньше дискуссий (чем «дружинное государство» и степень его единства) вызывает и проблема социального устройства внутри волостей – проблема веча, остро поставленная для главного вечевого города – Новгорода В.Л. Яниным. Как и за словом «дружина», за словом «вече» не признается терминологического содержания: его смысл зависит от контекста источника. Янин выступил против романтического взгляда на новгородское вече как на собрание «всех новгородцев» на обширной вечевой площади – такой площади новгородские раскопки не обнаружили. Власть («вечевая» основа новгородской традиции) сосредоточивалась в руках племенной боярской аристократии – владельцев усадеб, последовательность этих владений археологически прослеживается вплоть до X в. (древнейших напластований Новгорода), эта власть древнее власти князей, призванных «из-за моря» аристократической верхушкой. Поскольку институты веча документально прослеживаются лишь в поздний период (при формализации отношений Новгорода с Литвой в XV в.), проблема функционирования веча остается предметом острой дискуссии, включая предполагаемые «родоплеменные» истоки веча и боярства⁹⁷. Проблема приоритета «вечевого» права во многом зависит от результатов раскопок в «вечевом» Новгороде и на «княжеском» Городище: их сосуществование в X в. во многом определило представление В. Л. Янина о летописном «ряде» с призванными князьями⁹⁸.

Трудноразрешимой проблемой (при отсутствии актовых источников) остается и проблема феодализации – «оседания» дружинников «по земле», поставленная в советской историографии С.В. Юшковым в 1920-е гг.,⁹⁹ на археологическом материале – топографии дружинных комплексов в Черниговской земле ее наметил Б.А. Рыбаков на рубеже 1940-х – 1950-х гг., автор этого очерка указывал

97 Ср. материалы международного круглого стола: М. М. Кром (ред.). *Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог* (Санкт-Петербург: Европейский университет, 2012); и фундаментальную монографию – П. В. Лукин, *Новгородское вече* (Москва: Индрик, 2014). Слово «вече» относится к праславянской лексике, но не имеет строгого терминологического содержания; термин «бояре» не вписывается в контекст родоплеменной архаики.

98 См. В. Я. Петрухин, «В. Л. Янин и призвание варягов», *Новгородский Исторический Сборник* 19 (29) (2020): 29–37.

99 См. М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь*. 17 и сл.

на распространение этих комплексов X в. в пределах Русской земли (в узком смысле) и на землях, не занятых «племенными» поселениями¹⁰⁰. Становление феодальных отношений на Руси, учитывая характеристику «фьефов, состоявших только из даней», данную Марксом, продолжает М. Б. Свердлов.¹⁰¹

Сокращения

АВ – Археологические вести. Санкт-Петербург: Ин-т истории материальной культуры РАН.

ВИ – Вопросы истории. Москва.

ГИМ – Государственный исторический музей. Москва.

ДГ – Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования (с 1975 по 1993 гг.); Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования (с 1994 г.). Москва.

ДРЗИ – Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Москва. Т. I. Античные источники, сост. А. В. Подосинов., 2009; Т. III. Восточные источники. Хрестоматия, сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. 2009; Т. IV. Западноевропейские источники, сост., пер. и комм. А. В. Назаренко. 2010.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000, ПСРЛ. Т. 3 (репринт издания под ред. А. Н. Насонова: Москва-Ленинград, 1950).

НЛО – Новое литературное обозрение. Москва.

ПВЛ – Повесть временных лет, подг. текста, пер., ст. и комм. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, подг. М. Б. Свердлов. Санкт-Петербург, 1996.

ПСРЛ, I–XLIII – Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII. Санкт-Петербург; Ленинград; Москва, 1841–2009.

РА – Российская археология. Москва.

ЯСК – Языки славянских культур. Москва.

¹⁰⁰ В. Я. Петрухин, *Русь в IX–X вв.* 238 и сл.

¹⁰¹ М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь. Ср. о «моделях» феодализма: А. А. Горский, Средневековая Русь: о чем говорят источники* (Москва: Ломоносовъ, 2021), 49–50.

Д. А. БОРОВКОВ

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСТОРИОГРАФИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУСИ XI–XII ВВ.
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 2000–2020 ГГ.¹**

**PROBLEMS OF SOURCE STUDY OF THE OLD RUSSIAN WRITING
MONUMENTS AND HISTORIOGRAPHY OF THE SOCIO-POLITICAL
DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE XI–XII CENTURIES
IN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE 2000–2020**

In Part 1 the article considers an interpretation in the historiography of Russia between 2000 and 2020 of systematic problems associated with other monuments of Old Russian written culture (Primary Chronicle, The Tale of Igor's Campaign, etc.). In Part 2 the article considers analysis of the concepts of the socio-political system of Old Russia in the historiography of Russia between 2000 and 2020 in which adherents of competing academic theories postulate the predominance of tribal (Alexander V. Nazarenko), communal (Igor' Ia. Froianov, Viktor V. Puzanov, Alexei V. Petrov, etc.) or feudal relations (Mikhail B. Sverdlov, Anton A. Gorskii, etc.) in the Old Russian period.

Keywords: Old Russia, chronicles, historiography, 11th–12th centuries.

Dmitrii A. Borovkov – Candidate of Historical Sciences (CSc), Independent Scholar. E-mail: brancaleone85@mail.ru

1 *Citation:* D. A. BOROVKOV, “Problemy istochnikovedeniia pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti i istoriografii sotsial'no-politicheskogo razvitia Rusi XI–XII vv. v rossiiskoi istoricheskoi nauke 2000–2020 gg.” [Problems of Source Study of the Old Russian Writing Monuments and Historiography of the Socio-Political Development of Russia in the XI–XII Centuries in Russian Historical Science 2000–2020], *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 117–134. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.16

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В историографии древнерусского летописания первое десятилетие XXI в. можно охарактеризовать как лингвотекстологический структурализм, примером которого являются многочисленные статьи А. А. Гиппиуса по проблемам стратификации «Повести временных лет», основанные на выявлении первичных и вторичных (атематических и тематических) глагольных форм². С одной стороны, в источниковедческих аспектах своих реконструкций А. А. Гиппиус следует за парадигмой Начального летописания, сформулированной в начале XX в. А. А. Шахматовым и предусматривающей в качестве ключевых элементов три редакции «Повести временных лет» (1113, 1116 и 1118 гг.), две из которых (т. н. вторая редакция 1116 г. и третья редакция 1118 г.) дошли до нас в Лаврентьевском и Ипатьевском списках «Повести временных лет» и сходных с ними; предшествующий «Повести временных лет» «Начальный свод», составленный в Печерском монастыре в 1090-х гг., «Первый Печерский свод» 1070-х гг. (свод Никона), ветвь новгородских летописных сводов 1017, 1050 и 1079 гг., к которым А. А. Гиппиус присоединил «свод 1060-х гг.» С другой стороны, А. А. Гиппиус частично учитывает позднейшие корректировки шахматовской парадигмы Начального летописания – например, гипотезу о продолжении «Начального свода» 1090-х гг. погодными записями до середины второго десятилетия XII в. (М. Х. Алешковский), датировку «первой редакции» «Повести временных лет» 1115 г. (М. Д. Присёлков, Л. В. Черепнин), переатрибуцию «ряда Ярослава» и связанных с ним летописных сюжетов от «свода Никона» к «Начальному своду» (А. Тимберлейк, В. Я. Петрухин, Л. В. Черепнин) и т. д.³

2 А. А. Гиппиус, «Рекоша дружина Игореви... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи», *Russian linguistics: International journal for the Study of the Russian Language* 25, no. 2. (2001): 157–181. DOI: 10.1023/A:1010817721013

3 А. А. Гиппиус, «Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет» в *Вереница литер.* К 60-летию В. М. Живова, отв. ред. А. М. Молдован (Москва: Языки славянских культур, 2006), 57–96; А. А. Гиппиус, «К проблеме редакций Повести Временных лет. I.», *Славяноведение*, no. 5. (2007): 20–44; А. А. Гиппиус, «К проблеме редакций Повести временных лет. II.», *Славяноведение*, no. 2. (2008): 3–24; А. А. Гиппиус, «Предисловие к Софийскому временнику (Начальному своду): текст, язык, источники» в *Русский язык в научном освещении*, no. 1. (2010): 45–95; А. А. Гиппиус, «К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания» в *Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств.*

В русле лингвотекстологического структурализма написана монография С. М. Михеева, выделяющего на основании комплекса слов-маркеров этапы формирования «Повести временных лет», «Начального свода», «свода 1070-х гг.» и «Древнего сказания» 1016–17 гг., существование которого он постулирует вслед за французским исследователем К. Цукерманом⁴, невзирая на то, что этот постулат противоречит его собственным наблюдениям о текстологическом единстве рассказа о борьбе Ярослава I со Святополком I, помещенного в «Повести временных лет» под 1014–1018 гг., где он выделил первичные и вторичные элементы летописного сюжета, обусловленные, с одной стороны, влиянием «бродячих сюжетов» скандинавской фольклорно-саговой традиции, а с другой стороны, влиянием формирующегося культа князей-мучеников Бориса и Глеба, в причастности к гибели которых С. М. Михеев, следуя историографической традиции, заложенной во второй половине XX в. Н. Н. Ильиным и его последователями (А. С. Хорошев, А. Б. Головкин, И. Н. Данилевский и др.), подозревал Ярослава I⁵. Попытки источниковедческой ревизии летописной трактовки междукняжеской войны 1015–1019 гг. вызвали критику исследователей (А. В. Назаренко, А. А. Шайкин, Е. А. Мельникова и др.)⁶.

Дискуссионным остается вопрос о начальном звене (или, по выражению А. А. Гиппиуса, «Ядре») древнерусского летописания, в качестве которого в историографии XX в. постулировался «Древнейший Киевский свод» 1037–1039 гг. (А. А. Шахматов) или «свод 996 г.» (Л. В. Черепнин). С одной стороны, гипотезы об их существовании

Материалы конференции (Москва: Институт Всеобщей истории, 2012), 41–50; А. А. Гиппиус, «До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции» в *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*, отв. ред. Н. А. Макаров, (Москва – Вологда: Древности севера, 2012), 37–63.

4 С. М. МИХЕЕВ, *Кто писал «Повесть временных лет»?* (Москва: Индрик, 2011).

5 С. М. МИХЕЕВ, *Святополкъ же седе въ Киеве по отци: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках* (Москва: Индрик, 2009).

6 А. В. НАЗАРЕНКО, *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, политических и торговых связей IX–XII веков* (Москва: Языки русской культуры, 2001), 451–476; А. А. Шайкин, «Оставим все как есть...» (по поводу современных интерпретаций убийства святых Бориса и Глеба) в *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 54, отв. ред. О. В. Творогов (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003), 337–369; Е. А. Мельникова, «Эймунд Хрингссон, Ингигерд и Ярослав Мудрый: источниковедческие наблюдения» в *Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в средние века (Славяне и их соседи. Вып. 16)*. К 70-летию Б. Н. Флори, отв. ред. Г. Г. Литаврин (Москва: Индрик, 2008), 144–160.

подвергаются критическому пересмотру (В. Я. Петрухин)⁷, с другой стороны предпринимаются попытки реанимации как гипотезы о «своде 996 г.», составленном на рубеже X – XI вв., так и гипотезы о «Древнейшем своде» конца 1030-х – начала 1040-х гг. (Н. И. Милютенко)⁸, или «Повести о Ярославле» (А. В. Назаренко).⁹ В то же время получила распространение точка зрения Т. В. Гимона и А. А. Гиппиуса о гетерогенном характере Начальной летописи, сформировавшейся из анналистических записей и номотематических повествований.¹⁰

Наряду с текстологическим подходом развиваются филологический (А. С. Демин, А. В. Каравашкин, Е. Л. Конявская, А. М. Ранчин, А. А. Шайкин и др.)¹¹ и герменевтический (И. Н. Данилевский)¹² подходы

-
- 7 В. Я. ПЕТРУХИН, «Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание» в *Ярослав Мудрый и его эпоха, 167–180*; то же в В. Я. ПЕТРУХИН, *Русь христианская и языческая. Историко-археологические очерки* (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2018), 258–269.
- 8 Н. И. МИЛЮТЕНКО, «Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод)» в *Rossica Antiqua 2006. Исследования и материалы*, отв. ред.: А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006), 156–167.
- 9 А. В. НАЗАРЕНКО, «Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии» в *Древнейшие государства Восточной Европы 2013. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья*, отв. ред.: Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон (Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2016), 593–653.
- 10 Т. В. ГИМОН, А. А. ГИППИУС, «Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы)» в *Жанры и формы в письменной культуре средневековья* (Москва: Институт мировой литературы РАН, 2005), 174–200; Т. В. ГИМОН, «К проблеме зарождения историописания в Древней Руси» в *Древнейшие государства Восточной Европы 2013*, 748–800.
- 11 А. С. ДЕМИН, *О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. От Илариона до Ломоносова* (Москва: Языки славянской культуры, 2003); А. С. ДЕМИН, *Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.)* (Москва: Языки славянских культур, 2009); А. С. ДЕМИН, *Древнерусская литература как литература (о манерах повествования и изображения)* (Москва: Языки славянских культур, 2015); А. В. КАРАВАШКИН, *Литературный обычай Древней Руси (XI–XVI вв.)* (Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011); А. В. КАРАВАШКИН, *Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.)* 2-е изд., доп. (Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018); Е. Л. КОНЯВСКАЯ, *Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV вв.)* (Москва: Языки русской культуры, 2000); А. М. РАНЧИН, *Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях* (Москва: Новое Литературное Обозрение, 2007); А. А. ШАЙКИН, *Повесть временных лет: История и поэтика* (Москва: Русская панорама, 2011); А. А. ШАЙКИН, *Древнерусская словесность XI–XII вв.* (Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018).
- 12 И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, *Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов* (Москва: Аспект-Пресс, 2004); И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, *Герменевти-*

к интерпретации текста «Повести временных лет» (впрочем, стоит отметить, что результаты последнего представляются весьма спорными). Исследование хронологических указаний «Повести временных лет», подтвердившее тезис А. Г. Кузьмина о смешении в Начальном летописании нескольких календарных стилей, осуществлено С. В. Цыбом.¹³ Предпринимаются опыты компаративного изучения древнерусского историописания с памятниками византийского (Е. Г. Водолазкин)¹⁴ и западноевропейского историописания эпохи средневековья (Т. В. Гимон).¹⁵ Современное летописеведение не ограничивается изучением «Повести временных лет», уделяя внимание и изучению летописной традиции XII–XV вв.¹⁶

Продолжается изучение Борисоглебского цикла (А. Н. Ужанков, А. М. Ранчин и др.),¹⁷ памятники которого впервые после публикации Д. И. Абрамовича (1916) были переизданы в полном объеме Н. И. Милютенко (2006).¹⁸ В вопросе текстологического взаимоотношения крупнейших памятников цикла – «Сказания о Борисе и Глебе» и «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба» – превалирует точка зрения о приоритете «Чтения», которое большинство исследователей вслед за А. А. Шахматовым датируют 1080-ми гг. (Н. И. Милютенко, А. М. Ранчин, А. Н. Ужанков и др.), над «Сказанием», формирование текста которого относят ко второму десятилетию XII в.

ческие основы изучения летописных текстов: Повесть временных лет (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2019).

- 13 С. В. Цыб, *Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет»* 2-е изд., испр. (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2011).
- 14 Е. Г. Водолазкин, *Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеяного повествования XI–XV веков)* (München: Verlag Otto Sagner, 2000; 2-е изд., перераб. и доп. (Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2008).
- 15 Т. В. Гимон, *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси* (Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012).
- 16 А. Г. Бобров, *Новгородские летописи XV века* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001); Г. М. Прохоров, *Древнерусское летописание: взгляд в неповторимое* (Москва, Санкт-Петербург, Институт русской цивилизации: Издательство Олега Абышко, 2014), и др.
- 17 А. Н. Ужанков, «О времени канонизации и написания житий святых Бориса и Глеба» в А. Н. Ужанков, *Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков* (Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009), 97–164; А. Н. Ужанков, «Еще раз о времени канонизации и написания житий святых Бориса и Глеба» в А. Н. Ужанков, *Проблемы историографии и текстологии*, 167–196; А. М. Ранчин, *Памятники Борисоглебского цикла: текстология, поэтика, историко-культурный контекст* (Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2017).
- 18 *Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и подготовка текстов* Н. И. Милютенко (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2006).

Менее распространенной является датировка М. П. Погодина – С. А. Бугославского, относивших появление «Чтения» к началу XII в. (Ю. А. Артамонов, С. М. Михеев). После выхода в свет работы Б. А. Успенского¹⁹ возрос интерес к паримийным чтениям Борису и Глебу, появление протографа которых датируется либо серединой XI в. (Н. И. Милютенко, Н. Н. Невзорова),²⁰ либо началом XII в. (А. А. Гиппиус).²¹ Осуществляются сравнительно-исторические исследования Святовацлавского и Борисоглебского культов (М. Ю. Парамонова).²²

Среди исследований других памятников древнерусской письменности следует упомянуть работы, посвященные «Слову о Законе и Благодати» Илариона (А. Н. Ужанков),²³ «Житию Феодосия Печерского» (Ю. А. Артамонов, А. М. Ранчин, А. Н. Ужанков),²⁴ произведениям Владимира Мономаха (А. А. Гиппиус, М. Р. Ненарокова, А. С. Ищенко и др.),²⁵ а также труды, посвященные формированию культа

- 19 Б. А. Успенский, *Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси* (Москва: Языки русской культуры, 2000).
- 20 Н. И. Милютенко, «История сложения паримийного чтения Борису и Глебу» в *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 56, отв. ред. О. В. Творогов (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006), 121–145; Н. Н. Невзорова, «Паримии Борису и Глебу: опыт прочтения» в *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 56, 428–452.
- 21 А. А. Гиппиус, «“Летописные” паремийные чтения о Борисе и Глебе: история текста и исторический контекст» в *Факты и знаки. Исследования по семиотике истории*. Вып. 2, ред.: Б. А. Успенский, Ф. Б. Успенский (Москва: Издательство РГГУ, 2010), 42–71.
- 22 М. Ю. Парамонова, *Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов* (Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2003).
- 23 А. Н. Ужанков, «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского (Москва: Академика, 2014).
- 24 Ю. А. Артамонов, «Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения» в *Древнейшие государства Восточной Европы 2000*, отв. ред. Л. В. Столярова (Москва: Восточная литература, 2003), 173–277; А. М. Ранчин, «Житие Феодосия Печерского: традиционность и оригинальность поэтики» в А. М. Ранчин, *Вертоград Златословный*, 165–180; А. Н. Ужанков, «Житие Феодосия Печерского: к вопросу о датировке» в А. Н. Ужанков, *Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников*, 199–211.
- 25 А. А. Гиппиус, «Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. I», *Русский язык в научном освещении* 6, no. 2. (2003): 60–99; А. А. Гиппиус, «Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. II», *Русский язык в научном освещении* 8, no. 2. (2004): 146–171; А. А. Гиппиус, «Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. III», *Русский язык в научном освещении* 12, no. 2. (2006): 186–203; М. НЕНАРОКОВА, «Vladimir Monomakh's Instruction: An Old Russian Pedagogic Treatise в *What Nature Does Not Teach. Didactic Literature» in the Medieval and Early-Modern Period*. ed. J. F. Ruis (Turnhout: Brepols, 2008), 109–128; DOI: 10.1484/M.DISPUT-EB.3.3249; А. С. Ищенко, «Владимир Мономах

Владимира Святославича (Б. А. Успенский, Н. И. Милютенко, А. В. Назаренко)²⁶, фигура которого, как показывают материалы конференции, посвященной 1000-летию со дня его кончины (2015)²⁷, вызывает большой интерес исследователей.

Продолжаются исследования «Слова о полку Игореве»²⁸, дискуссия вокруг проблемы подлинности которого, инициированная в первой половине 1960-х гг., получила продолжение после публикации полного текста исследования ее инициатора А. А. Зимина (2006), вслед за французским исследователем А. Мазоном атрибутировавшего авторство «Слова...» духовному писателю XVIII столетия Иоиллю (Ивану) Быковскому,²⁹ и монографии А. А. Зализняка (2004), обосновавшего с лингвистической точки зрения атрибуцию «Слова» автору конца XII столетия и невозможность его фальсификации автором конца XVIII в.³⁰

Наряду с исследованиями отдельных памятников опубликованы общие исследования по истории древнерусской общественной мысли (Б. Н. Флоря, А. А. Турилов и др.).³¹

-
- в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность» (Ростов-на-Дону: Антей, 2014).
- 26 Б. А. Успенский, «Когда был канонизирован князь Владимир Святославич?» в Б. А. Успенский, *Историко-филологические очерки* (Москва: Языки славянских культур, 2004), 69–122; Н. И. Милютенко, *Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: древнейшие письменные источники* (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2008); А. В. Назаренко, *Князь Владимир Великий. Креститель, строитель, небесный охранитель Руси (опыт общедоступного научного изложения)* (Москва: Квадрига, 2020).
- 27 *Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы конференции в память 1000-летия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г.*, отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Назаренко (Москва, Вологда: Древности Севера, 2017).
- 28 А. Н. Ужанков. «Слово о полку Игореве» и его эпоха (Москва: Академика 2015; 2-е изд. Москва: Согласие, 2020); А. А. Бурькин, *Слово о полку Игореве. Текст, язык, автор* (Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2017); А. М. Ранчин, «Слово о полку Игореве». *Путеводитель* (Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019); С. Л. Николаев, «Слово о полку Игореве». *Реконструкция стихотворного текста* (Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020).
- 29 А. А. Зимин, *Слово о полку Игореве* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006).
- 30 А. А. Зализняк, «Слово о полку Игореве»: *взгляд лингвиста* (Москва: Языки славянских культур, 2004; 2-е изд. Москва: Языки славянских культур, 2007; 3-е изд., доп. Москва: Языки славянских культур, 2008).
- 31 Б. Н. Флоря, А. А. Турилов, «Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья» в *Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья*, отв. ред. Б. Н. Флоря (Москва: Рукописные памятники Древней Руси,

В целом, можно говорить о динамичном развитии историографии древнерусского историописания в первые два десятилетия XXI в., функционирующей как в рамках ранее сформулированных парадигм, так и за их пределами.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУСИ XI–XII ВВ.

Что касается историографии древнерусской государственности последних двух десятилетий, то она в значительной степени несет на себе отпечатки родовой, общинно-вечевой и феодальной парадигм развития древнерусского общества, сформировавшихся в XIX–XX вв., включая и некоторые стереотипы советской исторической науки. В справедливости подобного утверждения легко убедиться, обратившись к рассмотрению основных работ, появившихся в указанный период.

Так, концепция «родового сюзеренитета» Рюриковичей над Русской землей, разрабатывавшаяся с середины 1980-х гг. А. В. Назаренко в рамках модифицированного варианта родовой теории, обогащенного сравнительно-историческими параллелями между княжескими раздлами X–XI вв. на Руси, в Чехии и Польше и династическими раздлами империи Каролингов 806 и 817 гг.³², получила продолжение в его статье «Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации» (2000), где был развит тезис о том, что первоначальной формой правления в феодализирующихся обществах являлся «родовой сюзеренитет» (*corpus fratrum*), предусматривавший наделение уделами всех наследников на равных основаниях, а в процессе его развития в политическую практику был введен сеньорат в качестве компро-

2009), 31–80; В. Я. Петрухин, «Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа» в *Общественная мысль славянских народов*, 81–150; Б. Н. Флория, «Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.)» в *Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.)*, отв. ред. В. Н. Флория (Москва: Знак, 2012), 9–94.

32 А. В. НАЗАРЕНКО, «Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.)» в *Древнейшие государства на территории СССР, 1985*, отв. ред. А. П. Новосельцев. (Москва: Наука, 1986), 149–157.

мисса между наделением представителей правящего рода уделами и сохранением целостности государства. Первыми попытками такого рода исследователь счел предполагаемую десигнацию киевским князем Владимиром Святославичем одного из младших сыновей, Бориса, которая привела к братоубийственной междукняжеской войне 1015–1019 гг., а также завещательное распоряжение (ряд) Ярослава Мудрого о разделе городов с установлением приоритета «брата старейшего», приведенное в «Повести временных лет» под 1054 г.³³

Эта тенденция была продолжена А. В. Назаренко в цикле статей второй половины 2000-х гг., в которых исходные тезисы подверглись корректировке.³⁴ Изначально исследователь сближал ряд Ярослава с завещаниями чешского князя Бржетислава I (1054) и польского князя Болеслава III (1138), приведенными в хрониках Козьмы Пражского и Винцентия Кадлубка (продолжая сравнительно-историческую тенденцию, сложившуюся в дореволюционной историографии). В дальнейшем он пересмотрел данную точку зрения, отметив, что от завещаний Бржетислава I и Болеслава III ряд Ярослава отличает более мягкая форма сеньората,³⁵ предприняв попытку сблизить раздел 1054 г. с разделами франкских королей из династии Меровингов и обосновав предположение о том, что ряд Ярослава санкционировал не только приоритет княжившего в Киеве «старейшего брата» Изяслава Ярославича, но и «триумвират» старших братьев, получивших уделы на территории «Русской земли» в Среднем Поднепровье, который предусматривался рядом

33 А. В. Назаренко, «Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения)» в *Из истории русской культуры*. Т. 1 (Древняя Русь), сост. В. Я. Петрухин (Москва: Языки русской культуры, 2000), 500–519.

34 А. В. Назаренко, «Братское совладение, отчина, сеньорат (Династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте)» в *Древнейшие государства Восточной Европы 2005. Рюриковичи и российская государственность*, отв. ред. М. В. Бибииков, Е. А. Мельникова, В. Д. Назаров (Москва: Индрик, 2008), 132–179.; то же в А. В. Назаренко, *Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования): Древнейшие государства Восточной Европы 2007*, отв. ред. Е. А. Мельникова (Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009).

35 А. В. Назаренко, «Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые» в *Ярослав Мудрый и его эпоха*, отв. ред.: И. Н. Данилевский, Е. А. Мельникова (Москва: Индрик, 2008); То же в А. В. Назаренко, *Древняя Русь и славяне*, 10, 12–13, 28.

Ярослава в целях сохранения практики родового совладения.³⁶ Эта политическая структура повлияла на организацию древнерусской церкви в связи с организацией временных митрополий в Чернигове и Переяславле в конце 1060 – начале 1070-х гг.³⁷

С другой стороны, А. В. Назаренко выступил с критикой термина «триумвират»,³⁸ вошедшего в историографию со времени А. Е. Преснякова и характеризовавшего политический режим коллективного управления, функционировавший на Руси с середины 1050-х до того как в 1073 г. Изяслав Ярославич под давлением младших братьев, Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского, был вынужден оставить Киев и отправиться в Польшу, приурочив истоки кризиса в отношениях Ярославичей к концу 1060-х гг., когда Изяслав Ярославич был изгнан из Киева восставшими киевлянами после поражения от половцев на реке Альте (1068), а его братья подчинили Новгород и Владимир на Волыни.³⁹

Еще одним важным моментом в концепции междукняжеских отношений стала гипотеза А. В. Назаренко о попытке реформы сеньората, предпринятой Владимиром Мономахом для упрочения Киева за потомками своего старшего сына Мстислава Великого, которая опиралась на высказанное в 1851 г. М. П. Погодиным предположение о том, что двоюродные братья Мономаха (сыновья Святослава Черниговского, захватившего власть в Киеве в обход старшинства), были целенаправленно устранены от наследования власти в Киеве на Любечском съезде 1097 г. Подобная реформа, закрепленная в так называемом ряде Мономаха, о котором имеется упоминание под 1132 г. в Лаврентьевской летописи, по мнению А. В. Назаренко должна была ограничить династические интересы младших сыновей

36 А. В. НАЗАРЕНКО, «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии» в А. В. НАЗАРЕНКО, *Древняя Русь и славяне*, 33, 41, 44–45; то же в *Словения, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время)*. Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина, отв. ред.: В. Л. Янин, В. Д. Назаров (Москва: Языки славянских культур, 2010), 268–283.

37 А. В. НАЗАРЕНКО, «Митрополии Ярославичей во второй половине XI века», *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, по. 1 (2007): 85–103; то же в А. В. НАЗАРЕНКО, *Древняя Русь и славяне*, 207–245.

38 А. В. НАЗАРЕНКО, «“Ряд” Ярослава Мудрого в свете европейской типологии», 30–32.

39 А. В. НАЗАРЕНКО, «Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX – середина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований» в *Славно-германские исследования*. Т. 1-2., отв. ред.: А. А. Гугнин, А. В. Циммерлинг (Москва: Индрик, 2000), 35; То же в *Из истории русской культуры*. Т. 2. Кн. 1, сост.: А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский (Москва: Языки русской культуры, 2002), 285.

Мономах, послужив причиной династической борьбы 1132–1136 гг. в Южной Руси, вследствие которой Мономашичи в 1139 г. утратили монополию на власть в Киеве.⁴⁰

В процессе развития своей концепции А. В. Назаренко противопоставил родовые отношения внутри клана Рюриковичей феодальным отношениям на основе вассалитета-сюзеренитета за пределами княжеского рода (чем обусловлен его отказ в поздних работах от термина «родовой сюзеренитет», имеющего феодальный оттенок, в пользу нейтрального понятия «братское совладение»).

Несколько иной подход, который можно было бы обозначить как компромисс между конкурирующими в историографии теориями, представлен в монографии В. Я. Петрухина «Древняя Русь. Народ. Князь. Религия» (М., 2000), представляющей расширенный и дополненный вариант книги «Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков» (М., Смоленск, 1995). Среди ее многочисленных сюжетов необходимо обратить внимание на попытки реконструкции правовых основ функционирования княжеской власти, связанных с практикой заключения договора («ряда») между князьями и местным населением, которые прослеживаются от второй половины IX до первой трети XIII вв., позволяя выявить как фольклорные мотивы, так и сугубо юридические концепты составителей «Повести временных лет». Этим реконструкциям свойственен концептуальный эклектизм, который выражается в том, что признавая древнерусское общество феодализующимся, автор характеризует систему междукняжеских отношений в терминах родовой теории, не отрицая ни княжеско-дружинного вассалитета, являющегося одним из краеугольных камней феодальной теории, ни политической роли городских общин, характерной для теории общинно-вечевого быта. Систему междукняжеских отношений В. Я. Петрухин интерпретировал как противоборство двух политических моделей: коллективного родowego сюзеренитета (замененного принципом «отчинного» владения на Любечском съезде 1097) и единовластия по византийскому образцу, используя для его характеристики понятийный аппарат как советской, так и дореволюционной историографии (С. М. Соловьёв,

40 А. В. НАЗАРЕНКО, «Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы» в *Древнейшие государства Восточной Европы 2004: Политические институты Древней Руси*, отв. ред.: Т. В. Гимон, Е. А. Мельникова (Москва: Индрик, 2006), 278–291; то же в А. В. НАЗАРЕНКО, *Древняя Русь и славяне*, 88–102.

В. О. Ключевский, А. Е. Пресняков). Эта тенденция проявилась и при освещении проблем формирования древнерусских городов, как центров окняжения земель, при котором использовались как гипотеза о «лествичном восхождении» князей, являющаяся элементом родовой теории, так и гипотеза о «триумvirате» Киева, Чернигова и Переяславля, восходящая к сформулированной в 1951 г. концепции А. Н. Насонова о «Русской земле» в Среднем Поднепровье как историческом ядре древнерусского феодального государства.⁴¹

Более стройной в концептуальном отношении является монография М. Б. Свердлова «Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв.» (СПб., 2003, 2-е изд. СПб., 2021), продолжающая его исследования структуры древнерусского феодального строя 1980–1990-х гг. Первый этап развития древнерусской государственности автор определил как потестарный, на смену которому пришла раннефеодальная монархия середины X – первой трети XII вв., с оформившейся в XI в. разделением на сословия (духовенство, княжеская дружина, свободное и зависимое население).

Оформление раннефеодальной монархии было связано с реформами княгини Ольги и ее внука Владимира Святославича, сумевшими обеспечить создание единого Русского государства, несмотря на династические кризисы 970-х и 1010-х гг., связанные с междукняжеской борьбой Рюриковичей, обусловленной тенденцией к политической консолидации и утверждению единовластия с одной стороны, и тенденцией к установлению контроля над ключевыми городскими центрами путем их «окняжения» с другой, вступавшими в противоречие до тех пор, пока в первой половине XI в. не закрепилось представление о приоритете «старейшинства», наполненного феодально-иерархическим содержанием вассалитета-сюзеренитета, который был распространен и на базировавшиеся на пожаловании кормлений (аналогичных западноевропейским феодам и ленам) княжеско-дружинные отношения, на основе которых складывался административно-государственный аппарат, и на отношения представителей княжеского рода.

Противоречие между консолидационными и центробежными тенденциями в политике киевских князей было разрешено гипотезой о двухуровневой структуре власти, сохранявшей политическое

41 В. Я. ПЕТРУХИН, «Древняя Русь. Народ. Князь. Религия» в *Из истории русской культуры*. Т. 1 (Древняя Русь), 104–140, 167–207.

единство государства, при которой наделялись уделами братья великого князя-сюзерена (вслед за историографической традицией, заложенной Екатериной II в опубликованном в 1770 г. трактате «Антидот», М. Б. Свердлов отождествил их с апанажами, введенными в политическую практику французскими монархами из династии Капетингов).⁴² В целом, концепция М. Б. Свердлова с определенными коррективами следовала феодальной парадигме советской историографии, сложившейся во второй половине XX в., хотя нельзя не отметить стремления автора к выходу за рамки формационных стереотипов, в т. ч. посредством обращения к историографическим разработкам эпохи Просвещения и расширения ракурса исследования проблемы.

Разработку феодальной парадигмы в духе популярной в историографии второй половины XX в. концепции т. н. государственного феодализма, подразумевающего отождествление государствообразования и феодализации через установление верховной государственной собственности на землю и абсолютизацию роли дружинной корпорации в реализации этого процесса, продолжил А. А. Горский, обобщивший изданные в 1990-х гг. очерки в книге «Русь: От славянского Расселения до Московского царства» (М., 2004).

Среди них можно выделить очерки о развитии волостей-княжений Древнерусского государства («Русской земли» в широком географическом смысле), образовавшихся на рубеже X–XI вв. вокруг новых городских центров в результате «окняжения» земель, которые превратились в политически самостоятельные «земли» во второй четверти XII в. (что, в целом, соответствует периодизации раннефеодальной монархии и сменившей ее феодальной раздробленности в советской историографии 1950-х – 1980-х гг.);⁴³ критику марксистской характеристики древнерусского государства как «империи Рюриковичей», характерной для советских исследователей конца 1930-х – 1940-х гг. (Б. Д. Греков, С. В. Юшков, В. В. Мавродин и др.), которая получила продолжение у исследователей рубежа XX–

42 М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв.* (Санкт-Петербург: Гуманитарная академия, 2003), 83–567.

43 А. А. Горский, *Русь: От славянского Расселения до Московского царства* (Москва: Языки славянской культуры, 2004), 9–36, 81–95, 131–147; то же в А. А. Горский. «Земли и волости» в А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович, *Древняя Русь: Очерки политического и социального строя*, отв. ред.: А. А. Горский, В. А. Кучкин (Москва, Индрик, 2008), 9–32.

XXI вв. (В. П. Даркевич, В. Б. Перхавко и др.);⁴⁴ пересмотр тезиса о «переносе» политического центра Русского государства из Киева во Владимир на Клязьме после разграбления города войсками владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского в 1169 г. в обоснование гипотезы о снижении интереса владимирских князей к южнорусским делам во второй половине XII в., и т.д.⁴⁵

Изучению правовых аспектов наследования в Древней и Средневековой Руси посвящены работы С. А. Мельникова, в которых он рассматривает князей как верховных феодальных собственников земельных владений, передававшихся по наследству в соответствии с практикой обычного права.⁴⁶

В работах Л. В. Мининковой формирование вассально-сюзеренных отношений отнесено к IX–X вв. Распространение его среди представителей рода Рюриковичей связано с первым разделом княжений, осуществленным в 970 г. князем Святославом Игоревичем, а правовое оформление этого порядка – с «рядом» Ярослава Мудрого (1054). Отмечается укрепление вассально-сюзеренных отношений в княжеской и боярской среде в конце XI – первой трети XII вв. вследствие ослабления политической роли Киева. Л. В. Мининкова идет по пути сближения отношений социальной зависимости, сложившихся между князьями и дружиной в Киевской Руси и между рыцарями и титулованной знатью в Средневековой Европе в таких аспектах как добровольность установления службы за различные формы вознаграждения при соблюдении верности обеих сторон с поправками на региональную специфику этих явлений.⁴⁷

П. С. Стефанович, делая акцент на пересмотре сложившихся представлений о дружине и отказываясь от использовавшейся в советской историографии модели «старшей» и «младшей» дружи-

44 В. П. Даркевич, «Происхождение и развитие городов в Древней Руси (X–XIII вв.)», *Вопросы истории*, по. 10 (1994): 52, 56; В. Б. Перхавко, «Этнические, политические и конфессиональные особенности “империи Рюриковичей”» в *Ad fontem / У источника. Сборник статей в честь С. М. Каштанова*, отв. ред. С. О. Шмидт (Москва: Наука, 2005), 205–215.

45 А. А. Горский, «Русь», 116–121, 148–154.

46 С. А. Мельников, *Правовой режим наследования престола в Древней Руси IX – начала XVI вв.* (Москва: Информ-знание, 2009); то же в С. А. Мельников, *Историко-правовые факторы эволюции древнерусского государства IX–XV вв.* (Москва: Голден-Би, 2010).

47 Л. В. Мининкова, *Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси* (Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2008); Л. В. Мининкова, *Князь и дружина Древней Руси: исследование форм общественно-политических отношений раннего русского Средневековья* (Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018).

ны, счел, что этот полисемантический термин должен применяться для характеристики архаичных форм служебных взаимоотношений в предгосударственную эпоху, которые в XI–XII вв. сменяются более сложной социальной дифференциацией древнерусской элиты, отразившейся терминологическим многообразием в источниках. По мнению П. С. Стефановича, Домонгольская Русь не знала таких феодальных явлений как клятва верности или право отъезда в системе служебных взаимоотношений, формализация которых началась в XIII столетии и привела к появлению обязательной присяги и крестоцеловальной записи в Московском государстве XV в., которые исследователь сближает с клятвой верности в эпоху Каролингов.⁴⁸

Тенденция к пересмотру социальных функций древнерусского веча отражена в работах П. В. Лукина, который выступил против гипотез сторонников общинной парадигмы о вече как органе непосредственной демократии волостной общины полисного типа, сформулировав концепцию веча как собрания представителей городского населения, руководящую роль в котором играли представители боярской элиты. Исследователь сохранил характеристику политического строя Новгорода XII–XV вв. как боярской республики,⁴⁹ одним из разработчиков которой в исследованиях 1960-х – 1980-х гг. и в более поздних очерках по истории новгородской государственности, опубликованных в 2000-е гг., являлся В. Л. Янин.⁵⁰ О. В. Севастьянова, пересмотрев концепцию взаимоотношений великих князей с Новгородом в XII–XV вв., напротив, отказалась от характеристики Новгорода как самостоятельной республики, заменив ее характеристикой привилегированного великокняжеского города.⁵¹

Общинная парадигма социально-политического развития получила развитие в трудах И. Я. Фроянова, концепция которого, сфор-

48 П. С. Стефанович, «Князь и бояре: клятва верности и право отъезда» в *Древняя Русь: Очерки политического и социального строя*, 148–269; П. С. Стефанович, *Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках* (Москва: Индрик, 2012).

49 П. В. Лукин, «Вече: социальный состав» в *Древняя Русь: Очерки политического и социального строя*, 33–107; П. В. Лукин, *Новгородское вече* (Москва: Индрик, 2014; 2-е изд., Москва: Академический проект, 2018).

50 В. Л. Янин, *Новгородские посадники*, 2-е изд., перераб. и доп. (Москва: Языки славянской культуры, 2003, 3-е изд. Москва: Академический проект, 2017); В. Л. Янин, *Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории* (Москва: Наука, 2004); В. Л. Янин, *Очерки истории средневекового Новгорода* (Москва: Языки славянских культур, 2008, 2-е изд., перераб. и доп., Москва: Русский Мир, 2013).

51 О. В. Севастьянова, *Древний Новгород: новгородско-княжеские отношения в XII – первой половине XV в.* (Москва, Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2011).

мировавшаяся в середине 1960-х – середине 1990-х гг., восходила, с одной стороны, к представлениям об общинно-вечевом характере общественного строя, сформулированным в дореволюционной историографии второй половины XIX в. (Н. И. Костомаров, И. Д. Беляев, В. И. Сергеевич и др.), а с другой стороны, к представлениям о дофеодальном периоде, сформулированным в советской историографии 1930–1960-х гг., которые охарактеризованы исследователем в монографиях 1970-х гг. как эпоха «общинности без первобытности», при отрицании крупного феодального землевладения как основы общественного строя в пользу представления о многоукладной экономике и внеземельных (дофеодальных) пожалованиях.⁵²

В монографиях 1980–1990-х гг., посвященных изучению политической структуры древнерусских городов-государств, возникших из «суперсоюза» восточнославянских племен на рубеже X–XI вв. и возглавляемых князьями из рода Рюриковичей, находившимися на службе волостных вечевых общин, И. Я. Фроянов подчеркивал доклассовый характер социальных отношений, которые были архайзиррованы за счет привлечения данных антропологии (Дж. Фрэзер и др.),⁵³ что отразилось на авторской интерпретации фактов общественно-политической борьбы. Из поздних работ И. Я. Фроянова следует упомянуть публикацию кандидатской диссертации по категориям зависимого населения (защищена в 1966)⁵⁴ и публикацию лекционного курса по истории Киевской Руси, читавшегося в Санкт-

52 И. Я. Фроянов, *Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974); И. Я. Фроянов, *Киевская Русь. Очерки социально-политической истории* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1980); то же в И. Я. Фроянов, *Начала русской истории. Избранное* (Москва: Парад, 2001).

53 И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко, *Города-государства Древней Руси* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1988); И. Я. Фроянов, *Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы IX–XIII столетий* (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992); И. Я. Фроянов, *Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.)* (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996); И. Я. Фроянов, *Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы* (Москва, Санкт-Петербург: Златоуст, 1995, 2-е изд. Москва: Академический проект, 2021); то же в качестве учебного пособия с расширенным справочным аппаратом в И. Я. Фроянов, *Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть* (Москва: Русский издательский центр, 2012, 2-е изд. Москва: Русский издательский центр, 2014, 3-е изд. Москва: Русский издательский центр, 2018).

54 И. Я. Фроянов, *Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды)* (Санкт-Петербург: Астерион, 2010).

Петербургом государственном университете⁵⁵, где суммируются его наблюдения над конкретно-историческим материалом IX–XIII вв.

На рубеже XX–XXI вв. эта историографическая тенденция получила развитие в работах последователей И. Я. Фроянова, посвященных изучению общинно-вечевого строя XI–XV вв. в Галицко-Волынской земле (А. В. Майоров), Муромо-Рязанской земле (М. В. Кривошеев), Новгородской земле (А. В. Петров), Псковской земле (А. В. Валеров), Киевской земле (Д. М. Котышев)⁵⁶ с определенными концептуальными вариациями.

Так, В. В. Пузанов, сохранив данную И. Я. Фрояновым характеристику начального этапа развития древнерусской государственности как «суперсоюза» племен, модифицировал представления о политическом развитии сменивших их в XI в. городов-государств, предположив, что они представляли собой федерации сложного типа, в которых от центральных городов-государств «Русской земли» в Среднем Поднепровье зависели периферийные города.⁵⁷ К представлению о федеративном характере территориально-политической структуры, состоявшей из корпораций, образованных в XII в. жителями кварталов («концов» и «сторон»), пришел А. В. Петров, объяснивший их соперничеством природу внутриобщинных столкновений в Новгороде.⁵⁸

55 И. Я. Фроянов, *Лекции по русской истории. Киевская Русь* (Санкт-Петербург: Русская коллекция, 2015).

56 А. В. МАЙОРОВ, *Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община* (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001); М. В. КРИВОШЕЕВ, *Муромо-Рязанская земля. Очерк социально-политической истории XI – начала XIII вв. по материалам повестей* (Гатчина: Издательство Салезианского центра Дон Боско, 2003); А. В. ПЕТРОВ, *От язычества к святой Руси: Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечевого уклада* (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2003); А. В. ВАЛЕРОВ, *Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XV вв.* (Санкт-Петербург: Алетейя, 2004, 2-е изд., Санкт-Петербург: Алетейя, 2017); Д. М. КОТЫШЕВ, *От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье IX–XII вв.* (Москва: Центрполиграф, 2019). К этой же группе исследований относится монография А. Ю. Дворниченко, *Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв.* (Москва: Весь мир, 2013), защищенная в качестве кандидатской диссертации в 1983 г.

57 В. В. Пузанов, *Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты* (Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2007), 202–204, 352–358; то же в дополненном издании: В. В. Пузанов, *От праславян к Руси: становление древнерусского государства (факторы и образы политогенеза)* (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2017), 237–287, 394–405.

58 А. В. ПЕТРОВ, *От язычества к святой Руси*, 141–160.

А. Ю. Дворниченко и Д. М. Котышев пересмотрели начальный этап генезиса древнерусской государственности в X–XI вв., охарактеризовав его не как «суперсоюз» племен, а как «вождество». ⁵⁹ Следствием смещения фокуса внимания с коллективного фактора консолидации на консолидирующую функцию власти князей из рода Рюриковичей стало сближение общинно-вечевой теории с концепцией «родового сюзеренитета» в трактовке А. В. Назаренко. ⁶⁰

В развитие наблюдений А. В. Назаренко о сеньорате как заключительном этапе развития «родового сюзеренитета» Д. А. Боровков, осуществив текстологический анализ фрагментов «Повести временных лет» с упоминанием приоритета «старейшинства», пришел к выводу о вторичности этих упоминаний в летописных статьях 988, 1015, 1026, 1054, 1078 гг., отнеся их появление к последней трети XI – началу XII вв., когда декларирование приоритета «старейшинства» соответствовало легитимному порядку замещения киевского стола, сложившемуся после заключения мирного договора между Изяславом и Всеволодом Ярославичами в 1077 г. при поддержке Киево-Печерского монастыря и сохранявшемуся до вокняжения в Киеве в 1113 г. Владимира Мономаха. ⁶¹

Таким образом, представления о социально-политических основах древнерусской государственности в российской историографии 2000-х – 2010-х гг. развиваются в рамках историографических парадигм, сложившихся в дореволюционный и советский период, хотя нельзя не отметить наличие тенденций к их преодолению путем расширения возможностей источниковедческого синтеза и попыток внеконцептуальной интерпретации источникового материала.

59 А. Ю. Дворниченко, «О восточнославянском политогенезе в VI–X вв.» в *Rossica Antiqua 2006. Исследования и материалы*, отв. ред.: А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006), 184–195; А. Ю. Дворниченко, *Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Учебное пособие* (Москва: Весь мир, 2010), 101–131; Д. М. Котышев, *От Русской земли к земле Киевской*, 40, 78.

60 Д. М. Котышев, *От Русской земли к земле Киевской*, 92–105.

61 Д. А. Боровков, *Междукняжеские отношения на Руси конца X – первой четверти XII вв. и их репрезентация в источниках и историографии* (Санкт-Петербург: Алетейя, 2015; 2-е изд. Санкт-Петербург: Алетейя, 2016; 3-е изд.: *Междукняжеские отношения на Руси. Конец X – первая четверть XII вв.*, Москва: Центрполиграф, 2021).

В. В. ПОЛИТОВ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЭПОХИ
ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ РУСИ (2000–2020)¹**

**MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE ERA OF THE
TATAR-MONGOL CONQUEST OF RUSSIA (2000–2020)**

This article is devoted to the analysis of historiography of one of the most dramatic periods in the history of Russia – the period of Horde dependence. It presents modern domestic historiography in the period 2000–2020, during which there has been a great accumulation of ideas on a variety of issues, chiefly the interpretation of the term “yoke” as debated in the scientific community and the consequences of its influence on the socio-political institutions of the Russian principalities. The article highlights the modern works of historians distinguished, on the one hand, by the continuity of experience accumulated by the Marxist school, and on the other hand, by innovative approaches and new conclusions that refute the seemingly established canonical interpretations of the role of the Mongolian element in the works of Soviet classics. Regional historiography is also shown, among which the Kazan school plays a special role. The latter often pays increased, and sometimes exaggerated attention to the role of Horde domination in the formation of the Moscow centralized state, the legitimation of the power of Russian princes and the emergence of the title “tsar” and other institutions.

Keywords: Mongol-Tatar yoke, historiography of Horde dependence, Anton Gorskii, Vadim Trepavlov, Iurii Seleznev.

Vitalii V. Politov - Candidate of Historical Sciences (CSc), School No. 1517 in Moscow. E-mail: vita-politov@yandex.ru

1 *Citation:* В. В. Политов, “Sovremennaia rossiiskaia istoriografiia epokhi tataro-mongol'skogo zavoevania Rusi (2000–2020)” [Modern Russian Historiography of the Era of the Tatar-Mongol Conquest of Russia (2000–2020)], *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 135–152. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.17

Современная историография истории Руси периода ордынского владычества отличается наличием условно четырех направлений, которые мы можем идентифицировать скорее по географическому фактору, чем по научной традиции. Это московское, Санкт-Петербургское, Казанское и региональное. Казанское направление историографии в силу ее этнического аспекта и контекста можно также охарактеризовать как национальное. Хронологические рамки ордынского отрезка русской истории мы определяем от 1237 г. – времени ордынского нашествия на Русь, и до 1480 г. – года окончательного падения ордынского ига, хотя необходимо признать, что эти даты тоже условны.

Ключевой темой всей историографии на отрезке 1237-1480 гг. является тема ордынской зависимости. Попытка исследователей изучать частные вопросы: устройство власти, культурные особенности Руси, борьба с нашествием северных крестоносцев и др., в любом случае натывается на краеугольный камень русско-ордынских отношений, длившихся на протяжении как минимум двух с половиной столетий. Поэтому в данном разделе внимание уделено историографии так называемого монголо-татарского ига и его последствиях для социально-политической истории Руси. Проанализировав историографию 2000-2020 гг. необходимо отметить, что за данный период накоплено большое количество научных трудов, имеющих значительный разброс во взглядах на ту или иную проблему. Это и не удивительно, так как ключевые вопросы данной темы вызывают большой резонанс: термин «иго», временные рамки существования ордынской зависимости, степень ее влияния на быт, нравы, культуру, экономику, титулатуру русских князей, последствия ордынской зависимости для формирования централизованного Московского государства и др.

Особенностью современной российской историографии татаро-монгольского завоевания является появление большого количества разнообразных концепций ученых, что было связано с крушением идеологических схем марксистской школы, которые препятствовали появлению инакомыслия и отходу от «руководящей» линии партии. На смену формационному подходу к объяснению исторических фактов пришла либерализация во всех областях знаний, что часто приводит к другой крайности – отрицанию всех наработок марксистской школы и того весомого вклада советских

ученых, который стал твердой основой для дальнейшей разработки поставленного вопроса².

Попытки найти новые схемы истолкования исторических процессов применительно к нашей теме в целом необходимо признать довольно успешными, так как на современном этапе появились труды исследователей, внесших определенный вклад в развитие вопроса о рецепции монгольских институтов на Руси. Концепции некоторых историков по-прежнему опираются на фундамент марксистской традиции. Но появились и новаторские подходы, что нашло свое отражение в применении и изучении новых методологических схем: палеографические исследования, геофизический анализ почв, реконструкция климатических условий и ландшафта в эпоху ордынского ига, текстологические и количественные исследования и т.д.

Постмарксистская эпоха характеризуется в отечественной историографии отсутствием единства и поиском новых форм в методологии, способных заменить отход от марксистских исторических схем без потери качества научных исследований; возрождением тех исторических концепций, которые были отвергнуты марксистской историографией; обращением к достижениям мировой исторической науки и гуманитарного знания последних 40-50 лет³.

Московское направление в силу объективных причин представлено наибольшим количеством историков, которые занимаются вопросами истории Руси в ордынское время: А. А. Горский, В. В. Трепавлов, Н. С. Борисов, П. В. Лукин, В. А. Кучкин, Н. А. Макаров и др. Вопросу о степени рецепции ордынских институтов на Руси уделит особое место в своих многочисленных монографиях и статьях В. В. Трепавлов (р. 1960). Он рассматривает русские северо-восточные земли как вассальные, включенные в империю Чингис-хана на положении «русского улуса». Но главная мысль историка сводится к тому, что Северо-Восточная Русь входила в состав Золотой Орды не как отдельный улус, а всего лишь как плательщик выхода, управляемый на основании жалованных ярлыков, без непосредственного контроля ханской администрации. В. В. Трепавлов также отмечает

2 В. В. Политов, *Отечественная историография влияния монгольского ига на политические институты Северо-Восточной Руси. Автореф. дисс. канд. ист. наук.* (Москва: 6/и, 2017), 14–16.

3 К. А. Соловьев, *Дело власти: отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX-перв. пол. XV вв.)*. (Москва: МАКС-пресс, 2001), 12.

имитацию старого степного института соправительства среди русских правителей, где у каждого из двух соправителей-кочевников были своя территория («крыло»), двор (аналог правительства), особый титул, автономия в решении внутренних и внешних вопросов⁴. Из анализа русских летописей историк заметил, что ордынский правитель на протяжении XIII-XV в. воспринимался как абсолютно законный государь, стоящий на иерархической лестнице выше всех разномастных великих и удельных князей⁵. Последняя мысль В. В. Трепавлова нашла сторонников в лице А. А. Горского, Д. М. Котышева, И. И. Измайлова и др.

А. А. Горский (р. 1959) в монографии «Москва и Орда» (М., 2000) оспаривает устоявшиеся в историографии стереотипы, касающиеся, например, борьбы тверских князей с Ордой, решающей роли Ивана Калиты в становлении Московского государства, датировки окончания «ига» и др.⁶ Он также прослеживает эволюцию употребления царского титула в памятниках письменности. По мнению А. А. Горского термин «царь» обозначал византийского императора, а после падения Византии (1204 г.) значение термина «царь» перешло от императора Византии на монгольского хана. Последний рассматривался как законный сюзерен русских земель и его титул «царь» был выше титула «великих князей»⁷. Легитимация власти ордынских ханов, по мнению ученого, подтверждается тем, что большинство восстаний в Северо-Восточной Руси имели своей причиной не сопротивление завоевателям, а борьбу за власть как между русскими княжескими группировками, так и внутри Орды⁸. Большую роль в освобождении от ордынской зависимости А. А. Горский видит в преодолении русским народом представления о легитимности ордынской власти на Руси⁹.

А. А. Горский, как и В. В. Трепавлов, считает, что не существует однозначного ответа на вопрос: положительное или отрицательное было влияние ордынского ига? Если рассматривать проблему со стороны Орды, то правильнее говорить о «системе властования

4 В. В. Трепавлов, *Золотая Орда в XIV столетии*. (Москва: Квадрига, 2010).

5 А. А. Горский, *Москва и Орда*. (Москва: Наука, 2001), 14.

6 А. А. Горский, *Русское Средневековье* (Москва: Астрель, 2009), 163.

7 Горский, *Москва и Орда*, 57.

8 А. А. Горский, *Средневековая Русь. О чем говорят источники*. (Москва: Ломоносов, 2016), 127–128.

9 Горский, *Средневековая Русь*, 169.

ния над русскими землями», а если смотреть на проблему со стороны Руси, то уместнее говорить о «системе зависимости русских земель»¹⁰. Историк считает ошибочным приписывать татаро-монголам заслугу в объединении русских земель, так как осознанное стремление русских земель к централизации началось только с конца XIV столетия¹¹. В данном случае А. А. Горский продолжает концепцию советских историков А. Н. Насонова и Б. Д. Грекова, которые видели лишь отрицательную роль монголо-татар в централизации Северо-Восточной Руси.

В 2019 году вышел историко-терминологический справочник А. А. Горского «Русское средневековое общество», в который включены статьи о русских средневековых терминах, имеющих отношение к общественному устройству. Среди них представлены социальные слои и категории населения, названия земельных владений, подати, территориальные единицы, титулы правителей с указанием источников, в которых эти термины встречаются, что представляет особую ценность. Данные термины хронологически относятся к периоду до конца XIV столетия, а некоторые (бельщик, властель, осмичее, езд, вязебное, промыта, руга, туска, чадь, хоженое и др.) являются довольно затруднительными для толкования¹². Своеобразным итогом деятельности А. А. Горского стала книга «Бесщисленныя рати и великыя труды», объединяющая как опубликованные, так и неопубликованные работы, в которых преобладают проблемы политической, социально-экономической истории и источниковедения, рассматривается процесс роста владений московских князей в конце XIII–XV вв.¹³

Н. С. Борисов выпустил целый ряд биографий русских князей в научно-популярной серии ЖЗЛ: Иван III (2000), Дмитрий Донской (2014), Михаил Тверской (2017), Василий Темный (2020). Для работ Н. С. Борисова характерен глубокий историософский анализ каждой биографии, поиск значения каждой личности для русской средневековой истории, большой акцент не на текстологическом анализе упоминаний об определенных событиях, а попытка осмыслить уже

10 Горский, *Средневековая Русь*, 119–120.

11 Горский, *Средневековая Русь*, 180.

12 А. А. Горский, *Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник* (Санкт-Петербург: ИЦ Института российской истории РАН, 2019).

13 А. А. Горский, *«Бесщисленныя рати и великыя труды...»: проблемы русской истории X–XV вв.* (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2018).

устоявшиеся исторические факты через призму философского и культурологического исследования.

Философ и историк-востоковед Э. С. Кульпин (1939–2015) был новатором школы социоестественной истории, которая с новых позиций рассматривала проблемы, связанные с татаро-монгольским «игом»¹⁴. После падения Золотой Орды, полагал историк, новым системообразующим этносом стал русский, но Русь не приняла от Орды ни казны, ни налаженной системы управления государством¹⁵. Северо-Восточная Русь к моменту падения Золотой Орды находилась на пороге социально-экологического кризиса природы и социума, как считает Э. С. Кульпин. Ее культурные, экономические, информационные и природные потенциалы к моменту создания империи были намного слабее, чем у Золотой Орды до «Великой замятни». Он также отмечал аграрную перенаселенность (дефицит земли, лесов, зверя, меда, рыбы)¹⁶. Необходимо отметить, что Э. С. Кульпин трезво относился к своим смелым и новаторским выводам о влиянии ига на эколого-социальные последствия для Руси. Он осознавал высокую степень гипотетичности этих умозаключений, подтверждение правильности которых зависело от дальнейшей разработки вопросов в рамках изучения социоестественной истории.

В 2000 г. вышла статья В. А. Кучкина (р. 1933), рассматривающая влияние монголо-татарского владычества на развитие русской культуры. Историк отмечает, прежде всего, изменение географического пространства существования русской культуры. Нашествие, по мнению ученого, вызвало сужение территории, в рамках которой могла развиваться русская средневековая культура вследствие того, что древнерусское население уходило на запад, север и северо-восток¹⁷. Историк отмечает также, что кризисные явления

14 Социоестественная история (СЕИ) – научная дисциплина на стыке гуманитарных и естественных наук. Она исследует взаимодействие природы и общества. Ключевым словом здесь является «взаимодействие», т.е. процесс, в котором имеет место прямая и обратная связь. Прямая и обратная связь во взаимодействии человека и природы проявляется прежде всего в хозяйственной деятельности человека, в технике и технологии.

15 Э. С. Кульпин, «Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южнорусских степей в XIII–XV веках)», *Общественные науки и современность*, по. 3 (2001): 86–87.

16 Э. С. Кульпин, *Русь между Западом и Востоком* (Москва: Буква С, 2001), 206.

17 В. А. Кучкин, «Монголо-татарское иго и судьбы культуры средневековой Руси» в *Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова*, ред. А. Н. Боханов (Москва: Б/и, 2000), 97.

привели не только к сужению пространства, но и к структурным изменениям в нем, что выразилось в упадке старых и росте новых политических центров¹⁸. В. А. Кучкин отмечает, что иноземное «иго» привело к созданию новых социальных институтов и к существенному изменению старых: баскаков заменили числяки, ордынцы и делюи, о которых одним из первых упоминал В. И. Сергеевич¹⁹. В. А. Кучкин заметил также изменения в духовной культуре: исчезли захоронения в курганах и сопках после нашествия. Им на смену приходят грунтовые могильники, где усопших хоронят по христианскому обряду²⁰. В. А. Кучкин отмечает пресечение летописания после нашествия в Киеве, Чернигове, Переяславле Южном и Переславле Залесском. Отличием новой летописной традиции, по мнению историка, стало исчезновение широкого политического горизонта домонгольской поры, отсутствие материала о событиях в других русских княжествах, сухость и лаконичность статей, смещение идеалов общества от монашеского отречения в сторону воинского подвига и гибели за веру²¹. Последнюю тенденцию более подробно исследовал В. Н. Рудаков²².

Изучения политической структуры Древнерусского государства в условиях взаимоотношений с Золотой Ордой касался в своих работах К. А. Соловьев. Суть этих преобразований он пытался вывести на основании двух принципиальных вопросов применительно к событиям середины XIII–XIV вв. Первый – в какой мере можно считать власть Орды легитимной, то есть признанной населением русских земель? Второй – что нового внесло ордынское иго во властные отношения, действовавшие на Руси ко времени вторжения войск Батые? Вопрос легитимации ордынской власти в отечественной историографии, как отметил К. А. Соловьев, ставился редко, а если это случалось (М. Ф. Владимирский-Буданов, А. Л. Хорошкевич), то ответ на него был отрицательным. Подобный подход является непопулярным у современных исследователей, так как последние считают ордынскую власть полностью легитимной в глазах древнерусского населения – А. А. Горский, В. В. Трепавлов, Ю. А. Кривошеев,

18 В. А. Кучкин, «Монголо-татарское иго», 98.

19 В. А. Кучкин, «Монголо-татарское иго», 99.

20 В. А. Кучкин, «Монголо-татарское иго», 100.

21 В. А. Кучкин, «Монголо-татарское иго», 101–102.

22 В. Н. Рудаков, *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.* (Москва: Квадрига, 2017).

Ю. В. Селезнев, Н. С. Борисов и др. Главными доводами в поддержку собственной точки зрения К. А. Соловьев выдвигает тезисы, очень схожие с теми, что обозначил веком ранее С. М. Соловьев. Суть их сводится к тому, что номинальная власть Орды практически не сказалась на эволюции властных отношений на Руси, следовательно легитимность самой Орды была близка к нулю, а легитимность князей определялась внутренними причинами и теми тенденциями, которые сложились в доордынский период²³.

Терминологическое исследование понятия «иго» провел В. Н. Рудаков (р. 1972). Он утверждает, что термин «иго» не вполне отражает всей гаммы русско-ордынских отношений середины XIII–XV вв. Историк считает правильным говорить не о вассальной (договорной) зависимости от Орды, а о министеральной – основанной на безусловном и прямом подчинении русских князей Орде, хотя формы этого подчинения претерпевали существенные изменения²⁴. Проведя текстологический анализ древнерусской литературы середины XIII–XV вв. В. Н. Рудаков смог выявить эволюцию восприятия древнерусскими книжниками ордынской зависимости. Если в XIII-перв. пол. XIV вв. русские летописцы воспринимали татар как «Божью кару» в духе смирения и непротивления легитимной власти хана, то в произведениях конца XIV–XV вв. монголо-татары воспринимаются как безбожные разорители христианства, борьба с которыми оправдана и священна со стороны отважных защитников Русской земли²⁵.

Оригинальную точку зрения на рецепцию политических институтов русского и ордынского государств высказал историк-этнолог Ю. М. Кобищанов (р. 1934). По его мнению, ордынские кочевники не могли привнести на земледельческую Русь своих институтов, а наоборот находились под ее влиянием. Он строго разделяет ордынскую аристократию и кочевников. Аристократия, по его мнению, заимствовала на подконтрольных русских землях такие институты, как дворы огланов, даруг, ямскую службу и др.²⁶

23 К. А. Соловьев, *Дело власти*, 152.

24 В. Н. Рудаков, «Концепция ордынского “ига” и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII – XVI веков», *Вестник МГИМО-Университета*, no. 4 (2012): 27. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-4-25-24-32

25 В. Н. Рудаков, *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. 3-е изд.*, (Москва: Квадрига, 2017), 174–176.

26 Ю. М. Кобищанов, *Очерки истории исламской цивилизации: В 2-х томах. Т. 2.* (Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008), 89.

Т. В. Черникова (р. 1961) подчеркивает в своем исследовании, что несмотря на зарождение основ государственно-вотчинного уклада во Владимиро-Суздальском княжестве в XII-начале XIII в., о чем упоминали историки государственной школы, столбовой дорогой внутреннего развития Северо-Восточной Руси он стал лишь под внешним воздействием Золотой Орды. К последствиям ордынского владычества историк относит также исчезновение древнерусских вечевых и дружинных традиций ограничения княжеской власти, усиление деспотизма русских князей и углубление внутреннего социокультурного раскола русского мира, что выразилось в контрасте юго-западных и северо-восточных русских земель²⁷.

Историография нашего периода была бы неполной, без упоминания исследований ближайшего соседа Руси – Великого княжества Литовского и особенностях его существования в ордынскую эпоху. Здесь нужно упомянуть монографию С. В. Полехова «Наследники Витовта», которая посвящена социально-политической истории Великого княжества Литовского в 1430–1440-е гг., драматическим выражением которой стала гражданская война Сегизмунда Кейстутовича и Свидригайло Ольгердовича²⁸.

Санкт-Петербургское направление историографии вопроса татари-монгольского завоевания Руси представлено такими исследователями, как И. Я. Фроянов, А. В. Кривошеев, А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров, Д. Г. Хрусталеv и др.

Последняя работа И. Я. Фроянова «Нашествие на русскую историю» является своеобразным историографическим обзором трудов и концепций ордынского периода в истории России. Часть монографии построена на анализе отношения историков и писателей к трудам Л. Н. Гумилева, которые традиционно обладали большим общественно-научным резонансом. Он анализирует концепцию со-циоестественной истории Э. С. Кульпина, теорию этногенеза Л. Н. Гумилева, взгляд на проблематику русско-ордынских отношений А. А. Горского, Ю. В. Кривошеева, А. В. Майорова и др. Отдельным пунктом выделены концепции так называемых «оборонцев», представителей советской исторической школы, которые полемизируют

27 Т. В. Черникова, *Европеизация России во второй пол. XV-XVI вв.* (Москва: МГИМО-Университет, 2012), 42.

28 С. В. Полехов, *Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века.* (Москва: Индрик, 2015).

вали с Л. Н. Гумилевым в его взгляде на «иго» (А. Г. Кузьмин, В. А. Кучкин, П. П. Толочко и др.). Одновременно приводятся мнения писателей и ученых, поддержавших точку зрения Л. Н. Гумилева: Б. Л. Васильев, В. В. Кожин, Р. Ю. Почекаев.

И. Я. Фроянов подверг критике И. Н. Данилевского, который нивелирует значение Александра Невского в истории России²⁹. Корни «обеления» истории монголо-татарского ига И. Я. Фроянов видит и в художественном восприятии истории Л. Н. Гумилевым, оказавшем и оказывающим влияние на умы современных исследователей и обывателей³⁰. И. Я. Фроянов критически воспринял точку зрения А. А. Горского о том, что власть Орды считалась царской и имела ранг выше, чем власть русских князей³¹. В то же время историк солидарен с мыслью А. А. Горского о значительном воздействии ига на политическую систему Руси, что объясняется усилением обособленности русских земель и путей их развития³². В то же время, попытки И. Я. Фроянова дать политическую оценку взглядов историков уводят исследователя из научного поля в область тенденциозной публицистики.

В последнее время большое количество работ по монголо-татарской проблематике было написано учеником И. Я. Фроянова Ю. В. Кривошеевым (р. 1955). На основании ряда доводов Ю. В. Кривошеев пытается обосновать тезис о том, что на Руси так и не сложилось системы властвования ордынцев, а их влияние на Русь он считает минимальным. Ю. В. Кривошеев солидарен с В. В. Трепавловым, А. А. Горским, Т. Д. Скрынниковой в том, что эксплуатация не затрагивала экономических и социальных структур земледельцев и не объединяла их с номадами в одну структуру. Н. Н. Крадин (р. 1962) определял такие взаимоотношения Руси и Орды как «дистанционную эксплуатацию» – особый тип экзоплуатации, отличный от данничества, при котором земледельческая цивилизация не входит в состав кочевой империи.

Ю. В. Кривошеев отмечает, что на современном этапе традиционная парадигма русско-ордынских отношений пересматривается или критически уточняется в трудах А. А. Горского, К. А. Аверьянова,

29 И. Я. Фроянов, *Нашествие на русскую историю* (Санкт-Петербург: Русская коллекция, 2020), 20.

30 Фроянов, *Нашествие на русскую историю*, 22.

31 Фроянов, *Нашествие на русскую историю*, 996.

32 Фроянов, *Нашествие на русскую историю*, 1014.

Д. Г. Хрусталева³³. В последнее время, как считает историк, рушится последний бастион сторонников радикальных изменений на Руси вследствие ига – археологические раскопки³⁴.

Тему экономического воздействия Орды, и, в частности, изменений в сфере торговли затронул Д. Г. Хрусталева (р. 1973). Во взглядах историка прослеживается параллель-синтез с исследованиями в этой области Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского, которые, как и он, отмечали не только переориентацию торговых связей, но и их сокращение³⁵. Трансформация структуры повседневности, по мнению историка, проявилась значительно позже нашествия³⁶. Здесь он близок к концепции «отложенного действия», о которой упоминал американский ученый Д. Островски. Важно отметить, что в вопросах влияния Орды на русские социально-политические институты Д. Г. Хрусталева скорее более солидарен со своими московскими коллегами, чем представителями школы И. Я. Фроянова, относящих появление многих институтов на домонгольский период.

Д. Г. Хрусталева говорит о плохой разработанности в отечественной литературе вопроса о русско-немецком противостоянии в Прибалтике в XII–XIII в. Причем особо такой контраст выделяется на фоне многочисленной литературы об Александре Невском. Автор, отдавая дань значимости победы на Неве, в тоже время отмечает, что она никак не отразилась на событиях в Ливонии. Но ничуть не меньшее значение имели захват крестоносцами Юрьева в 1224 г. и Раковорская битва 1268 г., которая застолбила за немцами право на земли к Западу от Чудского озера³⁷. Ученый также делает акцент на необходимости изменения понятийного аппарата – терминологии: термины «крестоносная агрессия» и «колонизаторы» он предлагает заменить на «борьбу за сферы влияния» как более точно отражающую положение дел с обеих сторон – русской и немецкой³⁸. Автор также отмечает другую тему, едва затронутую в отечественной

33 Кривошеев, *Русь и монголы*, 408.

34 Н. А. Макаров, *Русь в XIII веке: характер культурных изменений в Русь в XIII веке: древности темного времени*, ред. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов (Москва: Наука, 2003), 7.

35 Д. Г. Хрусталева, *Русь и монгольское нашествие (20–50 гг. XIII в.)* (Санкт-Петербург: Евразия, 2013), 298–299.

36 Хрусталева, *Русь и монгольское нашествие*, 300.

37 Д. Г. Хрусталева, *Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв.* (Санкт-Петербург: Евразия, 2019), 543–544.

38 Д. Г. Хрусталева, *Северные крестоносцы*, 545.

историографии – влияние русско-немецкого противостояния на внутренние процессы в Новгороде и в целом на Руси. Это влияние выразилось, помимо прочего, в росте светской власти Новгородского архиепископа, который по своему статусу стал напоминать положение архиепископа Рижского в Ливонской конфедерации³⁹.

Влиянию ордынского владычества на юридические институты на современном этапе уделяет значительное место Р. Ю. Почекаев (р. 1977), который исследовал право Золотой Орды, в том числе и по отношению к Северо-Восточной Руси. Он обратил внимание на усиление церковной власти под действием правовой силы ордынских ярлыков, выдаваемых русским митрополитам⁴⁰. Важно заметить, какие именно церковные социальные слои освобождались от «выхода». Ответ на этот вопрос попытался дать И. В. Белозеров, который пришел к выводу о том, что от уплаты податей были освобождены именно служители церкви (духовенство и причт), но не церковные работники (крестьяне монастырских сел и ремесленники)⁴¹.

Русско-ордынские отношения, как считает Р. Ю. Почекаев, можно сравнить с отношениями Древнего Рима и италийских общин республиканского периода в VI-II вв. до н.э. Признавая верховенство Рима, следуя в фарватере его внешней политики, оказывая военную помощь общины-федераты, в то же время, обладали самостоятельностью во внутренних делах, располагая собственными правовыми нормами и системой управления⁴².

Р. Ю. Почекаев допускает основания предполагать, что ханы также выдавали ярлыки русским купцам, так как активная торговая деятельность их с Ордой отмечена не только русскими летописями, но и восточными хронистами и западными путешественниками XIII–XV вв. Так сохранилась «опасная грамота» великого князя Ярослава Ярославича, изданная между 1266 и 1272 гг.: «Менгу Темерове слово къ Ярославу князю: даи путь немецкому гостю на свою волость. От князя Ярослава ко рижанам, и к болшим и к молодым, и кто гостить

39 Д. Г. Хрусталева, *Северные крестоносцы*, 549–550.

40 Р. Ю. Почекаев, *Право Золотой Орды* (Казань: Фэн, 2009), 184.

41 И. В. Белозеров, Налоговый иммунитет русского духовенства во время ордынского ига: известия летописей о переписи населения Северо-Восточной Руси в 1257 г. в *Уваровские чтения – V. Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Муром*, ред. Купряшина Т. В., Смирнов Ю. В. (Муром: Стерх, 2002), 71–72.

42 И. А. Покровский, *История римского права* (Минск: Харвест, 2002), 68–70.

и ко всем: путь ваш чист есть по моеи волости»⁴³. Р. Ю. Почекаев отмечает также еще один важный факт легитимации власти золотоордынских ханов – религиозный фактор ислама и буддизма, что давало возможность претендовать на трон нечингизидам, которые, используя этот фактор, ни раз захватывали и сохраняли власть на постимперском пространстве вплоть до XVIII–XIX вв.⁴⁴

Р. Ю. Почекаев отметил также перенос некоторых ордынских наименований на русские грамоты. Это тарханные и шертные грамоты, в которых использовался формуляр ордынских ярлыков: адресант, наррация, диспозиция и др.⁴⁵ Проблемы влияния монгольского права коснулась также Л. В. Машанова. Результатом такого влияния она видит формирование особого взгляда на земельную собственность, правообладателем которой был не великий князь, а хан до определенного момента⁴⁶. А. П. Григорьев (1931–2010) обратил внимание на то, что в древнерусских княжеских грамотах доордынского и ордынского периода отсутствует ряд элементов, например, дата. Ее получили возможность включать в свои грамоты князья лишь после свержения ордынского владычества, так как ранее подобный акт мог выглядеть как попытка посягательства на прерогативу верховного правителя – ордынского хана⁴⁷.

Важное место в исследовании историографии по указанной теме имеют труды историков казанского направления или «казанской школы», которые начиная с 1990-х гг. XX в. ведут постоянные изыскания как в области «татарского вопроса» вообще, так и касательно золотоордынского наследия в частности.

И. Л. Измайлов обращает внимание на то, что имело место прямое включение монголо-татар в состав господствующего класса Московского, Рязанского, Владимирского, Нижегородского княжеств. По мнению историка, никакого симбиоза между лесом и степью, который представлялся Л. Н. Гумилеву и отчасти Г. В. Вернадскому, не

43 С. Н. Валк (ред.), *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* (Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1949), 57.

44 Р. Ю. Почекаев, «Религиозные факторы легитимации власти в Золотой Орде и позднесредневековых тюрко-монгольских государствах XV–XVIII вв.», *Золотоордынское обозрение*, no. 1 (2013): 96–105.

45 Почекаев, «Религиозные факторы», 207.

46 Л. В. Машанова, «Золотая Орда: проблемы восточных заимствований в российской государственности и культуре», *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, no. 1 (2011): 63.

47 Почекаев, *Право Золотой Орды*, 206.

существовало. Для казанских исследователей такая оговорка является скорее исключением, чем правилом.

К работам, имеющим этнонациональный уклон, относятся труды И. Р. Тагирова (р. 1936), взгляды которого отличаются гиперболизированным представлением о роли монголо-татарского фактора в становлении российской государственности, в основе которых как и у многих казанских исследователей, лежит евразийская концепция Л. Н. Гумилева о благотворной роли татаро-монгольского завоевания в истории России⁴⁸.

И. П. Ермолаев (р. 1932) считает нецелесообразным существование самого термина «иго», который он трактует как обычную и привычную форму феодальной зависимости, особенностью которой является то, что ее оформление связано с завоеванием. Историк полагает, что феодальный вассалитет берет начало, прежде всего, из экономической необходимости, хотя имеет политическую оболочку. И. П. Ермолаев обращает внимание на уникальность формы управления русскими землями по сравнению с другими областями (Волжская Булгария, Хорезм и др.), в которых не сохраняли местные династии власть, а все вассалы были ставленниками монголов. Орда, по мнению И. П. Ермолаева, признавала экономическую и культурно-политическую автономию русских земель. Зависимость выражалась только в наделении князей ярлыками и выплате последними дани в Орду⁴⁹.

Полная преемственность политических принципов Золотой Орды, после ее распада в XV в., выразилась, как считает исследователь, в восприятии политической терминологии (титула «царь») и восстановлении единства территории в границах распавшегося золотоордынского государства⁵⁰. В отличие от А. А. Горского И. П. Ермолаев считает, что титул «царь» скорее пришел на Русь из Орды, чем из Византии⁵¹. Ученый считает, что почти 250-летний период ордынского владычества ускорил процесс объединения Северо-Восточной Руси и повлиял на формы будущего политического организма⁵².

48 И. Р. ТАГИРОВ, *На крутом повороте истории*, (Москва: Собрание, 2019), 27.

49 И. П. ЕРМОЛАЕВ, *Становление российского самодержавия* (Казань: Изд-во Казанского государственного университета (КГУ), 2004), 94.

50 ЕРМОЛАЕВ, *Становление российского самодержавия*, 134.

51 ЕРМОЛАЕВ, *Становление российского самодержавия*, 303.

52 ЕРМОЛАЕВ, *Становление российского самодержавия*, 305.

Во 2-м издании работы «Становление российского самодержавия», вышедшей в 2018 г., историк замечает, что в основе процесса сложения своеобразной «азиатско-европейской» формы российского монархизма находятся природно-климатические условия Восточно-Европейской равнины. Природа и климат заставляли людей сплачиваться под единым руководством. Данная концепция роднит его с выводами Э. С. Кульпина, автора теории социоестественной истории⁵³. И. П. Ермолаев также солидаризируется с А. А. Горским в вопросе о победе в Куликовской битве, отмечая, что она была не столько антиордынской, сколько борьбой против ордынского сепаратизма и в защиту власти своего ордынского сюзерена⁵⁴.

Политолог Р. С. Хакимов (р. 1947) пытается найти философское осмысление 250-летнего владычества монголо-татар над Русью. Иго Р. С. Хакимов называет «грандиозным мифом», который был создан в Российской империи⁵⁵. Настаивая на преемственности ордынских порядков в русской государственности и культуре, Р. С. Хакимов, не отрицает и второй источник российской самобытности – Киевскую Русь⁵⁶. В своих концепциях Р. С. Хакимов фактически копирует взгляды славянофилов, М. Г. Худякова и представителей евразийской школы – П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Л. Н. Гумилев, Г. В. Вернадского, Н. А. Клепинина и др.

Отдельно можно выделить региональное направление историографии ордынского периода в истории России. Здесь представлены работы историков из регионов, которые не вошли ни в одну из трех представленных выше групп – Московской, Санкт-Петербургской и Казанской.

Воронежский исследователь Куликовской битвы А. О. Амелькин (1961–2007) рассмотрел «татарский вопрос» в общественном сознании России конца XV – 1-й пол. XVI в. на примере отдельных памятников агиографии и фольклора. Он пришел к выводу о том, что монголо-татары в древнерусских произведениях не воспринимаются как враждебный этнос. Более часто использовался мотив религиозных

53 И. П. Ермолаев, *Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: от Рюрика до Ивана Грозного* (Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2018).

54 Ермолаев, *Истоки и условия*, 522.

55 Р. С. Хакимов, *Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации)* (Казань: Идель-Пресс, 2005), 196, 198, 203.

56 Р. С. Хакимов, Два истока российской государственности, *Родина*, no. 8 (2005): 47.

различий. «Татарский вопрос», как считал ученый, оказал определенное воздействие и на становление идеологии самодержавия, которая начала формироваться в первой половине XVI в.⁵⁷

Ученик А. О. Амелькина, воронежский историк Ю. В. Селезнев (р. 1975) исследовал так же, как и А. А. Горский, вопрос о влиянии монгольского завоевания на титулатуру русских князей и обратил внимание на взаимное соответствие политической иерархии Руси и Орды. Ю. В. Селезнев в ранних работах более склонялся к полному включению княжеств Северо-Восточной Руси в золотоордынскую политическую систему. Историк утверждал, что русские князья копировали политическую иерархию Монгольской империи⁵⁸. Но в последних монографиях автор, исходя из анализа времени пребывания русских князей в Орде, несколько изменил свои взгляды, отмечая тот факт, что ордынское влияние на внутривнутриполитические процессы не было определяющим⁵⁹.

Историк солидарен с устоявшимся взглядом А. А. Горского и В. В. Трепавлова на Русь как не включенную в ордынскую государственную систему, однако полагает, что русские земли не пользовались особым положением среди стран, завоеванных монголами, на них распространялась та же система управления, как и на другие ордынские территории. Одно из подтверждений своему тезису Ю. В. Селезнев находит в поэме «Задонщина», где Русь названа «Залесской Ордой»⁶⁰. Историк ссылается на А. А. Горского, полагающего, что великие и удельные князья, управляли своей землей только по воле хана, причем на протяжении втор. пол. XIII – XIV вв. такое положение не оспаривалось ни самими князьями, ни в памятниках литературы или общественной мысли⁶¹.

57 А. О. Амелькин, *Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV- первой половины XVI вв.* (Воронеж: Научная книга, 2008), 135.

58 Ю. В. Селезнев, «Титулатура Русских князей в XIII–XIV вв. и социально-политическая иерархия Золотой Орды» в *Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее новое время. Сборник тезисов 17 конференции памяти В. Д. Королюка*, ред. Л. В. Заборовский (Москва: б/и, 1998), 127.

59 Ю. В. Селезнев, *Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв.* (Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2013).

60 Ю. В. Селезнев, «Русь – Залесская Орда? Откуда растут татарские корни русской государственности», *Родина*, по. 9 (2012): 125.

61 А. А. Горский, «*Всего еси исполнена земля русская...*»: *Личности и ментальность русского Средневековья* (Москва: Языки славянской культуры, 2001), 137.

В одной из последних работ Ю. В. Селезнев использует метод исторического моделирования, который позволяет привлечь весь методологический арсенал для составления максимально полной картины событий и явлений⁶². Используя данный метод, историк выявил на основании источников русских князей, посещавших Орду в период с 1242 по 1445 гг. Полученная информация позволила ему прийти к выводу о том, что русские князья не были включены в высший слой элиты Орды, они не приняли политическую доктрину Монгольской империи. Следствием этого он называет слабую степень ордынского политического влияния на развитие государственных институтов внутри русских княжеств, но одновременно считает, что подобную модель межгосударственных отношений вполне допустимо называть «игом».

Итак, российская историография 2000–2020 гг. проделала значительную работу по исследованию периода монголо-татарской зависимости на Руси. Отход от строго негативного восприятия ордынского владычества, который господствовал в советское время, позволил историкам делать смелые выводы об изменениях таких социально-политических институтов, как княжеская власть, титулатура, внешняя политика, торговля, культура и т. д.

В трудах современных исследователей прослеживается инерция исторических концепций советского периода. Говоря об общих тенденциях, можно условно выделить три наиболее популярных. Во-первых, историки отказываются воспринимать монголо-татарское иго как отрицательное явление (А. А. Горский, В. В. Трепавлов и др.), видя в ордынских ханах правителей, проводивших гибкую политику на Руси, исходя из своих интересов. Во-вторых, Русь историки воспринимают как вассала Орды, но не как союзника или внутреннего игрока (В. В. Трепавлов, К. А. Соловьев, Р. Ю. Почекаев, Н. Н. Крадин, И. П. Ермолаев и др.). В-третьих, многие из историков не считают должным преувеличивать влияние ига и отводят ему главную роль лишь в сборе даннического «выхода», отмечая, что большинство иных влияний и заимствований нужно относить на домонгольский период (И. Я. Фроянов, Ю. В. Кривошеев, В. Н. Рудаков и др.). О существовании единого подхода к восприятию ордынского

62 Ю. В. СЕЛЕЗНЕВ, *Картины ордынского ига* (Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета (ВГУ), 2017), 21.

периода в настоящее время говорить не приходится, что, с одной стороны, свидетельствует о плюрализме мнений в свободной трактовке «татарского вопроса», с другой стороны не позволяет пока что выделить магистральные направления и школы. Проверка временем представленных здесь концепций, возможно, внесет в будущем коррективы в этот вопрос.

ВАДИМ АРИСТОВ

**ДРЕВНЯЯ РУСЬ В УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(2000–2020): КОНТЕКСТЫ И ДОСТИЖЕНИЯ¹**

**OLD RUS' IN UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY (2000–2020):
CONTEXTS AND ACHIEVEMENTS**

This article gives a survey of the most important studies in the Ukrainian historiography of 2000–2020 dedicated to Kyivan Rus. The survey is preceded by a brief analysis of the political and intellectual context in which the scholars conducted their research. The main text is divided into sections according to the spheres of the studies. These are: the history of Early Rus; Old Ruthenian historiography; the social and religious history of Rus; the Galician-Volhynian lands and Volhynian historiography in the 13th century; and construction of the memory of Kyivan Rus in the Late Medieval, Early Modern and Modern Ukrainian and Russian traditions. Emphasis is placed on ground-breaking books and articles which significantly change our understanding of the sources and may serve as a foundation for the reshaping of the historical narrative about eastern Europe in the (Early) Middle Ages. It is concluded that during the first two decades of the third millennium, study of Old Rus in Ukraine became a solid and innovative discipline.

Keywords: Kyivan Rus, Ukrainian historiography, chronicle writing, source studies, historical memory.

Vadym Aristov – PhD, Senior Research Fellow at the Institute of Ukrainian History (Kyiv) E-mail: aristov3000@ukr.net. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3094-8850>

¹ *Citation: ВАДИМ АРИСТОВ, “Drevniaia Rus’ v ukrainskoi istoriografii (2000–2020): konteksty i dostizheniia” [Old Rus’ in Ukrainian Historiography (2000–2020): Contexts and Achievements], *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 153–179. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.18*

Этот очерк посвящен исследованиям Древней / Киевской Руси² в украинской историографии 2000–2020 гг. Он имеет существенные ограничения. Во-первых, в нем не будет обзора археологических исследований. Эта сфера может похвастаться солидными достижениями, динамично развивается и сулит немалые открытия в будущем. Здесь же пойдет речь об исторических работах в узком смысле, основанных на анализе, в первую очередь, письменных источников.

Во-вторых, перед читателем не библиографический справочник. Очерк не претендует на охват всех украинских работ о предмете за 2000–2020 гг.: рассматриваются в основном монографические труды и лишь в ряде случаев – статьи. Здесь представлен краткий обзор важнейших достижений и тенденций, которые будут определять развитие древнерусских исследований в Украине и мире в краткосрочной и, есть основания думать, долгосрочной перспективе. Задача текста – обозначить главные точки приращения знания и существенные изменения представлений как о древнерусском прошлом, так и об источниках, из него происходящих.

Но прежде чем дать описание исследовательской деятельности, надлежит сделать несколько отступлений об ее «окружающей среде» – публичных и академических контекстах, в которых она осуществляется.

2 «Древней Русью» в хронологическом смысле следует называть период от появления военно-торговых групп руси в VIII–IX вв. до монгольского завоевания Восточной Европы, с «расширением» до середины XIV в., когда происходит дезинтеграция и трансформация домонгольских политических, социально-экономических и церковных структур. Соответственно понятие «древнерусский» распространяется на всю совокупность явлений, относящихся к «Руси» или «руси» во всех многочисленных значениях этих понятий в указанное время. Настолько же условное обозначение «Киевская Русь» и прилагательное «киеворусский» почти синонимичны терминам «Древняя Русь» и «древнерусский», хотя имеют ряд отличий в акцентах и рамках. Их не удастся применить к периоду VIII–X вв., для которого корректнее говорить о «ранней руси». Тогда Киев еще не стал центром той масштабной политико-символической системы, которую обычно и имеют в виду под «Киевской Русью». С 1240-х гг. Киев уже перестал (точнее, переставал – до конца XIII в.) быть таким центром. Соответственно на отрезке с середины XIII в. до середины XIV в. о Киевской Руси и «киеворусском» уже говорить сложно. Кроме того, если «Древняя Русь» имеет больше хронологические и культурные коннотации, то «Киевская Русь» – скорее, политические.

КОНТЕКСТ 1: ВНЕНАУЧНЫЙ И ОКОЛОНАУЧНЫЙ

История Киевской Руси в Украине активно инструментализируется.³ Ее главной «областью применения» в публичном пространстве является ее «национализация». Палитра взглядов на место Древней Руси в украинской истории в рамках указанного процесса широка: от признания Руси составляющей украинского наследия с учётом её средневековой специфики и отказом от анахронистических оценок до изображения киевской державы как исключительно украинского государства едва ли не в современном смысле слова (или даже – украинской империи).

Киевская Русь приобретает все большее значение в формировании украинской национальной идентичности, выступая в качестве начала традиции государственности и цивилизации. Поскольку Древняя Русь давно вписана также в российскую историческую память, возникает запрос: обосновать ее приоритетную принадлежность украинской истории и заставить конкурента признать свое вторичное и относительно позднейшее происхождение. В этом состязании легко увидеть продолжение на новом уровне и в новых условиях старого «спора южан и северян», продолжающегося с перерывами еще с первой половины XIX в.: о том, кто есть «настоящая Русь» и кто жил в древнем Киеве.⁴

Полемический характер памяти о Руси обуславливает ее селективность. В публичный оборот попадают преимущественно такие темы, по которым можно и нужно спорить с российской стороной. Например, название «Русь» могут защищать от притязаний соседа, якобы не знакомого с ним до XVIII в.; крещение Владимира Великого переносить из Крыма в Киев; Андрея Боголюбского провозглашать инициатором первой российской войны против Украины и т.п. Не-

3 Г. Касьянов, *Past Continuous: історична політика 1980-х – 2000-х. Україна та сусіди* (Київ: Laurus, 2018), 26–28. Об инструментализации Средневековья в XIX в. см. сборник: JANOS BAK, PATRICK GEARY AND GABOR KLANICZAY (eds.), *Manufacturing a Past for the Present. Forgery and Authenticity in Medievalist Texts and Objects in Nineteen-Century Europe* (Leiden; Boston: Brill, 2014). DOI: 10.1163/9789004276819

4 Анализ этой полемики в середине XIX в. см.: А. П. Толочко, *Киевская Русь и Малороссия в XIX веке* (Киев: Laurus, 2012), 207–235. О Михаиле Грушевском и появлении национального нарратива украинской истории см.: СЕРНІ ПЛОКНУ, *Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the writing of Ukrainian history* (Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2005) DOI: 10.3138/9781442682948; Толочко, *Киевская Русь и Малороссия*, 11–45.

трудно заметить, что в тени остаются многочисленные яркие темы, не имеющие значения в украинско-российской исторической тяжбе. Но они публике пока малоинтересны. Ими занимаются ученые.

Персонажи и события Киевской Руси становятся объектами дебатов, выходящих на дипломатический уровень. Например, о национальной принадлежности Владимира Крестителя или Анны Ярославны. При этом предлагают выбирать только из двух современных опций: украинская или русская. Такая постановка вопроса, естественная для дискурса национальной историософии, не укладывается в научные рамки. И когда специалиста просят откомментировать подобный сюжет, от него ожидают «едино правильного» и предполагаемого в самом вопросе ответа.

Каким бы ни был характер обращения к историку за разъяснениями о Руси и в независимости от источника запроса (медиа, государственные структуры, общественные организации), круг и акцент вопросов, как правило, соответствует политической повестке. По мере включения в такой «диалог с обществом» внимание ученого неизбежно смещается с собственно исследования прошлого на его (пере)кодировку в рамках заданного политической повесткой исторического нарратива.

На неофициальном уровне Киевская Русь активно используется в рамках псевдо-исторического дискурса, который получил большое распространение в пост-советских государствах. Усугубилось это явление с развитием Интернета. Исходный тезис большинства псевдо-исторических текстов заключается в том, что «официальная наука» «что-то скрывает», а источники «сфальсифицированы». Но именно авторы таких текстов сами предлагают настоящие фальсификации и фиктивные образы прошлого. Это и составляет «методологию» псевдо-истории.

Самым ярким событием в украинской псевдо-истории стал выход книг Владимира Билинского, начиная с «бестселлера» «Страна Моксель». Концепция Билинского построена на синтезе старых идей польских эмигрантов (прежде всего, Францишека Духиньского) о принципиально неславянском, финско-монгольском, происхождении русских (москвитов; в интерпретации автора – «мокши») и «новой хронологии» печально известных российских авторов Носовского и Фоменко. Ключевую роль в построениях Билинского играет утверждение о фальсификации древнерусских летописей при Екатерине II, а следовательно и о ложности всей истории Руси.

Идеи Билинского об «украденной истории», «фальсифицированных летописях», «тайной комиссии Екатерины» и «русских-мокше» стали настолько популярны, что можно говорить о возникновении на наших глазах нового украинского исторического мифа. Интересно, что он построен не столько на утверждении образа «себя», сколько на развенчании и отрицании образа «конституирующего Другого».

Появление массовых исторических мифов, публичные войны за Киевскую Русь мало влияют на «внутреннюю» деятельность профессионального сообщества, по крайней мере – его части. Академические исследования в идеале определяются научной, а не политической, актуальностью. Однако, мифы и «бои за историю» (отнюдь не в февровском смысле) формируют общественные ожидания, если не сказать – требования, от работы ученых. И не каждому удастся «не прогнуться под изменчивый мир».

Киевская Русь остается удобным предметом околонучных текстов, под которыми здесь понимаются лишь формально научные «труды», лишённые интеллектуальной ценности, дилетантские, зачастую нарушающие элементарные этические требования.

Классическим примером околонучного «опуса» была «История Украины» с древнейших времен в трех томах, изданная в 2003–2005 гг. и якобы написанная будущим спикером Верховной Рады Владимиром Литвином. Как выяснилось, этот объемистый текст создавался методом неприкрытого и неряшливого плагиата.⁵

Обобщающий и не претендующий на открытие трехтомник достаточно было публично высмеять. Но появление диссертаций, построенных на аналогичных принципах, стало делом нешуточным.

В 2018 г. была успешно защищена диссертация на соискание степени кандидата педагогических наук на тему «Педагогические идеи христианского воспитания подростков Киевской Руси (конец X – середина XIII столетия)». Это был синтез дилетантства и плагиата, на появление которого академическое сообщество отреагировало быстрым и жестким заявлением.⁶

Более скандальным происшествием стала защита диссертации на соискание степени доктора исторических наук Петром Ющенко

5 О. Толочко, Н. Яковенко, «Потрапили в історію», *Кривука*, no. 7-8 (2006).

6 *Historians*, 10 May 2018, <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/2462-kolektivne-zvernennya-istorikiv-shchodo-proyaviv-akademichnoji-nedobrochesnosti-v-disertatsiji-i-v-derev-yanko> (Accessed June 30, 2021).

в 2019 г. В этом произведении, посвященном наследию Киевской Руси в украинской исторической памяти, откровенный плагиат и дилетантизм оказались «в одном флаконе». Специалисты и коллеги по цеху снова объединились для заявления о недопустимости присвоения учёной степени за такой текст.⁷

Указанные одиозные случаи (и подобные им, но не имеющие такой огласки), с одной стороны, засвидетельствовали слабость системы, утверждающей в правах новых «ученых». Но с другой стороны, реакция академического сообщества показала его твердую позицию по защите дисциплины от девальвации.

КОНТЕКСТ 2: НАУЧНЫЙ

В условиях ограниченности источников и обширности «вторичной литературы» особую силу приобретают традиции толкования древних текстов и построения рассказа о прошлом. Эти традиции зачастую имеют не вполне научное происхождение, но обретают респектабельность благодаря многократному воспроизведению.

Очевидным примером такого рода может быть описание истории Руси IX–X вв. «по летописи» – легендарной части «Повести временных лет». Со времен Карамзина нарративы о Руси начинались «от Рюрика», во всяком случае с IX в. Сведения источников прочитывались в «государственном ключе»: полупоэтические предводители русов (например, Аскольд или Олег) представлялись основателями и первыми правителями «государства». Такой образ истории до последнего времени доминировал в профессиональной историографии и засел в школьных учебниках и программах тестирования выпускников. Как заметил Алексей Толочко, критический пересмотр легендарной истории Руси затянулся, поскольку наивное прочтение летописи давно утвердилось в восточноевропейских историографиях.⁸ Только в последние годы ситуация стала принципиально меняться (см. ниже).

7 *Historians*, October 02, 2019, <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/2669-vidguk-na-disertatsiyu-na-zdobuttya-naukovogo-stupenyu-doktora-istorichnikh-nauk-yushchenka-petra-andrijovicha-kievoruska-spadshchina-v-istorichnij-pam-yati-ukrajinskogo-suspilstva-khii-pochatok-khkh-st> (Accessed June 30, 2021).

8 А. П. Толочко, *Очерки начальной руси* (Киев: Laurus, 2015), 9–10.

К числу таких же «длительных» научных традиций можно отнести представление о Киевской Руси как феодальном государстве. Она сформировалась в советские времена и стала официальной. Концепция «русского феодализма» вписывала владения Рюриковичей в общемировой исторический процесс смены социально-экономических формаций. Кроме того, Древняя Русь как феодальная держава оказывалась ничем не хуже современных ей «стран Запада», стадийно не отсталой страной.

Взгляд на Русь как феодальное государство предполагал идею о «феодальной раздробленности» как необходимом этапе эволюции, приходящем на смену «раннефеодальной монархии». С падением Советского Союза концепция феодализма Руси была маргинализована. Впрочем, не только (не столько?) по научным, но и идеологическим и этическим соображениям. Чем было заменить привычную схему? В украинской историографии одно из решений предложил Николай Котляр, выдвинув концепцию «удельной раздробленности».⁹ Причины её учёный находил не только в экономической, но и в политико-правовой плоскости. Появление князей-изгоев в конце XI в., по его мнению, актуализации принципа отчины, т.е. права владения землей отца. Когда борьба за внедрение этого принципа в практику княжеского права успешно завершилась (с середины XII в.), некогда «централизованная монархия» Руси превратилась в «федерацию», а потом и «конфедерацию», княжеств¹⁰. Фактически Котляр модифицировал концепцию «феодальной раздробленности», изменив её название, акценты и систему аргументации.

Общая схема развития государственности Руси «единодержавие – раздробленность» оказалась куда устойчивее, чем «феодальная теория». Дело в том, что эта схема была значительно древнее, и уходила корнями ещё в раннемодерные тексты.

В качестве третьего примера влиятельной историографической традиции можно назвать концепцию «древнерусской народности». Она оформилась в советской науке и служила мощным идеологическим инструментом – исторически обосновывала необходимость единства «трех братских народов» (русских, украинцев и белорусов). Это качество превратило концепцию в изгоя украинской историографии (и публичной истории) последних десятилетий. В период очередного

9 Н. Ф. Котляр, *Удельная раздробленность Руси* (Киев: Институт истории Украины, 2013).

10 Н. Ф. Котляр, *Удельная раздробленность Руси*, 152–172.

национального возрождения после распада СССР мысль о братстве народов оказалась идеологически неприемлемой и даже опасной. В этом случае мы также имеем дело с концептуальной матрицей, которая гораздо старше идеи «древнерусской народности» образца XX в. Это опять-таки еще раннемодерный, донаучный, воплощенный в киевском «Синописе» XVII в., конструкт «народа славено-российского», разделившегося на малорусскую и великорусскую ветви.

Попытку обоснования применимости концепции «древнерусской народности» в научном дискурсе предпринял Петр Толочко. Ученый пришел к выводу о наличии выразительных черт единства (в материальной культуре, в языке, политических, экономических связях и «национальном сознании») у восточных славян домонгольского времени.¹¹ Вместе с тем, в последние десятилетия прозвучали призывы сменить подходы к проблеме этнической истории Руси. По предложению Алексея Толочко, вместо поисков «народности» в строго этническом смысле (или отсутствия таковой) следует сосредоточить внимание на пересмотре нарративных установок средневековых источников (повествующих об «этнических» общностях) и применить наработки исследователей нациогенеза, в частности инструментарий концепции «воображенных сообществ».¹²

Еще один пример долгоиграющих традиций можно найти в сфере изучения летописания, в среде продолжателей работ Алексея Шахматова. Следуя образцу российского филолога, поколения исследователей заостряли внимание на «утраченных» «летописных сводах», а обсуждение предмета превращалось в разговор о виртуальных текстах. Особенно рельефно это проявилось в отношении раннего летописания, предшествовавшего созданию «Повести временных лет».¹³

11 П. П. Толочко, *Древнерусская народность: воображаемая или реальная* (СПб.: Алетейя, 2005), 99–200.

12 А. П. Толочко, «Воображенная народность», *Ruthenica* 1 (2002): 112–117. См. также: OLEKSIY TOLOCHKO, “The Primary Chronicle’s ‘Ethnography’ Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus’ State”, in *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe*, ed. ILDAR GARIPZANOV, PATRICK GEARY, PRZEMYSŁAW URBANCZYK (Brepols Publishers, 2008), 169–186. DOI: 10.1484/M.CURSOR-EB.3.3240

13 В украинской историографии 2000–2020 гг. наиболее крупной работой, развивающей шахматовские положения, можно назвать книгу: П. П. Толочко, *Русские летописи и летописцы X–XIII вв.* (СПб.: Алетейя, 2003). Украинская версия: П. П. Толочко, *Давньоруські літописи і літописці X–XIII ст.* (Київ: Наукова думка, 2005).

На протяжении XX в. украинская историография пережила разрыв, прежде всего, вследствие катастрофических преобразований научных институций и репрессий в сталинскую эпоху. В независимой Украине изучение киеворусского прошлого ещё с 1990-х годов стояло перед выбором пути развития. С одной стороны, открывалась перспектива возрождения досоветской традиции (с её стилистикой и исследовательской повесткой), а также привлечения наработок диаспорных учёных. С другой стороны, была возможность остаться в связке с российской (не прерывавшейся, несмотря на все потрясения) традицией изучения Древней Руси.

И «возрожденческая», и «консервативная» стратегии были чреватые отставанием, вторичностью и провинциализацией украинской исторической мысли вследствие воспроизведения «принятых», а иногда и освященных академическим и/или национальным преданием, концепций, нарративов, методов.

Обе указанных стратегии нашли сторонников. Но здесь важнее остановиться на третьем пути развития, наименее зависимом от существующих или возрождаемых традиций. Научная историография, особенно в областях с ограниченным кругом источников и избытком объяснительных схем, нуждается в постоянном критическом пересмотре своего знания и его методологических основ. Другим важнейшим залогом прогресса в таких областях является отстранение или дистанцирование от известных «школ мысли» для возвращения «к самим фактам».

Ярким воплощением этого пути развития украинской киеворусистики стало сообщество, сложившееся вокруг Центра исследований истории Киевской Руси (в Институте истории Украины Национальной академии наук в Киеве). В 2002 г. его возглавил Алексей Толочко, а при Центре начал издаваться ежегодный альманах «Ruthenica».

На сегодня по сравнению с началом 2000-х украинская историография Киевской Руси выросла числом своих представителей. Она территориально расширилась и вышла за рамки институций в старых интеллектуальных центрах – Киеве и Львове. К примеру, образовался ивано-франковский кружок исследователей при Прикарпатском национальном университете, формируемый Мирославом Волощуком; в Черновицком национальном университете работает Александр Филипчук. Помимо структур Национальной академии наук и университетов, изучением древнерусского прошлого занима-

ются при музеях и заповедниках (например, Национальный музей истории Украины, Национальный заповедник «София Киевская», Национальный заповедник «Киево-Печерская Лавра», Национальный архитектурно-исторический заповедник «Чернигов древний», Национальный заповедник «Древний Галич»). Некоторые из этих учреждений выпускают периодические издания по древнерусской истории. В работах их сотрудников основное внимание сосредоточено, естественно, на «своих» объектах или музейных коллекциях, но в то же время затрагиваются и общие вопросы древнерусской истории. Помимо узкопрофильных специалистов можно говорить и о значительном числе «ситуативных» киеворусистов.¹⁴

В дальнейшем изложении речь пойдет о важнейших, как представляется, сферах производства нового знания о древнерусской истории в украинской историографии 2000–2020 гг.

ОСВОБОЖДЕНИЕ НАЧАЛЬНОЙ РУСИ

История ранней руси VIII/IX – X вв. традиционно «разорвана» между археологией и историей. И если со стороны археологии наблюдается постоянный прирост и уточнение знания за счет добывания новых материалов, то круг письменных источников исчерпан. В обобщающих и специальных работах по этой теме до последнего времени ощущалось господство летописного нарратива в его фактически еще донаучной интерпретации. Привычная схема не только довлела над умами историков, но и наделяла смыслом факты археологии. При обращении к тем или иным материальным свидетельствам, неотрефлексированная традиция заставляла «оглядываться» на летописные даты и события („призвание варягов» 862 г., приход Олега в Киев 882 г. или «восстание» древлян 945 г. и т.п.) и «обрамлять» археологическое исследование справками из летописи.

¹⁴ Аналогичный термин «ситуативные литуанисты» уже употреблялся при анализе украинской историографии Великого княжества Литовского. К. В. Кириченко, «Історія Великого князівства Литовського в українській історіографії 1991 – 2003/4: основні тенденції», *Ruthenica* 4 (2005): 218.

Решительным пересмотром такого состояния дел явились «Очерки начальной руси» Алексея Толочко. В этой книге автор написал историю ранней руси (как общности) без опоры на первую русскую хронику «Повесть временных лет» (ПВЛ), используя лишь письменные источники IX–X вв., а также материалы археологии.

Анализ анахронизмов и литературных заимствований, выявление нарративных конструкций и искусственности хронологии позволил Алексею Толочко сделать вывод о том, что ПВЛ не является, строго говоря, источником для изучения истории IX–X вв. Она создана во втором десятилетии XII в., через 250–150 лет после описанных в её начальной части событий. Автор хроники, игумен Выдубицкого монастыря, Сильвестр, создавал историю Руси на основе переводных византийских хроник, византийско-русских договоров X в., отдельных смутных преданий и собственного вымысла, изрядно подпитанного нарративными моделями из библейских и хронографических текстов.¹⁵ Перечитывание источников IX–X вв., по преимуществу византийских и арабских, с учётом новейших археологических материалов позволило исследователю сделать очерк, очищенный от толкований легендарной истории.

Перечитывание источников позволило автору отказаться от многочисленных гипотез, которыми изобилowała ранняя история Руси: например, о «каганате русов» IX в., о связи русов, встреченных ибн-Фадланом на Волге с Киевом, о связи днепровских русов с хазарами и даже о киевском происхождении участников походов на Византию 860 и 941 гг.¹⁶ Согласно выводу Алексея Толочко, днепровскую русь конца IX–X вв. следует представлять как «торговую компанию». Взгляд на неё как государство (пусть формирующееся) будет неоправданным анахронизмом.¹⁷ Это была одна из группировок руси – специфически восточноевропейской профессиональной общности северогерманского (норманского) этнического происхождения, занимавшейся «дальней торговлей». Ее жизнедеятельность была основана на экспорте в Византию рабов (в меньшей степени – мехов и других «северных» товаров) и получении взамен шелка. Через посредничество других русов днепровская «компания» была «подключена» к «серебряному пути» в мусульманские края. Благо-

15 А. П. Толочко, *Очерки начальной руси*, 17–68, 98–100.

16 А. П. Толочко, *Очерки начальной руси*, 103–187.

17 А. П. Толочко, *Очерки начальной руси*, 103–112.

состояние и само выживание русов зависели от источников монеты и дорогих тканей – стран Ближнего Востока и Средней Азии, а также Византии. Собственно, русь возникла с началом чеканки дирхемов в Арабском Халифате в середине VIII в. В связи с затяжным «серебряным кризисом» второй половины X в. она исчезла в прежнем виде.

В то же время, как подчёркивает учёный, только киевская (среднеднепровская) русь смогла не только трансформироваться в условиях кризиса, но и превратиться в территориальную политическую структуру – Русь с большой буквы.¹⁸

Итак, история начальной руси освободилась от оков летописного нарратива и производных от него историографических схем.

Незадолго до «Очерков» вышла книга черновицкого историка Александра Филипчука об истории ранней руси в свете византийских источников.¹⁹ Наши знания о руси IX–X вв. распадаются на несколько блоков, происходящих из арабских, латинских и византийских текстов. Византийский блок оказывается наиболее репрезентативным для истории днепровских русов, поскольку их деятельность была направлена, главным образом, в сторону «греков». Кроме того, византийские и русские источники оказываются тесно связанными между собой.

Главным достижением Филипчука в этой книге стал пересмотр известных византийских текстов о руси (в частности, «Житие Георгия Амастридского», «Наумахика» Льва VI Мудрого, «Про управление империей» и «О церемониях византийского двора» Константина Багрянородного, договоров с русью, исторических нарративов Иоанна Скилицы и Льва Диакона). Автор уточняет датировку, происхождение и информационный потенциал этих источников; предлагает реконструкцию отраженных в них эпизодов византийско-русского взаимодействия (торговли, войн, найма, дипломатических контактов). В отдельной главе подробно проанализировано положение русов в Византии. Особое внимание автор уделяет описанию приема Ольги при императорском дворе из трактата «О церемониях» и тексту договора Игоря с греками. Эти источники дают материал для изучения просопографии днепровской руси и структуры ее элиты в середине X в. Также исследователь погружается в дискус-

18 А. П. Толочко, *Очерки начальной руси*, 297–301.

19 О. Филипчук, *Studia Byzantino-Rossica. Експансія, війна та соціальні зміни* (Чернівці: Книги – XXI, 2013).

сию о дате и обстоятельствах крещения Ольги; доказывает датировку визита княгини в Константинополь 946 годом.²⁰

Книга Александра Филипчука являет пример успешного византистического исследования о Руси. Именно такой подход оказывается единственно возможным, поскольку история руско-византийских отношений IX – X вв. неминуемо превращается в изучение византийской литературы.²¹

Мост между раннерусской археологией в ее северноевропейском контексте и собственно историей проложен в серии работ Федора Андросчука. В работе «*Vikings in the East*»²² ученый предложил историко-археологический обзор истории ранней руси как восточного крыла экспансии викингов. Методологически работа позиционируется как опыт транснациональной истории²³. Норманны-русь оказались благодатным полем изучения культурного взаимодействия местных и пришлых сообществ, отражения в материальной культуре процессов формирования идентичностей, роли дальней торговли в изменениях социальной структуры и ряда других тем. Среди прочего, исследователь уделяет внимание вопросу христианизации руси и отражения этого явления в материальных объектах. При территориальном охвате от Византии до Скандинавии (неизбежном в исследовании «восточных викингов») главным объектом книги оказывается Среднее Поднепровье, ставшее ядром Киевской Руси.

К чуть более позднему периоду истории Восточной и Северной Европы Федор Андросчук обращается в заостренной на нумизматическом материале монографии «*Images of Power. Byzantium and Nordic Coinage c. 995–1035*».²⁴ Она посвящена имитациям византийских монет в Скандинавии и Руси (включая Таманский анклав

20 О. Филипчук, *Studia Byzantino-Rossica. Експансія, війна та соціальні зміни*, 306–386, 402–409.

21 О. Филипчук, *Studia Byzantino-Rossica. Експансія, війна та соціальні зміни*, 11.

22 FEDIR ANDROSHCHUK, *Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100)* (Uppsala: Uppsala Universitet, 2013). Следует упомянуть и о масштабном каталоге скандинавских древностей Южной Руси, подготовленном Владимиром Зоценко и Федором Андросчуком. Ф. Андросчук, В. Зоценко, *Скандинавські старожитності Південної Русі: каталог* (Париж: АСНС Вуз, 2012). В нем отразилось около 250 вещей, открытых в ходе многолетних раскопок, преимущественно из Среднего Поднепровья и некоторых других мест Украины.

23 FEDIR ANDROSHCHUK, *Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100)*, 1.

24 FEDIR ANDROSHCHUK, *Images of Power. Byzantium and Nordic Coinage c. 995–1035* (Kyiv: Laurus, Paris: АСНС Byz, 2016).

с центром в Тмутаракани) на рубеже X–XI вв. Спрос на имитации иностранных (византийских и, для Скандинавии, английских) монет возникает именно тогда, когда в этих странах укрепляются позиции христианства и формируются ранние государства. Монеты с надписями и изображениями правителей становятся важным инструментом трансляции идеи власти и образа властителя. Исследователь проводит типологизацию артефактов, анализ их иконографии и условий появления. Согласно его наблюдению, древнерусские монеты распадаются на два кластера, ориентированные на разные (арабскую и византийскую) денежно-весовые системы: оригинальные, киевской чеканки, и подделки византийских милиарисиев из Тамани. Причем таманские имитации стали образцом для скандинавских.²⁵ Этот факт хорошо «ложится» на материальные следы контактов Скандинавии и Причерноморья в указанное время.

РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ ЛЕТОПИСЕЙ

История Древней Руси страдает от «переизбытка» письменных источников, точнее – псевдо-источников, созданных воображением историков XVIII–XX вв. Исторических текстов, созданных в XI–XIII вв., мало. Этот недостаток поколения учёных пытались «исправить», предполагая отражение утраченных древних летописей в поздних памятниках.

За двести лет научного исследования Древней Руси было два главных ресурса преумножения текстов.

Не довольствуясь сохранившимися в списках древнерусскими летописями, учёные дополняли их «сообщениями» «Истории Российской» Василия Татищева. Он якобы почерпнул их из исчезнувших рукописей. Другим кладезем дополнительных источников с начала XX в. стали гипотезы Алексея Шахматова, который «реконструировал» недошедшие «летописные своды» на основании известных летописей.

Пересмотру и выяснению происхождения «татищевских сообщений» посвятил свою книгу Алексей Толочко²⁶. В первой части своего труда учёный показывает, что в распоряжении Татищева не было

25 FEDIR ANDROSHCHUK, *Images of Power. Byzantium and Nordic Coinage c. 995–1035*, 123–124.

26 А. П. Толочко, «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия (Москва: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005).

никаких древних исчезнувших рукописей. Он работал и известными, причем преимущественно поздними списками летописей и выписками из них. Творчески изменял их содержание и добавлял своё. Главный «источник» Татищева – Иоакимовская летопись – судя по всему, была им попросту выдумана, но аутентизирована посредством его же комментариев.²⁷

Во второй части работы Алексей Толочко раскрывает «мастерскую» Татищева, в которой рождались известия, сбившие с толку историков. Разбору «татищевских сообщений» предшествует анализ глубокой связи вымысла с историописанием, механизмов аутентификации и структуры нарратива. Вымысел Татищева вовсе не восполнял пробелы в имеющихся летописях, «выравнивая» нарратив; он придавал связности и осмысленности сообщениям используемых летописей. Количество «татищевских известий» возрастало пропорционально объему текста источника.²⁸

Исследователь, далее рассмотрел яркие примеры татищевских измышлений, ставших историографическими мифами. Среди них: «конституционный проект» галицко-волынского князя Романа Мстиславича, существование в древнем Киеве «училищ», происхождение святых князей Бориса и Глеба от багрянородной Анны. Ученый вскрыл яркие анахронизмы, маркеры эпохи, в которой жил Татищев, и отразившийся в «известиях» его личный опыт.²⁹

Богатая уникальными сведениями «История Российская», написанная в архаичном стиле хроники, создала ее автору репутацию «последнего летописца», который более или менее добросовестно пересказывал древние манускрипты. Книга Алексея Толочко поставила точку в этом недоразумении: переквалифицировала Татищева из «летописца» в «историка».

Если в текстах Татищева вымысел скрывался за внешней бесхитростностью, то в случае Алексея Шахматова он возымел научный облик. Методы изучения и идеи Шахматова о древнейшем летописании до последнего времени определяли развитие российской, а вместе с ней и украинской, историографии в этой области. Раз-

27 А. П. Толочко, «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия, 49–245.

28 А. П. Толочко, «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия, 249–287.

29 А. П. Толочко, «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия, 288–503.

бору оснований шахматовской традиции посвящена книга Вадима Аристова³⁰. Автор сделал попытку поставить Шахматова как исследователя летописей в контекст современных ему европейской критики текста и дискуссий по истории летописания Руси. В книге осуществлен разбор т.н. «метода» и «схемы» Шахматова, а также рассмотрен процесс формирования академического культа ученого в первой половине XX в. Главный вывод исследования заключается в том, что, вопреки традиционному взгляду, российский филолог строил свои реконструкции утраченных летописей на шатком методологическом основании и его творчество можно отнести к «субъективистскому крылу» тогдашней текстологии. В его построениях виртуальные, воображаемые, «летописные своды» доминировали над реально дошедшими памятниками: и численно, и по значению, которое придавал им Шахматов³¹. В результате вместо надежно засвидетельствованного текста ПВЛ начала XII в. последующим исследователям были предложены несколько гипотетических «сводов» XI в., а также три редакции ПВЛ. Яркий стиль работ Шахматова, его авторитет и положение в академических структурах, а также активность его ближайших последователей, повлияли на «канонизацию» его положений по истории раннего летописания в советской и российской историографии.³²

Для «реконструкции» древних «летописных сводов» Шахматов использовал тексты поздних летописей XV–XVI вв., в частности Новгородской Первой летописи младшей редакции (НПЛмл), из которой он «извлекал» остатки «Начального свода» – гипотетического предшественника ПВЛ. Одним из важнейших критериев древности текста НПЛмл по сравнению с ПВЛ для ученого было распределение в них цитат из славянских переводов византийских хроник – Амартола и Малалы. По мнению Шахматова, в «Начальном своде» отразилась некая компиляция отрывков этих хроник (хронограф), то ПВЛ добавила к ним цитаты из их полных переводов.

Так ли это, и каково соотношение летописных и «хронографических» произведений вне концепций Шахматова? – на этот клубок

30 В. Ю. Аристов, *Алексей Шахматов и раннее летописание: метод, схема, традиция* (Киев: Laurus, 2018).

31 В. Ю. Аристов, *Алексей Шахматов и раннее летописание: метод, схема, традиция*, 31–150.

32 В. Ю. Аристов, *Алексей Шахматов и раннее летописание: метод, схема, традиция*, 241–287.

вопросов свой ответ дала Татьяна Вилкул в монографии «Летопись и Хронограф».³³ Исследовательница провела трудоемкую работу по определению текстуальных связей между основными летописными памятниками (ПВЛ, Киевская летопись XII в., НПЛмл) и хронографическими текстами (Хрониками Амартола и Малалы, Александрией, «Историей иудейской войны»), а также детально рассмотрела проблему происхождения «хронографов» – древнерусских исторических компиляций, включавших отрывки переводных (главным образом, исторических) произведений.

Принципиальным наблюдением Вилкул стало то, что в ПВЛ, вопреки Шахматову, отразились только полные переводы хроник Амартола и Малалы. Гипотеза о древнейшем хронографе оказывается не нужной.³⁴ Другой важный вывод – о сложении известных хронографов не раньше XIII в., во всяком случае после ПВЛ.³⁵ Заимствования из хронографических компиляций XIV–XV вв. Вилкул проследила в НПЛмл, т.е. там, где учёные шахматовской традиции видели отражение хронографа XI в. и «Начального летописного свода». Исследовательница показала, что соотношение НПЛмл и ПВЛ легче всего объясняется прямой зависимостью новгородского памятника от киевского. Происхождение текста начальной части НПЛмл, таким образом, связано с литературными событиями XIV–XV вв., а не с «летописными сводами» XI в.

Выводы исследовательницы позволяют более экономно представить историю летописания. Соотношение основных летописных текстов XII–XV вв., дошедших в рукописях XIV–XVI вв., объясняется без помощи гипотез об утраченных «летописных сводах» XI в. Текст НПЛмл, как и другие исторические произведения XV–XVI вв., можно смело вынести за скобки при рассмотрении истории начального летописания. Схема упрощается, и мы приходим к ПВЛ в единой редакции. Что было до нее – можно только гадать.

Кто же был автором первой хроники Руси? Этому хрестоматийному вопросу историографии посвятил специальные статьи Алексей Толочко. В одной из них исследователь наглядно показал, что тра-

33 Т. Вилкул, *Літопис і хронограф. Студії з текстології домонгольського київського літописання* (Київ: Інститут історії України, 2015).

34 Т. Вилкул, *Літопис і хронограф. Студії з текстології домонгольського київського літописання*, 100–239.

35 Т. Вилкул, *Літопис і хронограф. Студії з текстології домонгольського київського літописання*, 315–438.

диция о «Несторе-летописце» – относительно поздняя, не опирающаяся на показания древнейших летописных текстов и берущая начало в Киево-Печерском Патерике.³⁶ Идея о «Несторе-летописце» успешно переселилась в научную историографию, где была освящена такими именами, как Николай Карамзин или Алексей Шахматов. Отказывая Нестору, Алексей Толочко восстановил в правах Сильвестра, игумена киевского Выдубицкого монастыря. Его колофон, датированный 1116 г., сохранился в Лаврентьевском (и родственных) списке ПВЛ. В нем Сильвестр утверждал, что «написал летопись». Согласно наблюдениям исследователя, текстуальные маркеры Сильвестр, отраженные в колофоне, прослеживаются на всем протяжении ПВЛ. Это указывает на его статус автора, а не переписчика или редактора хроники.

Источники социальной истории Руси: ОТКРЫТИЯ-ЗАКРЫТИЯ

Изучение древнерусского общества и его взаимодействия с правящей элитой традиционно осуществлялось на основании двух принципиально разных типов письменных источников: юридических и нарративных. Первые представлены редакциями Руской Правды, вторые – летописями. Разумеется, можно добавить жития, берестяные грамоты и некоторые другие виды письменных свидетельств. Но именно летописи и Правда служат стержнем, организующим исследовательскую мысль в сфере социальной истории. В украинской историографии первого десятилетия XXI в. появились работы, пересматривающие эти ключевые источники.

Книга Алексея Толочко «атаковала» Краткую редакцию Руской Правды.³⁷ Она долгое время считалась более древней, нежели Пространная редакция, и датировалась учеными второй половиной XI в. Эта последняя сохранилась во множестве списков, древнейший из которых датируется 1280-ми годами. Пространная Правда дошла до нас преимущественно в составе сборников юридического

36 OLEKSIY TOLOCHKO, "On Nestor the Chronicler", *Harvard Ukrainian Studies* 29, no. 1-4 (2007): 31–59.

37 А. Толочко, *Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста* (Київ: Інститут історії України, 2009).

содержания, что естественно для текста «судебника». Напротив, Краткая Правда сохранилась в списках летописи – Новгородской Первой младшей редакции. На основании анализа рукописей Краткой Правды и ее содержания и выявления анахронизмов, сличения с Пространной Правдой и рассмотрения памятника на культурном фоне XV в. исследователь переворачивает стандартное соотношение редакций. Согласно его разысканиям, Краткая Правда зависима от Пространной. Создание этого текста в Новгороде соотносится с развитием местного мифа о «Ярославовых грамотах» и распространением нового типа исторических сочинений – «летописных сводов» – компиляций, вобравших в себя различные историко-юридические «дополнения».³⁸

Следовательно, Краткая Правда выходит из круга источников по социальной и юридической истории Киевской Руси.

«Закрытие» Краткой Правды оставляет для историка её Пространную редакцию. Учитывая датировку списков (не ранее конца XIII в.) и возможные изменения со времен первой письменной фиксации судебных правил (середина XI в.), мы, тем не менее, имеем в распоряжении источник, в квалификации которого для изучения социальной истории вряд ли стоит сомневаться.

С нарративными источниками ситуация хуже, поскольку их авторы не имели целью зарегистрировать реальное состояние (и изменения) социальной структуры. Их задача – рассказать историю любыми доступными литературными средствами.

Проблеме достоверности сюжетов про «людей» и их отношения с князьями в древнерусских летописях посвящена книга Татьяны Вилкул «“Людьє” и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв.».³⁹ Исследовательница отказалась от «институционного» способа прочтения известий о вече, в рамках которого его понимают как «орган власти», а рассказы о нем – как отчёты о событиях. Вилкул рассмотрела сюжеты про «людей» как продукт нарративного конструирования, особенно заметного при анализе параллельных рассказов разных летописей. Исследовательница выделила стандартные нарративные модели, в которые укладывается большинство сюжетов

38 А. Толочко, *Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста*, 69–71, 88–112.

39 Т. В. Вилкул, *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.* (Москва: Квадрига, 2009). Впервые книга была издана в 2007 в отдельном томе альманаха «Ruthenica».

об активности «людей».⁴⁰ Как показано в книге, сама постановка вопроса о сущности, составе и функциях вече не вполне корректна, ведь историки работают лишь с тенденциозными и лишенными протокольной строгости рассказами. Под вопросом оказывается и сама «терминология» летописей, и собственно слово «вече». Выбор тех или иных слов / выражений, как выясняется, зависел не столько от реального состояния дел, сколько от ориентаций книжника на литературные образцы.⁴¹ Более общий вывод Вилкул сводится к необходимости учёта устройства нарративов, опосредующих современного историка и социальные реалии Руси.

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

На стыке политической и церковной истории находится книга Александра Филипчука, посвященная «забытому святому» – князю Владимиру Великому⁴². Главный вопрос её – о причинах «византийского молчания» о равноапостольном правителе и самом факте крещения князя и его страны. Как бы компенсируя это «молчание» и в силу устоявшейся традиции, ученые рассматривали Владимира и начальный период христианизации Руси в византийском (греческом) контексте при использовании преимущественно русских источников, главным образом ПВЛ. Филипчук порывает с таким подходом.

Историк отводит летопись на второй план как источник не вполне достоверный и относительно поздний. Он перечитывает византийские тексты, освещающие эпизоды взаимодействия империи с Русью рубежа X–XI вв. (военная помощь Владимира Василию II, взятие Херсона, женитьба князя на Анне, появление кратковременной «византийской вуали» киевского двора).⁴³ Исследователь привлекает внимание к незаслуженно недооцененным латинским сочинениям, упоминающим Владимира и крещение Руси. В частности, это письмо миссионера Бруно Кверфуртского, лично бывавшего при киевском

40 Т. В. Вилкул, *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.*, 113–225.

41 Т. В. Вилкул, *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.*, 19–112.

42 О. Филипчук, *Забутий святий: князь Володимир Великий між Сходом і Заходом* (Київ: Laurus, 2020).

43 О. Филипчук, *Забутий святий: князь Володимир Великий між Сходом і Заходом*, 95–251.

дворе, жития Бруно, а также хроника Титмара Мерзебургского. Перечитывание этих текстов позволяет выявить детали, ускользавшие из поля зрения историков до сих пор. Филипчук доказывает большую роль Бруно в деле христианизации Руси на начальном этапе.⁴⁴

Смена угла зрения на известные тексты позволяет Филипчуку раскрыть многовекторность политики князя. Крестившись в византийском Херсоне, он радушно принимал латинских миссионеров. Вынудив отдать ему багрянородную царевну Анну, Владимир играл собственную игру. Для ромеев он был неудобной фигурой. Византийские тексты, прямо повествующие о Владимировом крещении Руси появляются только в XIV в. и оказываются зависимыми от русской летописи.

Один из главных выводов этого исследования – безосновательность представлений об учреждении Киевской митрополии при жизни Владимира.⁴⁵ Старая и освященная авторитетом Церкви традиция о первом митрополите киевском (Михаиле ли, Леоне ли) не имеет под собой оснований. Похоже, что Киевская митрополия действительно складывается в знакомой нам форме только при Ярославе.

Как недавно показал в специальной статье Алексей Толочко, последовательность киевских митрополитов XI в., этот хребет церковной истории Руси, тоже предстает не без изъянов⁴⁶. И виной тому уже не церковное предание, а модерная научная традиция. Главным слабым звеном оказался митрополит Ефрем, помещаемый в 50-е гг. XI в. Упоминают его только новгородские летописные и каталогические тексты XV в. ПВЛ и все остальные собственно древнерусские источники о нем молчат. Ефрем попал в список митрополитов благодаря академической традиции видеть в поздних новгородских памятниках отражение древнейших киевских текстов. Толочко обосновывает несостоятельность такого подхода и изымает Ефрема из числа киевских архиереев XI в. Это позволяет выстроить более достоверную последовательность митрополитов и уточнить время пастырства Илариона и Иоанна I.

44 О. Филипчук, *Забутий святий: князь Володимир Великий між Сходом і Заходом*, 255–409.

45 О. Филипчук, *Забутий святий: князь Володимир Великий між Сходом і Заходом*, 392–409.

46 А. П. Толочко, «Замечания о первых митрополитах киевских», *«Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори* (Москва: Индрик, 2018): 73–90. DOI: 10.31168/91674-483-5.6

На момент написания этого текста готовилась к печати книга Ярослава Затылюка о «Церковном уставе князя Владимира», где пересматриваются традиционные воззрения на происхождение текста.⁴⁷ Исследователь предлагает новую схему редакций «Устава», другие датировки и мотивы появления как отдельных редакций, так и памятника в целом. Затылюк связывает появление «Устава» с процессом усвоения византийского Номоканона (Кормчей) и оформлением юридического статуса Руской Церкви уже в монгольское время.

ПЕРЕСМОТР «ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОГО ГОСУДАРСТВА»

Еще в 90-е гг. XX в. в ходе возрождения досоветского и несоветского наследия украинской науки в оборот вернулась концепция «Галицко-Волынского государства», возникшая в трудах украинских историков конца XIX – начала XX вв. Такое государство заполняло «лакуну» между домонгольским и литовско-польским периодами и передавало эстафету государственности. В Галицкой и Владимирской землях XIII – середины XIV вв. пытались увидеть «правильное» государство: с административным устройством, столицей, системой наследования и т.п.

С 1290-х гг. галицко-волыньские территории погружались, по выражению Грушевского, «в киммерийскую тьму». И только редкие грамоты и сообщения соседских нарративов высвечивали отдельные события. За XIII в. биографию «государства» написать было легче. Главным подспорьем служила «Галицко-Волыньская летопись» (ГВЛ).

В начале 2000-х гг. проект комментированного издания ГВЛ принял Николай Котляр.⁴⁸ В основе классического издания Ипатьевской летописи 1908 г. лежал Ипатьевский список с подведенными вариантами из Хлебниковского – второй по древности копии памятника. Котляр опубликовал текст по Хлебниковскому списку, хотя и указал для привыкшего читателя даты годов из Ипатьевского списка, отсутствующие в Хлебниковском – оригинальная ГВЛ была лишена хронологии.⁴⁹

47 Я. В. Затылюк, *Устав Володимира: походження та історія* (в печати).

48 М. Ф. Котляр (ред.), *Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар* (Київ: Наукова думка, 2002).

49 О ее происхождении см.: А. П. Толочко, «Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волыньской летописи», *Paleoslavica* 13, no. 1 (2005): 81–108.

В 2020 г. по результатам шестилетнего проекта вышла монография, написанная коллективом исследователей⁵⁰ под редакцией Алексея Толочко – «Галицко-Волынская летопись. Текстология». Это наиболее обширное на сегодня собрание текстологических и исторических замечаний к тексту хроники. Книга состоит из комментариев к отдельным фрагментам памятника, а также общих наблюдений об истории ГВЛ, которые помещены в предисловии. Издание сопровождается грамматическим указателем всех имеющихся в тексте словоформ.⁵¹

В историографии можно выделить три схемы сложения ГВЛ. Одна из них, построенная по шахматовским принципам и ярче всего выраженная Антоном Генсерским, представляла ГВЛ как пять-шесть «сводов»-редакций, каждая из которых вбирала в себя предыдущую. По другой гипотезе, сформулированной Николаем Котляром, ГВЛ была компендиумом отдельных «повестей» – таких же, как и своды, субъективно выделяемых текстов. Третья гипотеза была заложена Николаем Костомаровым и развита лингвистами во второй половине XX в. Согласно этой схеме наличный текст ГВЛ состоит из двух частей, условно – «галицкой» и «волинской». Они предстают двумя совершенно разными произведениями, механически соединенными впоследствии.

В отличие от предыдущих исследований, авторы книги не занимались восстановлением утраченных источников ГВЛ. Их задача заключалась в прослеживании формирования существующего текста. Для достижения цели использовались стандартные приёмы конъектуральной критики текста. «Медленное чтение» ГВЛ дало возможность выявить текстуальные слои и интерполяции и определить несколько «редакторских эпизодов» истории текста.

Главный вывод авторов следующий. Первая часть ГВЛ была создана во 2-й половине XIII в. по нарративным моделям хронографических произведений, вероятно, в черновом варианте. В конце 1280-х гг. она была продолжена второй частью. В 1290-х гг. весь текст был отредактирован и соединен с киевским летописанием. В таком виде он дошёл до нас в списках Ипатьевской летописи.⁵²

50 Авторами комментариев стали: Алексей Толочко, Владимир Рычка, Вадим Ставиский, Петр Толочко, Катерина Кириченко, Ярослав Затылюк, Татьяна Вилкул, Вадим Аристов. О. П. Толочко (ред.), *Галицко-Волинський літопис: текстологія* (Київ: Академперіодика, 2020).

51 Составлен Ириной Юрьевой.

52 О. П. Толочко (ред.), *Галицко-Волинський літопис: текстологія*, 10–53.

Помимо узко текстологических наблюдений этот том содержит исторические разыскания, которые стали возможны благодаря источниковедческой работе. Приведем лишь нескольких примеров. Один из них – казус болоховских князей. Упоминания о них в сообщениях ГВЛ за 1230-е гг. давал почву для предположений об их древнем происхождении (как «потерянной ветви» Рюриковичей или неких местных «реликтовых» князей). Внимательное изучение текстологии этих упоминаний показало их вторичность в контексте домонгольских событий. Как доказали Владимир Рычка и Алексей Толочко⁵³, достоверные сведения о болоховских князьях относятся в 1240–50м гг. Тем самым становится очевидной связь их появления с действиями монголов, а болоховские князья предстают как нововведение завоевателей на покоренных землях.

Другой пример касается представления о раннем возникновении Холмской епископии и временном существовании епископии в Угровске. Как показали разыскания, такой взгляд основан на некритическом прочтении списка владимирских епископов из ГВЛ. О епископии в Холме до рубежа XIII–XIV в. не может быть и речи. Угровская епископия вообще является недоразумением.⁵⁴

В целом, коллективная монография оказалась собранием новых выводов не только о летописи, но и о галицко-волынской истории XIII в. На основе помещенных в книге исследований выстраивается иной и, как представляется, более обоснованный, рассказ об этом отрезке украинской средневековой истории.

Постоянный интерес учёных привлекает тема связей Галичины и Волыни с западными соседями: Польшей и Венгрией. В 2011 г. в Кракове была опубликована монография Виталия Нагирного о внешней политике княжеств галицко-волыньских земель от захвата Романом Галича до смерти Даниила Романовича.⁵⁵ Через три года увидела свет монография Мирослава Волощука о выходцах из Руси на территории Венгерского королевства.⁵⁶ Благодаря этой работе в

53 См. также специальную статью: В. Рычка, О. Толочко, «Князи Болоховьщии», *Ruthenica* 13 (Київ, 2016): 83–107.

54 См. также специальную статью: А. Толочко, «Основание Холмской епископии», *Palaeoslavica* 25, no. 1 (2017): 254–277.

55 VITALIY NAGIRNYI, *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264* (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2011).

56 М. Волощук, «Русь» в угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції (Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2014).

руках историков есть удобный просопографический каталог «прозванных рускими» (как достоверно пришедших из Руси, так и тех, чье «русское прозвище» могло не указывать на происхождение и объясняться другими причинами).

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В УКРАИНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Не секрет, что тот же самый фрагмент прошлого может представлять в до неузнаваемости отличных образах в разные эпохи. Так произошло и с Древней Русью. Взгляд на нее, закрепленный в трудах Грушевского и его последователей – отнюдь не единственный и далеко не первый. На протяжении предыдущих столетий украинские образованные элиты по-разному воображали Русь и свою связь с ней (или отсутствие таковой). Исследование таких представлений составляет одно из весомых достижений современной украинской историографии.

В 2004 г. в институте истории Украины вышел коллективный двухтомник «Россия и Украина в исторической ретроспективе». Ряд глав был посвящен киево-русскому наследию в украинской исторической мысли XIX века.⁵⁷ Их автором стал Алексей Толочко. Это исследование легло в основу изданной в 2012 г. книги «Киевская Русь и Малороссия в XIX веке».⁵⁸ В ней автор показывает как на протяжении «длинного XIX века» происходило освоение истории Киевской Руси украинскими интеллектуалами. Главная идея книги состоит в том, что лишь присоединение к «короткой» малороссийской истории древнерусского «начала» превратило ее в «длинную» украинскую историю. Создание украинского национального нарратива связано с Михаилом Грушевским и его монументальной «Историей Украины-Руси». Алексей Толочко предлагает вынести за скобки кажущуюся естественность принадлежности Руси к украинской истории. Его отправным пунктом служит конец XVIII в., когда в многочисленных малороссийских текстах четко вырисовывался образ отечественной истории, который начинался с зарождения казачества и имел

57 О. П. Толочко, «Киево-руська спадщина в історичній думці України початку XIX ст.», *Україна і Росія в історичній ретроспективі*. Т. 1. (Київ: Інститут історії України, 2004): 250–350.

58 А. П. Толочко, *Киевская Русь и Малороссия*.

узкий территориальный охват. Однако в процессе российского «открытия Украины» в первой половине XIX в. как «своей античности», «собирая старины» малороссийскими патриотами, по мере путешествий-«паломничеств» образованных людей по недавно присоединенным к Российской империи территориям с Киевом во главе, начинает возникать идея о целостности того, что вскоре окажется украинскими этническими землями.⁵⁹

Вместе с этим, вставал вопрос о связи древнерусской истории с малороссийской. Алексей Толочко анализирует известную полемику между Михаилом Погодиным и Михаилом Максимовичем об этнической принадлежности древнего Киева и «Южной Руси» (малороссийской или великорусской). Он демонстрирует некорректность позднейших интерпретаций этого спора, в которых Максимович оказывался защитником украинского средневековья от великодержавных посягательств. На деле, Максимович отстаивал единство Малороссии и Великороссии как двух неотъемлемых частей Руси, а Погодин фактически выдвигал идею самостоятельности украинской истории (пусть и без Киевской Руси).⁶⁰

Символическому осмыслению Киева как второго Иерусалима в древнерусское время и последующие века посвящена книга Владимира Рычки.⁶¹ Другая важная в этом контексте монография ученого прослеживает образы равноапостольного князя Владимира от средневековья до современности.⁶²

Конструирование памяти про Владимира и инструментализацию святого князя и Руси в целом в украинских раннемодерных текстах, а также «воспоминание» древнерусской истории в эту эпоху плодотворно исследует Ярослав Затылюк.⁶³ Его работы наглядно

59 А. П. Толочко, *Киевская Русь и Малороссия*, 11–133.

60 А. П. Толочко, *Киевская Русь и Малороссия*, 207–235.

61 В. М. Ричка, «Київ – Другий Єрусалим»: з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі (Київ: Інститут історії України, 2005).

62 В. М. Ричка, *Святий рівноапостольний князь Володимир Святий в історичній пам'яті* (Київ: Видавничий дім «Скіф», 2012).

63 Я. В. Затылюк, «Підроблена грамота князя Романа Мстиславича Києво-Печерському монастирю: текст, джерела та “пам'ять” про киево-руське минуле її творців (перша половина XVII століття)», *Київська академія* 5 (2008): 102–113; Я. В. Затылюк, «Грамота Андрія Боголюбського Києво-Печерському монастирю», *Ruthenica* 7 (2008): 215–236; Я. В. Затылюк, «Давньоруська історія на службі у київських церковних ієрархів середини – другої половини XVII століття: політична риторика і статус митрополії», *Український історичний журнал*, no. 6 (2012): 40–56; Я. В. Затылюк, «Хрещення Русі князем Володимиром: конструювання історичної оповіді та її доповнення право-

показывают прагматизм, с которым средневековая Русь использовалась представителями православной Церкви и светской элиты: как в Речи Посполитой, так и в государстве Войска Запорожского. Появление грамот-фальсификатов, «открытие» мощей Владимира, конструирование схем истории «с участием» Киевской Руси – все это служило обоснованию прав (сословных / институциональных привилегий или собственностических прав) и формированию идентичностей.

В этом разделе очерка нельзя не упомянуть о таком важном археологическом событии, как издание в гарвардской серии «Густынской летописи» – ключевого памятника украинской историографии XVII в., осуществленное Алексеем Толочко.⁶⁴

За первое двадцатилетие нынешнего века украинские исследования Древней Руси окончательно оформились в самостоятельную дисциплину со своей институциональной структурой, разрастающимся сообществом и неповторимым почерком. В непростых внешних, публичных, и внутрицеховых условиях это сообщество сохранило верность научным принципам. Вместе взятые, работы украинских историков 2000–2020 гг. выводят изучение Руси на качественно новый уровень, соединяя интеллектуальную отвагу и профессионализм. Украинская киеворусистика доказала, что может и будет не перенимать, а задавать исследовательскую повестку дисциплины в целом. Наконец, достижения украинской историографии 2000–2020 дают возможность построить принципиально новые нарративы о Древней / Киевской Руси.

славными книжниками XII–XVI ст.», *Український історичний журнал*, no. 1 (2014): 40–58; Я. В. Затилюк, «“Мощі” князя Володимира у посольствах київських церковних ієрархів до Москви XVII століття», *Україна в Центрально-Східній Європі* 15 (2015): 165–191; Я. В. Затилюк, «От безымянных руин к православному Сиону: «места памяти» Руси-Украины XVII–XVIII вв.», в А. В. Доронин (ред.) *«Места памяти» руси конца XV – середины XVIII вв. Сборник статей* (Москва: Политическая энциклопедия, 2019): 350–377.

64 ОЛЕКСИЙ ТОЛОЧКО (ed.), *The Hustynja Chronicle* (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. – Volume XI). (Harvard Ukrainian Research Institute, 2013).

СТАНИСЛАВ КЕЛЕМБЕТ

«ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЛЕДИЕ» СОСЕДЕЙ: ЮЖНАЯ РУСЬ ПОД ВЛАСТЬЮ ЛИТВЫ, ПОЛЬШИ И ВЕНГРИИ В 1340–1430-Х ГГ. СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (2001–2021 ГГ.)¹

THE ‘LEGACY OF OLD RUSSIA’ IN HER NEIGHBOURS’ HERITAGE: SOUTHERN RUS’ UNDER THE RULE OF LITHUANIA, POLAND AND HUNGARY IN THE 1340–1430S. CONTEMPORARY UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY (2001–2021)

This paper gives an overview of modern Ukrainian historiography on the southern lands of Old Rus’ which had been under the rule of the neighbouring states. The first part discusses general problems, as well as issues of terminology, chronology, and general tendencies of Ukrainian historiography. The second part is dedicated to results in the field of source analysis, while the third one deals with the description of works on the southern lands which accepted the overlordship of the Grand Duchy of Lithuania (i.e. Volhynian, Kievan and Seversk lands). The fourth part summarises the historiography on lands belonging to the Polish Kingdom and temporarily to the Kingdom of Hungary (i.e. Galicia, Podolia). The author of the paper places special emphasis on the discussion of questions concerning the chronology and circumstances of conquests of Eastern Slavic regions by the neighbouring states, as well as on the administrative status and structure of the regions under discussion within the different political units.

Keywords: Galician-Volhynian Principality, Grand Duchy of Lithuania, Kingdom of Polen, Galicia, Podolia

Stanislav Kelembet – Candidate of Historical Sciences, Doctoral student of the Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine. E-mail: stas.kelembet@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2174-627X>

1 *Citation: СТАНИСЛАВ КЕЛЕМБЕТ, “‘Drevnerusskoe nasledie’ sosedei: Iuzhnaia Rus’ pod vlast’iu Litvy, Pol’shi i Vengrii v 1340–1430-kh gg. Sovremennaia ukrainskaia istoriografiia (2001–2021 gg.)” [The ‘Legacy of Old Russia’ in her Neighbours’ Heritage: Southern Rus’ under the Rule of Lithuania, Poland and Hungary in the 1340–1430s. Contemporary Ukrainian Historiography (2001–2021)], *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 181–205. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.21*

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В источниках XIV–XV вв. южная часть Древней Руси – территория, входящая в состав нынешней Украины, – никакого специального названия не имела. Византийский термин «Малая Русь», которым в нескольких документах XIV в. обозначены галицко-волынские земли, на месте так и не прижился (будучи «реанимирован» лишь в середине XVII в., но по отношению уже к другому региону – Среднему Поднепровью). Термин же «Украина», ставший в XX в. названием современного государства, появляется в источниках лишь в 1490-х гг. и длительное время, свыше столетия, имел исключительно «географически-ориентирующее» значение – обозначал окраинную/приграничную территорию Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), а после 1569 г. Польского королевства, в Среднем Поднепровье (Киевское и Брацлавское воеводства)². Поэтому корректность употребления терминологии «Украина», «украинский», применительно к «докозацкому» периоду истории страны, представляется весьма дискуссионной. В научной литературе XIX в. доминировали понятия «Южная Русь», «Юго-Западная Русь», и лишь в последней четверти столетия появляются «гибридные» термины «Русь-Украина», «Украина-Русь» (принятый в монументальном сочинении Михаила Грушевского), а затем и просто «Украина». Последний после распада Российской и Австро-Венгерской империй утвердился в исторической науке как УССР (периода «украинизации» 1920–1930-х гг.), так и западноукраинской в составе Польши, а также эмигрантской диаспоры. В позднем СССР на время был реанимирован термин «Юго-Западная Русь»³.

После провозглашения независимости возникновения независимой Украины в 1991 г., явно под влиянием этого события, термин «Украина» вновь стал употребляться в анахронистическом значении – применительно к периоду далекого прошлого страны, когда ее современного названия еще не существовало. Эта тенденция отразилась и в заглавиях обобщающих работ, написанных профес-

2 Об эволюции термина см.: Т. Чухльб, «Назви “Україна” та “Українини” в офіційному тезариусі держав Східної Європи та Малої Азії: діяхронно-семантичний аналіз (1490ті рр. – середина XVII ст.)», *Україна в Центрально-Східній Європі*, вип. 18 (2018): 13–58.

3 Классический пример – известная монография: Ф.М. Шабульдо, *Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского* (Киев: Наукова думка, 1987).

сиональными историками, посвященных «литовській добі» истории Украины⁴. Специализированный сборник, издающийся в Институте истории Украины НАНУ с 2009 г. (до 2021 г. вышло шесть выпусков), получил название «Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського». Впрочем, ряд современных украинских историков применительно к периоду XIV–XVI вв. предпочитают употреблять синхронные термины «Русь», «руський», конечно, не отождествляя их с «Россия», «российский».

В данном очерке дается обзор современной (2001–2021 гг.) украинской научной литературы, посвященной истории «литовско-польской» Руси в рамках столетнего периода 1340–1430-х гг. Нижняя хронологическая грань этого периода – 1340 г., начало иностранной экспансии на территорию «Галицко-Волынского княжества» (далее – ГVK). Верхняя грань определяется такими ключевыми событиями, как: образование в 1434 г. в составе Польского королевства Русьского и Подольского воеводств, где повсеместно вводилось польское право; Флорентийская церковная уния 1439 г., положившая начало расколу общерусской митрополии на Киевскую и Московскую; избрание в 1440 г. на престол VKЛ Казимира Ягеллона, который в 1447 г. стал фактическим основателем польско-литовской монархии Ягеллонов, объединившей Польшу и VKЛ в рамках личной династической унии. Особенностью обозначенного периода, главным образом для южнорусских земель VKЛ, является очень ограниченная источниковая база, к тому же «сужающаяся» по условной линии запад – восток. Именно для XIV – первой половины XV в. Елена Русина, одна из ведущих специалистов по теме, еще в 1993 г. предложила термин «Темные века», «заимствованный из арсенала английской истории»⁵.

4 О. В. РУСИНА, *Україна під татарами і литвою* (Київ: Альтернативи, 1998); *Україна: литовська доба 1320–1569* (Київ: Балтія-Друк, 2008); *Україна і Литва в XIV–XVI століттях. Політико-правові та соціально-економічні аспекти* (Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2011).

5 См.: О. РУСИНА, «Історія Київського князівства XIV–XV ст. у світлі нових даних», в *Україна крізь віки: Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України, професора Валерія Смолія* (Київ: Інститут історії України НАН України, 2010), 185. В обобщающей работе Е. Русиной, посвященной «литовскому периоду», первые два его этапа ограничены именно рамками 1340–1440 гг.: О. В. РУСИНА, М. Ф. КОТЛЯР, *Україна: Хронологія розвитку*. Т. 3 (Київ: КРІОН, 2009), 120–293 (розділ 2: Переділ давньоруської територіальної спадщини (1340–1380ті рр.); розділ 3: Буремні десятиліття (1390–1430ті рр.)).

Настоящая статья из-за ограниченного объема, конечно, не является подробным историографическим обзором. Во-первых, в ней не рассматриваются общие курсы научно-популярного и учебного характера⁶. Во-вторых, пришлось вообще опустить такие темы, как экономика, демография и социальная структура населения, право, религия и культура; впрочем, для Южной Руси полноценные исследования в указанных сферах, исходя из состояния источниковой базы, становятся возможны лишь с середины XV в. В-третьих, даже после этого обзор имеет весьма выборочный и поверхностный характер.

Общая характеристика украинской «литуанистики» по состоянию на 2003/4 г. дана в работе Катерины Кириченко⁷. С тех пор многое изменилось, количество «литуанистических» публикаций многократно возросло. Однако их особенностью по-прежнему является то, что они сконцентрированы на «своей» территории, т. е. современной Украины, бывшей далекими провинциями ВКЛ и Польши. Отечественных историков мало интересует центральная политика Вильно и Кракова, не касавшаяся южнорусских земель. Отсутствуют специальные работы, посвященные таким судьбоносным событиям, как польско-литовские унии 1385, 1401 и 1413 гг., гражданские войны в ВКЛ, включая даже «Свидригайлову» 1430-х гг. Из отношений ВКЛ с другими государствами, пожалуй, наибольший интерес вызывают литовско-ордынские. В этой сфере, например, идеи покойного Феликса Шабульдо⁸ получили развитие в работах Бориса Черкаса⁹.

-
- 6 Напр., упомянутые в двух предыдущих примечаниях. В свое время «интеллектуальным бестселлером» стал «Очерк истории Украины» до конца XVIII в. Натальи Яковенко, впервые опубликованный в 1997 г. Его расширенный вариант переиздавался в 2005 и 2006 гг.; однако те небольшие фрагменты, которые относятся к «нашему» периоду, кажется, практически повторяют первое издание, а поэтому выходят за рамки настоящего обзора (после 2000 г.). То же самое касается и другой книги имени того автора – «Украинская шляхта». Основной текст ее второго издания 2008 г. мало чем отличается от первого 1993 г. Исключение составляют генеалогические таблицы, подвергнутые существенной корректировке; их комментирование в рамках этой статьи совершенно нереально. Научные интересы Н. Яковенко, отраженные в других публикациях последнего 20летия, с периодом 1340–1430-х гг. почти не пересекаются.
- 7 К. Кириченко, «Історія Великого князівства Литовського в українській історіографії 1991–2003/4: основні тенденції», *Ruthenica*, т. IV (2005): 215–229.
- 8 Одна из последних работ (опубликована посмертно): Ф.М. Шабульдо, «К итогам изучения Синеvodской проблемы», *История и современность*, по 1 (2013): 69–89.
- 9 Итоговая монография: Б. Черкас, *Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.)* (Київ: Інститут історії України НАН України, 2014), (главы I.4–I.6).

О литовско-московских отношениях при великом князе Ягайло писал Виталий Василенко¹⁰.

Для украинских историков одним из важнейших является вопрос: чем же было для населения Южной Руси ВКЛ, иностранным угнетателем или «своим» государством? В XIX–XX вв. преобладала (но не доминировала) первая точка зрения, в последние десятилетия – вторая. Например, авторитетный «клицуанист» Елена Русина выступает сторонником оценки ВКЛ как «полиэтничного и поликонфессионального государства, чуждого религиозной нетерпимости и любых форм ортодоксии, с широкой региональной автономией, гарантиями личных и сословных прав»¹¹, русьская знать которого достаточно лояльно относилась к власти Вильно¹². Во многом это действительно так; однако не стоит забывать и то, что Городельская уния 1413 г. прямо поражала в правах православных: «схизматикам или другим неверным» официально запрещалось занимать высшие государственные должности в ВКЛ.

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Актовые документы

Современная украинская археография не может похвастаться особыми успехами в публикации актов 1340–1430-х гг. Этот период, к сожалению, почти «выпал» из сферы ее интересов. Хотя в 1997 г. Олег Купчинский специально подчеркивал особое значение, которое имеют для изучения отечественной истории древнейшие акты, приведя и перечень основных архивных собраний, где такие еще могут быть обнаружены. Исследователь отметил: «Выявление и публикация всего названного разнообразного актового и документального материала за XIV–XV в. [...], а следовательно, приращение его в стройную систему, которая бы соответствовала тре-

10 В. О. Василенко, «Литовсько-московські угоди 70х–80-х рр. XIV ст. (спірні проблеми історії Східної Європи)», *Український історичний журнал*, по 6 (2005): 177–190.

11 Е. В. Русина, «На исторических распутьях. К вопросу о социокультурном дистанцировании восточнославянских земель в XIV–XVI столетиях», *Исторический Вестник*, т. 7 (2014): 234.

12 О. В. Русина, «Проблеми політичної лояльності населення Великого князівства Литовського у XIV–XVI ст.», *Український історичний журнал*, по 6 (2003): 3–16.

бованиям современной археографической науки [...] были бы, несомненно, амбициозным мероприятием для украинской науки». В качестве примера историк опубликовал 11 актов за 1351–1427 гг. (и еще три позднейших), обнаруженных им «при случае» в упомянутых архивах¹³. Сам же О. Купчинский сосредоточился на изучении древнейших актов, относящихся к периоду «Галицко-Волинского княжества». Итогом его работы, длившейся несколько десятилетий, стала фундаментальная публикация 2004 г., в которой исследованы и критически изданы все известные автору акты ГВК: достоверные (с переводами латинских текстов на украинский язык), реконструируемые (в основном по *Галицко-Волинской летописи*, что весьма спорно), а также позднейшие фальсификаты и краткие упоминания в других документах¹⁴.

После присоединения Галицкой Руси к Польскому королевству в 1349 г. количество актов, относящихся к этому региону, резко возрастает, что объясняется широким распространением в королевстве письменной юриспруденции (в отличие от раннего ВКЛ). Массив известных галицко-русских грамот середины XIV – середины XV в., написанных в основном на латыни, но весьма часто и на «руськом»/«староукраинском» языке, многократно превышает количество актов, выданных для всех других земель Южной Руси, вместе взятых. Подавляющее большинство из них опубликованы, но «разбросаны» по огромному количеству изданий, отчасти малодоступных для украинских историков¹⁵. Из латиноязычных актов «повезло» лишь древнейшим привилегиям города Львова, которые систематизировал и перевел на украинский язык Мирон Капраль¹⁶. Кроме того, Олег Купчинский в упомянутой работе перепечатал 12

13 О. Купчинский, «Забуті та невідомі староукраїнські грамоти XIV – першої половини XV ст.», *Записки Наукового товариства ім. Шевченка у Львові*, т. 233 (1997): 333–359.

14 О. Купчинский, *Акты та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти* (Львів: ПростірМ, 2004). О спорных подходах и некоторых упущениях этой работы см. рецензию Е. Русиной в *Український археографічний щорічник*, вип. 10/11 (2006): 790–792.

15 В первую очередь, это касается издания: S. KURAŚ, I. Sułkowska-KURAŚ (wyd.), *Zbiór dokumentów małopolskich. Cz. 1–8* (Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1962–1975); в этой серии, охватывающей период до 1450 г., опубликовано огромное количество актов, относящихся к русским землям Польского королевства.

16 М. Капраль (упор.), *Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст.* (Львів, 2010, 2ге виправлене видання, електронний варіант); М. Капраль (упор.), *Привілеї національних громад міста Львова (XIV–XVIII ст.)* (Львів, 2010, 2ге виправлене видання, електронний варіант).

латиноязычных документов 1352–1439 гг. (содержащих упоминания о старых актах галицко-волинских князей), тоже снабдив их украинскими переводами¹⁷.

С другой стороны, определенные результаты приносят архивные поиски, в ходе которых удалось выявить и опубликовать ряд актов первой половины XV в. Например, Виталий Михайловский издал четыре «галицкие» грамоты 1400–1413 гг., обнаруженные в *Коронной метрике*, куда они были внесены при их подтверждении в XVI в., хотя и в польской транслитерации/переводе с руських оригиналов. Особое значение имеет акт 1412 г., содержащий уникальное свидетельство о принадлежности Галича князю Свидригайлу. Изданные документы В. Михайловский сопроводил обширными комментариями, в которых выразил сомнения в достоверности двух из них (на наш взгляд, не вполне убедительные)¹⁸.

Нарративные источники

Нарративами по ранней истории ВКЛ, созданными на его территории, являются три Летописных свода ВКЛ – Первый 1440-х гг. (включающий несколько самостоятельных произведений), Второй 1510-х гг. и третий 1520-х гг. (т. н. *Хроника Быховца*). Изучением этих памятников занимались такие украинские историки, как Елена Русина и Катерина Кириченко. Из отдельных текстов, входящих в состав *Первого свода ВКЛ*, Е. Русина детально проанализировала *Похвалу Витовту* (установив ее литературные источники) и в меньшей степени *Повесть о Подолье*. Последняя признается скорее памфлетом малой достоверности, созданным в русле политической идеологии ВКЛ 1430-х гг.¹⁹.

Главной особенностью *Второго свода ВКЛ* является наличие в нем т. н. легендарной части, описывающей «историю» Литовского государства до смерти Гедимина (1341 г.). Вполне обоснованной

17 Купчинський, *Акти*, 773–822.

18 В. Михайловський, «Історія одного розмежування біля Крилоса в 1412 році», *Вісник Львівського університету. Серія історична*, вип. 45 (2010): 521–544; В. Михайловський, «Жереб як спосіб визначення меж володінь: Декілька міркувань про довіру до середньовічних документів, відомих за пізнішими копіями», в *Inter Regnum et Ducatum. Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin* (Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2018), 389–404.

19 О. В. Русина, «Українські аспекти білорусько-литовського літописання: історія й історіографія», *Український історичний журнал*, no 6 (2016): 127–150.

следует признать точку зрения (наиболее полно изложенную белорусским исследователем Вячеславом Чемерицким), согласно которой вся легендарная часть является литературно-идеологической выдумкой начала XVI в., конструкцией, не имеющей ничего общего с реальной историей. При этом автор легендарной части довольно широко использовал *Галицко-Волынскую летопись* XIII в. (далее – ГВл), но «препарировал» ее информацию крайне произвольно.

Особенное значение имеет рассказ о походах Гедимины на Волынскую и Киевскую земли, военном поражении местных князей и присоединении их владений к ВКЛ. Эта легенда была подвергнута критике еще во второй половине XIX – начале XX в., однако мнение о ее достоверной основе было «реанимировано» в украинской историографии конца XX в. (Феликс Шабульдо, Вадим Ставиский, Леонтий Войтович). Елена Русина заново рассмотрела данный вопрос, убедительно показав вымышленность всего рассказа. В частности, имена персонажей-князей, кроме самого Гедимины и Ольгимонта Гольшанского (якобы первого литовского наместника в Киеве), автор легендарной части заимствовал из ГВл, «снабдив» их вымышленными титулами. Основной причиной создания «Гедиминовой легенды», развивая мысль Михаила Грушевского, Е. Русина считает позднейшие амбиции князей Гольшанских, принимая версию, что «широкая редакция» белорусско-литовских летописей «сложилась в кругах, непосредственно связанных с семьей Гольшанских, история которой тесно переплелась с историей Киевской земли»²⁰. Правда, литовский историк Рымантос Ясас еще в 1971 г. безупречно доказал, что инициатором создания и *Второго*, и *Третьего свода ВКЛ (Хроники Быховца)* был литовский магнат Альбрехт Гаштольд. Однако сути дела это не меняет, поскольку Гаштольд по материнской линии являлся потомком тех же Гольшанских²¹.

Прямую зависимость легендарной части *Второго свода ВКЛ* от ГВл, путем тщательного текстологического анализа, подтвердила также Катерина Кириченко. Согласно ее убедительному мнению, автор легендарной части использовал летописный сборник, аналогичный известному *Хлебниковскому*. Именно подобный кодекс имелся

20 О. Русина, *Студії з історії Києва та Київської землі* (Київ: Інститут історії України НАНУ, 2005), 41–53.

21 Р. Ясас, «Хроніка Быхаўца і яе паходжанне», *Беларускі гістарычны агляд*, т. 24, сш. 12 (2017): 212–220 (доступный перевод литовской публикации 1971 г.).

в библиотеке Альбрехта Гаштольда – заказчика *Второго свода*, – упомянутый в ее описи 1510 г. как «Книга летописец киевский». Наблюдения К. Кириченко лишний раз доказывают, что легендарную часть *Второго (и Третьего) сводов ВКЛ* нельзя рассматривать как сколько-нибудь достоверный исторический источник²².

Украинская историография внесла вклад и в «развенчание» некоторых специфических сюжетов, содержащихся в *Хронике Быховца*. В частности, Елена Русина доказала, что подробный рассказ об убийстве великого князя Сигизмунда Кейстутовича в 1440 г., который ранее считался едва ли не описанием очевидца, является вымыслом. При его создании использовался рассказ об убийстве Андрея Боголюбского в 1174 г., содержащийся в «Ипатьевской летописи»²³. Точнее, речь идет о *Киевской летописи*, которая во всех кодексах соединена с той же *ГВл* (по К. Кириченко, это был список, близкий к *Хлебниковскому*, а не *Ипатьевскому*).

При изучении южнорусских событий XIV в. определенное значение имеет т. н. *Густынская летопись* XVII в. В частности, этот поздний памятник содержит несколько «оригинальных» известий, которые иногда рассматривались как заимствования из некоего древнего, утраченного ныне источника. Критическое издание *Густынской летописи* по основному, Мгарскому списку, с обстоятельным источниковедческим предисловием, осуществил Алексей Толочко²⁴. Исследователь пришел к выводу, что памятник был создан в Киеве между 1624 и 1635 гг., а среди его источников невозможно выделить такие, которые были бы неизвестны современной науке. В свое время Вадим Ставиский²⁵ высказал мнение, будто несколько «оригинальных» сообщений *Густынской летописи* за XIV в. происходят из древних «реконструируемых» памятников – летописи

22 К.В. Кириченко, «Галицько-Волинський літопис і створення легендарної частини 2-го зводу літописів Великого князівства Литовського», *Український історичний журнал*, по 6 (2012): 111–129.

23 О. Русина, «Від Кузьмищі-киянина до киянина Скобейка (моделювання смерті в «Хроніці Биховця»», в Русина, *Студії*, 264–294.

24 О. Толочко (упорядник та автор передмови), *Густинський літопис* (Український Науковий Інститут Гарвардського Університету, 2013); подготовка этого издания была завершена еще в 2004 г. Другая публикация *Густынской летописи* осуществлена по единственному Густынскому списку 1670 г., протографом которого был Мгарский или тождественный ему список: ПСРЛ, т. 40 (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003).

25 Толочко, *Густинський літопис*, СХХVII–СХХХVI, СХLIX–СLVII.

1389–1392 гг. митрополита Киприана и киевской летописи Владимира Ольгердовича 1385 г. Однако Елена Русина показала, что первое из этих известий (1305 г.) скомбинировано на основе информации, содержащейся в поздних сочинениях Стрыйковского и Гваньини, в данном случае совершенно недостоверных. А киевский князь Федор, упомянутый в *Густынской летописи* под 1361 и 1362 гг., «является такой же литературной фикцией, как и некоторые другие правители Киева, зафиксированные только в этой летописи (Ярослав Ярославич, Иван Калита)»²⁶.

Помянник князей Черниговских

В древнерусской медиевистике, оперирующей весьма ограниченным кругом письменных источников, настоящим событием является введение в научный оборот любого такового. В 2007 г. Алексей Кузьмук издал помянник, некогда принадлежавший Введенской церкви в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры, по рукописи 1654 г. Как оказалось, в его составе содержится раздел, представляющий собой помянник князей древней Черниговской земли (епархии) XI–XV вв.²⁷. Аналогичный памятник был известен науке еще с середины XIX в. по тексту, входящему в состав *Любецкого синодика* середины XVIII в., и был признан главным источником по истории Черниговской земли «монгольского периода», почти не освещенной в летописях. После же публикации 2007 г. выяснилось, что Введенско-Печерская редакция не только на столетие старше Любецкой, но и значительно более исправнее, а главное – намного полнее. Предварительная характеристика и общее значение *Помянника князей Черниговских*, по обеим редакциям, были представлены нами в 2016 г.²⁸. Этот источник содержит ряд уникальных сведений, в т. ч. и об удельных князьях раннего «литовского периода».

26 РУСИНА, «Історія Київського князівства», 186–195.

27 О. Кузьмук (упорядкування та вступна стаття), *Помянник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври, в Лаврський альманах, спецвипуск 7* (Київ, 2007), 17–19.

28 С. КЕЛЕМБЕТ, «Пом'янки (синодики) князів Чернігівської землі як історичне джерело», *Сіверянський літопис*, по 6 (2016): 19–37.

Сфрагистические и нумизматические источники

В современной Украине главным специалистом по актовым печатям ВКЛ является Олег Однороженко. Он обследовал основные архивы, в которых хранятся как документы с оригинальными печатями, так и описания/прорисовки ныне утраченных печатей (рукопись Яна Замойского, в XVI в. сделавшего опись актов краковского Коронного архива). Результаты этой работы отражены в ряде ценных публикаций²⁹. Особо следует выделить общий каталог, где издано, часто впервые, огромное количество княжеских печатей ВКЛ, систематизированных по географическому принципу – землям и весьма условным «княжествам» (под которыми автор понимает любое имение титулованного владельца, даже самое мелкое)³⁰. К сожалению, работам О. Однороженко свойственен и ряд серьезных недостатков. По замечанию польского сфрагиста Якуба Рогульского, упомянутая публикация «во многих местах не вполне удовлетворительна»: описание печатей чересчур лаконично, не указаны их типы, даже материал изготовления (цвет воска, обозначающий статус владельца – С. К.), вид и состояние документа. «Отсюда неизвестно, на каком основании исследователь реконструирует – часто очень подробно – печатное изображение и текст окружающих надписей. Вызывают возражения также рисунки печатей – в сравнении с материалом источников, хранящимся в Государственном Архиве в Кракове, эти рисунки часто удивляют своей точностью»³¹.

Выдающихся успехов за последние десятилетия достигла украинская средневековая нумизматика. Особо следует отметить открытие монет Подольского княжества, идентификацию которых осуществили в 2004 г. Олег Погорилец и Ростислав Саввов. Речь идет о т. н. «подольских полугрошиках» (известны по письменным источникам), чеканившихся князем Константином Кориатовичем в 1380-х – начале 1390-х гг., а также разменных денариях, выпускавшихся,

29 Из их долгого списка отметим: О. Однороженко, «До історії української генеалогії та геральдики: княжі роди XIV–XVII ст.», Генеалогічні записки Українського геральдичного товариства, вип. 6 (2007): 45–86; вип. 8 (2010): 1–34.

30 О. Однороженко, *Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст.* (Харків: «Мадрид», 2009).

31 Jakub ROGULSKI, «Manifestacja dynastycznego pochodzenia na pieczęciach książąt Czartoryskich z drugiej połowy XVI wieku», *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego*, nowej serii t. 12 (23) (2013): 206, przyp. 6.

возможно, его младшим братом Федором. К настоящему времени количество подольских монет, обнаруженных в т. ч. в составе кладов, составляет уже далеко за сотню. Они свидетельствуют не только о политических амбициях Подольского княжества, но и его вассальной зависимости от Венгерского королевства. Дело в том, что на одном типе «подольских полугрошиков» изображался герб венгерских королей Анжуйской династии, а на другом – геральдическое навершие шлема из герба Людовика Венгерского (коронованная голова страуса с подковой в клюве). Таким образом, нумизматические данные подтвердили информацию некоторых письменных источников, в т. ч. косвенную – отсутствие Кориатовичей среди князей Гедиминовичей, выдавших присяжные грамоты Владиславу Ягайлу после его избрания польским королем в 1386 г.³²

Значительно продвинулось вперед изучение монет киевского князя Владимира Ольгердовича, в первую очередь – благодаря работам Ростислава Саввова. Если к концу 1990-х гг. было известно около 1100 их экземпляров³³, то в настоящее время – более 10 тысяч, включая несколько новых типов (в одном только Броварском или Русановском кладе, найденном в 2012 г., содержалось более 5 тысяч киевских монет)³⁴. Безусловно, этот факт сам по себе свидетельствует об экономической мощи и самостоятельности Киевского княжества в составе ВКЛ. В многочисленных работах Константина Хромова, Ирины Хромовой, других исследователей изучается джучидская нумизматика, ранние подражания джучидским монетам в Среднем Поднепровье, монетная чеканка Северной земли 2-й половины XIV в. Появилась обобщающая монография Андрея Крижановского о продукции Львовского монетного двора XIV–XV вв.³⁵

32 О. Погорілець, Р. Саввов, «Монета подільського князя Костянтина», *Нумізматика і фалеристика*, по 3 (2004): 24–29; Р. Саввов, «Ще раз про так звану монету Федора», *Нумізматика і фалеристика*, по 2 (2010): 8–10; Р. Саввов, «Скарб монет XIV ст. зпід Смотрича», *Львівські нумізматичні записки*, ч. 8–9 (2011–2012): 49–55; Р. Саввов, «Подольський полугрошок и денежное обращение в Подольском княжестве», *Банкаўскій веснік, сакавік* (2016): 12–19.

33 Русина, *Україна*, 69.

34 Р. Саввов, «Метрологічні характеристики монет Володимира Ольгердовича», *Львівські нумізматичні записки*, ч. 14–15 (2017–2018): 5–10; и целый ряд других работ.

35 А. Крижанівський, *Львівський монетний двір у XIV–XV ст.* (Львів: Галицька видавнича спілка, 2007).

ЮЖНОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Волы́нская земля

Эволюция значений термина «Волынь», «Волынская земля» наиболее подробно освещена Владимиром Собчуком. Историк констатирует, что в летописных и церковных источниках XIV в. «Волынской землей называли практически всю Галицко-Волынскую Русь в границах где-то начала XIV в. (до Берестейщины)». Однако в памятниках эпохи ВКЛ значение термина «Волынь» резко сужается, и «под ней понимали уже даже не всю часть принадлежащего этому государству наследия Романовичей»³⁶.

Литовская экспансия на южнорусские (современные украинские) земли началась именно с Волыни. В 1340 г. Любарт-Дмитрий, младший сын великого князя Гедими́на, женатый на дочери одного из последних Романовичей, был призван на престол ГВК во Владимире. В конце 1349 г. он потерял большинство своих владений, захваченных польским королем Казимиром III, сохранив один Луцк. Но Любарт не «опустил руки», призвал на помощь родственников из ВКЛ, и вместе они начали длительную, до 35 лет, борьбу за «Королевство Руси» с Польшей и Венгрией. В итоге под властью Любарта из десятка «земель», сформировавшихся на территории бывшего ГВК, сохранились только две – Луцкая и урезанная Владимирская, которые и стали основой «малой» Волыни в составе ВКЛ.

Борьба за «галицко-волы́нское наследство», реконструкция которой требует привлечения и анализа разнообразных источников, главным образом иностранных, в украинской историографии изучена весьма слабо. По количеству публикаций, посвященных теме, безусловным лидером является Леонтий Войтович³⁷. Однако тексты этого автора представляют собой поверхностно-компилятивные обзоры, в которых почти отсутствует критический анализ исполь-

36 В. Собчук, *Історична Волинь: Північний Захід України в регіональному та локальному вимірах минулого* (Кременець: Кременецько-Почаївський ДІАЗ, 2017), 24–30.

37 См. их библиографию за 2009–2019 гг., составленную самим автором: Л. Войтович, «Ще раз про права Любарта-Дмитра Гедиміновича на спадщину Романовичів», *Княжа доба: історія і культура*, вип. 13 (2019): 225, прим. 1. Последняя статья по теме: Л. Войтович, «Боротьба за спадщину Романовичів (1340–1434): між стереотипами та історичною правдою», *Княжа доба: історія і культура*, вип. 12 (2018): 121–142.

зованного материала, зато содержится немало произвольных предположений, необъяснимых фактических ошибок, даже не вполне верных ссылок³⁸. Вряд ли можно согласиться и с такими общими выводами Л. Войтовича: «Однако, последовательно борясь за восстановление Галицко-Волынского государства, Любарта-Дмитрий не мог просто стать литовским вассалом. Из-за этого и Литва официально не воевала с Польшей и Венгрией»; «До смерти Любарта-Дмитрия, который титуловался великим князем, Волынь оставалась независимым государством»; вассалом же ВКЛ стал лишь Федор Любартович³⁹. Эти утверждения противоречат хотя бы текстам основополагающих документов – литовско-польских договоров 1351/52 и 1366 гг., содержание которых Л. Войтович не рассматривает.

Тенденция к восприятию Волынского княжества Любарта как «независимого государства» еще ярче проявилась в научно-популярной литературе. Прежде всего, речь идет о книге луцкого историка-краеведа Петра Троневица, главная идея которой состоит в следующем: Любарта был литовцем лишь по происхождению, а фактически до самой смерти – законным правителем независимой Волынской земли, являвшейся «хранителем государственных традиций Руси-Украины и первичным сосредоточением зарождения украинского этноса в послемонгольское время»⁴⁰. Наиболее же реальной заслугой П. Троневица является обоснование тезиса, что именно Любарта перенес фактическую столицу Волыни из Владимира в Луцк, построив там мощный каменный замок.

Иной подход к характеру власти Любарта на Волыни принимает Владимир Собчук. Основываясь, в первую очередь, на договорах

38 Напр., Л. Войтович утверждает, что после подчинения Белза в 1377 г. король Людовик «отдал часть Белзкого княжества ратненскому князю Федору Ольгердовичу, который принес ему вассальную присягу. Городло с поветом получил другой королевский вассал – князь Александр Корятович». При этом даются ссылки на статью О. Халецкого и *Хронику Яна из Чарнкова* (Л. Войтович, *Галич у політичному житті Європи XI–XIV століть* (Львів: ЛіанаМ, 2015), 241). Однако там на указанных страницах ни «часть Белзкого княжества», ни «Городло с поветом» не упомянуты. Приходится признать, что это – домысел самого Л. Войтовича.

39 Войтович, *Галич*, 395.

40 П. Троневиц, *Великий князь Дмитрій-Любарта і його сучасники: історико-краєзнавчий нарис* (Луцьк: Твердиня, 2011). Идея независимого «Волынского государства» получила развитие в сборнике статей, название которого для историка-медиевиста звучит совершенно фантастически: *Українська Волинська держава XIV–XV століть*, спецвыпуск научно-популярного журнала *Пам'ятки України: національна спадщина*, по 5/6 (2017).

1352 и 1366 гг., историк приходит к выводу, что «правление Любарта на Волыни можно рассматривать как проявление родового совладения Гедиминовичей». Причем этот тезис, похоже, распространяется на весь период княжения Любарта, начиная еще с 1340 г.⁴¹

Автор этих строк убежден, что волынское правление Любарта делится на два периода, в течение которых статус литовского князя был принципиально различным. В 1340–1349 гг. он был единовластным, самостоятельным правителем всего ГВК; с 1350 г. – лишь удельным князем «малой» Волыни в составе ВКЛ. Специальная работа посвящена вопросу о династических правах Любарта, позволивших ему занять владимирский престол. Несмотря на то, что об этом сохранилось единственное, очень краткое свидетельство конца XIV в., в историографии по данному поводу возникло семь версий! Подробно проанализировав каждую из них, мы пришли к выводу, который еще в 1880-х гг. сделал чешский историк Ян Ржежабек: первой женой Любарта могла быть лишь дочь Андрея Юрьевича, князя Владимирского. Но после того, как Любарт в 1349 г. заключил второй брак с княжной Ростовской, он потерял право на «наследство» первой жены, чем, вероятно, и воспользовался Казимир III⁴².

В другой работе дан подробный обзор событий 1340–1351 гг. – от вокняжения Любарта до первого мирного договора, зафиксировавшего раздел ГВК между ВКЛ и Польским королевством. Этот договор мы относим к 1351 г. (а не 1352-му, как Михаил Грушевский и последующие историки). В нем Любарт фигурирует отнюдь не как «глава государства», а лишь как один из удельных князей, признающих власть великого князя Ольгерда. Уже тогда литовская часть «Королевства Руси», единовластным правителем которого недавно был Любарт, являлась расчлененной на несколько уделов, принадлежавших его братьям и племянникам; получил свою долю и глава ВКЛ – Ольгерд, которому достался г. Кобрин в Берестейской земле. Безусловно, из всех осколков бывшего ГВК владение Любарта, Владимирско-Луцкое княжество, сохранило наибольшую автономию. Однако оно все же являлось частью ВКЛ, без помощи которого попросту не смогло бы существовать, а никак не «независимым Волынским государ-

41 В. Собчук, *Від коріння до крони: Дослідження з історії князівських і шляхетських родів Волині XV – першої половини XVII ст.* (Кременець: Кременецько-Почаївський ДІАЗ, 2014), 30.

42 С. Келембет, «Любарт-Дмитро Гедиминович: перший шлюб і династичні права на Галицько-Волинське князівство», *Ruthenica*, т. XV (2019): 141–167.

ством». Важным пунктом договора 1351 г., который до сих пор не получил надлежащей оценки, являются отношения с татарской Ордой. Из документа выясняется, что южнорусские земли, подвластные литовским князьям, оставались и в зависимости от Орды, т. е. даже на Волыни действовал литовско-татарский *condominium* – двойное подданство (как и в польской Галиции 1350-х гг.)⁴³.

Наследником Дмитрия-Любарта, умершего в 1383/84 г., стал его сын Федор-Федот. Но в 1386 г. он был вынужден отказаться от стольного Луцка, а в 1393 г. – и от Владимира. Таким образом, почти вся Волынь сосредоточилась в руках великого князя Витовта. Вне его власти осталось лишь Ратенское княжество, принадлежавшее брату короля Ягайла – Федору Ольгердовичу. Полагаем, оно возникло в 1377 г., когда Федор, в то время, очевидно, князь Кобринский, принес присягу королю Людовика, получив от него значительные владения «в Польше». Судя по всему, речь шла о Ратне, Любомле и других волостях на северо-западе Владимирской земли, отошедших от Любарта к Казимиру III по договору 1366 г. Федор Ольгердович до конца жизни оставался прямым вассалом Польского королевства, поэтому на рубеже XIV–XV вв. Ратно и Любомль, возможно, еще при жизни князя (получившего взамен Жидачевскую землю), вошли в состав коронных владений. Биографии Федора Ольгердовича и Федора Любартовича, последних удельных князей на Волыни (не считая Свидригайла Ольгердовича в середине XV в.), подробно рассмотрены в наших специальных работах⁴⁴.

Общие сведения о всех князьях и княжеских родах, имевших владения на Волыни в середине XIV – середине XVII вв., систематизировал Владимир Собчук⁴⁵. Помимо вышеупомянутых Гедиминовичей, наибольшее влияние в регионе в рамках рассматриваемого периода имели два княжеских рода русского происхождения – Острожские и Несвижские (позже известные как Збаражские). История обеих этих родов изучена в специальных монографиях, опубликованных в течение последнего десятилетия. Князьям Острожским посвящена боль-

43 С. КЕЛЕМБЕТ, «Фінал «Королівства Русі»: боротьба за галицько-волинські землі в 1340–1351 рр.», *Ruthenica*, т. XVI (2021): 75–111.

44 С. КЕЛЕМБЕТ, «Федір Ольгердович, князь Кобринський, Ратенський та Жидачевський», *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського*, т. IV (2017): 146–170; С. КЕЛЕМБЕТ, «Федір-Федот (Федюшко) Любартович, князь Луцький і Володимирський, державця Сіверський», *Сіверянський літопис*, по 6 (2018): 13–36.

45 Собчук, *Від коріння*, 15–78 (глава «Аристократія Волині з князівськими титулами»).

шая книга Василия Ульяновского. Расцвет их могущества пришелся на XVI в., однако в первых главах упомянутой работы рассматривается и ранняя история рода в середине XIV – XV вв. В. Ульяновский приводит обзор различных версий происхождения Острожских, однако ни к одной из них так и не присоединяется, будучи уверен лишь в том, что эти князья были потомками династии Рюриковичей⁴⁶. История князей Несвижских-Збаражских подробно рассмотрена в книге, опубликованной автором этих строк. Собственно говоря, Несвижские до середины XV в. являлись родом не «чисто» волынским, а волыно-подольским: им принадлежали владения как на юге Волыни (Збараж), так и в Восточном Подолье (Винница, Хмельник). По нашему мнению, Несвижские были потомками древнерусских князей Болоховских, а те – скорее всего, ветвью черниговских Ольговичей, обосновавшейся в «Болоховской земле» в начале XIII в.⁴⁷

Киевская земля

Точное время и обстоятельства, при которых Киев был включен в состав ВКЛ, достоверные источники не сообщают. Лишь в «легендарной части» *Второго летописного свода ВКЛ*, составленного в 1510-х гг., помещен рассказ о походах Гедимина на Волынскую и Киевскую землю, якобы закончившихся их подчинением Литве. «Волынская» часть этого рассказа, прямо противоречащая достоверным фактам, критики не выдерживает, явно представляя собой художественный вымысел. Логично, что таким же вымыслом следует признать и «киевскую» часть; к такому выводу в свое время пришли Владимир Антонович, Михаил Грушевский и Павел Клепатский. Однако позже получила перевес точка зрения, якобы «киевская» часть, для которой прямых опровергающих фактов источники не сохранили, отражает реальные события начала 1320-х гг.

В украинской историографии 1980-х гг. «киевский поход» Гедимина принимался за реальный факт, который, впрочем, привел лишь к временному, «неполному» завоеванию Киева ВКЛ (Феликс Шабульдо, Вадим Ставиский). В 1990-х гг. против такой точки зре-

46 В. Ульяновський, *Князь Василь-Костянтин Острозький: історичний портрет у галереї предків та нащадків* (Київ: Простір, 2012).

47 С. КЕЛЕМБЕТ, *Князі Несвізькі та Збаразькі: XIII – початок XVI століть* (Кременчук: «БІТАРТ», 2021).

ния выступила Елена Русина, вернувшись к старому выводу о вымышленности всей «Гедиминовой легенды». Исследовательница раскрыла конкретные приемы (широкое использование *ГВл*) и цель фабрикации «легенды»; эти выводы согласуются с результатами изучения начальной части *Второго свода ВКЛ*, показавшего ее «политически-казачное», вымышленное происхождение⁴⁸. Тем не менее, Леонтий Войтович продолжил настаивать на реальности «киевского похода» Гедимины, поскольку существование князя Станислава Киевского якобы подтверждается двумя другими источниками: сочинением Афанасия Кальнофойского 1638 г., в котором среди ктиторов Киево-Печерского монастыря упомянут князь Станислав, и *Любецким синодиком*, где записан князь Иван Станиславич; такие «тройные совпадения просто исключены»⁴⁹. Однако, как показало наше сравнение с другими помянниками, в первом случае речь идет о Станиславе, сыне Владимира Великого, а во втором – об ошибке переписчика XVIII в. («Станиславича» вместо «Святославича») ⁵⁰.

Реальное включение Киевской земли в состав ВКЛ произошло при великом князе Ольгерде, в середине XIV в. По версии Феликса Шабульдо, это было «лишь восстановление утраченных некогда политических позиций Литвы в Среднем Поднепровье и в Киеве»; опираясь, в т. ч., на «оригинальные» известия поздней *Густынской летописи* (см. выше), историк относил подчинение Киевской земли к 1361–1362 гг.⁵¹ Более реалистичной представляется позиция Елены Русиной, которая, основываясь на некоторых документах церковного происхождения, принимает присоединение Киева к ВКЛ в рамках 1356–1361 гг. Исследовательница справедливо подчеркнула, что эта акция не могла быть следствием антиордынской деятельности Литвы: «инкорпорация украинских земель в состав ВКЛ была совершена на договорных основаниях, в форме кондоминиума, который предусматривал сохранение даннической зависимости инкорпорированных Литвой территорий от Орды»⁵². Вообще же Е. Русина, безусловно, является ведущим специалистом по «раннелитовской» истории Киевской земли, крайне слабо освещенной источниками.

48 См. выше, подраздел о нарративных источниках.

49 Войтович, *Галич*, 362, 392.

50 С. Н. КЕЛЕМБЕТ, «Князья Новгород-Северские: конец XII–начало XIV в.», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, no 4 (2019): 13–15.

51 Шабульдо, *Земли Юго-Западной Руси*, 57–60.

52 Русина, *Україна*, 56, 59–60.

Между прочим, ей принадлежит интересное наблюдение, что в период 1395–1435 гг. сформировалась, по сути, первая «литовская по происхождению киевская княжеская династия» – Гольшанских, представленная Иваном Ольгимонтовичем, его сыновьями Андреем и Михаилом⁵³. Правда, юридически Гольшанские все же являлись не киевскими князьями, а лишь наместниками (воеводами), представлявшими власть великих князей Витовта и Свидригайла.

В XIV–XV вв. в состав Киевской земли входили обширные, хотя и слабо населенные территории на левобережье Днепра, некогда являвшиеся юго-восточными волостями Черниговской земли и отдельной (в домонгольский период) Переяславльской землей. Присоединение этих территорий к Киеву, очевидно, произошло еще в «непроницаемую» монгольскую эпоху, когда в Киеве и Переяславле обосновались выходцы из Путивля и Новгорода-Северского. На здешних окраинах, приграничных с Ордой, в «раннелитовский» период существовали два уникальных образования – татарские княжества, признавшие сюзеренитет ВКЛ, но запустевшие к концу XV в. Одно из них, т. н. «Еголдаева тьма», включало городки-волости Мужеч, Милолюбль и Оскол, позже относившиеся к Путивльскому повету. Историю этого образования исследовала Елена Русина⁵⁴ (ее выводы требуют некоторых уточнений, обусловленных публикацией полной редакции *Помянника князей Черниговских*). Другое «татарское» княжество, включавшее городки Глинск, Полтаву и Глинницу на реках Ворскле и Суле, принадлежало князьям Глинским – потомкам знаменитого беклярибека Мамай; около 1400 г. они получили от Витовта еще Хоробор и Мену в южной Северщине. Эта тема стала предметом нашего исследования⁵⁵.

Северская земля

Настоящим «прорывом» в изучении данного региона в составе ВКЛ стала монография Елены Русиной, вышедшая в 1998 г.⁵⁶. Стоит отме-

53 Русина, *Студії*, 84–88.

54 О. Русина, «До історії Київської землі у XIV–XV ст.: Яголдай, Яголдайовичі, Яголдайова “тьма”», в Русина, *Студії*, 100–113.

55 С. КЕЛЕМБЕТ, «Князі Глинські: походження роду, Глинське князівство, володіння в Сіверській землі», *Сіверянський літопис*, по 2 (2019): 3–18.

56 О. Русина, *Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського* (Київ: Інститут української археографії та джерелознавства, 1998).

туть хотя бы то, что именно в этой работе *впервые* в историографии определена территория Северной земли, перечислены относящиеся к ней города XIV–XV вв., а также отмечено, что сам этот термин появляется в источниках лишь в 1393 г., хотя возник, вероятно, несколько раньше. Е. Русина провела ценный анализ очень немногочисленных сведений, сохранившихся о начальном периоде литовского владычества в Северной земле. Однако исследовательница «унаследовала» от предшествующей историографии и отдельные тезисы, имеющие крайне сомнительную доказательную базу (например, подчиненность Чернигова ВКЛ уже в 1360-х гг., отождествление князя Патрикия Давидовича Стародубского с Патрикием Наримонтовичем-Глебовичем).

В течение последних лет автор этих строк опубликовал ряд статей, посвященных первым литовским князьям Северной земли. В их рамках предложены новые решения некоторых проблемных вопросов. Полагаем, источники позволяют установить вполне конкретную датировку присоединения Великого княжества Черниговского к ВКЛ – период между 1372 и 1375 гг.⁵⁷ Весьма интересным фактом в истории Северной земли первой трети XV в. является то, что именно здесь получили владения «принцы крови», исповедующие чуждый для региона католицизм – Свидригайло, брат короля Ягайло, и Сигизмунд, брат великого князя Витовта. Оба они перешли со своих северских уделов, соответственно Черниговского и Стародубского, прямо на великокняжеский престол в Вильно (1430 и 1432 гг.).⁵⁸

57 С. КЕЛЕМБЕТ, «Великий князь Роман Михайлович II – останній самостійний володар Чернігова», *Сіверянський літопис*, по 2 (2016): 3–16; Он же, «Дмитро-Корибут Ольгердович – перший литовський князь південної Сіверщини», *Сіверянський літопис*, по 5 (2016): 13–34; Он же, «Князі Стародубські та Рильські: середина XIV – початок XV століть», *Сіверянський літопис*, по 2 (2015): 12–26.

58 С. КЕЛЕМБЕТ, «Литовсько-католицькі князі в Сіверській землі: 1401–1452 рр.», *Сіверянський літопис*, по 45 (2019): 8–32.

Юго-Западная Русь в составе Польского и Венгерского королевства

Галицкая Русь (Галиция)

Эти термины, принятые в историографии, для периода XIV–XV вв. довольно условны и имеют лишь «историческое» значение, обозначая «галицкую» часть бывшего ГВК – те четыре земли, которые в 1434 г. вошли в состав Русьского воеводства. Галич к тому времени давно утратил значение столицы региона, уступив его Львову. Термин «Галиция» сохранялся в традиционном титуле венгерских королей (присвоенном ими еще в начале XIII в.), а в титуле королей польских – включался в общее понятие «Русьская земля». В период правления Казимира III Галиция принадлежала Польше (1349–1370), однако верховным сувереном «Королевства Руси» считался венгерский король Людовик, который актом 1350 г. «уступил» его Казимиру лишь в пожизненное владение. Этот акт не был пустой формальностью, поскольку в 1370 г. Людовик, сам занявший польский престол, подчинил руськие земли Венгерской, а не Польской короне. Вскоре Людовик передал «Королевство Руси» силезскому князю, находившемуся на его службе – Владиславу Опольскому (1371–1378). Однако затем король изменил решение, установив здесь прямое управление венгерской администрации. Таковое длилось до 1387 г., когда польская королева Ядвига и ее муж, недавно избранный король Владислав-Ягайло, вернули Галицию в состав Польши. Местную администрацию возглавлял «генеральный староста Руси» с резиденцией во Львове.

В современной украинской историографии, по сравнению с польской, история Галиции середины XIV – середины XV вв. изучена значительно слабее (если не брать во внимание публикации краеведческого уровня). Из обобщающих работ можно отметить монографию Игоря Бойко, в которой рассмотрены такие вопросы, как государственно-правовой статус Галиции, ее административная структура, органы власти и правовая система, местное самоуправление. Автор подчеркивает, что в период 1349–1434 гг., до повсеместного введения польского права и создания Русьского воеводства, Галиция имела статус своеобразной административно-территориальной автономии. Фактически она выражалась в том, что здесь

«продолжали функционировать административно-правовые институты уже несуществующего Галицко-Волынского государства», в частности, не вводилось и не действовало польское право (т. е. сохранялось древнерусское). В то же время, формальное выражение галицкой автономии И. Бойко, и не он один на Украине, явно преувеличивает – утверждая, будто «Казимир титуловал себя не только королем Польши, но и королем Руси», а «Галицкая Русь (Галиция) с 1349 г. по 1434 г. в официальных документах именовалась «Руськое королевство» («Королевство Руси»)⁵⁹. На самом деле Казимир III титуловался лишь «господин Руси (*Russiae dominus*)», а в официальных актах, за исключением некоторых венгерских, Русь именовалась не «королевством», а просто землей (*Terra Russiae*).

Высшие административные «уряды» в Галиции занимали иностранцы-католики, широко практиковалась раздача земельных владений польской и силезско-немецкой шляхте, последней – при правлении Владислава Опольского, которому посвящены несколько статей Марты Жук⁶⁰. Вопрос о различных формах «феодализма» в Галицкой Руси подробно рассмотрен в работе Юрия Зазуляка. Автор приходит к выводу, что четкой системы вассально-ленных, т. е. собственно феодальных отношений западноевропейского типа, в регионе так и не сложилось. Королям удавалось сохранять «непосредственный контроль над всеми группами служебного рыцарства и земельными ресурсами», что «было главным препятствием для возникновения внутри рыцарства разветвленной вертикальной иерархии зависимостей»⁶¹. Отметим также статью Ю. Зазуляка, посвященную такому важному вопросу, как полонизация галицко-русской шляхты и ее переименование в католицизм, принявшее массовый характер с середины XV в. Пожалуй, главным внешним проявлением этого процесса являлась смена «русских» имен на «католические», отразившаяся в местном актовом материале⁶².

59 І. Й. Бойко, *Органи влади і право в Галичині у складі Польського Королівства (1349–1569 рр.)* (Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2009), 108–114.

60 См. напр.: М. Жук, «Особливості землеволодіння у Галичині в останній третині XIV ст. на підставі привілеїв князя Володислава Опольського», *Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Історія»*, вип. 24 (2010): 7–16.

61 Ю. Зазуляк, «Навколо полеміки про феодалізм на Галичині XIV–XV ст.», *Ruthenica*, т. V (2006): 170–193.

62 Ю. Зазуляк, «Rebaptizatio ruthenorum: подвійні імена та конфесійно-культурна ідентичність шляхти руського походження в Галичині XV ст.», *Ruthenica*, т. VI (2007): 275–298.

В последние годы на Украине повысился интерес к «региональной» истории Галицкой Руси. Здесь сформировалось четыре административных округа с постоянным статусом «земли» (*terra*) – Львовская, Перемышльская, Галицкая и Саноцкая. Перемышльской земле, в контексте истории местной шляхты, посвящена монография Игоря Смутка (интересующему нас периоду – глава II)⁶³. Формирование и административная структура Галицкой земли рассмотрены в статье Александра Аврамчука⁶⁴. Особый статус с конца XIV в. по 1442 г. имела Жидачевская земля или повет (*districtus*): она передавалась во владение князьям, ближайшим родственникам короля Владислава-Ягайла – его братьям Федору и Свидригайлу Ольгердовичам, двоюродному брату Федору Любартовичу и племяннику (по сестре) Земовиту V Мазовецкому. Однако это владение являлось не полноценным «удельным» княжеством, а лишь пожизненным держанием с ограниченными правами. Двое из перечисленных князей, помимо Жидачева, владели также соседним Стрыйским поветом, а Свидригайло како-ето время в начале XV в. – даже Галицкой землей⁶⁵.

В церковном отношении особенностью Галицко-Волинской Руси было то, что здесь в XIV в. функционировала самостоятельная Галицкая митрополия, отдельная от Киево-Московской. Первый период ее существования приходился еще на времена ГVK (1303–1347 гг., со значительными перерывами). Затем Галицкая митрополия, в урезанном виде, была восстановлена по просьбе-требованию короля Казимира III, удовлетворенной в 1371 г.; однако уже около 1400 г. эта церковная организация фактически упразднилась. Истории Галицкой митрополии посвятил специальную работу Игорь Скочиляс⁶⁶.

63 І. Смуток, *Руська шляхта Перемишльської землі XIV–XVIII ст. Історико-генеалогічне дослідження* (Львів: ПростірМ, 2017).

64 О. Аврамчук, «Формування території Галицької землі протягом другої половини XIV – останньої третини XV ст.», *Магістеріум. Історичні студії*, вип. 54 (2015): 3–9.

65 КЕЛЕМБЕТ, «Федір Ольгердович», 155–160; Келембет, «Федір-Федот (Федюшко) Любартович», 22–24; Он же, «Князь Федір (Федюшко) Любартович: володіння в коронній Русі та їх державно-правовий статус», *Український історичний журнал*, по 4 (2020): 4–20. DOI: 10.15407/uhj2020.04.004

66 І. Скочиляс, «Галицька митрополія XIV – першої половини XV століть: особливості еkleзіального, правового та суспільного статусу», *Княжа доба: історія і культура*, вип. 4 (2011): 246–279.

Подольская земля

Этот регион имеет к «древнерусскому наследию» весьма отдаленное отношение. Как отдельная административная единица, Подолье сформировалось в «темный век» монгольского периода. В систему древнерусских земель-княжеств оно не входило, пребывая под прямой властью татарских аристократов. Последние в середине XIV в. были вытеснены литовскими князьями Кориатовичами, младшими внуками Гедимины, которые создали на Подолье самобытное княжество, просуществовавшее, однако, лишь до 1394 г.

Время прибытия Кориатовичей на Подолье и их первоначальный статус, за отсутствием достоверных источников, являются дискуссионными. В старой украинской историографии преобладала точка зрения, основанная на свидетельстве *Повести о Подолье* (памятника 1430-х гг.), согласно которой Кориатовичи пришли сюда вскоре после Синеводской битвы 1363 г., являясь представителями ВКЛ. Однако, в начале XX в. польский историк Владислав Абрахам предложил принципиально другую версию: сыновья Кориата заняли татарское Подолье еще в 1340-х гг., якобы использовав условия, созданные «лишь благодаря Польше». Со временем эта гипотеза, с некоторыми видоизменениями, получила признание не только в польской историографии, но и в украинской (Феликс Шабульдо, Леонтий Войтович, Виталий Михайловский). Тем не менее, при внимательном рассмотрении всех аргументов, приводимых сторонниками «ранней» хронологии появления Кориатовичей на Подолье, выясняется, что реальной доказательной силы эти аргументы не имеют. Тогда как информация *Повести о Подолье*, по крайней мере, в плане хронологии особых вопросов не вызывает, вполне соответствуя политической ситуации в Орде периода «великой замятни» 1360-х гг.⁶⁷.

В современной Украине ведущим специалистом по истории Подолья, безусловно, является Виталий Михайловский – автор ряда статей и обобщающей монографии⁶⁸. Исследователь весьма обстоятельно, с широким привлечением документального материала, рассмотрел основные этапы истории региона, начиная с Подоль-

67 См. об этом: КЕЛЕМБЕТ, «Фінал «Королівства Русі»», 107–110.

68 В. Михайловський, *Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI ст.* (Київ: Темпора, 2012).

ского княжества Кориатовичей. Следует согласиться с автором, что эти князья, хоть и принадлежали к литовской династии, вынуждены были «балансировать» между ВКЛ, Польшей и Венгрией, последовательно признавая себя вассалами трех этих государств. Особый интерес вызывает то, что Кориатовичи, похоже, оставались вассалами Венгерской короны вплоть до потери Подольского княжества в 1394 г. Изгнанный оттуда Витовтом, Федор Кориатович бежал именно в Венгрию, где получил владения в нынешнем Закарпатье. Этому князю, особенно «закарпатскому» периоду его биографии, посвятил интересную статью Иосиф Кобаль⁶⁹, а затем Сергей Федака – даже специальную книгу⁷⁰. Впрочем, Закарпатье никакого отношения к «древнерусскому наследию» не имело, поскольку несколько веков являлось органичной частью Венгерского королевства.

69 Й. Кобаль, «Федір Корятювич у світлі нових джерел», *Карпатика*, вип. 32 (2005): 75–115.

70 С. ФЕДАКА, «Ми, Федір Корятювич, з ласки Божої, князь із Мункача...». *Історичний нарис* (Ужгород: Карпати, 2017).

ЯНОШ МАКАИ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ В СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (2000–2020 ГГ.)¹

HUNGARIAN HISTORIOGRAPHY OF MEDIEVAL RUS' (2000–2020)

This study provides an overview of Hungarian scholarship on medieval Rus' relating to a period of six centuries from 862 to 1462. From a professional point of view, the most significant contribution is a volume published by Márta Font in 2005 (*Within the Pull of the Great Christian Powers*), but the study reaching the widest audience was one written by the same author in 2016 (*From Russia to Muscovy*). Various regions of medieval Rus' (the Principality of Vladimir-Suzdal', Novgorod, the Principality of Moscow) have been treated in separate volumes by János Makai, Gábor Gyóni, and Tímea Bótor. Hungarian authors have published studies on famous historical figures of the period, including Vladimir Monomakh, Oleg Svyatoslavich, Aleksandr Nevsky, Andrei Bogolyubsky, and Vsevolod the Big Nest. Márta Font has excelled in the research of Hungarian–Eastern Slavic relations and of primary sources. In the two decades under discussion, three source publications were also published in Hungarian. Two of these were edited by Sándor Szili in Budapest, and the third volume was published by scholars from Szeged and Pécs. A terminological collection was completed by Magdolna Ágoston (Szombathely), and a historiographical volume was produced by János Makai (Eger). Finally, the study briefly surveys the role of the Centre for Russian Studies in Budapest in the research on medieval Rus'.

Keywords: Medieval Rus', Kievan Rus', Galicia, Vladimir-Suzdal', Novgorod, Moscow

János Makai – Head of Department at the Department of Ancient, Medieval and Early Modern History at Eszterházy Károly Catholic University. E-mail: makai.janos@uni-eszterhazy.hu.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-9214>

1 Citation: JÁNOS MAKAI, “Srednevekovaia Rus' v sovremennoi vengerskoi istoriografii (2000–2020 gg.)” [Hungarian Historiography of Medieval Rus' (2000–2020)], *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 207–225. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.22

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ, ТЕРМИНОЛОГИИ И ОБЪЕМА

Данная статья представляет собой обзор венгерской исторической литературы о шести веках русской истории: с 862 по 1472 гг., а именно с призвания варягов на Восточно-Европейскую равнину до начала княжения Великого князя московского Ивана III. При этом здесь проблемной является как начальная, так и конечная из указанных дат. Последняя останется таковой, даже если, говоря о средневековой Руси в более узком смысле, вместо 1462-го таковым посчитаем 1480-й год «стояния на Угре». Более того, неоднозначным является само использование понятия «средневековая Русь» в узком смысле выражения. В русскоязычной историографии применительно к периоду до 1240 г. используются термины «Киевская Русь», «Древняя Русь» или «домонгольская Русь», а о нескольких веках после 1240 г. говорится как о «феодальной раздробленности Руси». Картина станет еще более пестрой, если эти два длительных временных периода между 862 и 1462 гг. разделить на более мелкие отрезки. Проблемным является также и объем и количество исследований. В течение двух десятилетий – с 2000 по 2020 гг. – представители венгерской русистики были настолько плодотворны в своих изысканиях по теме, заданной в заголовке этой статьи, что само лишь представление и анализ всех их трудов могли бы составить целый том, поэтому в этой статье ограничимся обзором историографии по ней.

КРАТКИЙ ОБЗОР И СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ ИЗ КНИГ

К концу 1990-х венгерская историческая наука начала восполнять пробелы по заявленной теме: в 1997 г. вышел в свет том по истории России, трактовка событий в котором была представлена соответственно духу времени; затем, в 1998-м, вышел в свет том, посвященный историческим судьбам восточных славян вплоть до конца XV в. Главы «Истории России» о Киевской Руси и ее регионах написала Марта Фонт²; кроме того, она первой стала последователь-

2 FONT MÁRTA, KRAUSZ TAMÁS, NIEDERHAUSER EMIL, SZVÁK GYULA, *Oroszország története*, szerk. SZVÁK GYULA (Budapest: Maecenas Holding Rt, 1997), 5–61, 63–123.

но употреблять оба этих понятия. Ей же полностью принадлежит авторство второй книги, сам заголовок которой [«Россия, Украина, Русь»] намекает на запутанность темы.³ Хотя изданная Мартой Фонт в 1998 г. книга до сих пор считается основополагающим трудом и поэтому в последующие два десятилетия потребность в издании полной истории средневековой Руси не возникала, все же можно вести речь о нескольких значимых исследованиях, опубликованных в 2000–2020 гг.

Первой в хронологическом порядке стоит отметить изданную в 2001 году книгу [«История Восточной Европы»] Эмила Нидерхаузера, авторитетного специалиста в венгерской исторической науке. В предисловии к своей книге автор формулирует следующие мысли: «Уже около полувека я занимаюсь историей Восточной Европы, <...> и поэтому я подумал, что прежде чем покинуть ряды публикуемых авторов, я должен дать свое собственное представление о Восточной Европе. Публикации таких постмодернистских нарративов (все еще) остаются в моде. Я не пишу подробную историю – это требовало бы более пространных текстов и большего количества томов. Я пишу о том, что считаю важным, значимым с точки зрения исторического развития».⁴ Учитывая, что будапештский историк в состав Восточной Европы включил еще и Центральную Европу, государства Балтии и Балканского полуострова, и рассматривает в своей книге огромный временной промежуток, начиная с 500 и заканчивая 2000 годом, средневековой Руси он смог уделить всего несколько страниц. Автор лишь бегло упомянул о некоторых проблемах и событиях.

Одним из важнейших исследований этого периода стал труд Марты Фонт «Под влиянием великих христианских держав» (2005). Говоря о событиях в исследуемом регионе (рассматриваются земли под управлением династий Пржемысловичей, Пястов, Арпадовичей и Рюриковичей) в течение X–XII вв., автор использует понятие «промежуточная Европа», мотивируя такое словоупотребление попытками двух христианских держав (Византийской империи и Священной Римской империи) обратить проживающие там народы

3 FONT MÁRTA, *Oroszország, Ukrajna, Rusz* (Budapest, Pécs: Balassi Kiadó, University Press, 1998).

4 NIEDERHAUSER EMIL, *Kelet-Európa története* (Budapest: História, MTA Történettudományi Intézete, 2001), 9.

в христианство.⁵ Фонт показывает и сравнивает Киевскую Русь с чешскими, польскими и венгерскими землями с точки зрения принятия христианства и учреждения церковных структур, экономики и общественной жизни. На основании такого сравнения автор, профессор Печского университета, вначале пришла к заключению, что в X–XII вв. Киевская Русь также была частью «промежуточной Европы»,⁶ а затем, что эта часть Европы была единым регионом лишь с географической точки зрения, а к концу XII в. «промежуточная Европа» уже распалась на Центрально-Восточную и Восточную Европу.⁷

Региональные концепции Эмила Нидерхаузера, а еще больше Марты Фонт, оказали значительное влияние на труды печских исследователей, опубликованные в 2007 и 2009 гг. Издание 2007 г. представило результаты исследований Центра исторических и культурных исследований Восточной Европы и Балкан Печского университета. На основании этих исследований Эндре Шашхалми полагает, что анализ восточноевропейских и балканских политических образований, их сходств и различий в разные временные промежутки между 1000 и 1800 гг. является основанием для пересмотра проблематики европейских регионов.⁸

Авторы издания пытаются вместо понятия «государство» использовать понятие «власти», и в первую очередь исследовать ее природу. И в этом случае Марта Фонт была тем автором, который дал полный обзор Руси Киевской и Руси, распавшейся на ряд княжеств, но ее периодизация – 1000–1204 гг. и 1204–1389 гг. – отличается от традиционной, да еще в большинстве случаев она установлена весьма спорным способом. Редактор книги, Эндре Шашхалми, исследует власть в Московском княжестве на протяжении столь же необычно установленного временного периода: с 1389 по 1453 гг., хотя сам Шашхалми и не является медиевистом в строгом смысле этого слова. Опираясь на собственную классификацию регионов Восточной Европы и полученные ранее выводы, Эндре Шашхалми приходит к заключению, что не позже XV в. происходит дотоле невиданное отдаление политической структуры Руси от такой

5 FONT MÁRTA, *A keresztény nagyhatalmak vonzásában* (Budapest: Balassi Kiadó, 2005), 9.

6 FONT, *A keresztény nagyhatalmak vonzásában*, 259.

7 FONT, *A keresztény nagyhatalmak vonzásában*, 265.

8 SASHALMI ENDRE (szerk.), „Kelet-Európa” és a „Balkán”, 1000–1800 (Pécs: Pécsi Tudományegyetem Kelet-Európa és a Balkán Története és Kultúrája Kutatási Központ, 2007), 12.

же структуры трех западноевропейских христианских королевств (Венгрии, Чехии и Польши) и, естественно, Балкан.⁹

Хотя том, вышедший в 2007 г. под редакцией Эндре Шашхалми, содержит более чем 450 страниц, в 2009 г. исследователи из Печа представили еще более пространный и с точки зрения формы более элегантный труд. Этот сборник был подготовлен при помощи докторантов кафедры истории Средних веков. В нем исследуется формирование регионов в центре Европы (в Центральной, Восточной Европе и на Балканах) в период между 900 и 1453 гг.¹⁰ Из редакторского предисловия Марты Фонт можно понять, насколько структура этой книги отличается от сборника, вышедшего двумя годами ранее: «Темой наших исследований стало, прежде всего, династическое правление как политическая рамка. Затем мы занялись вопросами организации, возникновения и функционирования отдельных институтов власти. Наконец, третьим аспектом наших исследований стал вопрос о распространении христианства и его роль в формировании властных структур <...>».¹¹ Главы сборника, посвященные истории Восточной Европы, Марта Фонт составила из своих собственных трудов, а также статей Тимеи Ботор и Эндре Шашхалми.

В 2016 году вышел четырехтомник «Венгерские исследователи о всеобщей истории» под редакцией Тибора Франка, в котором в качестве отдельного тома под заголовком «Рождения Российской империи» был опубликован труд Марты Фонт, представляющий собой обзор весьма длительного исторического периода. Автор так объясняет выбранный заголовок, «От Руссии до Московии»: у западных соседей новых государств Восточной Европы на латыни появились латинизированные формы названий восточнославянских земель: от слова *Русь* произошло *Ruscia* или *Ruthenia*, а позднее, в течение XVI–XVII вв., новое политическое образование, возникшее вокруг *Москвы*, получило название *Moscovia*.¹² Кроме прочих, Марта Фонт занимается проблемами хронологии Киевской Руси, ее «виртуального» единства, ее регионами, татаро-монгольским нашествием, возвышением Москвы, а также вопросом киевского наследия. Для автора это исследование представляется важным,

9 SASHALMI (szerk.) „Kelet-Európa” és a „Balkán”, 1000–1800, 399.

10 FONT MÁRTA (szerk.), *Dinasztia, hatalom, egyház*, (Pécs: 2009).

11 FONT (szerk.), *Dinasztia, hatalom, egyház*, 19.

12 FONT MÁRTA, „Rusciától Moscoviáig”, in *Az orosz birodalom születései*, szerk. FRANK TIBOR (Budapest: Gondolat Kiadó, 2016), 22.

ведь она пытается на двадцати страницах показать средневековые корни России, начиная с далекого прошлого и заканчивая XV в. Это тем более важно, что Фонт уже ранее написала объемный труд на данную тему. Кроме того, в этой работе автор еще раз подтверждает, что она последовательно использует новейшие результаты, полученные в области ее давних исследований.

ИССЛЕДОВАНИЯ О РЕГИОНАХ, КНЯЖЕСТВАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В хронологическом порядке прежде всего стоит обратить внимание на труд Тимеи Ботор «От татарского вассала до независимого правителя», вышедший в 2011 г., в котором автор анализирует историю Московского княжества между 1336 и 1462 гг. в свете великокняжеских духовных грамот.¹³ В период работы над монографией эти документы еще не были переведены на венгерский язык, поэтому «Тимеа Ботор не могла поступить иначе, как только начать исследование великокняжеских духовных грамот с точки зрения филолога и историка языка и самой осуществить перевод этих документов. Эта работа дала ряд весьма ценных результатов для прояснения конкретных терминологических проблем».¹⁴ Поскольку на тот момент в Венгрии не было монографии по истории Московского княжества XIV–XV вв., автор в свете переведенных ею источников, кроме прочего, знакомит читателя с правилами престолонаследования, существовавшими в то время, с территориальным расширением государства, с государственной системой Московии и с переменами, связанными с имущественными правами, происходившими в княжестве, предлагая читателю достойный похвалы анализ этих вопросов.

Историк из Эгера Янош Макай в своем труде, опубликованном в 2015 г.,¹⁵ рассматривает годы правления князя Всеволода Большое

13 BÓTOR TÍMEA, *A tatár függéstől az önálló uralkodóig*, in *Ruszisztikai Könyvek XXVIII* (Budapest: Russica Pannonicana, 2011).

14 FONT MÁRTA, SASHALMI ENDRE, „Előszó”, in BÓTOR, *A tatár függéstől az önálló uralkodóig*, 8.

15 MAKAI JÁNOS, *Fejezetek Vlagyimir-Szuzdal 12–13. századi történetéből* (Eger: Líceum Kiadó, 2015).

Гнездо (1176–1212), а также подробно описывает внутреннеполитическое положение во Владимиро-Суздальском княжестве и его связи с другими древнерусскими центрами (Киевом, Новгородом, Рязанью) и с Волжской Булгарией. При этом автор иногда выходит за выбранные им хронологические и тематические рамки повествования, поэтому в книгу вошел рассказ о событиях, предшествовавших таким «внешнеполитическим» связям, и даже описание и анализ внутренних раздоров, существовавших в княжестве в течение нескольких лет после смерти Всеволода.

Работы Габора Дёни, исследователя Будапештского университета им. Лоранда Этвеша, отличаются хронологическим и жанровым разнообразием, но, несомненно, одним из направлений его научных интересов был Новгород. Впечатляющим результатом его исследований стало издание в 2018 г. монографии под заголовком «Политическая история средневекового Новгорода»¹⁶, в которой после ознакомления читателя с источниками автор представляет и анализирует всю историю Новгорода, начиная от появления там варягов и до присоединения Новгорода к Москве, уделяя внимание также анализу основных составляющих политического устройства региона. Этот труд Габора Дёни заслуживает всяческого признания, несмотря на то, что автор этих строк согласен далеко не со всеми утверждениями автора.

О НЕКОТОРЫХ ИЗВЕСТНЫХ ЛИЧНОСТЯХ

Изучением деятельности нескольких древнерусских князей занялись трое венгерских историков. В 2005 г. опубликован труд Яноша Макаи «Шапка Мономаха».¹⁷ Хотя главным предметом исследования является специфическая корона в форме шапки, автор повествует и о Великом князе киевском Владимире Мономахе, якобы получившем этот знаменитый артефакт в подарок от византийского императора. Суть оценки Яноша Макаи состоит в том, что Владимир Мономах был одним из самых значительных древнерусских князей. Все время своего княжения в Киеве (1113–1125) он держал

16 GYÓNI GÁBOR, *A középkori Novgorod politikatörténete*, in *Rusvizsitzikai Könyvek XLVI* (Budapest: Russica Pannonicana, 2018).

17 MAKAI JÁNOS, „A Monomah-korona”, *Világtörténet* (2005 tavasz-nyár): 65–79.

под контролем большую часть земель Руси, успешно занимался законотворчеством, а с его именем связаны и литературные произведения. Его родственник император Константин Мономах умер, когда Владимиру было максимум два года, поэтому он не мог отдать приказание своим полководцам напасть на Византию и, соответственно, не мог получить византийскую корону в результате никогда не существовавшей военной акции.¹⁸

Габор Дёни опубликовал труд о другом представителе династии Рюриковичей. В нем он подвергает резкой критике действия Владимира Мономаха, Переяславского князя. Он пишет, что в 1095 г. два половецких князя, Итлар и Китан, пожелали заключить мир с Владимиром, «но бояре и дружинники Владимира, нарушив клятву, истребили Итлара и Китана. Естественно, такое вероломное убийство со стороны Владимира, проповедававшего в своем “Уставе” честность и добро, не мог не привести к новой половецко-русской войне».¹⁹

В книге «Русские герои и антигерои», вышедшей в 2020 г., Марта Фонт также пишет о Владимире Мономахе, впрочем, не применяя в его отношении эпитеты, указанные в заголовке. В начале исследования историк из Печа устанавливает, что в жизни князя были события, память о которых оставалась живой и в последующие столетия Средневековья, и пытается раскрыть их исторический фон.²⁰ На основании такого многостороннего подхода к теме автор приходит к следующему заключению: тот факт, что память о Владимире Мономахе сохранилась с того далекого времени и стала частью исторической памяти, явился результатом совокупности ряда факторов. Этот князь уже в ранних источниках был признан важной персоной русской истории. Успехи в битвах с половцами дали ему реальную политическую и военную власть. Монгольское вторжение усилило внимание к личности Мономаха через призму религии, а его военные победы служили примером для набиравших силу московских князей. Церковная верхушка XV в. поддержала идею о византийском наследии, откуда появилась доньине быту-

18 МАКАИ, „A Monomah-korona”, 77.

19 GYÓNI GÁBOR, „Oleg Szvjatoszlavics: törésvonalak és értékválasztások”, in *A mi Ruszisztikánk. Tanulmányok a 20/25. évfordulóra*, in *Ruszisztikai Könyvek XL*, szerk. SZVÁK GYULA (Budapest: Russica Pannonicana, 2015), 96.

20 FONT MÁRTA, „Vlagyimir Monomah kijevi nagyfejedelem”, in *Orosz hősök és antihősök*, in *Ruszisztikai Könyvek XLVIII*, szerk. SZVÁK GYULA (Budapest: Russica Pannonicana, 2020), 37.

ющая идея о связи между золотой шапкой Мономаха и личностью Владимира Мономаха.²¹

Следующим историческим персонажем, на которого обращали особое внимание венгерские историки, был Александр Невский. Марта Фонт писала о нем в одном из печских научных изданий,²² затем этот же труд она опубликовала в сборнике, изданном ею совместно с Эндре Шашхалми.²³ Из исследованных автором летописей обнаруживается, что ради получения ярлыка от Орды князь Александр часто выступал в роли союзника ордынцев, помогая им в сборе дани. При этом Александр использовал сотрудничество с ордынцами для достижения собственных политических целей. Марта Фонт подчеркивает, что в памяти непосредственных потомков и в последующей традиции вырисовалось совершенно иное представление о деятельности Александра Невского, чему причина то, что дела Александра нам известны не только по летописям, но и по его беллетризированной биографии (житию), написанной через несколько десятилетий после его смерти.²⁴ В конце своего исследования Фонт заключает, что «образ Александра, канонизированный в житии, превратился в один из важных элементов русского национального сознания, в первую очередь благодаря церковно-политической позиции. В ходе такого превращения все забыли, какими в действительности были его отношения с ордынцами».²⁵

В начале XXI в. был запущен телепроект «Имя Россия», направленный на выбор 12 самых значимых персоналий в истории страны. По его результатам венгерские исследователи подготовили сборник портретов победителей конкурса.²⁶ О деятельности Александра Невского, признанного «величайшим русским», написал Габор Дёни. Под влиянием работ Сергея Соловьева, будапештский исследователь Дёни провел параллель между деятельностью Ярослава и Александра (сына и внука Всеволода Большое Гнездо): князь Ярослав несколько раз успешно отражал нападения на Новгородские

21 FONT, „Vlagyimir Monomah kijeви nagyfejedelem”, 56.

22 FONT MÁRTA, „Alekszandr Nyevszkij”, in *Orosz arcképcsarnok*, szerk. CSIBI NORBERT, MISZLER TAMÁS (Pécs: 2004), 3–14.

23 FONT MÁRTA, „Alekszandr Nyevszkij”, in *Állam, hatalom, ideológia*, szerk. FONT MÁRTA, SASHALMI ENDRE (Budapest: Pannonica Kiadó, 2007), 115–125.

24 FONT, „Alekszandr Nyevszkij” (2007), 119–120.

25 FONT, „Alekszandr Nyevszkij” (2007), 125.

26 SZVÁK GYULA (szerk.), *A tizenkét legnagyobb orosz* (Budapest: Russica Pannonicana, 2009).

земли с запада и сам возглавлял военные походы в западном и северном направлениях, много раз вступал в конфликт с Новгородским Вече, был первым русским князем, прибывшим на поклон к ордынскому хану; что же касается Александра, то он во многом продолжал политику, начатую отцом.²⁷ Габор Дёни назвал «коллорационистской» политикой связи с ордынцами князя, признанного «величайшим русским». Он так сформулировал свою точку зрения на культ князя: «В современной России культ Александра Невского призван выражать союз между государством и православной церковью, связь, ставшую для московской России ее вековым наследием <...> Однако авторы проекта утверждали, что именем России должна стать персона, способная указать направление пути нашим современникам, а Александр Невский, о жизни которого нам так мало известно, вряд ли является таковым».²⁸

В юбилейном сборнике Центра русистики Габор Дёни опубликовал исследование об Олеге Святославиче, внуке Ярослава Мудрого, который, по данным сохранившихся летописей, был сварливым и безрассудным князем Древней Руси. Согласно автору, Олег сотрудничал с половцами, стоял со своим войском напротив Киева, а его потомки (Ольговичи) продолжали сходный политический курс. Заигрывание Ольговичей с половцами носило не случайный, но систематический характер, что было общеизвестно по всей Руси и временами ужасало русичей.²⁹ Габор Дёни обращает внимание читателя на то, что в XII в. северо-восточные князья (Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский) также активно взаимодействовали с половцами, и называет их политику, направленную против Киева и в определенной мере поддерживавшую половцев, «политическим наследием» Олега.³⁰ Согласно заключительной оценке будапештского историка, деятельность Олега – хотя сам он в большинстве случаев терпел поражения – оказала значительное влияние на дальнейшую историю Руси.³¹

В своем исследовании о Владимире Мономахе Марта Фонт также пишет об Олеге Святославиче. С одной стороны, она определяет, что правление Владимира основывалось на лествичное право

27 Gyóni Gábor, „Alekszandr Nyevszkij”, in *A tizenkét legnagyobb orosz*, 26.

28 Gyóni, „Alekszandr Nyevszkij”, 26–27.

29 Gyóni, „Oleg Szvjatoszlavics: törésvonalak és értékválasztások”, 100, 103.

30 Gyóni, „Oleg Szvjatoszlavics: törésvonalak és értékválasztások”, 101–102.

31 Gyóni, „Oleg Szvjatoszlavics: törésvonalak és értékválasztások”, 103.

(старшинстве по летам среди родичей) в обычном праве рода, и его правление в Киеве признал его давний соперник Олег Черниговский, несмотря на то, что согласно правилам сеньората по старшинству отцов у Олега было преимущество перед Владимиром, а после смерти Олега его сыновья не оспаривали правление Владимира.³² С другой стороны, она формулирует свою позицию относительно обвинения «Повести временных лет» в том, что Олег с «язычниками» уничтожил Русь: «Правда состоит в том, что военную силу половцев, начиная от Олега Черниговского и до Перемышльско-Теребовлянских [...] князей, использовали все, включая и Владимира Мономаха».³³

В сборнике «Русские герои и антигерои» Габор Дёни публикует статью «Тяжелое наследие: память об Андрее Боголюбском в России». Свою цель он формулирует так: «Поскольку это исследование ведется в рамках цикла т.н. “героев и антигероев”, а героев всегда создают их окружение и потомки, ниже мы рассмотрим вопрос памяти об Андрее Боголюбском».³⁴ Хотя автор рассматривает этот вопрос с трех точек зрения (князь Владимиро-Суздальский в памяти современников и ближайших потомков, в московской исторической традиции и в историографии), и не без результата, но он не отвечает на вопрос, к какой категории он сам относит Боголюбского.

В этом же сборнике Янош Макай представляет младшего брата Андрея Боголюбского – Всеволода Большое Гнездо, и, в отличие от своего коллеги, он занимает четкую позицию по его классификации в парадигме «герой – антигерой». По его мнению, Всеволод Большое Гнездо был значимой личностью своего времени, но то, что в российском историческом сознании он занимает место героя, прослеживается не благодаря его деятельности, но лишь из нескольких строк «Слова о полку Игореве». Автор этого героического эпоса обращается к нескольким князьям второй половины XII в., и первое свое обращение он адресует Владимиро-Суздальскому князю. Кроме прочего, он высказывает уверенность в том, что Всеволод способен «Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать».³⁵

32 FONT, „Vlgyimir Monomah kijeви nagyfejedelem”, 50.

33 FONT, „Vlgyimir Monomah kijeви nagyfejedelem”, 47.

34 GYÓNI GÁBOR, „Nehéz örökség: Andrej Bogoljubzkij emlékezete Oroszországban”, in *Orosz hősök és antihősök*, 59.

35 MAKAI JÁNOS, „Nagyfészkü Vszevolod, Vlgyimir-Szuzdal hőse”, in *Orosz hősök és antihősök*, 98.

О ВЕНГЕРСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Данной темой преимущественно занималась Марта Фонт. В 2005 г. вышел ее труд «Короли Арпадовичи и князья Рюриковичи», в котором она представляет период от обретения венграми родины до смерти князя Даниила Галицкого. Благодаря впечатляющей разработке автором древнерусских и латинских источников, исследованию старой и современной литературы по теме, а также основательному знанию исторического контекста (внутренних связей в Венгрии Арпадовичей и средневековой Руси), это исследование стало одной из наиболее заметных работ венгерской историографии 2000–2020 гг.

Резюмируя, автор делает следующие выводы: в отношениях между Арпадовичами и князьями из династии Рюриковичей следует различать два направления. Изначальным было поддержание венгерскими королями отношений с великими князьями киевскими. Позже на место последних стали князья Галицкие, правители вновь созданного княжества. В XII в. некоторое время оба направления существовали параллельно. Начиная с 1180-х гг., галицкая «политика равновесия» становится все менее эффективной. В годы своего правления Андраш II активно вмешивался в конфликты на северо-восточном направлении, но его преемник прекратил эту политику. Бела IV, с одной стороны, перед татарским нашествием отказался от поддержки древнерусских князей, с другой стороны, он искал союзника среди галицких князей, кроме того, из-за татарской угрозы он пытался использовать галицких союзников для достижения своих целей в западном направлении.³⁶

В одной из своих работ 2018 г. Марта Фонт опубликовала подборку исследований, изданных в 2012–2017 гг. В ней она указывает на скудность достоверных данных о родственных отношениях между венгерским королем Андрашем I и великим Киевским князем Ярославом Мудрым, а также об особенностях сторон, участвовавших в переговорах на предмет коронации малолетнего принца Коломана (Калмана) королем галицким.³⁷ Благодаря большей источниковой

36 FONT MÁRTA, *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek* (Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 2005), 266–268.

37 В венгерских источниках – король Галиции и Лодомерии. – Прим. перев. FONT MÁRTA, „I. András és Bölcs Jaroszlav”, „Kálmán és Salomea. A koronázás problémái”, in *Dinasztiкус érdekek nyomában*, szerk. FONT MÁRTA (Kronosz Kiadó, 2018), 73–86, 89–97.

базе, более заметным является исследование Марты Фонт об элите, поддержавшей венгерское правление в Галиче, а также о деятельности Черниговского князя Ростислава на Руси и еще больше – в Венгрии.³⁸

ИЗУЧЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

Наибольшая заслуга в изучении и анализе литературных источников по средневековой Руси принадлежит Марте Фонт. В своей работе, посвященной положению Центральной и Восточной Европы в X–XII вв., наряду с центральноевропейскими источниками она обращает внимание на историографию, агиографию, философскую литературу, законы, торговые договоры Киевской Руси, а также данные из скандинавских и мусульманских источников, связанные с восточными славянами.³⁹ В другой работе, также изданной в 2005 г., она представляет такие важные для данной темы (короли династии Арпадовичей и князья династии Рюриковичей) источники как «Повесть временных лет», Киевскую и Галицко-Волынскую летописи.⁴⁰ В связи с этим, заслуживает внимания также монография преподавателя Дебреценского университета Марии Фоналки, в которой можно найти описание культурно-исторических аспектов Галицко-Волынской летописи.⁴¹

Марта Фонт во многих своих дальнейших исследованиях продолжает рассматривать источники средневековой Руси.⁴² Среди этих работ обобщающим характером выделяются труды, посвященные проблематике и дискуссионным вопросам восточнославянских хроник. Автор из города Печ исследует, среди прочих, важные для данной темы понятия (такие, как старославянский, древнерусский,

38 FONT MÁRTA, „A halicsi magyar uralmat támogató elit”, „Rosztizslav herceg IV. Béla udvarában”, in *Dinasztikus érdekek nyomában*, 99–117, 157–182.

39 FONT, *A keresztény nagyhatalmak vonzásában*, 25–83.

40 FONT, *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, 17–83.

41 FONALKA MÁRIA, *A Halics-volhíniai Évkönyv művelődéstörténeti vonatkozásai* (Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2001).

42 FONT MÁRTA, „The Structure and Authenticity of the Povest' vremennykh let”, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 58: 2 (2013), 345–364. DOI: 10.1556/SSLav.58.2013.2.10, FONT MÁRTA, „Az 'eltűnt' halicsi történetírás nyomai”, in *A pécsi ruszisztika szolgálatában*, szerk. BENE KRISZTIÁN, HUSZÁR MINÁLY, KOLONTÁRI ATTILA (Pécs: PTE BTK MOSZT Kutatócsoport, 2018), 293–302.

древневосточнославянский язык, книжник, философ), жанры историографии, проблемы хронометража, успешную реконструкцию текста «Повести временных лет», региональные группы русских летописей и использование источниками Василия Татищева.⁴³ Без преувеличения можно сказать, что все берущиеся за исследование истории средневековой Руси просто обязаны сделать этот краткий труд Марты Фонт основой для своих разработок. Вместе с тем, было бы желательно, чтобы она, как наиболее часто издающийся исследователь по данной теме, унифицировала написание названий источников – разнообразие таких написаний в этой и других работах автора иногда может запутать читателя.

В 2005 г. под редакцией научного сотрудника будапештского Центра русистики Шандора Сили вышел в свет первый том серии «Избранные источники по истории России». Он посвящен источникам по истории средневековой Руси.⁴⁴ Собственно Киевской Руси и источникам по истории древнерусских княжеств в ней уделено сравнительно немного места, а почти две трети объема занимают источники последней трети XV – конца XVII вв., или, по общепринятой терминологии, источники Нового времени. Шандор Сили обосновывает такой выбор в предисловии редактора, хотя и не подтверждает ссылками тот факт, что согласно точке зрения, принятой в международной русистике, русское «средневековье» длилось вплоть до конца XVII в. В данном случае, однако, можно было бы подготовить даже два тома по средневековым источникам, взяв конец XV в. за хронологическую границу. Первый том мог бы быть составлен из источников киевского периода и периода раздробленности Руси. В своем предисловии редактор дает ответ и на этот вопрос: он пишет, что стремился опубликовать источники, ранее не публиковавшиеся на венгерском языке.⁴⁵ Однако вряд ли можно это назвать весомым аргументом, поскольку большая часть ранее переведенного материала была труднодоступной уже в 2005 г.

В 2009 г. в серии «Избранные источники по истории Руси» вышел в свет том, посвященный норманнскому вопросу.⁴⁶ Как ре-

43 FONT MÁRTA, „Kódex – szöveg – szöveghagyomány”, *Aetas* (2014. 1.), 25–39.

44 SZILI SÁNDOR (szerk.), *A középkori orosz történelem forrásai*, (Budapest: Pannonica, 2005).

45 SZILI (szerk.), *A középkori orosz történelem forrásai*, 11.

46 SZILI SÁNDOR (szerk.), *A normannkérdés az orosz történelemben* (Budapest: Russica Pannonicana, 2009).

дактор и один из четырех переводчиков, Шандор Сили публикует в нем западноевропейские, византийские, арабские, персидские, скандинавские и восточнославянские источники по вышеуказанной тематике. Это было смелое предприятие, так как так называемые норманнисты и антинорманнисты начиная с XVIII в. спорят о том, какую роль сыграли скандинавы в организации древнерусского государства. Неслучайно автор пишет эти, почти утешительные строки: «Если читателя охватывает глубокое разочарование, потому что, <...> несмотря на тщательное изучение всех подробностей источников, опубликованных в этом томе, он так и не смог четко представить себе суть вопроса, не упрекайте себя в этом!»⁴⁷ Возможно, не будет преувеличением утверждать, что профессионально составленные сноски и комментарии могут быть по крайней мере так же полезны, как и прочтение источников. В редактируемом им издании Шандор Сили также использует новые термины. Если использование понятийной пары «современные норманнисты – современные антинорманнисты» может быть целиком оправдано с профессиональной точки зрения, то это вряд ли можно сказать о попытке ввести в оборот «старовосточнославянский» термин – это лишь затрудняет понимание венгерских специальных текстов. Если слово «древнерусское» приемлемо для авторов, публикующих свои тексты на ведущих языках мира, то его могут смело использовать и отечественные представители русистики.

В 2015 г. вышла в свет еще одна источниковедческая публикация, на этот раз в серии кафедры всеобщей истории Средних веков Сегедского университета. Перевод «Повести временных лет» на венгерский язык выполнен Иштваном Феринцем, преподавателем из Сегеда, пользующимся большим авторитетом в кругу русистов. Кроме самого перевода, значительным научным достижением является также написание комментариев и подготовка сопроводительных статей, предлагающих, среди прочего, обоснованные терминологические и хронологические рекомендации как исследователям, так и всем заинтересованным читателям. Примечания и комментарии подготовлены шестью, а пять статей – четырьмя исследователями (две из которых написаны Мартой Фонт).⁴⁸

47 SZILI (szerk.), *A normannkérdés az orosz történelemben*, 12.

48 BALOGH LÁSZLÓ, KOVÁCS SZILVIA (szerk.), *Régmúlt idők elbeszélése*, ford. FERINCS ISTVÁN (Budapest: Balassi Kiadó, 2015).

ТРУДЫ ПО ТЕРМИНОЛОГИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

В 2004 г. Магдолна Агоштон, играющая значительную роль в организации русистики в Сомбатхее,⁴⁹ издает сборник терминов, в предисловии к которому она так описывает проблемы, с которыми сталкиваются исследователи: «Высокий уровень знания русского языка недостаточен для изучения средневековых русских исторических источников. Получить необходимые знания и овладеть специальным словарным запасом можно лишь изучая язык средневековой книжности <...> Но следует также учесть, что значение многих терминов с тех пор в корне изменилось. В особенно тяжелой ситуации находится тот венгр, которому наряду с трудностями содержательного характера приходится воевать с подводными камнями чужого языка».⁵⁰

Для облегчения преодоления вышеуказанных препятствий Магдолна Агоштон составила терминологический словарь, который окажет помощь в первую очередь венгерским исследователям Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XII–XVI вв. Первые четыре части словаря содержат переводы и толкования терминов, связанных с организацией государства, общества, экономики и быта, а пятая поможет ориентироваться в мире средневековых единиц измерения, исчисления времени и платежных средств. Всего словарь содержит 3.877 терминов.⁵¹

Янош Макаи, преподаватель Эгерского университета, в 2018 г. представил труд по историографии,⁵² в названии которого («В лабиринте Клио») неслучайно фигурирует муза истории. Для исследователей данная тема (историография Киевской и Владимирско-Суздальской Руси) представляет собой настоящий лабиринт, ориентироваться в котором весьма сложно. Первая глава, в которой сверяются две современные точки зрения по данной теме, в некоторой мере выходит за пределы эпохального 1240 г., но в основном содержит взгляды историков, занимающихся Киевской

49 ÁGOSTON MAGDOLNA (szerk.), *Tanulmányok Oroszország múltjából* (Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság Nyugat-magyarországi Egyetem Savaria Egyetemi Központ, 2008).

50 ÁGOSTON MAGDOLNA, *Az orosz történelmi források terminológiája a XII-től a XVI. század közepéig* (Szombathely: Savaria University Press, 2004), 9.

51 ÁGOSTON, *Az orosz történelmi források terminológiája*, 8.

52 МАКАИ ЯНОС, *Klió labirintusában*, (Eger: Líceum Kiadó, 2018).

Русью. Во второй главе обобщаются оценки деятельности Андрея Боголюбского и его младшего брата Всеволода Большое Гнездо, а в третьей речь идет о трех событиях. Взятие Киева в 1169 г. было, без сомнения, самым известным из них, а также таким, последствия которого привели к наибольшим спорам, и поэтому часть главы, рассказывающая о нем, является наиболее сложной, так как она не только приводит оценки этого события, но и представляет авторскую концепцию, основанную на анализе источников. Текст сопровождается многочисленными иллюстрациями, а некоторые из рисунков абсолютно уникальны.

Несмотря на то, что словарь терминов Магдолны Агоштон и публикации источников, появившиеся за эти два десятилетия, позволили многое прояснить в профессиональной терминологии, книга «В лабиринте Клио» Яноша Макаи также содержит список терминов.⁵³ Это связано с несколькими факторами: с одной стороны, так читатель этой книги может ознакомиться с понятиями, что называется, на месте, не прибегая к помощи других изданий; с другой стороны, словарь Магдолны Агоштон содержал всего лишь одну треть от общего количества используемых здесь терминов. Кроме того, стоит упомянуть, что для толкования церковных и культурно-исторических концепций средневековой Руси можно использовать краткий лексикон, составленный будапештским искусствоведом Дёрдем Ружей, который занимает почти половину объема его монографии об иконах.⁵⁴

РОЛЬ БУДАПЕШТСКОГО ЦЕНТРА РУСИСТИКИ

Деятельность научно-исследовательского и методического центра русистики Университета им. Лоранда Этвеша, если принять во внимание его предшественника, Венгерский институт русистики, насчитывает более трех десятилетий. Более чем четверть века тому назад Центр начал выпуск серии «Книги по русистике», в которой в этом (2021) году вышел уже 50-й том. Материалы научных конференций имеют важное значение и с точки зрения медиэвистики. Поскольку ссылки на выступление не всегда полностью надежны,

53 МАКАИ, *Klió labirintusában*, 209–216.

54 RUSZA GYÖRGY, *Az ikon* (Budapest: Russica Pannonicana, 2012), 93–213.

его письменная версия позволяет уточнить позицию докладчика/автора. Еще одним преимуществом материалов конференций, издаваемых в серии «Книги по русистике», является их быстрый выход в свет. Кроме сборников докладов конференций по русистике, в этой серии публикуются и другие исследования. Из работ, проанализированных в нашей статье, в данной серии опубликованы книги Тимеи Ботор и Габора Дёни,⁵⁵ исследование последнего об Олеге Святославиче,⁵⁶ а также сборник исследований о героях и антигероях.⁵⁷

В 2005 г. Центр начал серию «Избранные источники по истории России». Первый том этой серии под редакцией сотрудника Центра русистики Шандора Сили познакомил читателя с источниками по средневековой истории Руси.⁵⁸ Первый из двух томов, посвященных норманнскому вопросу, также был опубликован в серии «Избранные источники по истории России».⁵⁹ (Планируется, что второй том представит историографическое направление возникновения исторических концепций, но более подробной информацией по нему мы пока не располагаем.)

В течение последних десятилетий во всех крупных государственных университетах Венгрии проводились исследования в области исторической русистики. Особо активны в этой области Будапешт и Печ, хотя и менее крупные провинциальные центры (Эгер, Сомбатхей, Ниредьхаза, Бекешчаба) тоже могут/могли представить публике результаты своих исследований. Деятельность исследователей из провинции в значительной мере связана с работой будапештских ученых. Дюла Свак справедливо отметил: «Центр русистики может сказать о себе, что в его зоне притяжения находится целый ряд ученых-русистов – будь то докладчики на научных конференциях или “участники извне”». ⁶⁰ Центр русистики предоставляет отечественным специалистам актуальную информацию, возможность участия в научных конференциях и публикаций, а также возможность пользования библиотекой.

55 BÓTOR, *A tatár függéstől az önálló uralkodóig*, GYÓNI, *A középkori Novgorod politika-története*.

56 GYÓNI, „Oleg Szvjatoszlavics: törésvonalak és értékválasztások”

57 SZVÁK GYULA (szerk.), *Orosz hősök és antihősök*, in *Ruszsztikai Könyvek XLVIII* (Budapest: Russica Pannonicana, 2020).

58 SZILI (szerk.), *A középkori orosz történelem forrása*

59 SZILI (szerk.), *A normannkérdés az orosz történelemben*

60 SZVÁK GYULA, „Az ‘oroszágismeret’ budapesti iskolája”, in *A mi Ruszsztikánk*, 31.

Одной из важнейших платформ для общения между Центром и венгерскими учеными-русистами является Венгерская секция Объединенного комитета венгерско-российских историков, которая функционирует уже несколько десятилетий. В 2000 г. в Эгере по инициативе и под руководством Шандора Гебеи была организована конференция этой секции. Ее работа приобрела новый импульс, когда в 2006 г., после реорганизации, ее возглавил Дюла Свак. Заместитель председателя секции Марта Фонт представляет в ее руководстве исследователей средневековой Руси. Венгерская секция регулярно проводит заседания в Центре русистики Университета им. Лоранда Этвеша и, несмотря на проблемы с финансированием, функционирует как авторитетная профессиональная организация. На заседаниях ее участники получают возможность не только для обмена информацией, но и проведения лекций и профессиональных дискуссий. Ниже перечислены заседания, полностью или частично посвященные истории средневековой Руси.

В 2007 г. Ласло Клима, эксперт по средневековой истории финно-угорских народов, представил данные русских летописей, касающиеся указанной языковой группы, и познакомил слушателей с археологическими находками. В 2013 г. Габор Дёни, молодой сотрудник Центра русистики, презентовал свои исследовательские замыслы. В рамках своей научно-исследовательской работы он представил оценку Новгорода в историографии и в общественном сознании. В 2015 г. в издательстве «Балашши Киадо» вышел перевод на венгерский язык «Повести временных лет», первой летописи Киевской Руси,⁶¹ а его переводчик Иштван Феринц в 2016 г. был приглашен на заседание Венгерской секции Объединенного комитета, где поведал много интересных подробностей, связанных с этим переводом. На этой встрече ценную дополнительную информацию предоставила Марта Фонт, автор части примечаний и двух из пяти исследований, связанных с «Повестью временных лет».

61 BALOGH LÁSZLÓ, KOVÁCS SZILVIA (szerk.), *Régmúlt idők elbeszélése*

Opuscula Prima

GÁL CSABA

**„A SZOKNYÁS BOMBÁZÓ EZRED”
A VÖRÖS HADSEREG LÉGIEREJÉNEK NŐI EZREDE A MÁSODIK
VILÁGHÁBORÚ IDEJÉN. AZ 588. ÉJSZAKAI KÖNNYŰBOMBÁZÓ
EZRED TÖRTÉNETE¹**

**‘THE SKIRT BOMBER REGIMENT’
A FEMALE REGIMENT OF THE RED ARMY AIR FORCE DURING
WORLD WAR II. THE STORY OF THE 588TH NIGHT BOMBER
REGIMENT**

This paper presents a chapter of World War II about which we hear and know hardly anything: the story of the Soviet female pilots, navigators, and gunsmiths who served in World War II, including the history of the 588th Night Light Bombing Regiment.

After the Soviet Union was invaded by Germany in 1941, and the army needed personnel, recruits came primarily from the older age-groups and women. While, initially, only men were posted to the front line, over time young women were also allowed to serve at the front, as Article 122 of the 1936 Soviet Constitution had legally emancipated women in all areas, and before the war, young girls and women had also participated in the Komsomol and in the defense and military education programs of the Osoaviakhim clubs.

The 588th Night Light Bombing Regiment carried out a number of night bombings during the war, setting a record once, and fought for a reputation among both the Soviet and the German armies.

Keywords: Night Witches, Soviet Union, Soviet Air Force, World War II., Soviet women, 588th Night Bomber Regiment, Osoaviakhim, Marina M. Raskova

Gál Csaba – PhD student at University of Pécs, Faculty of Humanities and Social Sciences.
E-mail: galcsaba7@gmail.com

1 Citation: GÁL CSABA, „»A szoknyás bombázó ezred« A Vörös Hadsereg Légierejének női ezrede a második világháború idején. Az 588. éjszakai könnyűbombázó ezred története” [‘The Skirt Bomber Regiment’ A Female Regiment of the Red Army Air Force during World War II. The story of the 588th Night Bomber Regiment], *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 229–249. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.14

BEVEZETÉS

A Szovjetunióban, akárcsak a világon máshol, a háború és a katonáskodás kifejezetten maszkulin feladatkör volt, azonban ha a szükség úgy hozta, a hátorszáiban maradt személyek – így például a nők is – szintén kivették részüket a harcokból. A Szovjetunióban a nők háborús szerepvállalását, frontszolgálatát elősegítette, hogy az 1936-os szovjet alkotmány 122. cikkelye jogilag minden téren emancipálta a nőket,² valamint a háborút megelőzően a szovjet vezetés nagy hangsúlyt fektetett a fiatalság háborús felkészítésére, melynek keretében a fiatal lányok, nők részt vettek a Komszomol és az Oszoaviahim-repülőklubok szervezésében megrendezett honvédelmi- és katonai ismereteket oktató programjain. Az itt szerzett alapszintű katonai ismereteket további kiképzések és katonai iskolák révén magasabb szintre emelhették.

A szovjet propaganda rendkívüli hangsúlyt fektetett repülőismeretre, melynek célja a lakosság felkészítése volt az ország légvédelmére egy esetleges támadás, háború esetére. A repülőismeretek elsajátításának központjai a repülőklubok voltak (pl. Oszoaviahim-repülőklubok). Ezenkívül számos légiparádét rendeztek, melyek látványos bemutatói olyan nagy hatást gyakoroltak a fiatalokra, hogy közülük többen is jelentkeztek pilótaképző iskolába.

1936-ban jelent meg Pjotr Andrejevics Pavlenko *Keleten* című regénye, amelyben egy fiktív női pilótáról, bizonyos Zsenya Tarasenkóváról ír, aki egy Japán elleni győztes háborúban harcol. Pjotr A. Pavlenko regénye rendkívül nagy hatással volt a fiatal nőkre, akik akárcsak a regény hősnője, maguk is repülni szerettek volna.

A Komszomol és Oszoaviahim oktatóprogramjainak keretében megszerzett honvédelmi és katonai ismeretek, valamint Pjotr A. Pavlenko regénye révén széles körben népszerűvé vált a repülés, mely számos nagy cselekmény végrehajtására ösztönözte a fiatalságot, köztük a fiatal nőket is. A repülés iránti vágy ösztönözte azt a három fiatal hölgyet is, akik 1938 nyarán hatalmas vállalkozásra szánták el magukat, és 1938. július 2-án leszállás nélkül teljesítették a Szevasztopol–Arhangelszk tá-

2 Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, 5 декабря 1936 года. <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/cnst1936.htm#2> (Дата обращения: 24 января 2021 г.)

volságot.³ 1938. szeptemberében egy újabb sikeres női világrekordot felállító távolsági repülést hajtott végre három hölgy. Közülük kettő részt vett a korábbi Szevasztopol–Arhangelszk útvonal megtételében, melynek megkoronázásaként a három pilótanő megkapta a Szovjetunió legmagasabb kitüntetését, a *Szovjetunió Hőse* címet, a Lenin-rend kitüntetés átadásával.⁴

A szovjet pilótanőket a szovjet hazafiság vezérelte, hogy az 1930-as évek végén az előbb felvázolt rekordot állító távolsági repüléseket végrehajtsák. Kialakult egyfajta hősnő kultusz, mely a «Родина» nevezetű repülőgép távolsági repülésének sikerével érte el csúcspontját az 1930-as évek végén. Ezt követően a szovjet hősnők megmérettetése a második világháború kirobbanását követően vette kezdetét.

A VÖRÖS LÉGIERŐ NŐI EZREDEINEK FELÁLLÍTÁSA

1941. június 22-én Németország megtámadta a Szovjetuniót, és ezzel elkezdődött a Nagy Honvédő Háború. 1941 folyamán a német hadsereg folyamatosan nyomult előre a szovjet területeken, és 1941 őszén már Moszkva felé tört. 1941. október elején a német hadsereg közeledése miatt Moszkvában megnőtt a fenyegetettségérzet, ezért a Komszomol központi bizottsága felszólította a komszomolista nőket, hogy vállaljanak önkéntességet, majd sikeres petíciót nyújtott be a Vörös Hadsereg parancsnokságára, mely női repülőezredek felállítását indítványozta elő.

3 A távolsági repülőút során a MP-1 típusú hidroplán-repülőgép személyzete Polina Gyenyiszovna Oszipenko főhadnagy, repülőgép parancsnok; Vera Fjodorovna Lomako főhadnagy, másodpilóta és Marina Mihajlovna Raszkova hadnagy, navigátor-rádiós volt. A repülőgép a Szevasztopol–Kijev–Novgorod–Arhangelszk útvonalon repült. «На Гидросамолете из Севастополя в Архангельск без посадки», Правда, 3 июля 1938 года. 1., 3. <https://pravda38.files.wordpress.com/2018/08/pravda-1938-181.pdf> (Дата обращения: 24 января 2021 г.)

4 Az 1938. szeptemberében végrehajtott távolsági repülés repülőszemélyzete: Valentyina Sztjerpanovna Grizodubova parancsnok, Polina Gyenyiszovna Oszipenko másodpilóta és Marina Mihajlovna Raszkova navigátor. A távolsági repülőút során megállás nélkül teljesítették a Moszkva–Komszomolszk útvonalat, a «Родина» (magyarul „Haza” vagy „Anyaföld”) nevű Tupoljev ANT-37 típusú kétmotoros bombázó repülőgéppel. «Героини-летчицы», Правда, 7 октября 1938 года. 1., 3. <https://pravda38.files.wordpress.com/2018/08/pravda-1938-277.pdf> (Дата обращения: 24 января 2021 г.); «УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР: О награждении экипажа самолета «Родина»», Правда, 3 ноября 1938 г. 1. <https://pravda38.files.wordpress.com/2018/08/pravda-1938-304.pdf> (Дата обращения: 24 января 2021 г.)

Ekkor került kiemelkedő szerepbe Marina Mihajlovna Raszko­va – a si­ke­res távolsági repülések egyik hőse –, ugyanis rábízták az ezredek meg­szervezését.⁵ Raszko­va készített egy beadványt személyesen Sztálinnak, melyhez olyan nők leveleit mellékelte, akik készen álltak megvédeni ha­zájukat. Sokak meglepetésére Sztálin támogatta a női ezredek felállítá­saról szóló javaslatot (valószínűleg annak propagandaértéke miatt), és 1941. október 8-án aláírta a 0099. számú rendeletét, melynek értelmé­ben három női repülőezred került felállításra: az 586. vadászrepülő-, az 587. bombázó- és az 588. éjszakai könnyűbombázó ezred.⁶

Raszko­va vezetésével felállításra került a 122. repülőcsoport, ami magába foglalta az előbb felsorolt három repülőezredet. A női repülő­ezredek létrehozásakor Raszko­va úgy döntött, hogy olyan egységeket fog létrehozni, amelynek tagjai kizárólag nők lesznek. Erre azért volt szükség, mert Raszko­va tisztában volt azzal, hogy a férfiak nem szíve­sen látnak maguk között vagy éppen felettük álló parancsnoki pozíció­ban nőket, az eddig kifejezetten férfiasnak számító „pályán”. Raszko­va gyanúja igaznak bizonyult, ugyanis gyakori jelenség volt a Vörös Had­sereg soraiban, hogy a nőket – még a tiszti rangban lévőket is – szitok­szóval illették.⁷

A 0099. számú rendelet – Raszko­va kívánságának megfelelően – elő­írta, hogy a három újonnan felállításra kerülő ezred teljes személyzete nőkből álljon – így a műszaki személyzet, a pilóták, a navigátorok és a tisztikart is nők alkossák.⁸ Ennek ellenére a három női repülőezred közül csak az 588. éjszakai könnyűbombázó ezred működött kizárólag női személyzettel. Az 586. vadászrepülő ezred és az 587. bombázó ezred vegyes személyzettel (nőkkel és férfiakkal közösen) működött.

Mint már korábban említettem, a nők toborzásában a Komszomol játszotta a kulcsszerepet, nem pedig a hadsereg. A Komszomol végezte

5 ROBERT D. MARVICK, EURIDICE CHARON CARDONA (eds.), *Soviet Women on the Frontline in the Second World War* (PALGRAVE MACMILLAN, 2012), 84–116., 87. DOI: 10.1057/9780230362543

6 «Приказ НКО СССР 0099 от 08.10.41 г. О сформировании женских авиационных полков ВВС Красной Армии.» <http://allaces.ru/sssrdocs/nko/0099.php> (Дата обращения: 24 января 2021 г.)

7 SZVETLANA ALEKSZIJEVICS, *Nők a tűzvonalban* (Budapest: Helikon Kiadó, második kiadás, 2020), 300. Noha az említett könyvben nem pilótanőről van szó, hanem egy Appolina Nyikonorovna Lickevics-Bajrak nevezetű alhadnagy, utász-tűzszerezés szakaszparancsnokról, akit egy katona „Rama” szóval illett, mely egy frontbéli szitokszó volt, jelente­se „ribanc”. Ez az eset jól példázza a Vörös Hadsereg soraiban lévő, a férfi katonák nők katonáskodása ellen irányuló hozzáállását.

8 Marvick, Cardona, *Soviet Women on the Frontline*, 88.

el a nők első toborzását az oktatási, gyári és más egyéb szervezetein keresztül. A toborzások során az önkéntesek „családi kötelezettségeit”, családi helyzetét gondosan átvizsgálták és figyelmeztették a katonai élet velejáró veszélyeire. A felvett önkéntesekre ezt követően egy Raszko-va által kijelölt „megbízatási bizottság” és egy orvosi vizsgálat várt.⁹ Az ezred egyik éjszakai bombázó navigátora, Galina Ivanovna Dokutovic (1921–1943) így emlékezett vissza a toborzásra:

„A legfontosabb az volt, hogy fiatal nők voltak. A főváros minden sarkából érkeztek, felsőoktatási intézményekből, irodákból és gyárakból. Mindenféle fiatal nő: lelkes és zajos, csendes és magánakvaló, rövid vagy hosszú hajjal, vastag fonatokkal; szerelők, ejtőernyősök, pilóták és Komszomol tagok repülési tapasztalat nélkül. Felsorakozva, felváltva léptek be a szobába. Egy katonai kabátot viselő férfi ült az asztal mögött. Határozottan úgy döntöttél, hogy elindulsz a frontvonalba? – kérdezte. Igen! – (válaszoltam). És attól nem tartasz, hogy nehéz lesz? Nem! – (feleltem).”¹⁰

Az önkéntesek között voltak olyan fiatal hölgyek, akik már korábban tapasztalatokat szereztek pilóta vagy repülési oktatóként – elsősorban az Oszoaviahim-repülőklubok révén –, de nagy hiány volt képezett női navigátorokból. A navigátori pozíció betöltésénél előnyben részesültek a Moszkvai Állami Egyetem (oroszcímű rövidítéssel MGU) matematika és fizika szakos hallgatói. Az MGU hallgatói, a «выдвиженцы»-k, vagyis *kegyeltek* vagy *kiválasztottak*, esetleg *jelöltek* adták a szellemi elitet, azonban a nők mindössze 0,3%-a rendelkezett felsőfokú végzettséggel. Az 588. éjszakai bombázóezred tagjai közül mindössze 10 személy végzett az MGU-n, az ezred többi tagja, mint például a földi személyzet, szerelők, illetve a többi pilóta és navigátor a gyári munkásság soraiból kerültek ki.¹¹

Azokon a nőkön kívül, akik önkéntesen jelentkeztek és felvételt nyertek a női repülőezredekbe, voltak olyanok is, akik politikai háttérük miatt jelentkeztek az egységeknél. Politikai indíttatásból jelentkezett Jevdokija Davidovna Bersanszkaja (1913–1982) is, aki az 588. éjszakai bombázóezred parancsnoka lett az ezred megalakításától, egészen

9 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 89.

10 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 89.

11 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 89.

annak 1945-ös leszereléséig. Bersanszkaja szegény paraszti családból származott, 1928-ben 15 évesen csatlakozott a Komszomolhoz, majd hamarosan a Kommunisták Pártja tagja lett.¹² 1931-ben beiratkozott a batayszki Polgári Repülőiskolába, ahonnan 1932-ben pilótaként szerelt le és 1938-ig repülésoktatóként dolgozott.¹³

A női repülőezredek soraiba beléptek a Polgári Légi flotta és az Oszoaviahim-repülőklubok pilótái is, akik hivatásuknak megfelelően pilóta feladatokat láttak el. A főiskolák és szakiskolák tanulói, valamint az üzemek és gyárak női munkásai navigátorra és technikusokká váltak az ezredek soraiban. Azok a fiatal lányok és nők, akik műszaki végzettséggel bírtak, repülőgép-szerelőként fegyvereket, műszereket szereltek be a repülőgépekbe és azok megfelelő karbantartását, működtetését segítették.

A toborzások lezárása után megalakították a három női repülőezredet. 1941. december 9-én Sztálin parancsára hivatalosan is megalakult az 586. vadászpilóta ezred Tamara Alekszandrovna Kazarinova (1906–1956) parancsnoksága alatt. Két hónappal később, 1942. február 8-án kinevezték Jevdokija D. Bersanszkaját az 588. éjszakai könnyűbombázó ezred parancsnokává. Az 587. bombázó ezred parancsnoka, az ezred 1942. novemberi megalakításától egészen 1943-as haláláig, Marina Mihajlovna Raszkova (1912–1943) volt.

Raszkova kihasználva befolyását, elérte, hogy az 586. vadászpilóta ezred és az 587. bombázóezred a legújabb repülőgépekkel repülhessenek. Az 586. vadászpilóta ezrednél rendszersíttették a „Jak” típusú (Jakovlev–1, –7, –9) vadászgépeket, az 587. bombázóezred pedig Pe–2 (Petljakov–2) típusú bombázó repülőgéppel hajtott végre bombázási feladatait a kiszemelt célpontok ellen. Ezzel szemben az 588. éjszakai könnyűbombázó ezred világháború előtti U–2, vagy másnéven Po–2 (Polikarpov–2)¹⁴ típusú kétfedeles, oktatórepülésre és mezőgazdasági célokra is használt (permetező) géppel repült,¹⁵ melynek beceneve oro-

12 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 91.

13 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 91.

14 Ezt a repülőgéptípust 1927-ben készítették el Nyikolaj Nyikolajevics Polikarpov terve alapján, melyet eredetileg a repülőklubok és a pilótanövendékek számára alkottak meg oktatógépként. A második világháború éveiben katonai repülőgépként vették használatba őket, mint például a már sokszor említett 588. éjszakai könnyűbombázó ezred, ahol ezt a repülőgéptípust rendszeresítették.

15 REINA PENNINGTON, *Wings, Woman, and War: Soviet Airwomen in World War II Combat* (Kansas: University Press of Kansas, 2001), 144. in MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 93.

szul «Кукурузник» vagyis „Kukoricás”, ami árulkodó név a repülőgép eredeti felhasználásáról.

A Po-2-es (vagy U-2) repülőgép egy korábbi oktatógép volt, mely furnérlemezből és vászonból épült, kétüléses volt,¹⁶ és képes volt nagyon alacsony sebességgel is repülni, ezért szinte mindenhol le tudott szállni és bárhol fel tudott emelkedni a magasba. Mindezek a tényezők tették alkalmassá a repülőgépet, még ha voltak is nehézségek vele. Az éjszakai könnyűbombázók Po-2 típusú repülőgépe ugyanis nem volt éppen biztonságos. A Po-2 típusú repülőgépek maximális sebessége 120 km/h volt, nyitott pilótafülkével, rádió, páncélzat és mindenfajta fegyverzet nélkül repültek, s mindössze csupán négy bombaállvánnyal voltak felszerelve, hogy az éjszakai bombázási bevetéseket végrehajthassák. A repülőgéppel nem tudtak nagy magasságokba emelkedni, így a támadási akcióikat alacsonyan repülve hajtották végre az ezred egységei. Mivel a repülőgépek alacsonyan szálltak – és viszonylag lassúak voltak –, nappal folyamatos veszélyben lettek volna az ellenséges legvédelmi elhárítás miatt, ezért inkább az éjszakai bevetések során alkalmazták őket. Ezért is lettek rendszeresítve az éjszakai könnyűbombázó egységeknél.

AZ 588. ÉJSZAKAI KÖNNYŰBOMBÁZÓEZRED TÖRTÉNETE

Moszkva közelgő elestéről szóló pletykák miatt 1941. október 17-én éjjel evakuálták a fővárosból az első toborzás során felvett nőket. Egy hétig tartó vonatút révén a Volga menti Engelsz városába szállították a nőket, ahol megkezdték kiképzésüket az Engelsz Repülőiskolában. Az út nehéz körülmények között zajlott le. Alig fűtött áruszállítókocsikban utaztak, heringet és teát kaptak. Mindezt az ezred későbbi törzsfőnökének – Irina Vjacseszlavovna Rakobolszkaja – visszaemlékezéséből tudjuk.¹⁷

¹⁶ GUNILLA BRESKY, „Éjszakai boszorkányok – a szovjet női éjszakai bombázó ezred (Poli-karpov Po-2)”, Youtube.com, (2008, Időtartalma: 58:24 perc). <https://www.youtube.com/watch?v=0QA5QDH6ur0> (Hozzáférés: 2020. 10. 15.) A filmet Gunilla Bresky rendezte 2008-ban, és a filmben nyolc egykori tiszt, pilótanő és navigátor visszaemlékezését hallhatjuk az átélt dolgokról, harci bevetésekről. A dokumentumfilm eredeti címe: „Nattens häxor”. A dokumentumfilmben szereplő veterán hölgyek anyanyelvükön, oroszul beszélnek, amire azért érdemes odafigyelni, mert a videóban nem mindig pontos a magyar fordítás. A magyar feliratokat készítette: Rákóczi László. (A továbbiakban: BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, perc.)

¹⁷ Irina Vjacseszlavovna Rakobolszkaja törzsfőnök visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 6:54 – 7:21

Az Engelszbe történő megérkezés sem volt más, itt ugyanis alig fűtött laktanyákban szállásolták el őket. Raszkova azonnal katonai fegyelmet, katonai rezsimet vezetett be. Az újoncok megkapták felszerelésüket: 41–42-es méretű bakancsot (a lányok, nők lábára kissé nagyok voltak), kabátot, inget és nadrágot. Természetesen minden egyenruha férfiakra készült, így – a bakancsokhoz hasonlóan – ezek is nagyok voltak rájuk.¹⁸ Raszkova az Engelszbe történő megérkezés után, azt mondta az újoncoknak, hogy:

„Készüljetek fel! Bármilyen előfordulhat, vágassátok le a hajatokat, két ujjnyival a fületek föléig!”¹⁹

A lányok számára a hajuk levágása rendkívül nagy változást jelentett, és számos vicces esetet idézett elő. Az egyik fiatal lány egy jóképű fiú látszatát keltette, akire társai felfigyeltek, majd miután rádöbbenek, hogy harcostársnőjükéről van szó, jót nevettek.²⁰ Rövid, fiús hajukkal, szürke nagykabátjaikban és nagy csizmájukban a nők felismerhetetlenné váltak.²¹

A fiatal nők számára sok időbe telt mire hozzászoktak a katonai hierarchiához és fegyelemhez, mely felváltotta az addig kialakult barátságokon alapuló kapcsolatokat. A Vörös Hadsereg szigorú fegyelmet követelt meg, mely alól a nők sem voltak kivételek és előfordultak olyan esetek is, hogy egy véletlenül elkövetett vétség miatt, a szigorú felelősségre vonástól félve véget akartak vetni az életüknek. Kiváló példa erre az ezred törzsfőnökének, Rakobolszkajának az esete, aki miután ideiglenesen elvesztette az ezred pecsétjét, komolyan megfontolta magában az öngyilkosság lehetőségét, mielőtt még katonai bíróság elé állítanák.²²

1941. november 7-én, a Nagy Októberi Szocialista Forradalom 24. évfordulóján a női önkéntesek letették a Vörös Hadsereg katonai esküjét:²³

„Én, a Szovjet Szocialista Köztársaságok Szövetségének állampolgára, belépve a Munkás-Paraszt Vörös Hadseregbe, leteszem az esküt

18 Raisza Faminyicsna Mazdrina kiképzőtiszt visszaemlékezése, in Bresky, „Éjszakai boszorkányok”, 8:22 – 9:12.

19 Mazdrina kiképzőtiszt visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 8:22 – 9:12.

20 Jevgenyija Makszimovna Rudnyeva navigátor levele szüleihez, in Bresky, „Éjszakai boszorkányok”, 9:26 – 10:09.

21 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 92.

22 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 92.

23 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 92.

és ünnepélyesen fogadom, hogy becsületes, bátor, fegyelmezett, éber harcos leszek; szigorúan megőrzöm a katonai és állami titkokat, feltétel nélkül engedelmeskedek a katonai szabályoknak, valamint a parancsnokok, a komisszárok, és feljebbvalóim parancsának. Fogadom, hogy lelkiismeretesen tanulmányozom a katonai törvényeket, és minden körülmény között megóvom a hadsereg és a nép tulajdonát, és utolsó leheletemig az életemet áldozom a népemért, a Szovjet Hazámért és a Munkás-Paraszt Kormányért.

Mindig kész leszek a Munkás-Paraszt Kormány parancsára megvédeni a hazámat – a Szovjet Szocialista Köztársaságok Szövetségét – és a Munkás-Paraszt Vörös Hadsereg katonájaként fogadom, hogy megvédem azt bátran, ügyesen, méltósággal és tisztelettel, nem kímélve vérem vagy életem annak érdekében, hogy elérjük a teljes győzelmet az ellenség fölött.

Ha rosszindulatú szándékkal megsértem ezt az ünnepélyes esküt, érjen utol a szovjet törvények szigorú büntetése és valamennyi dolgozó gyűlölete és megvetése.”²⁴

A kiképzés megkezdése előtt az újoncokat megkérdezték, hogy milyen pozícióban szeretnének szolgálatot teljesíteni: pilóta, navigátor, fegyvermester, vagy más egyéb földi szolgálatot látnának el.²⁵

A primitív repülőgépek (Po-2) ellenére az újoncok lelkesen kezdték meg a kiképzést, mely normál esetben három évet vett volna igénybe, ám a háborús helyzetre való tekintettel lecsökkentették négy hónapra, mely napi 13 vagy annál több órát vett igénybe.²⁶

A nők éjszakai repülésre történő kiválasztása és kiképzése nem volt könnyű feladat. A többség rendelkezett repülési háttérismerettel az Oszoaviahim-repülőklubok, katonai iskolák és a Polgári Légi flotta révén, de csak kevesen voltak olyanok, akik rendelkeztek az éjszakai repülés tapasztalataival. A navigátorok még tapasztalatlanabbak voltak, mint a pilóták. Ugyan a repülőklubok tagjai voltak, de nem rendelkeztek pilóta képesítéssel. Voltak olyan navigátor pozíciót betöltő nők is, akik

24 ANDREJ ANTONOVICS GRECSKO (orosz szerk.), BEDŐ LÁSZLÓ, DR. ÁCS TIBOR, DR. KOCSIS BERNÁT (magyar szerk.), *A második világháború története 1939–1945.*, (Budapest: Zrínyi Katonai Kiadó, 1976) 2. kötet, 260., 71. kép. (Fordította Gál Csaba)

25 Olga Filippovna Jakovleva navigátor visszaemlékezése, in Bresky, „Éjszakai boszorkányok”, 10:45 – 11:06.; Nagyvezsda Vasziljevna Popova pilóta visszaemlékezése, in Bresky, „Éjszakai boszorkányok”, 11:08 – 11:28.

26 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 93–94.

a Polgári Légi flotta soraiból kerültek be az ezred soraiba mindenféle repülési tapasztalat nélkül. A navigátorok tájékozatlansága jelentős feszültséget generált köztük és a pilóták között. A navigátorok 1942 februárjáig – az ezred hivatalos megalakításáig – előzetesen három hónapos elméleti és nappali repülési gyakorlatot szereztek. A technikusok és szerelők rendelkeztek némi képesítéssel, melyet még a repülőklubokban és a Polgári Légi Flotta, illetve más katonai iskolákban szereztek, de így is napi tíz órát gyakoroltak. A navigátorok emellett plusz egy órát töltöttek a Morse-kód elsajátításával.²⁷

A tisztikar tagjai hasonlóképpen nem rendelkeztek semmilyen előzetes katonai ismerettel, így nekik is tanulniuk kellett. A repülőszemélyzetnek egy alig három hónapos tanfolyamon kellett részt vennie, melynek során nyolc óra vakrepülési,²⁸ öt óra éjszakai repülési és három óra éjszakai bombázási gyakorlatot kellett elvégezniük.

A kiképzéseket 1941 októberében kezdték meg, melyek három és fél hónapot vettek igénybe, majd miután sikeresen letették a vizsgákat, 1942 februárjában hivatalosan is megalakították az 588. éjszakai könnyűbombázó ezredet, melynek parancsnoka Jevdokija Davidovna Bersanszkaja lett.

A gyorsütemben zajló kiképzések súlyos következményekkel jártak, például 1942. március 10-én éjjel két Po-2-es éjszakai könnyűbombázógép zuhant le egy hóvihár következtében. Mindkét gép két fős személyzete életét veszítette a balesetben.²⁹ Ez a baleset rávilágított arra, hogy az éjszakai repülés terén további kiképzésre van szükség.

AZ EZRED HADI TEVÉKENYSÉGE

Megalakítását követően az ezredet a déli frontra, Ukrajnába, Vorosilovgrád (ma Luhanszk, Ukrajna) közelébe vezényelték, ahová Raszkova és Bersanszkaja vezette el az ezredet. Itt hozták létre a 4. légihadsereget, ami a Déli-, az Észak-Kaukázusi- és Kaukázusi frontokon teljesített

27 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 94.

28 A vakrepülés olyan repülés, melynek során a tájékozódás kizárólag a műszerek és a rádió felhasználásával, nem pedig a földön levő helyek, tereptárgyak segítségével történik.

29 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 94.

szolgálatot. Parancsnoka Konsztantyin Andrejevics Versinyin (1900–1973) vezérőrnagy volt. Amikor az 588. éjszakai könnyűbombázó ezred megérkezett, Versinyin nem volt elragadtatva attól, hogy egy ezrednyi lányt küldtek neki furnérlemezből készült repülőgépekkel, ennek ellenére szívélyesen fogadta Raszkovát és Bersanszakáját. Versinyin három kérdést intézett a két parancsnokhoz: 1. az ezred tagjai repültek-e már reflektorok sugarában?; 2. tudják-e, hogy hogyan kell két embert szállítani a repülőgép második pilótafülkéjében?; 3. a pilóták le tudnak-e szállni jelzőlámpák, reflektorok nélkül?³⁰

Ezt követően Versinyin tájékoztatta Raszkovát és Bersanszakáját, hogy az ezredet bevonták a 218. éjszakai bombázó hadosztály alárendeltségébe, melynek parancsnoka ekkor Dmitrij Dmitrijevics Popov, a légierő vezérőrnagya volt.³¹ Az 588. éjszakai könnyűbombázó ezredet 1942 nyarán katasztrofális körülmények között vetették be először. 1942 nyarán a Wehrmacht már javában nyomult előre Sztálingrád felé. Bár a légerő a Luftwaffe uralta, 1942. június 10-én az ezred végrehajtotta az első éjszakai bombázását. Első bevetésük során elvesztettek két főt, Ljuba Ivanovna Olhovszkaja őrnagyot és Vera Ivanovna Taraszova navigátort.³²

Az ezred 1942 júniusában részt vett a Miusz, a Don és a Donyec folyón kialakított ellenséges átkelőhelyek, valamint a szalszki puszták útjain és Sztavropol külvárosaiban mozgolódó ellenséges csapatok bombázásában. Az éjszakai könnyűbombázó ezredet olyan körülmények között vetették be, amikor az erőteljes német előrenyomulás miatt a szovjet csapatok visszavonulásra kényszerültek, és megszakadt az összeköttetés az ezred és a hadosztály parancsnoksága között. Így az ezred tagjai nem tudták, hogy visszavonuljanak-e vagy sem. A hadosztályparancsnok Dmitrij D. Popov aggódott az ezred miatt, így megpróbálta felvenni

30 Ирина Вячеславовна Ракобольская, Наталья Федоровна Кравцова (ред.), Нас называли ночными ведьмами. Так воевал женский 46-й гвардейский полк ночных бомбардировщиков. (Москва: Изд-во МГУ, 2005), http://militera.lib.ru/memo/russian/rakobolskaya_kravtsova/01.html (Дата обращения: 26 января 2021 г.)

31 A 218. éjszakai bombázó hadosztály 1942 májusában alakult meg. Parancsokai: 1942. május 18. és 1943. június 24-e között Dmitrij Dmitrijevics Popov ezredes (1942. november 10-től légierő vezérőrnagyi rangban); 1943. június 25. – szeptember 3. között Pjotr Grigorjevics Grebnyev ezredes; 1943. szeptember 4. és 1944. május 11. között Nyikolaj Konsztantyinovics Pomanov alezredes (1944. október 22-étől ezredesi rangban).

32 MARVICK, CARDONA, Soviet Women on the Frontline, 96.

velük a kapcsolatot és visszavonni őket. A német támadás miatt az ezred sietősen, de sikeresen visszavonult a Donbasz-vidékére.³³

A szovjet visszavonulásnak Sztálin vetett véget, mikor is 1942. július 28-án kiadta 227. számú rendeletét, mellyel megállította a Vörös Hadsereg 1942 júniusa óta tartó folyamatos visszavonulását. Sztálin rendeletben kijelentette, hogy a visszavonulás mindennemű formája a nép vereségét segíti elő az országra támadó német csapatokkal szemben:

„Ennélfogva fontos, hogy megszüntessük azt a vélekedést, hogy képesek vagyunk örökké hátrálni, hogy még rengeteg területünk van, hogy országunk hatalmas és gazdag. [...] Ez egy hamis beszéd, mely [...] az ellenség hasznára gyengít minket, hiszen ha nem hagyunk fel a hátrálással, kenyér, üzemanyag, fém és más nyersanyagok, gyárak, üzemek és vasútvonalak nélkül maradunk. Ez arra a következtetésre vezet, hogy véget kell vetnünk a hátrálásnak. »Egy lépést sem hátrébb!« Ez kell legyen az új fő jelszavunk.”

(Részlet Sztálin 227. számú rendeletéből)³⁴

1942 nyarán, a Vörös Hadsereg jelszava az „Egy lépést sem hátrébb!” lett, Sztálin rendelete alapján.

A frontszolgálat ideje alatt az 588. éjszakai bombázóezred rendkívül magas számú bevetésen vett részt. Tagjai összesen körülbelül 24 000 akciót hajtottak végre, egy alkalommal pedig rekordot állítottak fel, amikor 1944. december 23-án egy éjszaka alatt 324 bevetést hajtottak végre.³⁵

A bombázási akciók a következőképpen zajlottak: az első bombázó bevetés után a repülőgép személyzete (a pilóta és a navigátor) megkeverte a repülésirányítókat – azaz az ezredparancsnokságot – és megkeverte a repülésirányításért felelős ezredparancsnokságot, majd jelentette, hogy „a harci feladat teljesítve!”. Amíg a repülőgép személyzete jelentést tett a parancsnokságnak, addig a földi kiszolgáló személyzet újra feltankolta a repülőgépet üzemanyaggal, és felszerelte bombákkal.

33 Donbasz vidéke a mai Kelet-Ukrajna területén található Donyeck és Luhanszk területét foglalja magába. A szó egy szóösszevonásból alakult ki, mely a Donyeck-medencére utal. A Donbasz név a „medence” orosz, illetve ukrán nevéből tevődik össze. (Ukrán nyelven: Донецький басейн; orosz nyelven: Донецкий бассейн; magyarul Donyeck-medence.)

34 TARJÁN M. TAMÁS, „1942. július 28. Sztálin kiadja 227. számú rendeletét.”, *Rubicon.hu*. http://www.rubicon.hu/magyar/oldalak/1942_julius_28_sztalin_kiadja_227_szamu_rendeletet/ (Hozzáférés: 2020. 06. 10.)

35 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 97.

A jelentéstételt követően visszaültek a repülőgépbe, majd felszálltak, hogy végrehajtsák a következő harci bevetést.³⁶

A bevetések száma függött az évszakoktól. Nyáron – amikor később sötétedett – öt-hat-nyolc bombázó repülést is végre hajtottak, télen – amikor korán beköszönt az esti sötétség – néha tíz repülést is teljesítettek. A megfeszített (intenzív) harcok idején – különösen Lengyelország felszabadításakor – egy éjszaka alatt 15, 16, vagy akár 17 harci repülést is teljesítettek.³⁷

Az éjszakánként végrehajtott több bevetés mind fizikailag, mind szellemileg kimerítette a repülőgép személyzetét, a folyamatos figyelem fenntartása és a támadásaik során válaszként kapott ellenséges torkolattűzek elkerülése miatt. Klavgyija Andrejevna Ruzskova pilóta visszaemlékezésében elmondja, hogyan tudtak a kimerítő bevetések között egy kicsit megpihenni:

„Elfáradtunk, végül is az éjszaka az éjszaka. [...] Adtak nekünk valamiféle csokoládés cukorkát. [...] Aztán hozzászoktunk, hogy egész éjszaka dolgozunk. A visszaúton, amikor hazafelé tartottunk, a navigátor átvette a repülőgép vezetését és a pilóta így tudott egy keveset pihenni. A reptér felett a pilóta visszavette az irányítást és leszállt a repülővel.”³⁸

A télen-nyáron végrehajtott éjszakai harci bevetéseket úgy teljesítették, hogy a pilóta és a navigátor feje fölött nem volt tető, sem pedig repeszek elleni védőpajzs, ami megvédhette volna őket vagy a biztonsági berendezéseket. A biztonságosnak éppen nem mondható, csekély védelemmel ellátott, a bombázás során ellenséges reflektorok keresőfényébe kerülő repülőgépeket időnként lelőtték, és égő fáklyaként zuhantak a földre.³⁹ Ruzskova égő gyufásdobozhoz hasonlította a találatot kapott és kigyulladt repülőgépet.⁴⁰ 1943. július 31-ről augusztus 1-jére virradó éjszaka négy gép személyzete (nyolc ember) égett halálra,

36 Klavgyija Andrejevna Ruzskova pilóta visszaemlékezése, in Bresky, „Éjszakai boszorkányok”, 30:31 – 31:00.

37 Alekszandra Fjodorovna Akimova navigátor visszaemlékezése, in Bresky, „Éjszakai boszorkányok”, 32:38 – 33:23.

38 Ruzskova pilóta visszaemlékezése, in Bresky, „Éjszakai boszorkányok”, 28:35 – 29:15.

39 Rakobolszkaja törzsfőnök visszaemlékezése, in Bresky, „Éjszakai boszorkányok”, 33:26 – 34:00.

40 Ruzskova pilóta visszaemlékezése, in Bresky, „Éjszakai boszorkányok”, 34:02 – 34:23.

miután repülőgépük találatot kapott és lezuhant.⁴¹ Erről a tragikus éjszakáról a bevetésen részt vevő több szemtanú is beszámolt visszaemlékezésében, köztük Jevgenyija Makszimovna Rudnyeva navigátor:

„Zsenja Krutova és Léna Szalikova a saját szemem előtt égett meg. Láttam, ahogy a halál feljük lopakodik, de mit tehettem volna? Re-megett kezem-lábam. Ez volt az első alkalom, hogy a szememmel láttam egy repülőt lángokban.”⁴²

Az előforduló balesetek, veszteségek ellenére, ahogy már korábban említettem, az ezred tagjai több harci bevetést is teljesítettek éjszákánként. A harci bevetések rendkívüli számát úgy érték el, hogy kialakítottak egy „új brigád-rendszert”, melynek feladata a repülőgépek karbantartása, üzemanyaggal és robbanószerrel történő feltöltése volt. Ez a „brigád-rendszer” megsértette a hadsereg szabályzatát, mely arra utasította a földi kiszolgáló személyzetet, hogy csak a saját munkakörébe beosztott repülőgépet tartsák rendben. Ezzel szemben az új brigád-rendszerben folyamatosan, úgyszólván „futószalag” formájában zajlott a repülőgépek feltöltése. A brigád-rendszer hatékonyságának köszönhetően a repülőbázison egy repülőgép öt perc alatt újra készen állt a felszállásra és a további harci bevetések ellátására.

A földi személyzet, a fegyvermesterek munkája rendkívül megterhelő volt. Egy repülőgép bombával történő feltöltésénél a személyzet tagjainak négy, egyenként 50 kg-os bombát kellett felhelyezniük a gép szárnyának aljára, melyet úgy tudtak a legegyszerűbben megtenni, hogy a bombát a térdükre emelték, majd onnan felemelve felerősítették a bombaállványokra. A bombát ketten fogták meg, majd letérdeltek a repülőgép alsó szárnya mellett – mindkét oldalon – és felhelyezték a bombát (bombákat) a helyére. Amikor 100 kg-os bombát erősítettek fel, akkor egy harmadik személy is segítséget nyújtott a fegyvermestereknek.⁴³

A legintenzívebb hadműveletek idején a kiszolgáló személyzet akár három tonna bombát is megmozgatott egy éjszaka alatt. A repülőgép-szerelők számára az éjjel-nappal történő munkavégzés nagy baleseti

41 Ruzskova pilóta visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 34:02 – 34:23.

42 Rudnyeva navigátor visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 35:37 – 36:04.

43 Jakovleva navigátor visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 31:30 – 31:53.

kockázatott jelentett, és előfordult, hogy a légcsvavar (propeller) levágta valakinek a karját.⁴⁴

Az éjszakai könnyűbombázók a brigád-rendszer mellett kidolgoztak egy merész „új katonai taktikát” is: míg az egyik repülőgép magára vonta az ellenséges fényszórókat, addig egy másik repülő kikapcsolt motorral, síklórepülésben a kiszemelt célpont fölé repült, és kioldotta a bombákat. Amikor megközelítették a kijelölt célpontot, a navigátor kilőtt egy világító rakétát, ami bevilágította a terepet és így láthatták, hogy megérkeztek-e a célpontjukhoz vagy sem. A célpont elérésekor bombázni kezdtek. Ha az ellenséges keresőfények megtalálták őket, tüzet nyitottak rájuk.⁴⁵ Miközben a kiszemelt célpont fölé repültek, a navigátor azt mondta a pilótának: „*Tartsd az irányt és a magasságot!*”, majd célzott.⁴⁶

Az ellenséges keresőfények halálosak voltak, és elvakították a repülőgépek személyzetét. Amikor egy repülőgép bekerült a keresőfények fénysugarába, az ellenség a repülőgép irányába fordította a légvédelmi ágyúit, és tüzelni kezdett. A lövedékek zápora közben a pilótának ideoda kellett manővereznie a fénynyalábok között, hogy elkerülje a találatokat.⁴⁷ Az ilyen körülmények hatására az ezred tagjai megtanulták, hogyan segítsenek egymásnak a keresőfények ellen. Amikor ellenséges területek, frontvonalak felé repültek, és látták, hogy az egyik repülőgépük bekerül a keresőfények sugarába és akár öt-hat percig is meg van világítva miközben légvédelmi tűz alatt áll, akkor egy második (következő) repülőgép leereszkedett és lebombázta a kereső reflektorokat, ezzel megmentve a többi repülőgép személyzetét.⁴⁸

Az ezred 1943 elején, a korábbiakban felvázolt körülmények között harci módszerek (brigád-rendszer és az „új katonai taktika”) alkalmazásával vett részt a Tamany-félsziget felszabadításában. A német Luftwaffe parancsnoksága a német-szovjet hadszíntér déli szakaszán, Dél-Ukrajnában, a Krím- és Tamany-félszigeten összpontosította fő erőit. Ide telepítette át valamennyi csatarepülőjét, a bombázógépek 80%-át

44 РАКОБОЛЬСКАЯ, КРАВЦОВА (ред.), Нас называли ночными ведьмами. http://militera.lib.ru/memo/russian/rakobolskaya_kravtsova/01.html (Дата обращения: 29 января 2021 г.), 54. in MARVICK, CARDONA, Soviet Women on the Frontline, 98.

45 Ruzskova pilóta visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 20:50 – 21:17.

46 Irina Viktorovna Drjagina politikai tiszt visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 21:20 – 21:48.

47 Popova pilóta visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 21:53 – 22:28.

48 Rakobolszkaja törzsfőnök visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 25:02 – 25:34.

és a zuhanóbombázók 70%-át. Az ukrajnai arcvonal megmerevedését követően a Luftwaffe repülőgépeinek a német 17. hadsereget kellett légi úton támogatnia. A német 17. hadsereg a Tamany-félszigeten létesített hídfőállást, amit nagy erőfeszítések árán igyekeztek megvédeni. A németek célja ezzel a lépéssel az volt, hogy nagyobb szovjet erőket kössenek le és biztosítsák maguknak a félszigetet a kaukázusi kőolajmezők felé irányuló német támadás kiindulópontjaként.⁴⁹ A németeket támadó szovjet légierő egységei, a 4. légihadsereg 250 repülőgéppel, az 5. légihadsereg 200 repülőgéppel, az 50. távolsági repülőhadosztály 60 és a Fekete-tengeri Flotta repülői 70 repülőgéppel naponta 300-450 bevetést hajtottak végre.⁵⁰ Fontos megjegyezni, hogy az 588. éjszakai könnyűbombázó ezred a 4. légihadsereg alárendeltségében álló 218. éjszakai bombázó hadosztály kötelékében teljesített szolgálatot.

A Tamany-félsziget felszabadításáért vívott csatákban, a „Kék Vonal” áttörésében tett kiemelkedő szolgálataért és Novorosszijszk felszabadításában játszott szerepéért 1943. február 8-án az 588. éjszakai könnyűbombázó ezred megkapta a „46. Tamany éjszakai bombázó gárdaezred” címet.⁵¹ Az ezrednek megvoltak a saját jelszavai, az „ezred tizenkét parancsolata”. Az első: „Légy büszke, hogy nő vagy!” Amikor 1942 májusában az ezredet a frontra vezényelték, a szomszédos férfi ezred (ezredek) tagjai kinevették őket, és úgy hívták őket, hogy „a női ezred”. Az 588. éjszakai könnyűbombázó ezred tagjai az egész háború alatt arra törekedtek, hogy kivívják maguknak a megjáró tiszteletet, ezért anynyi bevetésen vettek részt, amennyiben csak tudtak. A gárdaezred cím elnyerését követően a szomszédos férfi ezredek már máshogy viszonyultak a női ezred tagjaihoz, és „nővéreknek” hívták őket, a gyalogság pedig „mennyei teremtményeknek” nevezte az ezred tagjait. Az gárdaezred híre elterjedt az elfoglalt falvakban, a német frontvonalakban és a németek „éjszakai varázslóknak” vagy „éjszakai boszorkányoknak” (németül *Nachthexen*) nevezték őket. Rakobolszkaja visszaemlékezésében úgy vélte, hogy az „éjszakai boszorkányok” elnevezés a tudásuk elismerése volt, mert az éjszakai bombázások során alig lőttek le néhány gépet az ezredből, így a németek minden bizonnyal mágusnak

49 OLAF GROEHLER, *A légi háborúk története 1910–1980* (Budapest: Zrínyi Katonai Kiadó, 1983), 237.

50 GROEHLER, *A légi háborúk története 1910–1980*, 237.

51 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 96.; «588-й ночной легкомоббардировочный авиационный полк (женский).» *Allaces.ru*, <http://allaces.ru/sss/struct/p/bap588.php> (Дата обращения: 24 января 2021 г.)

vagy boszorkánynak gondolták az ezred tagjait, akiket nagyon nehéz lelőni.⁵²

Ugyanebben a hónapban – 1943 februárjában – az ezred a Krím-félszigeten található Feodoszija városának felszabadításában való részvételéért megkapta a Vörös Zászló érdemrend kitüntetését, majd Fehéroroszország felszabadításáért az ezredet kitüntették a Szuvorov-rend III. fokozatával.

Az 1943-as év a gárdaezreddé való kinevezés és számos más kitüntetés mellett nagy változást hozott az ezred életébe. Megváltozott a háború menete, ugyanis a sztálingrádi és kurszki csata után a szovjetek kerültek fölénybe, de az ezred egy nagy veszteséget szenvedett el. 1943. január 4-én, rossz időjárási körülmények (erős szél és hóvihár) következtében lezuhant Marina M. Raszkova Pe-2 típusú bombázógépe, és mind Raszkova, mind a repülőgép legénysége életét veszítette.⁵³ A nők ezzel elvesztették azt a személyt, aki sokat tett azért, hogy pilóták lehessenek.

Raszkova elvesztése nagy veszteség volt, de az ezred további nagy sikereket könyvelhetett el. Az 588. éjszakai könnyűbombázó ezred (immár 46. Tamany éjszakai bombázó gárdaezred) tagjai közül 23 személy kapta meg a Szovjetunió legmagasabb kitüntetését, a „Szovjetunió Hőse” címet – ebből 5 posztumusz kitüntetés volt.

TOVÁBBI HARCOK ÉS A HÁBORÚ VÉGE

1944 áprilisában az ezred csatlakozott a Vörös Hadsereg offenzívájához, melyet a Krím-félsziget és Szevasztopol felszabadításának érdekében indítottak. Az ezred egységei minden éjjel megállás nélkül repültek, és támadásaik révén segítettek szétzúzni a Szevasztopol térségében elhelyezkedő Wehrmacht-egységeket.

Egy hónappal később, 1944 májusában az ezredet bevonták a „2. gárdaezred Sztálingrádi vöröszászló éjszakai bombázó hadosztályának” alárendeltségébe, hogy légi úton támogassák Konsztantyin Konsztantyinovics Rokosszovszkij marsall támadását a második Belorusz fronton.

52 Rakobolszkaja törzsfőnök visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 43:49 – 44:36.

53 М. КАЗАРИНОВА, «Любимый командир», in *Героини Войны. Очерки о женщинах – героях советского союза*, ред. Л. Ф. Торопов (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1963), 520–533.

1944 nyarán (június–július) a szovjetek által előretolt frontvonal légi támogatásaként részt vettek az ellenséges védelem áttörésében a Pro-nya folyón, valamint Mogiljov, Cserveny, Buhov, Minszk (Fehéroroszország) és Belosztok (Lengyelország) felszabadításában.

1944–45-ben az ezred a lengyelországi, kelet-poroszországi és németországi hadszíntereken nyújtott légi támogatást a támadó szovjet csapatoknak. Ekkor került sor – a már korábban említett – éjszakai bombázás során felállított rekord felállítására, mikor is 1944. december 23-án, Varsó bombázásakor az ezred tagjai 324 harci bevetést hajtottak végre egy éjszaka alatt.⁵⁴

A Vörös Hadsereg 1945 februárjában átlépte Kelet-Poroszország határait és hadműveleti térséggé változtatta azt. A kelet-poroszországi hadművelet 1945. január 13. és 1945. április 23. között zajlott, melyben az éjszakai könnyűbombázóezred is kivette részét.⁵⁵

1945 tavaszán (április–május) az ezred légi segítséget nyújtott a Vörös Hadsereg szárazföldi egységeinek az Odera folyón felállított ellenséges védelem áttörésében, valamint lebombázta visszavonuló német csapatokat. A háború vége előtt utolsó célpontjaik a swinemündei rakétabázisok voltak, melyek ellen támadást indítottak.⁵⁶

1945. április 16-án a Vörös Hadsereg megkezdte az utolsó nagy, döntő jelentőségű csatát Berlin elfoglalásáért. A szovjetek rendkívüli erőfeszítések árán házról házra harcolva legyőzték a Berlint védő német egységeket, és 1945. május 9-én győzelmet arattak. Ezzel véget ért az európai hadszíntéren a második világháború, vagy, ahogy Oroszországban hívják, a Nagy Honvédő Háború. A szovjet vezetés 1945. június 24-én megtartotta Moszkvában a Németország fölötti győzelmének megünneplésére megrendezett Győzelmi parádét. A Győzelmi parádéra az ezred is hivatalos volt, és a tervek szerint egy pilótaszázad képviselné az ezredet, melynek során kilenc Po-2 repülőgép – három rajban – átrepülne a Vörös tér felett. Az ezred tagjai Moszkvába repültek a díszszemlére, és egy Moszkva melletti repülőtéren, Podlipki-ben szálltak le. Itt a parádéra várva mindennap edzettek és gyakorlásképpen formáció-

54 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 116.

55 А.В. КИРИЛИНА, Г.Ф. КРИВОШЕЕВА (ред.), „Падение прусской цитадели. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.”, Военно-Исторический Журнал, но. 4 (2004): 2–5. http://nozdr.ru/militera/periodic/0/v/voenno-istorichesky-zhurnal/vij_2004-04.pdf (Дата обращения: 30 января 2021 г.)

56 РАКОБОЛЬСКАЯ, КРАВЦОВА (ред.), *Нас называли ночными ведьмами*, http://militera.lib.ru/мемо/russian/rakobolskaya_kravtsova/03.html (Дата обращения: 30 января 2021 г.)

ban repültek. A Győzelmi parádé napján (június 24.) az időjárás rosszra fordult, így az ezred nem szállhatott fel.⁵⁷

A sok sikeres harci bevetést és rekordot követően, mivel a háború véget ért, már nem volt szükség a frontszoláglatot teljesítő egységekre, így megkezdték a szovjet fegyveres erők állományának leépítését, mely mintegy két évet vett igénybe. A nagyarányú leszerelés következtében a szovjet fegyveres erők létszáma az 1945 nyarán lévő 11,3 millió fős létszámról 1948 közepéig 2,8 millió főre csökkent. A leszerelések révén a Vörös Hadsereg feleslegessé vált harci eszközeit, készleteit a szovjet gazdaság élénkítésére, fellendítésére csoportosították át: például a Vörös Légierő leszerelését követően több repülőgépet kapott a szovjet polgári légiforgalom.⁵⁸

A hadsereg leszerelésénél előnyben részesültek a nők és azok a vöröskatonák, akik teljes közép- vagy felsőfokú végzettséggel rendelkeztek, ugyanis a szétzilált gazdaságnak szüksége volt a szaktudásukra és munkaerejükre. Továbbá előnyben részesítették azokat a fiatalokat, akik a háború miatt nem tudták befejezni a tanulmányaikat és a leszerelésükkel lehetőséget kaptak a diplomájuk megszerzésére.⁵⁹

Mint az előbb említettem, a leszerelésnél előnyben részesültek a nők, így az ezred sem kerülhette el sorsát. 1945. október 15-én az ezredet feloszlatták és leszerelték az ezred személyi állományát. 1943-ban a gárdaezred cím elnyerésével egyidőben megkapott gárdazászlót átadták a Szovjet Hadsereg Múzeumának. A leszerelés után a nők többsége visszatért a háború előtti életéhez, de a „Szovjetunió Hősei”, illetve hősnői nem merültek feledésbe. A legsikeresebb, legeredményesebb pilóták, navigátorok és más egyéb beosztásban harcoló nők arcképei megjelentek a bélyegeken. Noha az ezred tagjai közül többen is elnyerték a „Szovjetunió Hőse” címet, a háborús évek mindenkiben nyomot hagytak és az egykori pilóták, navigátorok poszttraumás sokkhatásokkal éltek tovább. Visszaemlékezéseikben elmondják, hogy olyan álmokra riadnak fel éjszaka, hogy lőnek rájuk,⁶⁰ valamint álmukban is a repülőgépben ülnek, de valamilyen zavaró tényező miatt nem tudnak felszállni.

57 РАКОБОЛЬСКАЯ, КРАВЦОВА (ред.), *Нас называли ночными ведьмами*, http://militera.lib.ru/memo/russian/rakobolskaya_kravtsova/02.html (Дата обращения: 30 января 2021 г.)

58 GOSZTONYI PÉTER, *A Vörös Hadsereg* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 1993), 231–232.

59 GOSZTONYI, *A Vörös Hadsereg*, 231–232.

60 Rakobolszkaja törzsfőnök visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 55:02 – 55:24.

Az egykori 588. éjszakai könnyűbombázó ezred tagjai megegyeztek abban, hogy a háború után is tartani fogják egymással a kapcsolatot, hiszen életre szóló baráti kapcsolatokat alakított ki köztük a háború, melynek éve alatt összecsiszolódtak. Utolsó háborús összeövetelükön elhatározták, hogy minden év május 2-án és november 8-án összegyűlnek Moszkvában a Nagy Színház előtt.⁶¹ A még életben lévő hölgyek a mai napig összegyűlnek minden május 2-án és november 8-án, sajnos egyre kisebb létszámban.

SZABADIDŐ ÉS PIHENÉS A HARCOK SZÜNETÉBEN

A harcok szünetében az ezred tagjai különböző elfoglaltságokkal próbálták elterelni figyelmüket a bevetések során átélt traumákról és idegtépő pillanatokról. Rakobolszkaja azt mondta: „A lányok már csak lányok!” A bevetésekre kiscicákat vittek magukkal, táncoltak a repülőtéren, dalokat énekeltek és hímeztek. A hímezés jelentette számukra az igazi kikapcsolódást. Rakobolszkaja elmondása szerint hímezhettek egy gyönyörű képet, virágot, papagájt, vagy valami mást, esetleg virágcsokrot. Ez a fajta kikapcsolódási lehetőség segített elfelejteni a háború borzalmait, noha csak kis időre.⁶²

Az ezred tagjai közül többen foglalkoztak versírással, mint például Natalja Fjodorovna Meklin (férjezett nevén Kravcova), aki 1943-ban, miután az ezred megkapta a gárdaezred címet, a dicső esemény megünneplésének alkalmából megírta az „Ezred Himnusza” című költeményét:

„Ezred Himnusza:
Hogy csatlakoztunk a frontvonal soraihoz
Számunkra nem volt könnyű feladat.
Küzdjete, lányok, harcoló barátok
A női gárdaezred dicsőségéért.
Repüljete tovább
Tűzzel a mellkasotokban,
Hadd lobogjon elől a gárda zászlaja,

61 Jakovleva navigátor visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 54:41 – 54:50.

62 Rakobolszkaja törzsfőnök visszaemlékezése, in BRESKY, „Éjszakai boszorkányok”, 40:18 – 41:35.

Söpörjétek ki az ellenséget,
Sújtsatok le a célpontokra,
Ne hagyjátok, hogy a fasiszták elmeneküljenek a végítéletük elől!”⁶³

A Németország felett aratott győzelmet követően a parancsnokság szabadságot, „vakációt” adott az ezred tagjainak, így átrepültek a Neubrandenburg közelében lévő, Alt Rehse városába és ott töltötték szabadságukat. Alt Rehse-ben kiváló körülmények voltak a pihenésre: üdülőházak, sportpályák, park, körben fenyőerdők, egy kék tó, egy hajóállomás, csónakázási és kerékpározási lehetőségek, és a legfőbb hobbi, a röplabdázás lett.⁶⁴ A szabadság végén, 1945 júniusában az ezred átrepült Lengyelországba, Świdnica városába, ahol 1945. október 15-én végül leszerelték.⁶⁵

Összességében elmondható, hogy az 588. éjszakai könnyűbombázó gárdaezred hősnői épp olyan bátorsággal és ember feletti erővel védelmezték hazájukat a Nagy Honvédő háború éveiben, mint férfitársaik. Az éjszakai bevetéseik során kivívták magunknak a tiszteletet és a hírnevet mind a szovjet katonák, a nép, mind az ellenség körében. A Nagy Honvédő háború évei alatt körülbelül 24.000 éjszakai bombázó repülést hajtottak végre, és egy alkalommal 1944. december 23-án, Varsó bombázásakor egy éjszaka alatt 324 harci bevetést hajtottak végre, melyel rekordot állítottak fel. Kiemelkedő szerepvállalásuk és bátorságuk elismeréséül 23 hölgy kapta meg – ebből 5 posztumusz – a Szovjetunió legmagasabb kitüntetését, a „Szovjetunió Hőse” címet. Továbbá kiemelkedő harci tevékenységük elismeréséül számos más kitüntetés, érdemrend mellett 1943. február 8-án megkapták a „46. *Tamany éjszakai bombázó gárdaezred*” címet. Mindezek a kitüntetések, eredmények nagy szerepet játszottak és játszanak abban, hogy a Szovjetunióban, és annak felbomlását követően jogutódjában Oroszországban is széles körű tisztelet övezi a szovjet hősnőket, noha a háború után egyre inkább a feledés homályába merült a szovjet nők frontszolgálatára és hőstette.

63 MARVICK, CARDONA, *Soviet Women on the Frontline*, 99. (Fordította: Gál Csaba)

64 РАКОВОЛЬСКАЯ, КРАВЦОВА (ред.), *Нас называли ночными ведьмами*. http://militera.lib.ru/memo/russian/rakobolskaya_kravtsova/01.html (Дата обращения: 30 января 2021 г.); РАКОВОЛЬСКАЯ, КРАВЦОВА (ред.), *Нас называли ночными ведьмами*, http://militera.lib.ru/memo/russian/rakobolskaya_kravtsova/02.html (Дата обращения: 30 января 2021 г.)

65 РАКОВОЛЬСКАЯ, КРАВЦОВА (ред.), *Нас называли ночными ведьмами*, http://militera.lib.ru/memo/russian/rakobolskaya_kravtsova/03.html (Дата обращения: 30 января 2021 г.)

Vendégrovat
Гостевая страница
Guest Page

ZSOLT TÓTH, ADRIENN NOVOTNI

**DEMOGRAPHIC REASONS FOR HIGH BIRTH RATES
IN VIENNA IN MARCH 1946¹**

The authors analyse and refute a statement that appears in memory politics debates. In their view, it is unlikely that the increase in births in Vienna in March 1946 was due mainly to sexual assaults committed by Soviet and other soldiers. It is much more likely that the temporary increase in the number of births can be traced back to the May 1945 marriage boom. Although traditional time series analysis methods are difficult to use in this case, the authors have applied simple analytical tools that make their position plausible. The results obtained also call into question estimations of the high number of rapes committed by the Soviets. The authors also analyse some elements of the related literature.

Keywords: Soviet war crimes, liberation of Vienna, memory politics debates, wartime sexual violence

Zsolt Tóth – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Faculty of Wood Engineering and Creative Industries, University of Sopron (Hungary, Sopron, 9400, Bajcsy-Zsilinszky Endre u. 4.) E-mail: toth.zsolt@uni-sopron.hu

Adrienn Novotni – Ph.D. Student, Faculty of Wood Engineering and Creative Industries, University of Sopron (Hungary, Sopron, 9400, Bajcsy-Zsilinszky Endre u. 4.) E-mail: novotni.adrienn@uni-sopron.hu

1 *Citation: ZSOLT TÓTH, ADRIENN NOVOTNI, “Demographic Reasons for High Birth Rates in Vienna in March 1946”, *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 253–272. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.g.1*

INTRODUCTION

Research into crimes committed by the various armies against the civilian population (especially sexual violence by Soviet soldiers) has become part of the politics of memory in many countries in recent years. However, the claims made during confrontations over memory politics have sometimes become ‘irrefutable’ truths without the authors having clarified their veracity or having ensured the methodological correctness of the research with scientific rigour. The scientific (fact-finding) nature of the debates is therefore becoming increasingly secondary.

Of course, the frequent fragmentation and unreliability of sources is often an obstacle to thorough research. Reliable data on the number of sexual relations between the civilian population and soldiers belonging to the various armies, on the rate of rape within sexual relations, on the evolution and causes of the number of venereal diseases, on the evolution of the number of abortions, on the identity of the biological father and the nature of the sexual relationship in the case of aborted and terminated pregnancies, etc., are scarce in the years during and after the Second World War. Therefore, all researchers should approach the issue with extreme caution.

It is understandable that for difficult-to-research topics, researchers turn their attention to methods such as oral history and memoirs. However, without proper source criticism, balance, and emphasis on the limitations of the methodology, it is possible, by these methods, to “argue” essentially anything and everything. This provides an excellent breeding ground for falsifying history and manipulating it for political trends.

Research into the atrocities committed and their consequences must be carried out primarily by ‘real’ scientific methods, such as statistical methods. Despite the obstacles that make research difficult, the search for the “truth” must be based on breaking down these obstacles rather than on choosing less exact methods. And where data gaps exist, speculation for political purposes should be avoided.

In this article, we attempt to either confirm or disprove a premise that appears in the literature on memory politics, one that is perhaps the easiest to test based on population statistics and correlations. Specifically, we examine whether the observed phenomenon can be justified on the basis of available population statistics and contexts.

The aim of this study is to provide a partial clarification of the situation in Vienna after liberation. The fact that the statistical data for Vienna have been available in detail and in a relatively uniform structure since 1883 with virtually no interruption (*Statistisches Jahrbuch der Stadt Wien*) will certainly facilitate research.

It is not the purpose of this study to examine in detail the rapes committed during the war. That is beyond the scope of this article. We are simply looking for an answer to the question of the causes of the March 1946 birth-rate spike in Vienna, based on population statistics and possibly other statistical data and correlations. (If no clear correlation can be found, then other factors may be sought to explain the apparent spike in the March 1946 birth rate.)

THE LIBERATION OF VIENNA AND THE POST-WAR POLITICAL SITUATION

On 2 April 1945, Soviet and Bulgarian troops attached to the Red Army began Operation Vienna (*Венская наступательная операция*). This was mainly aimed at occupying Vienna, which Hitler had declared a fortress city like Budapest. However, the city was liberated much faster than Budapest. Tolbuhin's and Stoychev's troops began to attack the city directly on 5 April, after the surrounding towns had been captured, and by 13 April, after the remaining German units had broken out, the entire administrative area of Vienna was under Red Army control.² *Operation Radetzky*, led by Austrian Wehrmacht Major Carl Szokoll, which had largely unravelled and against which the Nazis had retaliated ahead of schedule, played a major psychological role in the relatively quick liberation of the city. Despite the relatively brief siege, the city suffered heavy damage, but less than Budapest, with fewer military and civilian casualties. On 27 April 1945, a provisional coalition government was formed under the leadership of the socialist Karl Renner.

Public administration and local political life were, in many cases, restored immediately after the fighting had ended. In some municipalities

2 С. Е. ЛАЗАРЕВ, "Венская операция 1945", в *Российская историческая энциклопедия в 18 томах Т. 4.*, ред. А.О. ЧУБАРЬЯН (Санкт-Петербург: ОЛМА Медиа Групп, 2017), 80–81.

and districts, the new administration welcomed the arriving Allies. The provisional municipal administration of Vienna was established on 13 April 1945, and the reorganisation of life began soon after. Austria had already been declared a victim of Nazism by the Allies at the Third Moscow Conference (18 October - 11 November 1943), and it was decided that it should become an independent state after liberation. On 27 April 1945, the parties that founded the Second Republic (SPÖ, ÖVP, KPÖ) proclaimed Austria's independence and the annulment of the 1938 Anschluss (*Österreichische Unabhängigkeitserklärung*). However, the country did not regain full independence until 1955.

The division of Austria into occupation zones was already provided for in the *Moscow Declaration* of 30 October 1943. In essence, the borders defined in this were also included in the Agreement on Allied Control (*Abkommen über die Alliierte Kontrolle*). On this basis, Austria and Vienna were divided into four occupation zones. The three Western Allies controlled the western and southern parts of Austria and 15 districts of Vienna. The Soviet zone included the eastern part of Austria and six districts of Vienna. One district (*Innere Stadt*) was jointly administered by the four Allied powers.³

PREVIOUS DEMOGRAPHIC RESEARCH

International publication databases contain only few related demographic research results. It can generally be said that, due to the unreliability, incompleteness, and confused nature of the data, researchers analyse the periods up to the last year of peace or from the first consolidated years of peacetime.

The analysis of demographic trends during and immediately after the war is therefore tangential and cautious. We find this in the works

3 STEFAN AUGUST LÜTGENAU, "Zwangsarbeit im 'Reichsgau' Wien 1938–1945", in *Studien zur Wiener Geschichte. Jahrbuch des Vereins für Geschichte der Stadt Wien* 59, hg. SUSANNE CLAUDINE PILS (Wien: Verein für Geschichte der Stadt Wien, 2003), 167–186.

of Srb⁴, Glass⁵ ⁶, Mazur⁷, Hémary and Rabut⁸, Pressat⁹, Artzrouni and Easterlin¹⁰, Munoz-Perez¹¹, Hadživuković¹², Falkingham and Gjonça¹³. The literature thus warns us to be very cautious about the data available for analysis and the methods that can be used.

EXAMINING RAPE BY SOVIET SOLDIERS IN AUSTRIAN MEMORY POLITICS

In this article we do not intend to analyse the whole problem of memory politics. This is well beyond the scope of a single article. However, it is worthwhile to give some insights into related research and to highlight some of its characteristics.

Rape by Soviet and other soldiers became a visible topic in Austrian public discourse and literature from the 1990s onwards. Despite growing awareness of the topic, the major academic databases contain hardly any articles on the subject. (The databases of some political newspapers contain much more.) The Institute of History at the University of Vienna does not mention the topic in its current and former priority

-
- 4 V. SRB, "Population Development and Population Policy in Czechoslovakia", *Population Studies* 16, no. 2 (November 1962): 147–159. DOI: 10.2307/2173122
 - 5 D. V. GLASS., "Family Planning Programmes and Action in Western Europe", *Population Studies* 19, no. 3 (March 1966): 221–238. DOI: 10.2307/2172820
 - 6 D. V. GLASS, "Fertility Trends in Europe Since the Second World War", *Population Studies* 22, no. 1 (March 1968): 103–146. DOI: 10.2307/2173349
 - 7 D. P. MAZUR, "Reconstruction of Fertility Trends for the Female Population of the U.S.S.R.", *Population Studies* 21, no. 1 (July 1967): 33–52. DOI: 10.2307/2172927
 - 8 S. HÉMERY, O. RABUT, "La contribution des étrangers à la natalité en France", *Population* 28, no. 6 (Novembre-Décembre 1973): 1063–1077. DOI: 10.2307/1530577
 - 9 R. PRESSAT, "Le relèvement de la fécondité au Royaume-Uni", *Population* 35, no. 1 (Janvier-Février 1980): 190–194. DOI: 10.2307/1531895
 - 10 M. A. ARTZROUNI, R.A. EASTERLIN, "Birth History, Age Structure, and Post-World War II Fertility in Ten Developed Countries: an Exploratory Empirical Analysis", *Genus* 38, no. 3-4 (July-December 1982): 81–99.
 - 11 F. MUNOZ-PEREZ, "Le déclin de la fécondité dans le sud de l'Europe", *Population* 42, no. 6 (Novembre-Décembre 1987): 911–941. DOI: 10.2307/1532736
 - 12 S. HADŽIVUKOVIĆ, "Population Growth and Economic Development – A Case Study of Yugoslavia", *Journal of Population Economics* 2, no. 3 (November 1989): 225–234. DOI: 10.1007/BF00177325
 - 13 J. FALKINGHAM, A. GJONÇA, A., "Fertility Transition in Communist Albania, 1950–90" *Population Studies* 55, no. 3 (November 2001): 309–318. DOI: 10.1080/00324720127699

research, but a special research group is dealing with sexual violence by the Austro-Hungarian Army during the First World War (*Sexuelle Gewalt im Ersten Weltkrieg: Militärgerichtsakten der k. u. k. Armee und Selbstzeugnisse als Quellen*).¹⁴

Research on our topic is currently carried out mainly at the Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences (*Ludwig Boltzmann-Institut für Kriegsfolgen-Forschung*), founded in 1993 by Stefan Karner.¹⁵ (In addition to his academic work, Karner was Vice President of the Political Academy of the Austrian People's Party [ÖVP] from 1995 to 2010.)¹⁶

The work of the research institutes of the privately run but publicly funded Ludwig Boltzmann Gesellschaft (LBG) is hardly recognised in the Austrian and international scientific community. The LBG's scientific role is often criticised. It is unusual in the scientific world that the Ludwig Boltzmann Gesellschaft was headed from 2011–2020 by Josef Pröll, former ÖVP politician and Vice-Chancellor, an individual with no scientific background.¹⁷

Within *Kriegsfolgenforschung's* research, the study of rape by Soviet soldiers is emphasised. This is perhaps due to the fact that the institute is currently headed by Barbara Stelzl-Marx, who has probably published the most on Soviet occupation in Austria. A significant portion of these publications have appeared in the Austrian right-wing and liberal press. The book in which she summarises her research also examined rape by Soviet soldiers.¹⁸ Stelzl-Marx's analysis is sparsely referenced with data, and she uses mostly reminiscences and interviews. In addition to examining sporadic, poorly documented cases, the chapter de-heroises the entire Red (Soviet) Army.

14 "Research", *University of Vienna, Department of History*, last modified January 19, 2021, <https://ifg.univie.ac.at/en/research/> (Accessed August 30, 2021)

15 "Das Institut", *Ludwig Boltzmann-Institut für Kriegsfolgen-Forschung*, zuletzt geändert am 7. März 2021, <https://bik.ac.at/das-institut/> (Abgerufen am 30. August 2021)

16 "Univ.-Prof. Dr. Stefan Karner", *Universität Graz, Institut für Wirtschafts-, Sozial- und Unternehmensgeschichte*, zuletzt geändert am 26. Juli 2021, <https://wirtschaftsgeschichte.uni-graz.at/de/institut/institutsteam/stefan-karner/> (Abgerufen am 30. August 2021)

17 "Neuer LBG-Vorstand konstituiert", *Ludwig Boltzmann Gesellschaft*, zuletzt geändert am 30. Oktober, 2020, <https://www.lbg.ac.at/themen/neuer-lbg-vorstand-konstituiert/> (Abgerufen am 30. August 2021)

18 BARBARA STELZL-MARX, *Stalins Soldaten in Österreich: Die Innensicht der sowjetischen Besatzung 1945–1955* (Vienna/Munich: Böhlau/Oldenbourg, 2012), 466–74. DOI: 10.26530/OAPEN_453611

Stelzl-Marx acknowledges that prostitution had already reached a high level during the war due to severe food shortages. According to Stelzl-Marx, the large number of professional and casual Viennese prostitutes suffering from venereal diseases led the US army to use posters to warn American soldiers of the dangers of prostitution.¹⁹ The Red Army also strictly prohibited soldiers from having any intimate contact with women in the occupied territories.²⁰

Stelzl-Marx identifies a small outbreak of venereal disease in 1945 without analysing the earlier period, and attributes it to rape by the Red Army. The involvement of the US and other Allied troops, the German troops who had been there before, and the local male population is barely touched upon.²¹

In addition to some data from statistical yearbooks, which in themselves prove nothing, Stelzl-Marx makes use of the a very important document on rape by Gertrud Kerschbaumer, who writes about 639 rapes reported in and around Graz in 1945. Stelzl-Marx mentions three British perpetrators in the Styrian cases, leaving the identity of the others open, but the context suggests Soviet perpetrators.²² In Kerschbaumer's original book chapter, the title of the published table clearly refers to the crimes of the Soviets. The table shows the number of rapes committed between 2 June 1945 and 31 December 1945. Of the 639 cases, 160 occurred between 2 February and 13 July, and 479 in the rest of the year.²³

In mid to late July 1945 (officially from 24 July), the Soviet occupation troops were replaced by British occupation troops in Styria. Although the section boundary of the police station data does not quite coincide with the Soviet-British replacement, the period of British command saw proportionally only slightly less rape than that of the Soviets. It is assumed that the vast majority of rapes attributed to the Soviets by Kerschbaumer were not committed by them. Neither is it certain that the reported rapes were actually rapes. Indeed, the Styrian provisional

19 STELZL-MARX, *Stalins Soldaten in Österreich*, 481.

20 FJODOR SZINYICIN, „A szovjet katonai hatóságok intézkedései a (magyar) polgári lakosság jogainak védelmében, 1944–1945”, *Eszmélet* 129. (2021. tavasz): 98–99.

21 STELZL-MARX, *Stalins Soldaten in Österreich*, 486–87.

22 STELZL-MARX, *Stalins Soldaten in Österreich*, 486.

23 GERTRUD KERSCHBAUMER, „Sowjetische Besatzungszeit in Graz. Überprüfung von Mythen in Graz in der NS-Zeit 1938–1945”, hg. STEFAN KARNER (Graz: Veröffentlichungen des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung. Sonder-Bd. 1. 2. Aufl., 1999), 205.

government had on 26 May 1945 allowed abortions to be legally performed in exceptional cases (e.g., in cases of rape certified by the police).²⁴ This was obviously a relief for women who had been raped, but it also provided a safe way to terminate any unwanted pregnancy if the woman reported rape as the cause. (Both phenomena were observed by contemporaries.)

However, the Austrian Provisional Government decided on 12 June 1945 to reintroduce the Austrian Penal Code. The law was promulgated on 23 June.²⁵ ²⁶ Section 144 of the Austrian Penal Code banned and severely punished abortion, annulling the Styrian government's decree of 26 May. Although the law was presumably only gradually applied with full rigour, its effect may have been felt to some extent from 23 June. Before that (during the Soviet occupation), however, many people had certainly claimed rape and were given the opportunity to have an abortion. Although there is much uncertainty in the data, and latency must be taken into account, the key document does not prove that Soviet soldiers committed rape in and around Graz in any but a few sporadic cases. A further twist in the story is that the abortion technique used in the era was essentially the rather brutal "dilation and curettage", which did not allow for the termination of pregnancies under six weeks, but, even in the 21st century, is typically used to remove an older embryo or foetus from a pregnant woman's womb.²⁷

Women who had abortions at the beginning of June, and were therefore often considered victims of rape,²⁸ could therefore not have been victims of the Soviet soldiers who entered Graz on 9 May and who had been working with the new socialist-communist-conservative coalition city government from the beginning.²⁹

24 STELZL-MARX, *Stalins Soldaten in Österreich*, 475.

25 "Staatsgesetzblatt für die Republik Österreich", Ausgegeben am 23. Juni 1945, *Staats- und Bundesgesetzblatt 1945–2003*, zuletzt geändert am 29. Juni, 2021, https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1945_25_0/1945_25_0.pdf (Abgerufen am 31. August 2021)

26 STELZL-MARX, *Stalins Soldaten in Österreich*, 474.

27 JENNIFER LOHMANN-BIGELOW, SHERRI A. LONGO, XIAOZHANG JIANG, ALFRED G. ROBICHAUX, "Does Dilation and Curettage Affect Future Pregnancy Outcomes?", *The Ochsner Journal* 7, no. 4 (Summer 2007): 173–76.

28 STELZL-MARX, *Stalins Soldaten in Österreich*, 476.

29 "Rundgang: Befreiung 1945 in Graz", *erinnern.at*, zuletzt geändert am 8. Mai, 2020, <https://www.erinnern.at/bundeslaender/steiermark/termine/rundgang-befreiung-1945-in-graz> (Abgerufen am 31. August 2021)

There is a similar situation with another key document claiming to confirm the increased number of sexual diseases caused by Soviet rapes in the Melk district.³⁰ To interpret the document, we have to take into account the large number of German troops in the area at the end of the war, the simultaneous arrival of the Americans and the Soviets, and the many crimes committed by some of the prisoners released from Melk concentration camp. As the data before liberation is incomplete and the level of latency may be high, we do not know how the data series evolved in the longer term (before and after 1945). We also do not know the impact of professional and casual prostitution. The explosion in sexual diseases could, therefore, not only have been caused by the Soviets, and not necessarily only by forced sexual intercourse.³¹

Although the majority of the works cited so far touch on German (and Austrian) crimes, it should be stressed that the Nazi crimes committed on the Eastern Front (mass genocide, slavery, destruction, robbery and rape) are incomparably more serious than the sporadic crimes of Soviet and other Allied soldiers. Moreover, the Red Army severely punished soldiers who abused the civilian population.³² This is very different from the actions of the German (and Austrian) or even Hungarian occupying troops in Soviet territories, who used military tribunals primarily against the civilian population rather than their own soldiers.³³ It is not true that the crimes committed at the expense of the German, Austrian, Hungarian and other populations were part of some kind of collective revenge. Instead, revenge must be understood as the driving force behind the deviant behaviour of individual soldiers.

An important element that emerges from Soviet soldiers' memoirs is that the population of Vienna welcomed them positively and as liberators, despite the earlier propaganda from Goebbels. Starving Austria, and especially starving Vienna, was happy about the Soviet emergency kitchens and food distributions, the organisation of cultural life, the relative calm and security. The soldiers themselves clearly

30 MARIANNE BAUMGARTNER, "Zwischen Mythos und Realität – Die Nachkriegsvergewaltigungen im sowjetisch besetzten Mostviertel", *Unsere Heimat*, (1993): 73–108.

31 "Auf das Kriegsende folgte Chaos", *NÖN.at*, zuletzt geändert am 9. Mai, 2020, <https://www.noen.at/melk/bezirk-melk-auf-das-kriegsende-folgte-chaos-melk-zweiter-weltkrieg-gerhard-flossmann-204239285> (Abgerufen am 31. August 2021)

32 SZINYICIN, „A szovjet katonai hatóságok intézkedései a (magyar) polgári lakosság jogainak védelmében, 1944–1945”, 104–5.

33 FÓRIS ÁKOS, *A magyar megszálló politika a szovjet területeken 1941–1944, doktori disszertáció* (Budapest: ELTE BTK, 2021): 207–11.

distinguished the Austrian civilians from the Wehrmacht soldiers. Despite the prohibitions, Soviet soldiers and Austrian women often fell in love and sometimes later married.^{34 35}

AUSTRIAN SOURCES IN HUNGARIAN MEMORY POLITICS

Austrian sources, especially those from Vienna, are very important in Hungarian memory politics. This is mainly due to the work of Andrea Pető, who has been researching the topic since the late 1990s and is one of the leading experts on the subject. Right from her first significant writings, the events in Austria and Vienna have been an important reference point.

Without wishing to be exhaustive, it is worth drawing attention to some of the characteristics of her writings, so that we can move on to the main topic of our article.

In Pető's writings, the works of the historians grouped around the Ludwig Boltzmann Gesellschaft and the documents they cite are an important reference, but her works seem much less balanced than those of her Austrian colleagues. This fits in very well with the highly publicised, uncritically anti-Soviet, neo-Horthyst current of Hungarian "historiography".³⁶

Negation or tendentious misinterpretation of archival documents, ignorance of data gaps, a tendency to fill these gaps with invented facts and figures, and neglect of the methodological requirements of statistics as an auxiliary science are all unfortunately quite common among Hungarian star historians today. Andrea Pető's writings are sometimes no exception to this.

According to Pető, prostitution in Vienna existed only in the American zone, and any sexual partner of a Red Army soldier could only have been a victim.³⁷ This is a ridiculous claim, as outlined earlier on.

34 "Die Rote Armee im April 1945 in Wien", *WienerZeitung.at*, zuletzt geändert am 3. April, 2021, <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/reflexionen/vermessungen/2098865-Die-Rote-Armee-im-April-1945-in-Wien.html> (Abgerufen am 31. August 2021)

35 STELZL-MARX, *Stalins Soldaten in Österreich*, 496–524.

36 KRAUSZ TAMÁS, *Történetírás és emlékezetpolitika* (Budapest: Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért, 2021), 225.

37 PETŐ ANDREA, „Átvonuló hadsereg, maradandó trauma – Az 1945-ös budapesti nemi erőszak esetek emlékezete”, *Történelmi Szemle* 41, 1–2. (1999): 95.

Pető underestimates the number of prostitutes, since she only takes into account the number of officially registered prostitutes. However, the Viennese police found 1,601 unregistered prostitutes working in their homes in 1943 and 1,942 in 1944. By comparison, the number of professional prostitutes was 338 in 1943 and 176 in 1945. Of the prostitutes working at home, 336/244 were suffering from gonorrhoea and 40/78 from syphilis in 1943–44, respectively.³⁸ The real number may have been much higher in 1944. And in Vienna, which was hit by a severe famine at the beginning of 1945, it is not even possible to estimate the exact number of prostitutes. (The rise in prostitution has already been discussed in connection with the Austrian sources analysed earlier.)

Pető writes about the outbreak of venereal diseases in 1945.³⁹ In fact, 1945 was not a boom, but a continuation of growth. There were 1,106 cases of gonorrhoea and syphilis in 1943, 1,851 in 1944 and 2,121 in 1945. The figures fell to 1,758 in 1946 and 1,235 in 1947.⁴⁰ ⁴¹ The latency might have been much higher. Almost half of the detected venereal-disease sufferers in 1943–44 were “former” or registered or unregistered prostitutes.⁴² By 1946–47, the vast majority were registered or unregistered prostitutes.⁴³ (Reliable data for 1945 are not available.) The increase in venereal diseases in 1943–45 was probably due to the increase in prostitution.

Pető also almost entirely excludes the possibility of love affairs having taken place between Soviet soldiers and Austrian girls. In her opinion, Soviet soldiers were not sexually attractive.⁴⁴ These racist allegations contradict even Stelzl-Marx’s frequently quite de-heroising description of Soviet soldiers.⁴⁵

38 “Statistisches Jahrbuch der Stadt Wien: (1943–1945)”, *Wienbibliothek im Rathaus*, zuletzt geändert am 31. August, 2021, <https://www.digital.wienbibliothek.at/wbrobv/periodical/titleinfo/2178314> (Abgerufen am 31. August 2021)

39 PETŐ ANDREA, *Elmondani az elmondhatatlant: A nemi erőszak története Magyarországon a II. világháború alatt* (Budapest: Jaffa Kiadó, 2018), 123.

40 “Statistisches Jahrbuch der Stadt Wien: (1943–1945)”

41 “Statistisches Jahrbuch der Stadt Wien: (1946–1947)”, *Wienbibliothek im Rathaus*, geändert am 31. August, 2021, <https://www.digital.wienbibliothek.at/wbrobv/periodical/titleinfo/2178673> (Abgerufen am 31. August 2021)

42 “Statistisches Jahrbuch der Stadt Wien: (1943–1945)”

43 “Statistisches Jahrbuch der Stadt Wien: (1946–1947)”

44 PETŐ, *Elmondani az elmondhatatlant*, 127.

45 STELZL-MARX, *Stalins Soldaten in Österreich*, 496–524.

Although sources exist that deny or shade the mass crimes of Soviet soldiers, Pető pays them scant attention.⁴⁶

One of Pető's most embarrassing claims is that the Nuremberg Race Laws, which survived in Austria because of the confusing *ex-lex* situation, allowed the abortion of fetuses from "Slavic fathers" even after liberation.⁴⁷ It is difficult to judge whether the spirit of the Nuremberg Race Laws survived, but it should be emphasised that they were abolished by the Austrian Provisional Government in its historic proclamation of 27 April 1945 (published on 1 May).⁴⁸ Abortions of fetuses resulting from rapes committed by Soviet and other Allied soldiers could not have taken place before mid-May for the medical reasons indicated earlier. *De jure*, the Nuremberg Race Laws could not have had any role in abortions.

Of course, we should not make the mistake of trying to support preconceptions with data where there are data gaps or where the evolution of the data may be influenced by a number of factors. We have to recognise that very serious and thorough archival research and statistical analysis would be needed to investigate most phenomena, and even then we would not necessarily reach clear conclusions. This is a general academic limitation, but, given the current Hungarian political climate, for example, there is no hope that such a cautious and neutral position will be adopted.

Fortunately, however, there is one "theme" about which there is much less uncertainty caused by lack of data.

Andrea Pető makes two emphatic statements about the post-war birth figures. On the Budapest birth figures, she states that "the exceptionally high live birth rate in April 1946 is not necessarily explained by frequent rape by Soviet soldiers."⁴⁹ As for the Viennese data, she writes: "The official Viennese data also show that the birth rate started to rise in the 9th month after the occupation of the city (...), but there was no large-scale population change here either."⁵⁰

46 PETŐ, *Elmondani az elmondhatatlant*, 123.

47 PETŐ, *Elmondani az elmondhatatlant*, 110.

48 "Staatsgesetzblatt für die Republik Österreich, Ausgegeben am 1. Mai 1945", *Staats- und Bundesgesetzblatt 1945-2003*, geändert am 29. Juni, 2021, https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1945_2_0/1945_2_0.pdf (Abgerufen am 31. August 2021)

49 PETŐ, *Elmondani az elmondhatatlant*, 103.

50 PETŐ, *Elmondani az elmondhatatlant*, 105.

Taken alone, the two sentences can be seen as two objective, acceptable statements. However, the author clearly suggests, based on the rest of the book, that the activities of Soviet troops resulted in, among other things, a serious problem: many children were born as a result of sexual relations with them.

Based on the context, the phrase “not necessarily” in the above quoted text has the meaning “probably, but not yet confirmed”, and the interpretation of “in the 9TH month” does not require any further explanation.

The birth rates and some demographic correlations in Budapest can be reconstructed fairly well on the basis of the Budapest Statistical Yearbooks and other literature. A limitation, however, is that the last Budapest Metropolitan Statistical Yearbook was published in 1948, covering the period 1944–46, a comprehensive statistical yearbook entitled Statistical Yearbook of Budapest being published from 1957. The examination of some post-war years is rather difficult and beyond our present capabilities. It would be worthwhile to clarify the situation in Budapest in the framework of future, larger-scale research, possibly covering Hungary as a whole, to which this article could contribute.

It is worth noting that the liberation of Budapest on February 13, 1945, and the assumption/experience that the vast majority of rapes occurred during and immediately after the fighting, already casts strong doubt on the fact that 14 months later, in April 1946, the birth rate in Budapest increased as a result of the activities of Soviet troops.

The situation in Vienna can be clearly clarified regarding birth rates. Perhaps the reasons are clear as well.

VIENNA BIRTH RATES

In Vienna (and Austria in general), which had been divided into four parts, not only was administration restored in a very short time, but also statistical data collection. The Vienna branch of the Austrian Central Statistical Office (*Österreichische Statistische Zentralamt*), which was set up in 1945, continued the work of the Federal Statistical Office (*Bundesamt für Statistik*), which had been temporarily integrated into the statistical organisation of the German Reich (Reich Statistical Office,

Reichsamt für Statistik) from 1938 to 1945, with minimal disruption.⁵¹ However, the Vienna Statistical Yearbook 1939–1942 was published only in 1946 and the one covering 1943–45 only in 1948, which, apart from the difficulties of the war, was also due to the manual data processing common at the time. (The next volume of the Vienna Statistical Yearbook was only published in 1951.) That said, many data series—including most of the demographic data series—are available uninterrupted in the years before, during and after the war.

In the first phase of the study, birth rates in Vienna between 1937 and 1956 were examined.^{52 53} This time span was chosen based on a number of assumptions/factors, but the main consideration was a hope that the very different periods in the country's history would be reflected in the demographic indicator that is important to us.

In the analysis, we have eliminated the variation caused by the length of each month by analysing the average number of births per day rather than the number of births in each month. The number of live and stillbirths was also included in the number of births, since the effect of possible rape could obviously be reflected in all babies delivered.

The time series plotted in Figure 1 shows at least six structural breaks from a statistical point of view. After the Anschluss (1938), there was a sudden sharp rise in the number of births, which turned into stagnation after the outbreak of the war (1939), followed by a sharp decline from 1944 (when the war had already hit the German-Austrian hinterland very hard), a sharp increase from 1946 (after liberation), a significant decline from 1947 (after the onset of new severe food shortages) and then stagnation in the early 1950s (after the economic situation had

51 [ohne Autor], "150 Jahre Statistik Wien - Amtliche Statistik im Wandel", *Statistik Journal Wien* 1 (2013): 1–77.

52 "Ältere Ausgaben des Statistischen Jahrbuchs der Stadt Wien", *Stadt Wien*, geändert am 12. July, 2021, <https://www.wien.gv.at/statistik/publikationen/jahrbuch.html> (Abgerufen am 31. August 2021)

53 The yearbooks of the "Statistisches Jahrbuch der Stadt Wien" and "Jahrbuch der Stadt Wien" from 1937 to 1956 will not be referred to separately in the following. All data not indicated by reference are taken from the Vienna Statistical Yearbooks. All data from the yearbooks, which are digitised in image format, were extracted manually, which can obviously be a source of error, but we have tried to ensure the highest possible accuracy. The referenced data series and the main calculations performed on them are available in .xlsx format on researchgate.net, under the authors' publications. The calculations performed in this article are rather trivial in statistics, so no formulae have been provided, but they can be traced in the .xlsx file.

stabilised). All this in twenty years. With such a high number of structural breaks, decomposition methods of time series analysis are essentially useless, and without the analysis of trend, cycle, seasonal component, and random fluctuation, very few scientifically reliable characteristics can be extracted from the time series. One could break the longer time span into smaller sections, but it is clear that the 1945–46 period is split by a structural break.

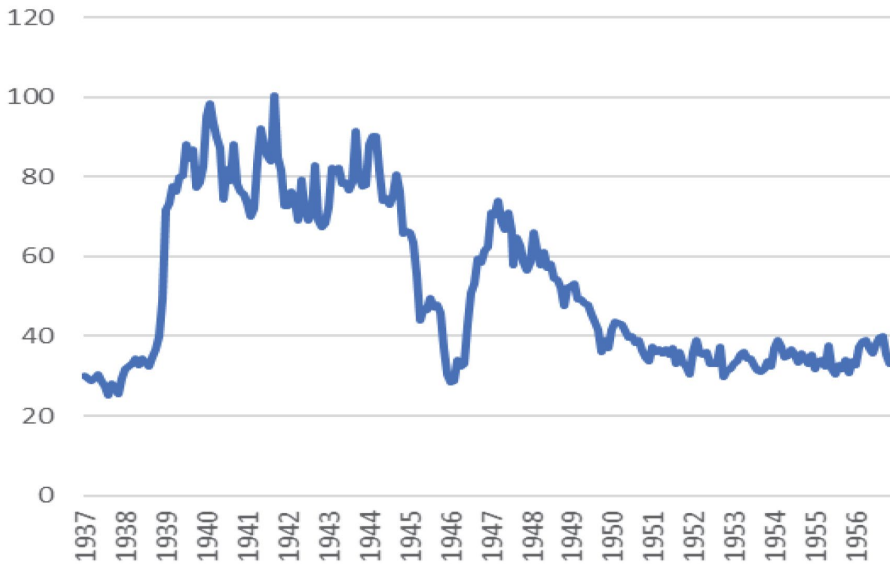

Figure 1. Average births per day (Vienna, 1937–1956)

On both sides of the break, there is a good chance that there is some random effect, which may be related to events during and after the war.

(1) shows the six-degree polynomial trend equation for the time series. A polynomial of higher degree than this would be redundant and cumbersome. The R^2 value of 0.7632 cannot increase significantly for a polynomial of significantly higher degree, and the structural breaks may raise strong doubts about the meaning of the trend calculation anyway.

$$y = 2E-11x^6 - 1E-08x^5 + 3E-06x^4 - 0,0001x^3 - 0,0278x^2 + 2,8675x + 8,4636 \quad (1)$$

where $x = 1, 2, 3 \dots 240$ (the number of months in the period)

Despite our doubts about the legitimacy of the trend calculation, the hypothesized random effect is illustrated quite well by the trendline plot. (Figure 2)

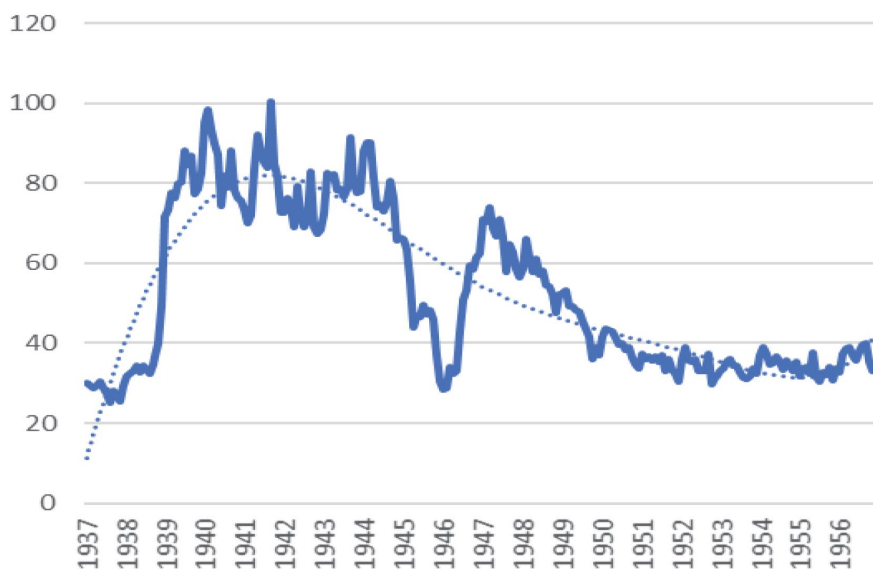

Figure 2. Average daily births and trend (Vienna, 1937–1956)

What could have caused the 1945–46 volatility? Obviously, it is not enough to say that it was the Second World War, the approaching front, or the liberation of the city. We need a more concrete context. But we can say with a fair degree of confidence that it is not the rapes committed by Soviet soldiers that explain the unconventional time sequence over two years, since the Red Army was only present in Vienna from April 1945. The question is whether, over a few months, the Soviet soldiers could have been responsible for the surge in births.

If we accept the assumption that soldiers committed most of their violent crimes during and immediately after the fighting, then, based on the 280-day average gestation period long accepted by the medical profession, we should have seen a breakout in January 1946. If we use the more recently accepted average gestation period of 268 days,⁵⁴

54 A.M. JUKIC, D.D. BAIRD, C.R. WEINBERG, D.R. MCCONNAUGHEY, A.J. WILCOX, “Length of Human Pregnancy and Contributors to its Natural Variation”, *Human Reproduction* 28, no. 10 (October 2013): 2848–55. DOI: 10.1093/humrep/det297

we should perhaps see some significant increase in the time series in December-January 1945.

However, December and January 1945 were a really low point in the number of births. So Pető's statement quoted earlier, and especially her suggestion, is most certainly not true. Still, the rapes committed by Soviet troops could in principle have caused an increase in birth rates, and perhaps some other factor could have counteracted this, but there is no evidence to suggest that. We do not have reliable data on the total number of (illegal) abortions, for example, but it seems realistic to assume that if there were a significant number of pregnancies due to rape, we should see a significant increase in births between December 1945 and January 1946. But the opposite happened. One might also speculate that Viennese doctors may have disguised abortions as miscarriages, but this should be reflected in the statistics of women's deaths during miscarriages, since abortion was a relatively frequent cause of death for women during this period. However, Table 1 shows that in 1945, the "year of war" for Vienna, fewer women died from spontaneous abortion than in 1943 or 1944.

Table 1. Deaths from spontaneous abortion in Vienna (1943-45)

Cause of death	1943	1944	1945
Spontaneous abortion with puerperal fever (<i>Kindbettfieber bei Fehlgeburt</i>)	26	32	24
Spontaneous abortion without puerperal fever (<i>Fehlgeburt ohne Kindbettfieber</i>)	0	5	1

In March 1946, however, there was an increase in births, which was obviously not due to the liberation of the city in April 1945. We believe that these four months, between December 1945 and March 1946, are of great importance in the study of this process, but for the reasons outlined above, it is very difficult to use the time series analysis methods often used. Nevertheless, we can make some contributions to an explanation of the 1946 birth figures.

MARRIAGES AND BIRTHS

In the circumstances of the time, more than two decades before the sexual revolution, it is reasonable to assume that for most Viennese girls the beginning of an intense sexual life basically coincided with marriage, and the period immediately after marriage more often than average led to pregnancy and then childbirth. In addition, abortion had been severely punished in Austria since 1852 and was only legalised in 1975, completing a liberalisation process begun in 1954.^{55 56} We have previously seen that this was temporarily eased for a few weeks in 1945, but we have also assessed the controversial factors involved.

Of course, the evolution of marriage is only one of many factors that shape the data series, and obviously can only affect the birth of the first child. The Vienna Statistical Yearbooks also include the number of marriages by month, so it is possible to examine the correlation between the two sets of data. The correlation of the two series, the daily average of the number of marriages and of the number of births per month, without moving one of the time series, does not make sense, since marriages may have a beneficial effect on births after 9-10 months.

Table 2. Stochastic relationship analysis

9 months of shifting	10 months of shifting
$\alpha = 5\%$ $H_0: r = 0$ $H_1: r \neq 0$ $r = 0.56$ $t_{emp} = 10.26$ $t_{crit} = \pm 1.97$ H_0 is rejected. Stochastic relationship.	$\alpha = 5\%$ $H_0: r = 0$ $H_1: r \neq 0$ $r = 0.54$ $t_{emp} = 9.8$ $t_{crit} = \pm 1.97$ H_0 is rejected. Stochastic relationship.

55 LEOPOLD BREITENECKER, RUDIGER BREITENECKER, "Abortion in the German-Speaking Countries of Europe", *W. Rsrv. L. Rev.* 17 (1965): 553–568.

56 "Bundesgesetz vom 23. Jänner 1974 über die mit gerichtlicher Strafe bedrohten Handlungen", *Bundesrecht konsolidiert: Gesamte Rechtsvorschrift für Strafgesetzbuch, Fassung vom 01.09.2021*, geändert am 16. August, 2021, https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1974_60_0/1974_60_0.pdf (Abgerufen am 1. September 2021)

The correlation coefficient r without shifting the data series is 0.34. However, if the daily average of births is shifted negatively by 9 and then by 10 months, the correlation coefficient r between the two data series increases to 0.56 and 0.54 respectively. So, the relationship is then stronger than medium. The question is of course whether the relationship is stochastic.

The evolution of the number of marriages and births 9-10 months later is not independent of each other, as shown in Table 2, and the explanatory variable is obviously the number of marriages. Therefore, if there is a spike in the number of marriages, there is a good chance that there will be a change in the number of births 9-10 months later. It is not possible to give a precise value, as the time of possible pregnancies after marriage can vary.

It has been outlined earlier that sophisticated methods of time series analysis are useless in our case because of the structural breaks in the entire time series. In such cases, we have to resort to simpler statistical methods, with limited justification. Even chain indices.

Table 3 clearly shows that the chain index of marriages in May 1945 was the highest in the entire data series—1937-56—and ten months later, in March 1946, the chain index of the daily average of births was the sixth highest in the entire data series (from 239 indices).

Since we have already shown a stochastic relationship, we can establish a realistic concept based on the data. Marriages that were cancelled under wartime conditions, and especially during the Battle of Vienna, were implemented by the Viennese in May 1945 (more likely towards the end of the month, based on the data series), which produced a little jump in births in March 1946 due to the honeymoon period.

Of course, this connection does not necessarily provide a completely reliable explanation of the evolution of the numbers, but it seems likely to be the case. The crimes committed by some Soviet and other allied soldiers may have led to an additional increase, but an analysis of one of the few reliable data sets suggests that the number of sexual crimes committed by Soviet and other allied soldiers may have been much lower than the often-quoted “estimates” suggest.

Table 3. Daily average of marriages and births per month in Vienna (1945–46)

Year	Month	Average daily number of marriages	Rank of the daily average of marriages in all months (1937–1956)	Chain index of daily average number of marriages	Rank of the chain index in all months (1937–1956)	Daily average of births	Rank of the daily average of births in all months (1937–1956)	Chain index of daily average number of births	Rank of the chain index in all months (1937–1956)
1945	January	23.1	230	0.59	231	66.0	79	1.00	121
1945	February	23.3	228	1.01	114	63.4	83	0.96	169
1945	March	19.4	237	0.83	191	55.5	98	0.88	227
1945	April	18.2	240	0.94	146	44.1	120	0.79	238
1945	May	49.1	88	2.70	1	46.9	116	1.07	45
1945	June	36.6	170	0.74	211	46.5	117	0.99	124
1945	July	23.2	229	0.64	226	49.5	107	1.07	44
1945	August	20.5	235	0.88	173	47.4	115	0.96	176
1945	September	25.4	221	1.24	46	48.1	112	1.02	96
1945	October	23.4	227	0.92	155	45.8	118	0.95	184
1945	November	26.0	218	1.11	82	37.1	148	0.81	237
1945	December	35.4	176	1.36	29	30.3	225	0.82	236
1946	January	23.0	231	0.65	225	28.5	235	0.94	199
1946	February	30.1	201	1.31	38	28.7	233	1.01	104
1946	March	38.7	157	1.28	41	34.0	184	1.19	6
1946	April	43.2	126	1.12	80	32.5	207	0.96	175
1946	May	43.2	127	1.00	120	33.1	197	1.02	90
1946	June	50.4	77	1.17	67	43.0	124	1.30	2
1946	July	44.0	119.5	0.87	175	50.8	106	1.18	7
1946	August	52.1	64	1.19	62	53.1	102	1.04	70
1946	September	50.8	75	0.97	126	59.5	89	1.12	23
1946	October	56.3	48	1.11	83	58.5	91	0.98	132
1946	November	49.1	87	0.87	174	61.4	87	1.05	57
1946	December	55.7	50	1.13	76	62.5	85	1.02	94

A folyóirat az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának támogatásával jelenik meg

The journal is published with the support of the Eötvös Loránd University Faculty of Humanities

CHRISTIAN RAFFENSPERGER

UK and North American Rusiana,
2000–2020

PIERRE GONNEAU

French and French-Speaking
Contributions
to the Historiography of Rus'
(862–1462)

NORBERT KERSKEN

Research by German-Speaking
Researchers on the History
of the Principalities of Rus'
up to the End of the 15th Century

ADRIAN JUSUPOVIĆ

Medieval Rus' in Polish Research
of the Last Twenty Years

VLADIMIR IA. PETRUKHIN

The Beginning of the Russian State
and Chronicles in the Russian Works
of the 2000–2020s

DMITRII A. BOROVKOV

Problems of Source Study of the
Old Russian Writing Monuments
and Historiography of the Socio-
Political Development of Russia
in the XI–XII Centuries
in the Russian Historical Science
2000–2020

VITALII V. POLITOV

Modern Russian Historiography
of the Era of the Tatar-Mongol
Conquest of Russia (2000–2020)

VADIM ARISTOV

Old Rus' in Ukrainian
Historiography (2000–2020):
Contexts and Achievements

STANISLAV KELEMBET

The 'Legacy of Old Russia'
in her Neighbours' Heritage:
Southern Rus' under the Rule
of Lithuania, Poland and Hungary
in the 1340–1430s.
Contemporary Ukrainian
Historiography (2001–2021)

JÁNOS MAKAI

Hungarian Historiography
of Medieval Rus' (2000–2020)

CSABA GÁL

'The Bomber Regiment in Skirts'
Female Regiment of the Red Army
Air Force during World War II.
The Story of the 588th Night Bomber
Regiment

ZSOLT TÓTH, ADRIENN NOVOTNI

Demographic Reasons for High Birth
Rates in Vienna in March 1946

